

ՄԵՐՁԱՎՈՐ ԵՎ ՄԻՋԻՆ
ԱՐԵՎԵԼԻՔԻ
ԵՐԿՐՆԵՐ
ԵՎ
ԺՈՂՈՎՈՒՐՈՒՄՆԵՐ

XII

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СТРАНЫ и НАРОДЫ
БЛИЖНЕГО
и
СРЕДНЕГО
ВОСТОКА

XII

ТУРЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1985

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՄԵՐՉԱՎՈՐ ԵՎ ՄԻՋԻՆ
ԱՐԵՎԵԼՔԻ
ԵՐԿՐՆԵՐ
ԵՎ
ԺՈՂՈՎՈՒՐՆԵՐ

XII

ԹՈՒՐԹԻԱ

Խմբագրական կոլեգիա

Գ. Խ. ՍԱՐԳՍՅԱՆ (նախագահ), Հ. Գ. ԻՆՃԻԿՅԱՆ (նախագահի տեղակալ)
Ե. Ղ. ՍԱՐԳՍՅԱՆ, Ն. Հ. ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ, Հ. Մ. ԵԳԱՆՅԱՆ, Ե. Խ. ՄՀՈՑԻ,
Ռ. Գ. ՍԱՀԱԿՅԱՆ

Հատորի պատասխանատու խմբագիր՝
Ե. Ղ. ՍԱՐԳՍՅԱՆ

Գիրքը հրատարակության են հաղթավորել գրախոսներ՝ պատմական գիտ. դոկտոր
Ն. Հ. ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆԸ, պատմական գիտ. թեկնածու՝ Հ. Խ. ԹՈՓՈԽՉՅԱՆԸ

Редакционная коллегия:

Г. Х. САРКИСЯН (председатель). О. Г. ИНДЖИКЯН (зам. председателя)
Е. К. САРКИСЯН, Н. О. ОГАНЕСЯН, Г. М. ЕГАНЯН, Ш. Х. МГОИ,
Р. Г. СААКЯН

Ответственный редактор тома
Е. К. САРКИСЯН

THE COUNTRIES AND PEOPLES OF THE NEAR AND MIDDLE EAST
XII
TURKEY

Publishing House of the Akademy of Sciences
of the Armenian SSR
Yerevan—1985

U 0504000000
703(02)—85 30—82

© Հայկական ՍՍՀ ԳԱ հրատարակչություն, 1985

Р. Г. СААКЯН

ФРАНЦИЯ И ТУРЦИЯ В ЛОЗАННЕ*(к дипломатической истории)*

О Лозаннской конференции 1922—1923 гг. существует обширная литература на русском, турецком и западноевропейских языках. Давно стали достоянием гласности и итоги этой конференции, отразившиеся в Лозаннском мирном договоре от 24 июля 1923 г. и ряде двусторонних договоров, соглашений, протоколов и других дипломатических документов, подписанных в те же дни. Советскими историками и востоковедами в целом проанализирован ход и течение этой конференции, борьба, которая велась вокруг нее и на самой конференции. Специально не исследовалась, однако, политика главных творцов «Лозаннского мира», в частности, такой державы, как Франция. Этот пробел возможно объясняется крайней ограниченностью дипломатических документов, доступных исследователям. Лишь отдельным историкам, и то в последние годы, удалось «проникнуть» в турецкие и британские архивы и извлечь некоторые любопытные материалы¹. При отсутствии публикаций из французских и турецких архивов, ценным источником могут служить английские официальные документы, вышедшие в свет лишь в 70-е годы². Эти документальные материалы и были использованы автором для изучения франко-турецких дипломатических отношений накануне и в ходе Лозаннской конференции.

9 сентября 1922 г. турецкие войска вошли в Измир, после чего для главных держав Антанты—Англии, Франции, Италии—стало очевидным поражение греков. Франция, раньше других предугадавшая исход греко-турецкой войны, преследуя свои особые интересы в Турции, тайно и явно стала поддерживать турок. Используя религиозный фактор, как средство запугивания своей ближневосточной соперницы—Англии, французская дипломатия призывала последнюю оказать нажим на Грецию с целью достижения компромиссного соглашения и скорейшего подписания до-

говора. Так, во время встречи министров иностранных дел трех стран в Кэ д'Орсэ 22 марта 1922 г. Пуанкаре указывал на «большие затруднения», которые могли бы возникнуть: «Было бы настоящей катастрофой для каждой из трех держав с такими обширными мусульманскими интересами, если бы им не удалось привести турок к заключению мира»³.

Вместе с тем Франция пыталась разыграть и антисоветскую карту. Выступив вторично на упомянутой встрече, Пуанкаре «напомнил», что «при всех случаях, в наших общих интересах сохранить спокойствие и порядок во всем исламском мире, который большевики пытаются растревожить»⁴. В то же время французы стремились оказать помощь анкарскому правительству путем тайной передачи ему военного снаряжения. В связи с такой «недружелюбной» акцией своей союзницы, Керзон послал Гардингу копию телеграммы британского верховного комиссара в Багдаде государственному секретарю по делам колоний, в которой, в частности, говорилось: «Такая акция была бы не только прямым нарушением политики нейтралитета главных союзников по отношению к греко-кемалистскому конфликту, но она была бы также несовместима с видимостью союзнического сотрудничества и взаимопонимания между Францией и Великобританией на Ближнем Востоке»⁵.

Пуанкаре начисто отверг эти слухи, заявив, что они «абсолютно необоснованны». Более того, он указал английскому послу, что подобный шаг «был бы самоубийственным для их же собственных интересов, так как очевидно, что любое оружие, использованное против англичан в Месопотамии, может быть в конце концов использовано против самих французов в Сирии»⁶.

После взятия Измира, 20 сентября было созвано совещание в Кэ д'Орсэ между председателем совета министров Пуанкаре и британским государственным секретарем по иностранным делам Керзоном, на котором присутствовали также Лярош и Массигли (Франция), Гардинг и Форбс Адам (Великобритания)⁷. Пуанкаре зачитал телеграмму, полученную от генерала Пелле из Смирны, в которой последний сообщал о своей беседе с Кемалем. Пелле «побуждал Кемаля не злоупотреблять своей победой (над греками.—Р. С.) и показать Европе, что турецкое государство, во главе которого он находится, является современным цивилизованным организмом». А Мустафа Кемаль, уверяя Францию в своей дружбе и своем желании избежать конфликта с союзниками (т. е. с державами Антанты.—Р. С.), в то же время заявил, что он «сейчас не может удержать свои войска от оккупации всех территорий, охваченных в Национальном обете»⁸. Исходя из этого, Пуанкаре внушал необходимость скорейшего созыва мирной конференции. Он не забыл еще раз напомнить о том, что «Франция—мусульман-

ская держава и не может пренебречь той серьезной обстановкой, которая создалась во всех ее мусульманских колониях». При этом Пуанкаре сослался на телеграмму из Туниса, в которой сообщалось, что в связи с победой турок М. Кемалю было направлено множество поздравительных телеграмм⁹.

В эти же дни чрезвычайно активную деятельность развернул подписавший Анкарский договор 1921 г. Анри Франклен-Буйон, который из Парижа отправил телеграмму М. Кемалю, советуя ему ничего не предпринимать до его приезда в Измир¹⁰. В то же время французское правительство заверяло, что Франклен-Буйон не уполномочен предлагать какие-либо дополнительные условия¹¹.

О содержании бесед Франклен-Буйона с Кемалем мы узнаем из донесения, в котором Рембольд, ссылаясь на генерала Гаррингтона, сообщал Керзону, что «он (Франклен-Буйон.—Р. Г.) представил позицию союзных правительств с такой стороны, что поощрил националистов с их претензиями». А еще до этого Рембольд отмечал: «Из одного хорошо информированного источника я узнал, что он (Франклен-Буйон.—Р. С.) обязался, что Франция окажет на конференции поддержку в деле полной реализации Национального пакта, включая полную отмену капитуляций, которые задевают здесь французские интересы, принимая во внимание большие суммы вложенного капитала, точно так же, как и британские»¹². И не случайно, что во время переговоров в Мудании, которые начались 3 октября 1922 г., турецкие представители, «втайне поддерживаемые французами»¹³, заняли очень твердую и неуступчивую позицию и отвергли крайние требования английских делегатов.

Новую активность проявила французская дипломатия и после подписания 11 октября Муданийского перемирия. Не случайно, что турки приняли приглашение направить своих представителей на мирную конференцию «после того, как Франклен-Буйон заверил их, что мирные переговоры начнутся немедленно»¹⁴. Французские дипломаты продолжали поддерживать свои особые, «внесоюзнические» контакты с турецкими коллегами. Франклен-Буйон даже обещал туркам, что именно он будет представлять Францию на предстоящей конференции. Узнав об этом, и хорошо зная о явных туркофильских настроениях Франклен-Буйона, Керзон сделал все возможное, чтобы последний не поехал в Лозанну¹⁵.

Вместе с тем до открытия конференции Франция демонстрировала свою солидарность и единство с ближайшей союзницей—Англией. «Абсолютно важно,—говорил Пуанкаре,—чтобы правительство Его Величества и французское правительство сохранили единый фронт во всех вопросах перед лицом невыносимых требований «турок»¹⁶. В то же время Пуанкаре торопил англичан с открытием конференции, предупреждая, что «всякая отсрочка может вызвать катастрофу»¹⁷.

Профессор Сониел признает, что турки знали, что они «могут полагаться на помощь России и мусульманских стран на Востоке и на помощь Франции, а возможно и Италии—на Западе»¹⁸.

После достижения договоренности о созыве конференции в Лозанне, Пуанкаре пригласил в Париж в качестве своего гостя Исмета, находившегося перед отъездом в Лозанну в Стамбуле, с целью прощупать настроения и намерения турок, однако он своего не добился. Правда, Исмет принял это приглашение и прибыл в Париж 13 ноября 1922 г., но в беседах с ним Пуанкаре не удалось узнать ничего нового. «Оба они стремились определить силу друг друга, подобно двум борцам перед выходом на ковер»¹⁹. Тогда Пуанкаре попытался выяснить турецкую позицию через Франклен-Буйона, но Исмет «ничего не разгласил»²⁰.

В день открытия Лозаннской конференции, 20 ноября 1922 г., Керзон сообщал Кроуву, что французы и турки остановились в одной и той же гостинице, и что «контакт между ними постоянный и тесный»²¹.

Первая деловая встреча делегаций состоялась 21 ноября. Были созданы три основные комиссии: по территориальным и военным вопросам—председатель лорд Керзон; режиму иностранцев и меньшинств в Турции—председатель маркиз Гаррони; финансовым и экономическим вопросам—председатель Камилл Баррер²².

Территориально-военная комиссия начала свою работу с обсуждения вопроса о границах Турции в Европе. Дискуссии по этому вопросу начались на заседании 23 ноября. Турецкая делегация потребовала восстановления довоенной границы Турции в Европе (во Фракии) от Черного моря до долины реки Марицы, а также проведения плебисцита в Западной Фракии. Франция вместе с Италией поддержала позицию Керзона, который наотрез отказался от проведения плебисцита в Западной Фракии, считая, что у турок нет никаких прав на этот район²³.

Упомянутая комиссия перешла затем к обсуждению вопроса о Мосуле, который непосредственно интересовал лишь две страны—Англию и Турцию. По этому вопросу Исмет еще 26 ноября имел частную беседу с Керзоном, сообщив ему о том, что он намерен потребовать возвращения Мосула Турции²⁴. На первых встречах турки и слышать не хотели о другом варианте решения Мосульского вопроса. Исмет заявил Керзону, что «он никак не может вернуться обратно в Ангору без Мосула»²⁵. Из опубликованных новых документов Форин-оффиса стало известно, что Турция готова была «даже порвать с Советами», если бы Англия согласилась на передачу ей Мосульского вилайета²⁶.

Основной же заботой Керзона было окончательное решение вопроса о Мосуле, т. е. безоговорочное сохранение Мосула в составе подмандатного Ирака. Турки прилагали максимальные уси-

лия для урегулирования конфликта в свою пользу. Когда в январе 1923 г. переговоры по этому вопросу зашли в тупик, Анкара попыталась сблизиться с французским правительством для получения поддержки, но безуспешно²⁷. «Франция и Италия,—писал Г. В. Черчин,—отошли в сторону и предоставили Англии одной торговаться в этом вопросе»²⁸.

И все же французская дипломатия, несмотря на свои вынужденные тактические уступки Англии, вызванные осложнениями в Руре и необходимостью получения английской поддержки, в целом продолжала линию поиска договоренности с турками, исходя из своих интересов в Турции. 4 января Керзон сообщал Кроуву, что, по-видимому, Франция получила определенные заверения в признании и сохранении за ней довоенных концессий²⁹. А 1 февраля Керзон с возмущением писал Линдсею о том, что Пуанкаре, не поставив в известность ни английское правительство, ни делегации союзных держав, направил 30 января М. Кемалю телеграмму, в которой давал знать, что Франция намерена вести отдельные переговоры с Турцией в случае, если союзники будут неспособны подписать всеобщий мир³⁰. Далее говорилось, что своей позицией Франция ободряет турок и оказывает им потенциальную поддержку³¹.

По предложению Керзона британское правительство направило Франции 3 февраля ноту протеста, в которой, в частности, говорилось: «Правительство Его Величества не находит возможным обойти молчанием акцию французского правительства, которую оно рассматривает не иначе, как шаг, подрывающий совместные усилия союзников и подвергающий опасности перспективы мира, выработанные в течение прошедших месяцев в Лозанне»³². «Ответственность за подобную катастрофу и ее неизбежные последствия для отношений между Францией и Великобританией полностью будет ложиться на французское правительство»,—говорилось далее³³. Однако эта угроза Керзона не имела должного воздействия на Францию, которая добивалась соглашения любой ценой. Французский дипломат Жорж Бонне, долгие годы проработавший вместе с Пуанкаре, также указывает на отдельные шаги и советы, которые последний давал туркам. Когда Керзон представил Исмету условия мира и потребовал в течение 4 дней сообщить о своем согласии подписать договор, Пуанкаре дал понять ему, что «мирный договор—это не ультиматум, и что у него полная возможность не соглашаться с этим»³⁴. Тогда Керзон напомнил Пуанкаре, что еще 5 сентября 1914 г. союзники взяли на себя обязательство не заключать отдельного мира, на что последний ответил, что эта договоренность была в силе только в период войны, и что Франция вольна действовать так, как ей заблагорассудится³⁵.

И все же Франция, будучи сильно зависимой от Англии в европейских делах, не могла идти наперекор акциям своей бывшей союзницы, особенно в тех вопросах, которые имели антисоветский аспект. Так, при обсуждении вопроса о проливах, представляющего жизненный интерес для советских республик (России, Украины, Грузии), французский делегат Баррер поддержал английскую позицию, которая заключалась в требовании полной свободы прохода через проливы военных кораблей, а также вооруженных судов и военной авиации, в ущерб безопасности черноморских государств.

В то же время, добиваясь соглашения с турками любой ценой, французы предлагали Керзону направить в Анкару генерала Пелле «для консультаций»³⁶. Они внушали Керзону, что так как турки не подписывают договор, то союзники должны предложить им другой, более приемлемый проект³⁷.

Протурецкая линия поведения французских дипломатов проявилась и в вопросе национальных меньшинств, который дискутировался на ряде заседаний территориально-военной комиссии в течение декабря 1922—января 1923 гг. Следует отметить, что к этому времени французское общественное мнение высказало свое отношение к так называемому армянскому национальному очагу, на уровень которого был низведен вопрос о судьбах Западной Армении и сотен тысяч беженцев, рассеянных по всему миру в результате политики геноцида. По инициативе известного ученого, профессора Коллеж де Франс Антуана Мейе 8 декабря в адрес Лозаннской конференции было направлено воззвание, которое приводим полностью: «Ужасающее положение, в котором в настоящее время находится армянское население Турции, является позором для цивилизованного мира.

Со времени Берлинского конгресса, на котором турецкое правительство обещало ввести реформы в дело управления армянскими провинциями Империи и где шесть европейских держав обязались проследить за их выполнением, это несчастное население, кроме резни, ничего не получило.

В период войны союзники торжественно заявили, что освобождение Турецкой Армении является одной из целей борьбы, которую они вели. Статья 22 пакта Лиги наций и решения, принятые союзными правительствами после победы, закрепили это обещание; Лига наций своими многочисленными резолюциями, принятыми единогласно, подтвердила необходимость сохранения будущего армянской нации путем создания национального очага, который был ей обещан. Эти обещания, однако, еще не выполнены, и армянский народ испытал бедствия гораздо более тяжкие, чем те, которые обрушились на него перед войной. В результате преданности

делу союзников в течение восьми лет погибло более одного миллиона двухсот тысяч армян, став жертвой избиений, депортаций, эпидемий и голода. Оставшиеся в живых вынуждены были покинуть родную землю и бежать в разные страны; более 600 тысяч несчастных находятся без крыши над головой, под тентами, в барачных лагерях, лишённые поддержки в результате того, что все трудоспособные мужчины были задержаны и сосланы вглубь страны. Гуманность и справедливость, честь союзников и интересы самих турок требуют положить конец этим мукам Армении и создать безотлагательно национальный очаг с тем, чтобы толпы беженцев смогли там собраться и жить в безопасности.

Интеллектуальная элита Франции всегда поддерживала дело этого древнего, трудолюбивого и миролюбивого народа, друга литературы и искусств, народа, который на протяжении веков оказал так много услуг цивилизации. Поэтому одной из главных задач Лозаннской конференции должно быть принятие необходимых мер для обеспечения его существования и для сохранения его национальной культуры. Мы твердо надеемся, что представители Франции и других стран, принимающих участие в конференции, дадут этому вопросу столь высокой моральной значимости то справедливое решение, которого требует совесть человечества. Париж, 8 декабря 1922 г.»³⁸.

Под этим воззванием поставили свои подписи 75 представителей французской общественности во главе с Анатолем Франсом, в том числе 16 академиков, 15 сенаторов и членов Палаты депутатов Франции, редакторы ряда газет и журналов, известные писатели—члены Гонкуровской академии и др.³⁹

12 декабря состоялось заседание упомянутой выше комиссии, посвященное правам национальных меньшинств. Открывая заседание, Керзон напомнил о принципиальном согласии Турции на гарантию прав национальных меньшинств и, указав на заинтересованность союзных держав в их судьбе, призвал турецкую делегацию «серьезно обдумать проблему меньшинств»⁴⁰. Перейдя затем к армянам, он отметил, что «армянское население Карса, Ардагана, Вана, Битлиса и Эрзерума фактически исчезло» и «остается лишь около 130.000 армян в Турецкой Армении, из населения, ранее насчитывавшего около 3.000.000 человек». «Поэтому-то и просят, что уже многократно делалось,—лицемерно восклицал английский дипломат,—чтобы Турция нашла для армян в какой-либо части своей азиатской территории, в северо-восточных провинциях, либо на юго-восточных границах Киликии и Сирии, центр желаемой ими группировки»⁴¹.

Еще более «показательной» была речь, которую произнес на заседании председатель французской делегации Баррер. «Фран-

ции,—похвастался он,—всегда удавалось сочетать усилия, прилагавшиеся ею в течение веков в целях улучшения положения всех народов Востока с дружеским отношением к Оттоманскому правительству». Призывая затем Турцию оценить должным образом значение национальных меньшинств для экономической жизни страны, Баррер демагогически выдвинул ничего не значащую просьбу, а именно: чтобы «оттоманские подданные армяне, потерпевшие во время войны столь сильный урон и подвергшиеся столь тяжким страданиям, заняли значительное место в наших заботах о справедливом отношении ко всем без различия меньшинствам»⁴² (подчеркнуто мною.—Р. С.). Это и подобные словесные заявления западных дипломатов не могли, конечно, иметь какое-либо воздействие на представителей анкарского правительства. В своем простом ответном слове Исмет категорически отверг просьбу о предоставлении армянам, насильственно выселенным из родных мест, какого бы то ни было «национального очага», аргументируя свой отказ тем, что это «повлечет за собой расчленение Турции, и что это несовместимо с национальным суверенитетом»⁴³. Более того, он не постеснялся заявить, что «до половины XIX в. армяне жили в Турции мирно и свободно»⁴⁴, и лишь после того, как «Россия... через Эчмиадзинского католика подстрекнула армянских интеллигентов России создать противотурецкое движение между их русскими и оттоманскими единоверцами», положение ухудшилось⁴⁵. Кончил Исмет свою по сути дела обвинительную речь изложением официальной турецкой версии: «Ответственность за все бедствия, которым подвергался армянский элемент в Оттоманской империи, падает, таким образом, на него самого, так как правительство и турецкий народ только прибегали, во всех без исключения случаях, к репрессивным мерам или к репрессалиям лишь тогда, когда их терпение истощалось»⁴⁶. И хотя Керзон высмеял аргументацию турецкого делегата, спросив, «как случилось, что три миллиона армян, живших в Малой Азии, уменьшились до 130.000? Покончили ли они самоубийством или добровольно исчезли?», дело дальше этого вопроса не пошло. Правда, в опубликованных за последнее десятилетие новых томах «Документов внешней политики Великобритании» помещена дипломатическая переписка, могущая ввести в заблуждение неискушенного читателя показом «последовательности» Керзона в отстаивании интересов бездомных армян, но все это делалось «для истории», для оправдания себя в глазах будущих поколений⁴⁷. С другой стороны, эти документы вновь выявляют те острые противоречия, которые имелись между двумя бывшими союзницами в их ближневосточной политике. Так, в 18-м томе приводится ответ Керзона на письмо Исмета-паши от 25 декабря 1922 г., которое не публикуется в документе. В

своем ответе Керзон указывает, что он отвечает Исмету не только от своего, но и от имени своих коллег—Баррера и Гаррони, которые отсутствуют. В этом ответе Керзон «обосновывал» необходимость выслушать представителей болгарского правительства и армянской общины, ссылаясь на решение подкомиссии по вопросу меньшинств⁴⁸. В то же время он отмечал, что турецкие представители отказались, не представив никаких доводов.

В своем письме Керзону его заместитель Кроув отмечал в этой связи, что «турецкое упрямство», возможно, является результатом изменения французской позиции и поэтому предлагал поставить перед Францией определенный вопрос: «Присоединяетесь ли Вы к нам, чтобы воспрепятствовать силой турецкому продвижению?». «Если они ответят отрицательно,—продолжал Кроув,—тогда мы должны заявить, что не будем воевать одни и целиком выведем свои войска, даже из района Галиполи»⁴⁹.

Никакие угрозы, однако, не были предъявлены французам, да они и не могли повлиять на позицию турок, весьма ловко и гибко играющих на англо-французских противоречиях.

9 января 1923 г. Керзон сообщал Кроуву, что в ответ на его постановку вопроса об армянских, ассиро-халдейских и болгарских беженцах «Исмет-паша снова категорически отказался даже обсудить идею о национальном очаге для армян или любых других меньшинств...»⁵⁰.

Единственной державой, которая могла выступить с защитой прав национальных меньшинств, была страна Советов, однако западные империалистические державы не допустили ее к участию в обсуждении этого вопроса. В связи с этим, народный комиссар иностранных дел Советской России Г. В. Чичерин направил председателю международной филармянской лиги Эдуарду Невилю письмо, датированное 26 января 1923 г., в котором говорилось, что на Лозаннской конференции Россия, Украина и Грузия были устранены от обсуждения армянского вопроса, «несмотря на то, что лишь их участие могло действительным образом содействовать благоприятному решению этого вопроса»⁵¹.

А на следующий день, 27 января 1923 г., делегаты трех советских республик направили председателям Лозаннской конференции ноту следующего содержания: «Российско-Украинско-Грузинская делегация, несмотря на то что она была произвольно устранена от обсуждения почти всех вопросов, рассматривавшихся на конференции, всегда тем не менее полагала, что представляемые ею страны по существу дела могут содействовать действительным образом разрешению этих вопросов. Среди проблем, которые не могли получить разрешения в Лозанне вследствие исключения России и ее союзников, может быть упомянут вопрос о судьбе армянского населения.

Российско-Украинско-Грузинская делегация, несмотря на негодование, вызванное в странах, которые она представляет, вследствие ненормального положения, в которое ее поставили в Лозанне, считает необходимым довести до сведения гг. Председателей конференций, что Правительства России и Украины имеют в виду расселить на своих территориях значительное число армянских беженцев, количество коих должно быть еще определено. Подробности этого вопроса должны быть обсуждены между этими Правительствами, с одной стороны, и ответственными представителями армян—с другой.

Российско-Украинско-Грузинская делегация считает долгом добавить, что она уведомила о вышеизложенном американскую миссию на Лозаннской конференции и другие заинтересованные круги»⁵².

В день временного разрыва переговоров—4 февраля 1923 г.—делегация Великого национального собрания Турции вручила председателям британской, французской и итальянской делегаций на Лозаннской мирной конференции письмо, в котором, в частности, говорилось: «Вопрос о национальных меньшинствах, который является очень важным, особенно для Турции, был решен согласно желанию союзных держав в результате дискуссий, где мы всегда были расположены примирительно»⁵³.

По возобновлении же конференции 23 апреля 1923 г. вопрос о меньшинствах и главным образом о правах изгнанных из своих родных мест армян, дважды поднимался на заседаниях территориально-военной комиссии. 4 июня, при обсуждении параграфа, касающегося возвращения беженцев-армян, вынужденных массами покинуть Турцию в течение 1921—1922 гг., французский делегат генерал Пелле высказался за распространение на них амнистии, указав, в частности, что Сирия дала убежище около 100.000 армян. В ответ на это Исмет повторил турецкую версию о том, что отдельные армяне могут вернуться в Турцию, но «просьба о допущении к возвращению 100.000 армян совершенно меняет вопрос; она имеет прямое отношение к безопасности государства»⁵⁴ (подчеркнуто мною.—Р. С.). На заседании же 17 июля Пелле присоединился к пустому предупреждению своего английского коллеги Горация Ремболяда, что в случае отказа Турции принять на своей территории сотни тысяч изгнанных собственных подданных, «на нее обрушится критика всего цивилизованного мира»⁵⁵. При этом он напомнил, что, начиная с 4 июня, он обращал внимание турецкой делегации на положение многочисленных турецких подданных, особенно армян, покинувших свои очаги после вывода из Киликии французских войск⁵⁶. Однако турки, правильно оценив истинный вес словесных упражнений представителей трех союзных держав, заявили устами Исмета-паши,

что «турецкая делегация изложила во время предыдущих собраний свою точку зрения по поводу *армянских эмигрантов* (подчеркнуто мною.—Р. С.). Она полагает, что не представляет интереса вновь возвращаться к этому вопросу»⁵⁷.

Таким образом, рассмотрение вопроса о национальных меньшинствах и, в частности, армянского вопроса, на конференции в Лозанне лишний раз выявило двурушническую и вероломную по отношению к угнетенным народам бывшей Османской империи политику западных империалистических держав, преследовавших в этом торге свои конкретные цели. С другой стороны, именно в Лозанне наиболее ярко проявилась шовинистическая политика Турции по отношению к армянам, грекам, курдам, ассирийцам и другим нетурецким народам, хотя ее представители фарисейски заявляли, что они признают «право на самоопределение *всех* народов, проживающих на земном шаре»⁵⁸ (подчеркнуто мною.—Р. С.).

Говоря о Лозаннской конференции, французский исследователь истории геноцида армян Жан-Мари Карзу совершенно справедливо замечает, что «в Лозанне, и это находится в соответствии с устремлениями Национального пакта января 1920 г., нет ничего для Турецкой Армении. Ничего! Ни независимости, ни мандата, ни национального очага, ни специфического статуса, ни автономии; Ничего! Нет даже добрых старых реформ 1914 г. И этот последний международный договор по этому вопросу был составлен точно таким образом, как будто никогда не существовало ни армян, ни Армении к западу от Арарата»⁵⁹.

Турецкая дипломатия взяла верх и при определении прав иностранцев в Турции. Исмет заявил, что «правительство Великого национального собрания Турции в состоянии обеспечить иностранцам все гарантии справедливого правосудия и следить за их претворением в жизнь при полном отпавлении своего суверенитета и без всякого иностранного вмешательства. Оно равным образом расположено к тому, чтобы приступить к изучению вопроса для внедрения тех из реформ, которые оправдали бы прогресс нравов и цивилизации»⁶⁰.

В напряженной обстановке, очень остро проходили в Лозанне заседания, где обсуждались вопросы о капитуляциях, Оттоманском долге, финансово-экономические статьи проекта договора. Наиболее заинтересованной из западных стран здесь была Франция, которая насколько легко отказалась от своих обязательств по отношению к христианским народам Турции и, в частности, Киликии, настолько же упорно отстаивала свои привилегии, полученные ею в Османской империи. При этом французское правительство надеялось на частное рассмотрение этих вопросов с турками. Была даже идея отправки в Анкару генерала Пелле в сопровождении одного из финансовых экспертов в Лозанне. Керзон узнал и воспро-

тивился подобному сепаратному шагу французов. Несмотря на это, Бомпар стал добиваться секретных встреч с турками. Однако, как замечает Соннел, «его усилия послужили лишь тому, что они ободрили турок, которые рассчитывали на американскую поддержку в обмен на нефтяные концессии»⁶¹. При обсуждении вопроса о капитуляциях на заседании 2 декабря 1922 г., французский делегат Баррер поддержал предложение Гаррони о замене режима капитуляций системой гарантий, пытаясь обосновать такое «компромиссное» решение вопроса «выгодностью» привлечения иностранного капитала в Турцию⁶².

В вопросе о капитуляциях турки остались непреклонны, т. е. отказались признать капитуляции в какой бы то ни было форме, а в турецкой прессе началась кампания, направленная против Франции. «Ныне Париж, а не Лондон, является препятствием к миру», — писала «Илери»⁶³.

Особенно сильное противодействие турок вызывали попытки сохранить юридические капитуляции. 16 января Исмет написал Керзону и прибывшему в Лозанну американскому послу в Риме Чайльдсу, что «Турция никогда не сможет согласиться с юридической системой, отличной от тех, которые находятся в силе в других странах»⁶⁴. В такой же категорической форме ответил полковнику Мужену в Анкаре председатель совета министров Хусейн Рауфбей, который добавил, что «Великое национальное собрание не имеет никакой власти признать юридические капитуляции»⁶⁵.

Сам Кемаль заявил журналистам в Измире, что французские и итальянские делегаты, создавая затруднения в юридических и финансовых капитуляциях, составляют с британской делегацией в действиях, направленных против турецких интересов⁶⁶. Он угрожал французам турецкой интервенцией в Александrette и стал подстрекать Сирию на борьбу за определение своей собственной судьбы⁶⁷. В период же между возобновлением работы конференции анкарское правительство предприняло ловкий дипломатический ход для «устрашения» французов. 9 апреля 1923 г. Великое национальное собрание Турции приняло решение о предоставлении концессий на строительство железных дорог, портов и на эксплуатацию недр двум заокеанским бизнесменам — американцу Артуру Честеру и канадскому полковнику Клейтону Кеннеди. Этот шаг, явно затрагивавший интересы французских капиталистов в Турции, вызвал страшное недовольство и протесты во Франции. Газета «Матэн» устами известного журналиста Пертинакса выступила с требованием «показать Ангоре, что Франция не боится конфликта и готова принять вызов»⁶⁸. Генерал Пелле заявил, что этим актом прямо нарушаются французские права, завоеванные до войны, но это заявление не произвело никакого эффекта на турок. Последние стали оправдывать свою акцию тем аргументом, что «пред-

оставленные французам концессии не имеют законной силы, так как их условия не были обсуждены с Великим национальным собранием Турции»⁶⁹.

Очень острые споры возникли и при обсуждении вопроса оплаты довоенных долгов и в первую очередь Оттоманского долга. Во всех финансовых статьях договора больше всех была заинтересована Франция, как крупнейшая из всех турецких кредиторов. Финансовая задолженность ей со стороны турецкого правительства в начале 1914 г. составляла 940 млн. золотых франков⁷⁰. При этом французы требовали, чтобы ежегодное погашение производилось не по курсу бумажного франка, а в золотых франках⁷¹. Исмет-паша спросил французов: а вы платите золотом проценты по своим долгам? На это последовал ответ, что право Франции вытекает из ее победы; оно не может быть сопоставляемо с положением побежденной Турции⁷². Этот ответ не имел, однако, никакого воздействия на турок. Исмет-паша руководствовался строгими инструкциями из Анкары не соглашаться платить золотом⁷³. «Если бы Турция,—заявил он,—приняла экономические положения договора, как они ныне предложены союзниками, то она была бы поставлена в положение экономического рабства»⁷⁴.

Переговоры зашли в тупик. Французское правительство потребовало от своих представителей убедить делегатов союзных держав представить туркам что-то вроде ультиматума, однако англичане на это не пошли⁷⁵. В конечном счете французы вынуждены были шаг за шагом отступать от своих позиций. «Франция никогда не представляла себе,—писал один из французских журналистов, ранее поддерживающих турок против англичан,—что этот мир может быть заключен за ее счет»⁷⁶.

11 июня Рембольд сообщил Керзону, что его французский коллега передал ему телеграмму своего правительства относительно вопросов, оставшихся еще неразрешенными: французское правительство соглашается сразу же после ратификации Турцией мирного договора начать эвакуацию своих войск, которая завершится в течение двух месяцев. Французы возражают против возвращения «Гёбена» туркам, считая, что такая уступка могла нарушить морской баланс в бассейне Восточного Средиземноморья. Однако если британская делегация готова передать крейсер туркам, они не будут чинить препятствий этому⁷⁷.

При определении границ Сирии с Турцией турецкая делегация согласилась отказаться от своего требования подтвердить в Лозаннском мирном договоре Анкарское соглашение 1921 г. при условии, что французская сторона соответствующей декларацией и сопроводительным письмом подтвердит действительность этого соглашения⁷⁸. Дав согласие на это, Исмет потребовал, чтобы сирийская граница определялась в соответствии с первоначальным

текстом союзных держав. Генерал Пелле, возглавлявший французскую делегацию на заключительной стадии второго этапа переговоров в Лозанне, заявил, что, не желая вызвать раздражения турок, французская делегация предлагает отредактировать параграф, касающийся Антиохии и Александретты следующим образом: «Положения настоящей статьи (16-й.—*Р. С.*) не носят в себе посягательства на те частные оговорки, которые внесены и могут быть внесены Турцией и пограничными странами в виду их соседства»⁷³. Турецкая делегация дала согласие на такую формулировку.

Таким образом, при критическом рассмотрении истории франко-турецких дипломатических контактов и конкретных действий этих стран накануне и в ходе Лозаннской мирной конференции 1922—1923 гг. в свете новых документов и фактов, можно сделать некоторые выводы и обобщения.

1. Политика Франции в Лозанне была подчинена по крайней мере двум факторам: 1) ее европейской политике, в аспекте зависимости от своей ближневосточной соперницы Англии в вопросах, касающихся ее взаимоотношений с побежденной, но не сломленной Германией; 2) ее задаче максимального сохранения своих прав и привилегий в рухнувшей Османской империи, восстановления своих экономических и финансовых позиций в этой стране и получения своих долгов.

2. Зависимость Франции от Англии в период Лозаннской конференции настолько возросла в связи с осложнениями, вызванными вводом французских войск в Рурскую область, что французская дипломатия, несмотря на ряд попыток сепаратного сговора с Турцией, в целом потерпела поражение в своем соперничестве с английской дипломатией: поддержав Англию в главных для последней вопросах—Мосульском и Пролизов, Франция взамен ничего не получила.

3. Французская дипломатия проиграла и турецкой дипломатии: поддержав тайно и явно Анкару в греко-турецкой войне в надежде на сохранение капитуляций, своих исключительных привилегий и на достижение новых выгодных позиций в послевоенном турецком хозяйстве, Франция «специально» ничего не получила, а потеряла очень много по сравнению с тем, что она имела в Турции до войны.

4. Руководствуясь устремлениями капиталистических монополий, правящие круги Франции, в погоне за компромиссными соглашениями с анкарским правительством, легко и откровенно принесли в жертву этой своей политике интересы угнетенных народов Османской Турции. В Лозанне они окончательно отказались от тех своих письменных обязательств и заверений по отношению к правам национальных меньшинств, которыми они долгие годы обманывали угнетенные народы Империи.

5. Особенно остро ощущено сказалась эта политика Франции на судьбе армянского населения Турции, пережившего страшный геноцид 1915 г., в результате которого только в 1915—1922 гг. погибло около 1,5 млн. армян. Надежды оставшихся в живых и вернувшихся в Киликию и другие родные им места армян рухнули в первую очередь из-за коварной политики тогдашних правителей Франции, способствовавшей продолжению кемалистами шовинистической политики младотурок в национальном вопросе. В этой связи профессор А. Н. Мандельштам метко замечает, что одним из пороков Лозаннского договора явилось «отсутствие в нем всяких санкций за акты, направленные против прав человека, совершенные турками в период мировой войны, равно как и отсутствие каких-либо оговорок о восстановлении в правах лиц и о возврате имущества»⁸⁰.

6. При оценке французской политики в Лозанне следует неизменно учитывать ее антисоветский аспект. Наиболее враждебной линии по отношению к Стране Советов в этот период придерживалась именно Франция, которая всячески старалась помешать советско-турецкому сближению. Опасением такого сближения отчасти объясняются те шаги французской дипломатии, которые преследовали цель использовать проимпериалистически настроенные круги турецкой буржуазии для ухудшения советско-турецких отношений.

7. Турецкая дипломатия сумела воспользоваться в своих интересах англо-французскими острыми противоречиями, в частности зависимостью Франции от своей сильной соперницы—Англии, и разрешить в свою пользу наиболее важные вопросы, добившись полной отмены режима капитуляций во всех его проявлениях, отмены финансового и всякого другого контроля со стороны империалистических держав, сохранения государственного суверенитета и фактической целостности территории потерпевшей крах Османской империи, за исключением тех ее частей, которые кемалистская Турция никак не могла отстоять.

8. В Лозаннском договоре нашел свое отражение и успех кемалистской Турции в вопросе определения дальнейшей судьбы угнетенных народов Османской империи. Турция добилась своей заранее поставленной цели—помешать возвращению в страну законных граждан, насильственно изгнанных из своих родных мест, либо вынужденных временно покинуть страну под страхом физического истребления.

9. Несмотря на уступки Турции империалистическим державам в ряде вопросов, в частности в вопросе Проливов, в ущерб интересам черноморских государств, в целом турецкая дипломатия добилась очень крупного успеха в Лозанне. Поэтому нельзя согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что Турция вела на Лозаннской конференции ошибочную политику уступок и угодничества перед Англией и Францией.

ՖՐԱՆՍԻԱՆ ՈՒ ԹՈՒՐԿԻԱՆ ԼՈՋԱՆՈՒՄ

(ղիվանագիտական պատմության շուրջը)

Ա մ փ ո փ ու մ

1922—23 թթ. կայացած Լոզանի կոնֆերանսի մասին ստեղծվել է զգալի գրականություն ուսերեն, թուրքերեն և արևմտանվորական լեզուներով: Սակայն առանձին ուսումնասիրության առարկա չի դարձել մասնավորապես Ֆրանսիայի քաղաքականությունը: Դա բացատրվում է թերևս սկզբնաղբյուրների պակասով: Միայն վերջին տասնամյակում որոշ պատմաբանների հաջողվեց թափանցել թուրքական ու անգլիական արխիվները և հետաքրքիր փաստաթղթեր հրապարակել: Մյուս կողմից, միայն 70-ական թվականներին հրապարակվեցին «Մեծ Բրիտանիայի արտաքին քաղաքականության փաստաթղթեր» մատենաշարի այն հատորները, որոնք վերաբերում են ուսումնասիրվող ժամանակաշրջանին: Այդ փաստաթղթերի արժեքն ավելի կարևոր է դառնում, եթե նկատի ունենանք, որ ց'այսօր ֆրանսիական և թուրքական ղիվանագիտական փաստաթղթերը հրապարակված չեն: Սույն հոդվածում վերլուծելով ու քննադատորեն օգտագործելով վերոհիշյալ անգլիական փաստաթղթերը, ինչպես նաև արխիվային նյութեր ու օտարալեզու գրականություն, հեղինակը հանգում է այն եզրակացության, որ Լոզանի կոնֆերանսում Ֆրանսիան, ձգտելով առավելագույն չափով պահպանել իր առանձնահատուկ դիրքն ու շահերը թուրքիայում, այդ նպատակին զոհաբերեց օսմանյան լծի տակ ընկած ժողովուրդների՝ հայերի, հույների, քրդերի, ասորիների և մյուսների արդարացի պահանջները, թեև փոխարենը շատ բան շատացավ: Թուրքական ղիվանագիտությունը, հատորեն օգտագործելով անգլո-ֆրանսիական սուր հակասությունները, իր օգտին լուծեց ոչ միայն ազգային, այլև մի շարք կարևոր այլ հարցեր. կապիտուլյացիաների լիակատար վերացում, փլուզված Օսմանյան կայսրության տարածքի առավելագույն պահպանում, սուլթանական պարտքերի վճարման հետաձգում և այլն: Այսպիսով, Լոզանի կոնֆերանսում և նրա «պսակը» հանդիսացող հաշտության պայմանագրում ու ղիվանագիտական այլ փաստաթղթերում իր արտացոլումը գտավ արևմտյան իմպերիալիստական տերությունների, առաջին հերթին Անգլիայի ու Ֆրանսիայի խարդախ և քեմալական թուրքիայի ազգայնամուլ, այլազգի ժողովուրդների նկատմամբ թշնամական քաղաքականությունը:

- 1 См., например: *A. N. Karacan*, Lozan, Istanbul, 1971, *S. R. Sonyel*, Lozanda Türk diplomatist, „Belleten“, ocak 1974, cilt 38, № 149; *S. R. Sonyel*, Turkish Diplomacy 1918—1923. SAGE Publications Ltd. London-Beverly Hills, 1975.
- 2 Documents on British Foreign Policy 1919—1939 (в дальнейшем-DBFP). Edited by W. M. Medlicott, Douglas Dakin and M. E. Lambert. First Series, volumes XVII—XVIII. London, 1970—1972.
- 3 DBFP, vol. XVII, № 561, p. 660.
- 4 Там же, с. 681.
- 5 DBFP, vol. XVII, № 46, p. 937—938 (Керзон—Гардингу, 29 августа 1922 г.).
- 6 DBFP, vol. XVII, № 750, с. 942—943 (Гардинг—Керзону, 30 августа 1922 г.).
- 7 DBFP, vol. XVIII, № 41, p. 38 (Заметки британского секретаря о совещании между французским председателем совста министров и британским государственным секретарём по иностранным делам в Кэ д' Орсе, 20 сент. 1922 г.).
- 8 Там же, с. 43.
- 9 Там же, с. 43—44.
- 10 DBFP, vol. XVIII, № 64, p. 105 (Рембольд—Керзону, 27 сентября 1922 г.).
- 11 См. там же, с. 106.
- 12 DBFP, vol. XVIII, № 91, p. 140 (Рембольд—Керзону, 5 октября 1922 г.).
- 13 «История дипломатии», т. III, М., 1965, с. 307.
- 14 *S. R. Sonyel*, p. 185.
- 15 Там же, с. 185—186.
- 16 DBFP, vol. XVIII, № 160, p. 236 (Керзон—Гардингу и Грехэму, 7 ноября 1922 г.).
- 17 Там же, № 162, с. 238 (Гардинг—Керзону, 7 ноября 1922 г.).
- 18 *S. R. Sonyel*, p. 190.
- 19 Там же, с. 189.
- 20 Там же.
- 21 DBFP, vol. XVIII, № 209, p. 320, (Керзон—Кроуву, 20 ноября 1922 г.).
- 22 Там же, № 210, с. 322.
- 23 DBFP, vol. XVIII, № 215, p. 325—326 (Керзон—Кроуву, 23 ноября 1922 г.).
- 24 *Sonyel*, p. 195.
- 25 DBFP, vol. XVII, № 273, p. 386 (Керзон—Кроуву, 12 декабря 1922 г.).
- 26 DBFP, vol. XVIII № 257, p. 370—371 (Керзон—Кроуву, 6 декабря 1922 г.).
- 27 *S. R. Sonyel*, p. 195.
- 28 *Г. В. Чичерин*, Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 247.
- 29 DBFP, vol XVIII, № 306, p. 127.
- 30 DBFP, vol. XVIII, № 358, p. 488—489 (Керзон—Линдсею, 1 февраля 1923 г.).

- 31 Там же, с. 489.
- 32 DBFP, vol. XVIII, № 368, p. 501—502.
- 33 Там же.
- 34 *Georges Bonnet*, Ambassadeur de France. Le Quai d'Orsay sous trois Rèpubliques. Paris, 1961, p. 69.
- 35 Там же.
- 36 S. R. *Sonyel*, p. 205.
- 37 Там же.
- 38 ЦГИА Арм. ССР, ф. 430, оп. I, д. 1195, лл. 1—2 (машинопись, на франц. яз.).
- 39 Полный список см. там же, лл. 2—5.
- 40 Армянский вопрос на Лозаннской конференции. Извлечения из протоколов. Пер. М. Т. с пред. П. Макинциана. Тифлис, 1926, с. 5.
- 41 Там же, с. 6.
- 42 Там же, с. 7.
- 43 DBFP, v. XVIII, № 275, p. 388 (Керзон—Кроуву, 13 декабря 1922 г.).
- 44 Армянский вопрос..., с. 7.
- 45 Там же, с. 8—9.
- 46 Там же, с. 13. Полную речь см. Lausanne Conference on Eastern Affairs. 1922—1923. Records of Proceedings and Draft Terms of Peace. London. 1923, p. 191—201.
- 47 См. DBFP, vol. XVIII, № № 274—275.
- 48 DBFP, vol. XVIII, № 294, p. 416—417 (Керзон—Исмету-паше, 26 декабря 1922 г.).
- 49 DBFP, vol. XVIII, № 295, p. 417 (Кроув—Керзону, 27 декабря 1922 г.).
- 50 DBFP, vol. XVIII, № 315, p. 436.
- 51 Документы внешней политики СССР, т. VI. М., 1962, с. 165—166.
- 52 Там же, с. 166—167 (копию письма Г. В. Чичерина Эдуарду Невиллю и ноту советских республик на франц. яз. см.: ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. I, д. 578, лл. 3—4).
- 53 Conférence de Lausanne ("Livre jaune"). France. Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. Tome II, p. 17. Paris, 1923.
- 54 Армянский вопрос..., с. 31.
- 55 Там же, с. 33—34.
- 56 Там же, с. 34.
- 57 Там же, с. 36.
- 58 Atatürkün söylev ve demeçleri, Cilt I, T. B. M. Meclisinde ve C. H. P. Kulltaylarında (1919—1938). Istanbul, 1945, s. 229.
- 59 *Jean-Marie Carzou*. Un Génocide exemplaire. Arménie 1915. Paris, Flammarion 1975. p. 164.
- 60 DBFP, vol. XVII, № 397, p. 644 (Грехэм — Керзону, 14 февр. 1923 г.).
- 61 S. R. *Sonyel*, p. 201—202.
- 62 „Conférence de Lausanne...“, t. I, I, p. 442—444.
- 63 S. R. *Sonyel*, p. 209.
- 64 Там же, с. 203.

- 65 Там же, с. 203—204.
- 66 Atatürk'ün söylev ve demeçleri, II, (1906—1938). İkinci baskı. Türk Tarih kurumu basımevi, Ankara, 1959, s. 81—82.
- 67 S. R. Sonyel, p. 213.
- 68 „Le Matin“, 4. 05. 1923.
- 69 S. R. Sonyel, p. 215.
- 70 Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. Полн. пер. с франц. текста под ред. проф. Ю. В. Ключникова и проф. А. В. Сабанниа. М., 1927, с. XLIV.
- 71 Разница в оплате тем или иным курсом была существенной. Турция ежегодно выплачивала по процентам около 9,5 млн. лир. По бумажному курсу франка эта сумма составляла около 100 млн. франков (в 1922 г. одна бумажная лира равнялась 10,5 бумажных франка), по золотому же курсу франка эта сумма составила бы 220 млн. франков (одна золотая лира равнялась 23 золотым франкам). См. А. М. Шамсутдинов, Национально-освободительная борьба в Турции, 1918—1923 гг., М., 1966, с. 317.
- 72 История дипломатии, т. III, с. 317.
- 73 S. R. Sonyel, p. 219.
- 74 Севрский мирный договор..., с. XLVII.
- 75 S. R. Sonyel, p. 220.
- 76 Цит. по: А. Ф. Миллер, Очерки новейшей истории Турции, М.—Л., 1948, с. 141
- 77 DBFP, vol. XVIII, № 600, p. 851 (Рембольд—Керзону, 11 июня 1923 г.).
- 78 DBFP, vol. XVIII, № 635, p. 898—899, (Рембольд—Керзону, 28 июня 1923 г.).
- 79 Там же, с. 899.
- 80 André Mandelstam. La Société des Nations et les Puissances devant le problème Arménien. Deuxième édition. Préface de Edmond Wadim Nadim. Beyrouth, 1970, p. 298.

Р. С. ДАНИЕЛЯН

МЕСТО РЕЛИГИИ В ПОЛИТИКЕ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ ТУРЦИИ В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ (1923—1965 гг.)

Османская империя была феодально-теократическим государством. Главой его был султан-халиф—носитель неограниченной светской и духовной власти. На протяжении многих столетий ислам, будучи государственной религией, играл решающую роль в общественно-политической жизни Турции. Господствующее положение религия занимала вплоть до окончания национальной войны 1918—1923 гг.

В статье делается попытка раскрыть роль религии в политике правящих кругов Турции в области просвещения в период правления Народно-республиканской партии (1923—1950 гг.) и Демократической партии (1950—1960 гг.). С целью показать преемственность политики сменявших друг друга правительств рассматривается и политика Комитета национального единства (КНЕ) и коалиционных правительств, пришедших к власти после военного переворота (1960—1965 гг.). В последующие годы влияние религии продолжало возрастать. Об этом свидетельствует тот факт, что в 70-х годах была основана партия открыто объявившая своей идеологической платформой ислам—Партия национального порядка. Она открыто выступала за восстановление халифата и шариата, за возврат к исламскому государству. Этот период требует особого исследования.

Придя к власти, национальная буржуазия, с целью закрепления завоеванных позиций, провела ряд преобразований в экономической и политической жизни страны. Реформы, проводимые кемалистским правительством, неизбежно влекли за собой переустройство культуры страны и в первую очередь—просвещения. Необходимо было ликвидировать старую феодально-религиозную систему образования и создать новую, единую государственную светскую систему, отвечающую требованиям капиталистического развития страны. Важное практическое значение в этой области имели законы от 3 марта 1924 г., по которому последовало

упразднение халифата, а также министерства по делам религии и вакуфов. Этими актами был нанесен удар по засилью религии в экономической и политической жизни страны. Тогда же был принят закон о единой светской системе народного образования. По этому закону все школы передавались под контроль министерства просвещения, закрывались духовные школы—мектебы и духовные семинарии—медресе. Таким образом, духовенство отстранялось от руководства обучением, и школы переходили в руки государства. Были изъяты из программ светских школ религиозные предметы, а также изучение арабского и персидского языков, вводились новые предметы, новые методы обучения, тем самым создавались благоприятные условия для латинизации образования в Турции.

Несмотря на принятые мероприятия кемалистов, духовенство, позиции которого были значительно ослаблены, продолжало все еще оказывать сопротивление нововведениям правительства. Турецкое правительство вынуждено было пойти на ликвидацию последних остатков религиозных учреждений. В 1925 г. был издан декрет о ликвидации дервишеских орденов, закрытии текке и завие (обители дервишей). Кроме того, запрещалось употребление духовных званий и ношение духовной одежды тем лицам, которые не являлись официальными служителями культа¹.

Таким образом, шейхи и дервиши теряли свое привилегированное положение, лишались возможности оказывать влияние на массы.

Ослабляя позиции клерикального духовенства в общественной жизни страны, кемалистское правительство параллельно продолжало модернизацию системы светского образования.

Важным шагом в этом направлении явилась реформа алфавита. В ноябре 1928 г. арабский алфавит был заменен латинским². Этому акту предшествовал долгий период упорной борьбы между сторонниками латинского алфавита с мусульманским духовенством и частью интеллигенции. Принятию латинского алфавита в Турции во многом способствовала латинизация арабского алфавита в Советском Азербайджане и республиках Средней Азии. Решающее значение для принятия латинского алфавита имело выступление президента республики М. Кемаля 9 августа 1928 г. «Граждане,—сказал он,—мы должны принять новые буквы для нашего прекрасного, богатого языка. Мы должны освободиться от непонятных знаков, в железных тисках которых томился наш мозг в течение веков... Граждане, немедленно приступайте к изучению новых турецких букв. Обучайте им весь народ, крестьян, пастухов, грузчиков, лоточников. Рассматривайте это как патриотический и национальный долг»³.

Началась кампания по изучению и распространению нового алфавита. Повсеместно стали открываться краткосрочные курсы,

на которых первоначально преподавали государственные деятели, профессора и некоторые учителя, обученные новому алфавиту. Сам Кемаль с 22 августа разъезжал по стране и лично обучал чиновников и служащих новому алфавиту.

Принятие латинского алфавита способствовало ликвидации неграмотности среди населения. Министерство просвещения 20 ноября 1928 г. выработало программу открытия по всей стране так называемых «национальных школ». Уже в 1928/29 уч. году действовало более 20 тыс. курсов, которые посещало свыше 1 млн. человек⁴. «Национальные школы» были разделены на два курса «А» и «Б». Курсы «А» предназначались для неграмотных лиц, курсы «Б» — для слушателей, знавших арабский алфавит. Помимо ознакомления с новым алфавитом, на курсах «Б» проходили дополнительно арифметику, историю, географию. Курс обучения продолжался от 2 до 4 месяцев. Число учащихся в этих классах доходило от 15 до 40 человек⁵. Кампания по ликвидации неграмотности шла сравнительно быстрыми темпами. Так, в период 1928—1929 гг. получили свидетельства о прохождении курсов 500 тыс. человек, а с 1929 по 1937 гг. эти курсы прошли еще 2.520.779 человек⁷.

«Национальные школы» namного ускорили процесс ликвидации неграмотности среди населения, что в известной степени способствовало поднятию уровня грамотности в стране. Если в 1927 г. грамотность населения составляла 10,6 %, то в 1940 г., благодаря принятым мерам, достигла 22,4 %⁸. Повышение уровня грамотности населения явилось огромным достижением Турции в деле народного образования. Мероприятия правящих кругов Турции в этом направлении имели прогрессивное значение, поскольку подрывали авторитет духовенства, лишали их важного орудия — монопольного знания арабского языка.

Важное значение для культурного развития Турции имели меры правительства по эмансипации женщин. Значительным шагом в этом направлении явилось принятие гражданского кодекса в 1926 г., согласно которому запрещалось многоженство, женщина получила равные права с мужчиной в вопросах развития и наследования имущества, предоставлялось им право занимать государственные должности. Но действительного раскрепощения турчанка не получила. Она не пользовалась политическими правами⁹. Только спустя четыре года женщина получила право выбора в муниципалитет¹⁰, а в 1934 г. — в меджлис. Получив политические права, женщина могла наравне с мужчинами принимать участие в социальной и культурной жизни страны. Открывались большие возможности для развития женского образования, появились женщины — юристы, адвокаты, врачи и т. д.¹¹

Среди лаяцистских реформ в области просвещения большое

значение имело введение в 1927 г. совместного обучения мальчиков и девочек в школах всех ступеней. Правда, сначала этот принцип осуществился не во всех звеньях, так как постановление правительства встретило сопротивление клерикальных кругов, а также части родителей, не желающих отдавать своих дочерей в смешанные школы. Поэтому первоначально совместное обучение вводилось только в начальных школах, в средних же школах сохранялось преимущественно раздельное обучение. Тем не менее это мероприятие имело большое значение для развития женского образования.

В высших учебных заведениях женщин можно было встретить в основном на гуманитарных факультетах. И то не всегда. Достаточно указать, что в 1923/24 уч. году на историко-филологическом факультете Стамбульского университета не числилось ни одной студентки, а в 1933/34—обучалось 167 женщин, что составляло 57,8 % общего числа учащихся. На медицинском факультете в 1923/24 уч. году обучалось 23 студентки, а в 1933/34—535, что составляло 4,0 % общего числа студентов¹². Всего в высших учебных заведениях Турции в 1933/34 уч. году обучалось 933 студентки. Число женщин, занимавшихся в высших школах, было невелико, однако, учитывая, что в Османской империи женщина не могла даже мечтать об образовании, достигнутое следует считать огромным успехом республиканской Турции.

Меры правительства по совместному обучению осуществлялись медленно, тем не менее они имели большое прогрессивное значение для развития женского образования. Значение этого мероприятия заключалось и в том, что оно наносило сильный удар по мусульманским предрассудкам, веками сковывавшим турчанку.

Для лаицизации просвещения имело важное значение постановление правительства от 22 марта 1926 г., по которому право преподавать в школах предоставлялось лицам с дипломом учителя¹³. Кемалистское правительство тем самым стремилось расшатать устои духовенства в деревне, где из-за нехватки педагогов в школах все еще преподавали муллы и ходжи, продолжая отравлять сознание учащихся религиозным фанатизмом. В 1923—1924 гг. в Турции насчитывалось 12350 учителей¹⁴, из них только 2846 были дипломированными. Сложившееся положение открывало широкое поле деятельности, особенно в сельских местностях, для случайных невежественных лиц. Известный турецкий писатель Фахри Эрдинч в своей книге «Горький ломоть», героем которой является он сам, рассказывает о борьбе, которую вели между собой учитель и сельский мулла. «В знаменитую деревню едешь,—предупредили меня.—Чем знаменита? Муллой. Ни один учитель не выдерживает. Дунет—поминай как звали. Дыхание у него ядовитое»¹⁵.

Борьба с засильем мулл в деревне затруднялась еще и потому, что в стране не хватало квалифицированных учителей. Республиканское правительство для устранения этих трудностей открыло ряд педагогических школ, улучшило условия труда учителей, увеличило их заработную плату с тем, чтобы сделать профессию педагога популярной.

Тем не менее в 1928 г. в педагогических школах страны обучалось 5151 человек, из них получили дипломы 4851¹⁶. В Турции по-прежнему ощущалась нехватка в педагогических кадрах, во многих сельских местностях вообще не было начальных школ. Достаточно отметить, что в 1929 г. в Турции из 40 тыс. деревень только 2,5 тыс. имели школы¹⁷.

Одним из последних мероприятий кемалистов по лаицизации государства явилось постановление Великого национального собрания от 10 апреля 1928 г. об упразднении пункта конституции, который гласил: «Государственной религией Турции является ислам»¹⁸. Этим актом турецкое правительство отделило церковь от государства. Вместе с тем религиозная формула присяги президента и депутатов была заменена гражданской присягой. Тем самым кемалисты окончательно подорвали влияние религии на государственную жизнь страны.

«Что же следует понимать под лаицизмом,—пишет турецкий историк Бекир Юсуф.—Является ли он отказом от религии вообще? Нет. Кемаль и его сторонники боролись с религией там, где она являлась союзницей феодализма, стремились разорвать лишь те религиозные путы, которые, по их мнению, мешали прогрессу. На практике принцип лаицизма выразился в постановке религии под контроль государства»¹⁹.

Итак, борясь против влияния духовенства, турецкое правительство не выступало против самой религии. Кемалисты не раз подчеркивали эту разницу. На страницах газеты «Икдам», в заявлении по поводу отделения церкви от государства, писалось: «Из того факта, что турецкая революция хочет отделить религию от государства, нельзя заключить об ее атеизме»²⁰.

Об этом свидетельствует также тот факт, что процесс лаицизации происходил крайне медленно. Кемалисты не проявляли поспешности в решении вопросов, связанных с религией, так как понимали, насколько прочно укоренились в народе мусульманские традиции и как сильно влияние духовенства на массы. Учитывая это обстоятельство, турецкое правительство, хотя и изъело из школьных программ религиозные дисциплины, но все еще допускало преподавание религии в сельских начальных школах. Более того, министерство просвещения предлагало издавать учебники по религии для учащихся этих школ. Идя на уступки духовенству, турецкие правящие круги обнародовали указ о создании вместо

министерства по делам религии и вакуфов Управления по религиозным делам. Последнему предоставлялось право на открытие духовных школ для подготовки имамов и других служителей культа.

Итак, с одной стороны, были ликвидированы старые духовные школы, с другой—создавались школы для подготовки имамов. Хотя эти школы считались светскими и подчинялись министерству просвещения, между тем, судя по программе обучения, они далеко не соответствовали учебному плану светской средней школы, к которой они приравнивались. В школе по подготовке имамов большое место уделялось религиозным дисциплинам: Корану, комментариям к нему, преданиям и т. д. Меньшее количество часов отводилось общеобразовательным предметам. В 1924 г. насчитывалось 29 школ имамов, в которых обучались 1045 учащихся. В последующие годы число школ резко сократилось, а начиная с 1927 г. функционировало всего две школы, которые были ликвидированы в 1930 г.²¹ Но уже в 1932/33 уч. году стали функционировать 9 краткосрочных курсов, на которых обучали чтению Корана, переведенного на турецкий язык. В 1941/42 уч. году в стране действовало 65 курсов с 68 преподавателями и 1369 учащимися²². Наконец, до 1933 г. в Стамбульском университете имелся богословский факультет.

Таким образом, все мероприятия, проводимые турецким правительством по лаицизации в области просвещения, говорили о том, что они были направлены не на ликвидацию религии, а к подчинению ее интересам национальной буржуазии, и только.

Нет сомнений, что политика лаицизации, проводимая национальной буржуазией в области государственной и общественной жизни, имела прогрессивное значение, ибо способствовала укреплению капиталистических отношений в стране, развитию национальной культуры и науки.

Однако как все реформы, проводимые республиканским правительством, так и лаицизация в области просвещения носили ограниченный характер. Турецкая буржуазия не заботилась о действительном повышении культурного и политического уровня народных масс. Буржуазия, как известно, в определенные периоды вынуждена давать образование трудящимся, но «лишь в той мере, в какой это отвечает ее интересам»²³, поскольку этого требует буржуазно-капиталистическое развитие страны. Буржуазия боится просвещения народных масс, роста их классового самосознания. Отсюда и ограниченность буржуазных реформ. Этим обстоятельством воспользовались реакционные силы в стране.

Накануне и в период второй мировой войны активизировало свою деятельность духовенство, требовавшее возврата к религии, чтения молитв на арабском языке, введения в школах преподавания религии.

В послевоенный период правящая НРП стала отходить от принципов кемализма, пошла на более тесный союз с религией—с тем, чтобы использовать ее против демократических сил страны, а также использовать ее как средство политической борьбы против оппозиционных буржуазных партий—Демократической и Национальной.

В 1947 г. в НРП сложилась группировка, выступившая с исламскими лозунгами, за неограниченную свободу религиозного вероисповедания. Лидеры НРП пошли на серьезные уступки духовенству. В 1949 г., за год до прихода к власти ДП, было введено преподавание религии в начальной школе. Вначале религию изучали в двух последних классах и то по желанию родителей, т. е. вводилось факультативное обучение религии. Что касается сельских школ, то здесь практически изучали религию все учащиеся. Поощрение религии в верхах открыло широкое поприще для активизации деятельности духовенства, особенно в сельских местностях. Вновь подняли голос безграмотные ходжи, которые быстро стали вытеснять из деревень учителей. Повсеместно стали открываться школы по подготовке имамов. По инициативе министерства просвещения в Анкаре, Стамбуле, Кайсери, Трабзоне и в других городах были организованы курсы по подготовке преподавателей религиозных дисциплин.

Реакционное духовенство повело борьбу против эмансипации женщин. Началась кампания за ограничение прав женщин, за введение многоженства, ношение чадры. Все чаще раздавались требования прекращения совместного обучения в школе.

Проникновение религии в систему светского образования, общее усиление религиозной пропаганды свидетельствуют о том, что религия продолжала оставаться важным фактором общественной жизни страны. В восстановлении духовного обучения в школах реакционные элементы видели средство борьбы с распространением прогрессивных взглядов среди подрастающего поколения, средство воспитания ее в духе покорности и подчинения. Введение в программу начальных школ религиозных дисциплин, усиление позиций духовенства в различных сферах общественной жизни вызывали беспокойство у передовой интеллигенции, воспитанной на традициях кемализма. Они выступали против религиозного образования, видя в этом реальную угрозу возрождения духовной системы просвещения.

В мае 1950 г. в Турции к власти пришло правительство Демократической партии во главе с Баяром-Мендересом. ДП, прикрываясь лозунгом о свободе мысли и вероисповедания, открыто-поощряла реакционную деятельность духовенства, содействовала активизации его роли в политической жизни страны.

Правящие круги Турции стали на путь отказа от светских реформ. Вскоре после прихода к власти ДП разрешила чтение эзана на арабском языке, а также передачу по радио Корана.

В 1951 г. был принят закон, который вводил обязательное обучение религии в начальных школах²⁴, с экзаменом при переходе в следующий класс. Однако экзамены по религиозным дисциплинам были введены позже. Первоначально было принято решение выставлять оценки по этим предметам, но не учитывать их при переходе в следующий класс²⁵. Сам факт принятия этих законов говорит о том, что правящие круги Турции и в области просвещения стали на путь отказа от принципа лаицизма. Попирая эти принципы в угоду духовенству, турецкие правящие круги открыли ряд духовных школ имамов и хатибов. В 1951 г. функционировало 7 таких школ, а в 1959 г.—уже 19. Число учащихся в них достигало 4233²⁶. Увеличилось и число преподавателей по Корану. За эти годы их число возросло от 131 до 702, одновременно было подготовлено 1500 инструкторов, 2055 хазифов (проповедников, знающих наизусть весь Коран) и 30 тыс. других служителей культа²⁷. Кроме этих школ в 1951 г. стали действовать и курсы по подготовке преподавателей религиозных дисциплин. Правительство Мендереса уделяло большое внимание подготовке педагогических кадров по духовным дисциплинам, в то время как в стране ощущалась острая нехватка учителей для всех ступеней школ.

Турецкие газеты, сообщая об этом, с тревогой отмечали, что если в ближайшем будущем не будут предприняты решительные меры в области подготовки учителей, то «потребности страны в учителях будут удовлетворены только через 30 лет»²⁸. Особенно остро чувствовалась потребность в учителях в сельских местностях. Так, даже в тех селах, где имелись школы, не хватало 5 тыс. педагогов²⁹. Воспользовавшись благоприятными условиями, турецкие деревни наводнили неграмотные ходжи, а порой совершенно случайные люди, которые обучали детей арабскому алфавиту и Корану³⁰. Газета «Улус» в этой связи писала, что «в селах Измитского вилайета появились, как и повсюду, неизвестные лица, которые выдают себя за преподавателей религии»³¹. Сообщалось, что «в деревне Искендер (вилайет Чанаккале) некий ходжа по имени Нури самовольно открыл духовную школу и начал обучать детей арабскому алфавиту и Корану»³². Пользуясь поддержкой местных властей, ходжи насаждали в школе схоластические методы обучения, требовали, чтобы девочки сняли школьные формы и приходили на занятия с покрытой головой. Более того, ходжи выступали против изучения таких предметов, как география, история, математика и призывали обучать детей только религии. «Дети,—говорили они,—нуждаются только в аллахе»³³.

Сторонники духовного обучения, с целью повышения уровня преподавания религиозных дисциплин, включили религию в программу педагогических школ. Одновременно из программы этих школ было изъято преподавание педагогики³⁴. В 1956 г. преподавание религии стало обязательным и в средней школе.

Большое значение правительство ДП придавало подготовке богословов с высшим образованием. С этой целью в 1950 г. в Анкарском университете был создан теологический факультет. В 1950/51 уч. году на нем обучалось 60 студентов³⁵. В следующем году их число увеличилось до 100³⁶. В программу обучения входили в основном религиозные предметы—Коран, основы исламской религии, комментарии к Корану, хадис, наука о законах шариата, история исламской религии, философия ислама, социология религии. Одновременно, как отмечал декан богословского факультета Кемаль Еткин, кроме этих предметов изучали и такие дисциплины, как искусство и право ислама, классическую турецкую религию, этику и мораль, арабскую философию, персидский и арабский языки, а также один из европейских языков³⁷.

Кроме теологического факультета правящие круги Турции открыли в 1956 г. в Анкаре Институт исследования ислама. Спустя три года стал функционировать в Стамбуле Институт ислама.

Как и следовало ожидать, турецкое духовенство еще более активизировало свою деятельность. Опираясь на поддержку правящих кругов, духовенство силами религиозных институтов стало издавать учебники, книги религиозного характера. Вместе с тем выходили в свет и такие реакционные газеты, как «Бююк Джихад», «Бююк Догу».

Следует отметить, что правительство ДП не только поощряло издание религиозных книг, но из государственного бюджета выделяло на эти цели огромные суммы. Идя по пути поощрения религии, правительство ежегодно увеличивало ассигнования на ее нужды. Если в 1955 г. на религию было выделено 4 млн. лир, то в 1956 г.—17 млн. лир³⁸. Показателен тот факт, что за 10 лет пребывания у власти ДП было построено 5 тыс. мечетей, в то время как в 1957 г. в деревнях школ насчитывалось 17 341³⁹.

Видя поддержку правительства, турецкое духовенство и правые элементы все чаще стали выступать с требованиями восстановления шариатских судов, ношения чадры, введения многоженства. Более того, на страницах печати все громче раздавались голоса за восстановление в стране халифата и провозглашения ислама государственной религией Турции. Активизируя свою деятельность, турецкое духовенство стремилось укрепить свои позиции путем насаждения религии во всех сферах общественной жизни страны. В результате в сельских местностях духовенство вернулось к пре-

годаванию арабского алфавита. Вновь начали издавать Коран на арабском языке. Женщины стали носить чадру не только в деревне, но и в городах⁴⁰, участились случаи многоженства. В стране, особенно в деревнях, активизировали свою деятельность религиозные секты—бекташи, мевлеви, нуриджи и др., которые разжигали среди населения, в том числе и среди детей, религиозный фанатизм. Таким образом, учащиеся подвергались духовному воспитанию и вне школы.

Глава правительства Мендерес придавал большое значение роли религии и духовенства в воспитании молодого поколения в религиозном духе. Мендерес заявлял: «Мы спасли нашу религию от гонений. Не обращая внимания на революционных фанатиков, мы вновь ввели чтение эзана на арабском языке. В школах идут уроки религии, по радио транслируется Коран. Турецкое государство было мусульманским и останется мусульманским. Заповеди Корана будут исполнены»⁴¹. Так сам Мендерес подвел итог своей деятельности. Как видно, неспроста его называли «первым мусульманским премьер-министром»⁴².

Дальнейшее развитие лаицизма в Турции еще раз свидетельствует о преемственности политики сменявших друг друга правительств.

27 мая 1960 г. правительство Мендереса было свергнуто, в стране установилась военная диктатура. Временное правительство Турции—Комитет национального единства (КНЕ)—провело некоторые мероприятия по ограничению свободы действий реакционных кругов. Был принят закон, запрещающий партиям использовать религию в политических целях. Кроме того, запрещалось духовенству проводить религиозную пропаганду.

Конституция 1961 г. провозгласила Турцию светским государством. Вместе с тем эта конституция пошла на серьезные уступки духовенству: признала свободу религии, разрешила духовное обучение. Такая политика КНЕ создавала благоприятные условия для активизации деятельности религиозных фанатиков.

Одной из главных сил на политической арене являлась Партия справедливости, в рядах которой сгруппировались бывшие члены ДП. Поэтому неудивительно, что в вопросе религии они проводили политику уступок мусульманскому духовенству и использовали религию в своих политических целях. В области просвещения ПС проводила политику увеличения часов религии в школе. Что касается НРП, то она, хотя и не отошла от принципов лаицизма, все еще продолжала делать уступки духовенству. Так, она согласилась с предложением ПС об увеличении часов религии в школах. Министр просвещения Ибрагим Октем (НРП), выступая в 1963 г. на заседании Федерации обществ сельских учителей Турции в Из-

мире, сказал, что необходимо реформировать старые школы имамов и хатибов с тем, чтобы подготовить по-настоящему образованных религиозных служителей. Ибрагим Октем отметил также, что предусматривается открытие, кроме богословских институтов в Стамбуле и Конье, еще третьего—в Кайсери. В связи с заявлением Ибрагима Октема, в турецкой печати появились статьи «Грязная игра», «Торговцы религией», в которых отмечалось, что за заявлением министра просвещения скрывается желание дать новое направление школам имамов, с тем, чтобы подготовить образованных духовных лиц «для лучшего обмана народных масс»⁴³. О том, какое место НРП отводила религиозному обучению, можно судить по заявлению главы коалиционного правительства Исмета Иненю. Выступая в защиту проведения реформ в области духовного образования, Иненю отметил, что хотя «НРП придерживается принципов лаицизма, поэтому их считают противниками религии, но они в этой области сделали больше, чем другие партии»⁴⁴. Министерство просвещения создало специальную комиссию для проверки и назначения на должности муфтия и проповедников лиц с высшим образованием. Вскоре последовало решение министерства просвещения о том, что все духовные лица должны иметь образование⁴⁵.

Повсеместно стали организовываться курсы для переподготовки духовных лиц. С 1961 по 1964 гг. эти курсы прошли 14321 имамов, проповедников и других духовных служителей⁴⁶. Одновременно имелось 643 курса по изучению Корана⁴⁷. Для сравнения отметим, что их число в 1950 г. равнялось 122. Для централизации управления религиозными школами при министерстве просвещения действовала Дирекция по религиозному обучению⁴⁸. Если до военного переворота духовные школы находились под покровительством различных благотворительных обществ, то теперь они всецело перешли под контроль министерства просвещения. Из государственного бюджета на эти цели выделялась определенная сумма. Так, если в 1961—1964 гг. было выделено для школ имамов и институтов ислама 18.009.075 турецких лир, то только в 1965 г. для этой цели предусматривалось уже 16.674.500 лир⁴⁹. После переворота проявлялась особая забота по строительству новых модернизированных зданий для школ имамов и хатибов. В результате, если в 1961/62 уч. году действовало 18 таких школ, то в 1964/65—уже 26. Соответственно увеличилось и число обучающихся—с 5750 до 11850⁵⁰.

Правящие круги Турции проявляли повышенную заботу о духовном образовании, в то время как для осуществления закона о всеобщем начальном обучении не хватало 36 тыс. учителей, а 16 тыс. деревень вообще не имели школ⁵¹. В средней школе в 1963/1964 уч. году вместо 18 тыс. работало 6900 учителей, в ли-

цех—2200 вместо 7800⁵². В 1964/1965 уч. году функционировали всего 762 средние школы; 95 % нахия (волость) и 25 % каза (уезд) не имели их вообще. Из-за нехватки школьных зданий многие дети с 13—15 лет оставались за порогом школы. В стране насчитывалось 155 государственных лицеев, расположенных в основном в крупных городах. В то же время 507 районных центров не имели подобных учебных заведений⁵³.

Как видно из приведенных фактов, в области просвещения оставалось много проблем, требующих коренного разрешения. Между тем правящие круги Турции, поощряя религию, дошли до того, что разрешили в Стамбуле, в районе Карагюмрюк, открыть медресе, где обучались в основном сельские дети в возрасте от 13 до 20 лет. Срок обучения в медресе был 4 года. Программа обучения в основном включала религиозные дисциплины. Газета «Джумхуриет», сообщая об этом, отмечала, что «те, кто финансируют это медресе, отдают своих детей в иностранные колледжи⁵⁴. Одновременно в Стамбуле в районе Чаршамба в 1964 г. был открыт исламский колледж⁵⁵. Итак, опасность восстановления религиозных школ—медресе—превратилась в реальность.

Пользуясь поддержкой властей, духовенство еще более активизировало свою деятельность, увеличилось число религиозных сект, значительно возросло число обществ по содействию религии. Их силами открывались духовные школы, курсы по изучению Корана, строились мечети. Особенно свирепствовали реакционные элементы в глухих деревушках, где все еще хозяйничали шейхи и ага. Тяжело приходилось учителям, работающим в таких местностях. Здесь они по-прежнему подвергались притеснениям и избиениям. Примером может служить событие в деревне Каракурт близ Кыркагача, где группа реакционеров напала на учителя. Выступая в связи с этим событием, председатель Федерации учителей Шюкрю Коч отметил, что «это не первый случай, что почти ежедневно поступают в Федерацию сообщения о действиях реакционных элементов⁵⁶. Премьер-министр Исмет Иненю, касаясь этого события, сказал, что «этот инцидент является конфликтом между преподавателем и учащимися государственной школы, с одной стороны, и имамом и учащимися религиозной школы—с другой⁵⁷.

О том, насколько сильно было наступление реакции в сельских местностях, свидетельствует выступление Дурсун Акчама, делегата конгресса Федерации учителей в Турции в Эскишехире. Говоря о плачевном состоянии просвещения, он отметил, что «за 41 год мы не смогли научить жителей Анатолии даже алфавиту. Нам противостоят черные силы⁵⁸.

Таким образом, истекшие годы после военного переворота 1960 г. ясно показывают, что правительства, сменявшие друг друга, как и правительство Мендереса, шли на более тесный союз с ду-

ховенством, способствовали дальнейшему развитию религиозного образования. Создалась реальная угроза возрождения духовных школ. Такая политика правящих кругов Турции явилась прямым следствием, составной частью их реакционной внутренней политики. Восстановление духовного обучения свидетельствует о заинтересованности правящих верхов отвлечь подрастающее поколение от прогрессивных идей и воспитать их в духе покорности и подчинения.

В свое время В. И. Ленин дал глубокий анализ этому процессу, отмечая, что «буржуазная демократия не довела до конца отделение школы от церкви, благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой»⁶⁰. Став на путь тесного сближения с церковью, реакционная часть турецкой буржуазии использовала религию и в качестве идеологического оружия. В связи с введением предмета религии в турецких учебных заведениях журнал „The Islamic Review“ писал, что религия является лучшим средством для борьбы с проникновением коммунистических идей в Турецкую Республику»⁶⁰.

Правящие круги Турции на словах заявляют о том, что воспитание подрастающего поколения должно быть вне политики, вне всяких идеологических влияний. В действительности же, как отмечал В. И. Ленин, всякая «школа вне жизни, вне политики—это ложь и лицемерие»⁶¹. Эта ленинская идея полностью подтверждается на примере Турции. Прикрываясь буржуазной теорией «аполитичности» образования, руководящие круги страны большое место в учебном процессе отводили идеологическому воспитанию, религии.

Ռ. Ս. ԴԱՆԻԵԼՅԱՆ

ԿՐՈՆԻ ԴԵՐԸ ԹՈՒՐԹԻԱՅԻ ԿԱՌԱՎԱՐՈՂ ՇՐՋԱՆՆԵՐԻ
ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ ԼՈՒՍԱՎՈՐՈՒԹՅԱՆ ԲՆԱԳԱՎԱՌՈՒՄ
(1923—1965 թթ.)

Ա մ փ ո փ ու մ

Հոգւածում քննվում են քեմալականների միջոցառումները կրթության կրոնաավատական համակարգի վերացման և նոր՝ աշխարհիկ համակարգի ստեղծման ուղղությամբ: Բերված փաստերի հիման վրա ցույց է տրվում, որ լուսավորության բնագավառում լաիցիզմի (աշխարհիկ) քաղաքականությունն ուղղված էր ոչ թե կրոնի վերացմանը, այլ այն ազգային բուրժուազիայի շահերին ծառայեցնելուն: Այդ են վկայում ետ-

պատերազմյան շրջանում կրոնի ակտիվացումը, մասնավորապես՝ դեմոկրատական կուսակցության իշխանության գլուխ անցնելու հետո: Այդ կուսակցությունը բացահայտորեն կանգնեց լաիցիզմի սկզբունքներից հրաժարվելու ուղու վրա, կրոնը մտքից հանրակրթական դպրոցների, ինչպես նաև բարձրագույն ուսումնական հաստատությունների ծրագրերի մեջ: Բացվեց երկու իսլամական ինստիտուտ, իսկ Անկարայի համալսարանում՝ աստվածաբանական ֆակուլտետ: Բացի այդ գործում էին հոգևոր դպրոցներ: Օգտվելով իշխանությունների հովանավորությունից, հետադիմական հոգևորականությունը ուժեղացրեց իր դիրքերը երկրի հասարակական-քաղաքական կյանքում:

Հողվածում ընդգծվում է, որ միմյանց հաջորդող կառավարությունները սերտորեն համագործակցում էին հոգևորականության հետ՝ աճող սերնդի դաստիարակության հարցերում, աստիճանաբար ավելի մեծ տեղ հատկացնելով կրոնական ուսուցմանը:

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ЦГАОР СССР, ф. 5283, 1934, оп. № 4, д. 112, л. 4.
- 2 G. Duhamel, Yeni Türkiye bir garp devleti, Ankara, 1956, s. 15—16; G. L. Lewis, Turkey, New York, 1955, p. 95—97; Düstur, cilt 10, Ankara, 1929, s. 3.
- 3 Tarih, c. IV, İstanbul, 1934, s. 255.
- 4 T. Oguzkan, Adult education in Turkey, Paris, 1955, p. 18; D. E. Webster, The Turkey of Atatürk, Philadelphia, 1939, p. 131.
- 5 T. Oguzkan, указ. раб., с. 18.
- 6 Türkiye İstatistik umum müdürlüğü, İstatistik yılığı, 1952, s. 212.
- 7 „La Turquie Kemaliste“, 1941, № 43, p. 5.
- 8 H. K. Abul Sassani, Education in Turkey, Washington, 1952, p. 17; „Ulus“, 26. III. 1958, 10.XI.1962; „Vatan“, 6.XII.1959.
- 9 «Մարմարա», 13.11.1926.
- 10 „Hakimletli Milliye“, 26. III. 1930; См. Mükerrerem Kamil Su, Türkiye Cumhuriyet tarihi, İstanbul 1957, s. 148.
- 11 The Introduction of the Civil in 1926 and after, p. 25—26: „In Islamic Review“, 1952, aug., vol. 40, № 8, p. 24—27.
- 12 «Высшая школа», 1937, № 4, с. 107—108.
- 13 O. Ergin, Türkiye maarif tarihi, İstanbul, cilt 5, s. 1482.
- 14 ЦГАОР СССР, ф. 4459, 1928, оп. 2, ед. хр. 277, л. 236.
- 15 Фахри Эрдинч, Горький ломоть, М., 1964, с. 191.
- 16 ЦГАОР СССР, ф. 4459, 1928, оп. 2, ед. хр. 277, л. 236.
- 17 O. Ergin, указ. раб., с. 1371.

- 18 ЦГАОР СССР, ф. 4459, 1928, оп. 2, ед. хр. 234, л. 10.
- 19 Цит. по кн. Д. Е. Еремеев, На стыке Азии и Европы, М., 1980, с. 160.
- 20 ЦГАОР СССР, ф. 4459, 1928, оп. 2, ед. хр. 234, л. 10.
- 21 О. Ergin, указ. раб., с. 1774—1775.
- 22 İstatistik yılı, 1932—1942, s. 417
- 23 К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, изд. 2, с. 343.
- 24 Abul H. K. Sassani, указ. раб., с. 17.
- 25 „Ulus“, 12, 20.11.1953.
- 26 „The Islamic Review“, 1957, september, p. 15.
- 27 „The muslim world“, 1961, vol. LI, № 2, apr., p. 109.
- 28 „Hürriyet“, 11.1.1957; „Cumhuriyet“, 28.VIII.1959.
- 29 „Forum“, 1960, № 149, 1 nisan, s. 6,
- 30 „Ulus“, 4.X.1952
- 31 Там же, 4. XI. 1952.
- 32 Там же, 13.XI. 1952.
- 33 Там же, 18.1.1953.
- 34 Там же, 18.11.1953.
- 35 G. Duhamel, указ. раб., с. 27.
- 36 „Ulus“, 2.X.1952.
- 37 Там же.
- 38 „The Islamic Review“, 1960, № 11, p. 38.
- 39 Hasan Ali Yücel, Yeni Türkiye dördüncü kitap Türkiye maarifi, İstanbul, 1959 s. 324.
- 40 „Akşam“, 27.X.1960.
- 41 Д. Е. Еремеев, указ. раб. с. 164.
- 42 „Ulus“, 24. 11. 1952, 25. XI. 1952, 28. XII. 1952.
- 43 „Yeni İstanbul“, 6, 8.IX.1963; „Cumhuriyet“, 26.VIII.1963, „Vatan“, 10.IX.1963.
- 44 „Ulus“, 21.IX.1965.
- 45 „Cumhuriyet“, 24.III.1964.
- 46 „Ulus“, 21.IX.1965.
- 47 „İstatistik yılı“, 1960—1962, s. 172.
- 48 „Cumhuriyet“, 10.VI.1964.
- 49 „Ulus“, 20, 21, IX. 1965.
- 50 Там же.
- 51 „Yeni sabah“, 22.X.1963; „Zafer“, 1.III.1960.
- 52 „Ulus“, 3.X.1963; Türkiye yılı, 1954, s. 334.
- 53 „Cumhuriyet“, 10.VII.1965.
- 54 Там же, 18.IV.1964: „Kim“, 21 nisan, 1964, s. 18.
- 55 „Kim“, 21 nisan, 1964, s. 19.
- 56 „Ulus“, 19.1. 1965.
- 57 „Cumhuriyet“, 20.I. 1965.
- 58 Там же, 16.VII. 1964.
- 59 В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, с. 77.
- 60 „The Islamic Review“, 1957, № 9,
- 61 В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, с. 77.

М. Т. БОДЖОЛЯН

РЕФОРМЫ ТАНЗИМАТА В ОСВЕЩЕНИИ ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Период, охватывающий почти четыре десятилетия истории Османской империи XIX в. известен в историографии как период танзиматских реформ. Хронологически он делится на два этапа, включающих 1839—1856 и 1856—1876 гг. На первом этапе инициатива проведения реформ исходила от феодальной верхушки турецкого правительства, пытавшейся остановить процесс распада империи при помощи частичных изменений в государственно-административной структуре и правовой системе империи. На втором этапе, наступившем после Крымской войны 1853—1856 гг. и продолжавшемся до принятия первой турецкой конституции 1876 г., инициатива проведения реформ полностью находилась в руках великих европейских держав, которые использовали политику реформ для укрепления своих позиций в Османской империи.

Поскольку процесс превращения Турции в полуколонию европейских держав начался именно в разгар проведения танзиматских реформ, этот период стал объектом пристального внимания турецких исследователей, искавших причины социально-экономической отсталости Османской империи. Одним из первых критиков этого периода стал автор 12-томной истории Турции Ахмед Джевет, принимавший активное участие в танзиматском движении. Сам он был представителем клерикальных кругов и отличался довольно консервативными взглядами и, в целом, положительно отзывался о танзимате. Вместе с тем, как зоркий наблюдатель, он не мог не заметить отрицательные последствия недальновидной экономической политики лидеров танзиматского движения. Касаясь этой темы, он с горестью писал, что попытки «модернизации империи не увенчались успехом по той причине, что большинство государственных деятелей были безнравственными невеждами и, слепо подражая всему европейскому, они волей-неволей превратились в послушных слуг Запада»¹.

К оценке реформ этого периода более трезво подходил Хайреддин-паша, занявший впоследствии пост садразам-Сетуя на

отрицательные последствия танзимата, он писал: «Сегодня наша страна превращена в сырьевой придаток Европы. Наши хлопководы, животноводы, шелкопряды и пр. в поте лица круглый год трудятся, чтобы затем продавать свою продукцию европейцам за гроши. Те же, благодаря своей развитой промышленности, перерабатывают это сырье и продают нам уже готовые фабричные изделия в десять раз дороже. Это показывает уровень отсталости экономики нашей страны, которая ввозит почти все предметы широкого потребления из-за рубежа»².

Экономическую политику танзиматских деятелей критиковал также Мехмед Шериф. В своей статье, опубликованной в газете «Терджуман-ы ахвал», он писал: «Кое-кто из наших «патриотов», как и их иностранные благодетели, считает, что наша национальная промышленность и торговля безнадежно отстали от европейских, поэтому для обеих сторон было бы выгоднее, если бы мы отказались от попыток создания собственной промышленности и занимались бы исключительно выращиванием злаков, хлопка, шелка и пр. культур. Продав это все Европе, считают они, мы могли бы приобрести золото и готовые фабричные изделия»³.

Все указанные авторы были современниками танзимата и воочию убедились в бесплодности попыток спасения Османской империи при помощи верхушечных реформ, преследовавших цель «европеизации Турции», тем более, что эта «европеизация» лишь ускорила процесс окончательного распада империи.

До провозглашения Турецкой Республики танзимат в стране считался положительным явлением и никто не осмеливался критиковать его отрицательные последствия публично. Впервые это сделал Кемаль Ататюрк. Выступая 1 марта 1922 г. на заседании ВНСТ, он подверг резкой критике политику «открытых дверей», навязанную османскому правительству англо-турецким торговым договором 1838 г. «Политика «свободной торговли»,—говорил он,—подаренная нам танзиматом, нанесла непоправимый удар по нашей экономике, которая и без того не выдерживала конкуренцию Европы. Намного опередившие нас в экономическом развитии страны добавок получили такие гарантии, что освобождали их от уплаты многих налогов и позволяли им ввозить в нашу страну любой товар в любое время. Таким образом, европейцы стали абсолютными хозяевами нашей экономики»⁴. По мнению Ататюрка, танзимат был провозглашен «с целью умиротворения немусульманских элементов, бесконечно восстававших против Порты и для успокоения их европейских покровителей»⁵.

Выступление Ататюрка как бы послужило сигналом для нападок на танзиматские реформы и на их инициаторов. В 1924 г. историк Ю. Акчура в книге «Политика и экономика» обращался к

своим коллегам: «Господа, до недавнего времени о танзиматских реформах отзывались не иначе как о «благодетельных» (танзимат-ы хайрие). Танзимат считался священным и выступление против его принципов считалось святотатством. Думаю, что настало время назвать вещи своими именами. Мы должны выявить экономические причины, толкнувшие османское правительство к политике реформ и дать объективную оценку реформам этого периода»⁶. Далее Акчура выражал уверенность, что «через несколько лет в Турции все узнают, что никакой пользы наш народ от танзиматских реформ не получил»⁷.

Окрыленные заявлениями Ататюрка и Акчур, турецкие исследователи приступили к изучению различных аспектов танзиматских реформ. Все их труды были обобщены в сборнике, выпущенном в 1940 г. по случаю 100-летнего юбилея танзимата. Представленные в нем статьи посвящены узкоспециальным вопросам и в настоящей статье мы ограничимся лишь анализом взглядов турецких ученых на танзиматские реформы в целом.

В статье «Экономическая жизнь в годы танзимата» З. Ф. Фындыкоглу пытается дать обоснование выбору слова «танзимат». Если внимательно рассматривать документы тех лет, говорит он, то увидим, что вместо юридического понятия «канун» (закон) почти везде употребляется слово «низам» (порядок) или «танзим» (упорядочение, урегулирование). Чем же это объясняется? Тем, отвечает Фындыкоглу, что танзимат на самом деле является лишь дальнейшим усовершенствованием мусульманского права и философии, а не простым внедрением европейских нравов и институтов. Всюду преобладает мысль о том, что настоящим законом является лишь закон религиозный, а согласно шариату, установленные свыше порядки нельзя изменять, их можно только усовершенствовать. Поэтому и авторы реформ предпочли вместо юридических терминов употреблять термин религиозный—«танзимат»⁸. Возможно, Фындыкоглу прав, когда объясняет, почему этот период получил название «танзимат». Хотелось бы лишь напомнить, что «юридический термин» «закон» довольно часто употреблялся как на первом, так и на втором этапе. Тому примером могут послужить названия уголовного закона о государственных чиновниках (Memureyne dair ceza kanunu), о духовном сословии (Ulema hakkında ceza kanunu), закона 1863 г. о вилайетах и т. д.⁹ Далее он характеризует этот период следующим образом: «Танзимат—это просто термин, принятый для обозначения событий того периода, когда резко обострились классовые противоречия в экономической жизни Османской империи. Провозглашение Гюльханейского рескрипта 1839 г., затем хатт-ы хумаюна 1856 г., принятие закона о вилайетах...—все это, можно предположить, было

ответом на выдвинутые империалистическими странами требования о проведении административных реформ»¹⁰. Как видно, он придерживается версии о навязывании политики реформ Порте извне. На самом же деле эти реформы были вызваны к жизни как результат внутреннего развития османского общества и, вплоть до 1856 г., проводились по собственной инициативе самих турецких руководителей, а европейские державы лишь пытались извлечь для себя выгоду из них. Лишь после этой даты реформы проводились под диктовкой и контролем европейских держав, и то Порта во многих случаях сохраняла известную самостоятельность.

Довольно содержательна статья А. Х. Онгунсу «Общий обзор танзиматских реформ и их причин». Танзимат, согласно Онгунсу, явился закономерным следствием реформаторского движения, начатого еще в начале XVIII в.¹¹ Причины зарождения этого движения он делит на «исторически обусловленные» и «непосредственные». К числу «исторически обусловленных» он относит: а) разложение тимариотской системы, являвшейся главной опорой государства; б) устарение существовавшей в империи административно-правовой системы; в) утрата авторитета и влияния султанов среди подданных; г) усиление сепаратистских устремлений; д) отсутствие учреждений, которые могли бы эффективно заниматься финансовыми вопросами. Короче говоря, основными историческими причинами проведения политики реформ были ослабление централизованной государственной власти и потеря обороноспособности страны.

Непосредственным поводом для перехода к этой политике, как он считает, были успехи, достигнутые египетским пашой Мухаммедом Али в области военной, административной и финансовой¹². Период танзимата надо рассматривать как новое звено в цепи реформаторского движения, как попытку «омоложения» государства путем проведения преобразований. Это звено было более содержательным; оно охватило политику, администрацию, право, финансы, армию и т. д. Тем не менее реформы этого периода, за редкими исключениями, были поверхностными¹³. Они проводились непоследовательно. Скачки чередовались с остановками и отступлениями. Нередко реакционерам удавалось остудить пыл реформаторов. Поэтому нельзя считать танзимат фундаментальным мероприятием, тем более называть его революцией¹⁴.

Далее Онгунсу дает характеристику этого периода в следующих пунктах: 1) по сравнению с предыдущими эпохами танзимат явился крупным шагом вперед; 2) он стал переходным между абсолютной монархией и народовласть (республикой); 3) это было одной из попыток мирного разрешения Восточного вопроса. Ценой частичной потери своей независимости османское правительство

добивалось получения коллективной гарантии европейских держав; 4) танзимат положил начало внедрению западной культуры в Османской империи¹⁵.

Все основные документы этого периода, будь то Гюльханейский хатт-ы шериф 1839 г., хатт-ы хумаюн 1856 г. и первая конституция 1876 г., были приняты под давлением внутренних и внешних факторов. Как только давление этих факторов ослабевало, они предавались забвению¹⁶.

В заключение Онгунсу высказывает предположение, что период танзимата продолжался вплоть до 1908 г., когда была провозглашена вторая конституция¹⁷.

Идею о том, что танзимат является лишь звеном в цепи реформаторского движения, или «вестернизации» («гарплылашма») защищает также Э. З. Карал в статье «Вестернизация в дотанзиматскую эпоху». Начало этого движения Карал сводит к началу XVIII в. а конец — к провозглашению республиканского строя. Первый этап вестернизации начинается в период правления дамада Ибрагим-паши, известного в истории Турции как период тюльпанов (Ляле деври). Поскольку в эти годы сношения турок с европейцами стали весьма интенсивными, считает Карал, то последние должны были повлиять на образ мышления турок¹⁸. «В эпоху тюльпанов процветают науки, развивается промышленность, основывается первая типография, появляется много переводной литературы..., начинается всеобщий прогресс аналогично европейскому. Однако этот прогресс (по наивному мнению Карала) был приостановлен восстанием Патроны Халила»¹⁹. В этот период, продолжает он, еще отсутствуют идейные основы европеизации. Еще не написано книг, посвященных причинам упадка империи и указывающих на пути преодоления всеобщего кризиса. Духовенство постоянно проклинает европейцев с их новшествами, а народ, во всем покорный религии, не осознает всей серьезности создавшегося положения. Естественно, что в подобной атмосфере народ не мог требовать каких-либо реформ. Реформы в Османской империи могли быть проведены лишь сверху, как на самом деле и случилось. Они исходили либо от прогрессивно мыслящих султанов, либо от великих везиров, пользовавшихся покровительством монархов²⁰.

Действительно, танзиматские реформы не выросли на пустой почве, а явились закономерным продолжением политики преобразований, осуществлявшейся правящими кругами в предшествующую эпоху. Вместе с тем будет неправильным сводить начало этой политики к эпохе тюльпанов, предполагая, что интенсивные сношения с европейцами могли способствовать изменению традиционного образа мышления турок. Впервые серьезные попытки реорганизации армии и некоторых феодальных институтов были предприня-

ты при султане Селиме III в. конце XVIII—начале XIX вв. Основы же самих танзиматских реформ были заложены уже в годы правления Махмуда II (1808—1839 гг.), когда «европеизация» была возведена до ранга государственной политики.

Забегая вперед скажем, что взгляды Карала в целом разделяет З. А. Полар в своей монографии «Причины гибели Османской империи». «Желание османского правительства проводить реформы,—говорит Полар,—совсем не отражает стремления народных масс. Порта собственноручно отказывается от своих привилегий во имя прогресса. Оно стремится обновлять государственную структуру, а народ сопротивляется этой политике. Почему? Потому, что народ был невежественным и находился под влиянием духовенства, которое видело в реформах прямую угрозу своим привилегиям. Религиозные деятели внушали народу, что изменение существующих порядков несовместимо с духом шариата²¹.

Бесспорно, что позиция духовенства по отношению к политике реформ, не всегда была позитивной. Учитывая возможную реакцию со стороны духовенства, правительство всячески уверяло его, что основные положения танзиматских реформ не затрагивают интересы религии, и доказывало это на практике. Наглядным примером этому является тот факт, что реформы не распространялись на церковные вакфы, где положение вещей оставалось прежним. Не будь поддержки духовенства, вряд ли султан и реформаторы могли бы провозглашать и проводить в жизнь реформы.

С критикой танзимата выступает также автор статьи «Внешние займы в период танзимата» Р. Ш. Сувла. Согласно его мнению, это движение, состоявшее из поверхностных и непоследовательных мероприятий, не оправдало возложенные на него правительством надежды, а превратило страну в «должника» великих держав. Катастрофическое положение, в котором очутилась страна по вине танзиматских лидеров, привело империю к финансовому банкротству. Исходя из этого можно сказать, что танзимат 1839 г. совсем не оправдывает своего названия. Действительный танзимат в Турции начинается лишь в республиканский период, когда были осуществлены реформы Ататюрка²².

Как буржуазный историк, Сувла ищет причины явлений в их внешних проявлениях. Прежде чем изложить свои доводы, он должен был обратить внимание на следующее: ухудшение финансового состояния Османской империи было обусловлено не с несостоятельностью танзиматских реформ, а с тем, что обещанные реформы большей частью остались на бумаге, и феодальные отношения, мешавшие экономическому прогрессу, сохранились; образование внешнего долга Османской империи связано с наступлением первой стадии империализма, когда вывоз капитала начинает приобретать

важное значение. В этом отношении Турция стала одной из первых, но далеко не единственной страной, превратившейся в «должника» промышленно развитых капиталистических держав; что касается «действительного танзимата республиканского периода», если танзимат определяется отсутствием финансовой зависимости, то известно, что внешняя задолженность республиканской Турции имеет все нарастающую тенденцию, что объясняется не внешними факторами, а социально-экономическим строем, господствующим в этой стране.

Статья крупнейшего турецкого историка *О. Л. Баркана* «Танзимат в истории земельного права Турции и аграрный закон 1274 (1858) г. в целом посвящена анализу исторических форм землеустройства в Османской империи и призвана доказать отсутствие феодальных отношений в истории Турции. Однако, подчиняясь веяниям времени, Баркан тоже пытается внести свою лепту в кампанию критики танзиматских реформ. «Естественно,—пишет он,—что государство вправе было взимать ашар (поземельный налог) с крестьян в зависимости от урожайности земли. Но танзиматские руководители, одержимые идеями установления полного равноправия во всем, решили взимать ашар со всех подданных в размере 1/10 части урожая, не считаясь с качеством земли, что привело к резкому уменьшению государственных доходов»²³.

Как известно, «ашар» — основной поземельный налог. В различных районах империи он взимался в разных размерах и колебался в пределах от 10 до 50 % урожая, в зависимости от произвола властей (хотя Баркан это связывает с урожайностью земли). Такие колебания размеров ашара позволяла султанским агентам отнести крестьянские земли к той или иной категории произвольно и взимать налоги в двойном, тройном, а нередко и пятикратном размерах. Поэтому упорядочение сбора налогов и установление твердых размеров налогов, если бы они осуществились на самом деле, намного облегчило бы участь земледельцев и стимулировало бы развитие сельского хозяйства.

В статье «Теократическое государство и ланцистское государство» *С. М. Арсал* сетует на несвоевременность проведения реформ. «Люди,—пишет он,—уполномоченные реализовать политику реформ, не имели четкого представления о том, что им предстояло сделать. А те, кто приблизительно знал, какие реформы требуются стране, не имели ни власти и ни смелости для их проведения. Тем более, что и народные массы не были подготовлены к этому»²⁴. Арсал одним из первых турецких исследователей выдвинул предположение, получившее впоследствии широкую популярность среди его коллег. Сущность его версии состоит в том, что якобы танзиматские реформы способствовали социально-экономическому прог-

рессу христианских подданных, тогда как самих турок они почти не коснулись. «Основные принципы танзиматских хаттов (указы), — жаловался он, — касались, как правило, не мусульманских, а в первую очередь — христианских подданных султана. Мусульмане могли бы извлечь пользу лишь из некоторых реформ, касающихся законодательства и налогообложения. Турки и мусульмане в целом не приобрели ни свободы совести, ни свободы вероисповедания, так как они ими уже пользовались»²⁵.

Среди авторов сборника — С. Дж. Антел. Рассматривая те положительные сдвиги, которые произошли в Турции в середине XIX века в области просвещения, он в статье «Просвещение в эпоху танзимата» приходит к следующему заключению: «В целом танзимат стал весомым шагом по пути распространения западной цивилизации, серьезной попыткой внедрения европейских наук, попыткой освобождения государственного аппарата от влияния духовенства и создания государства европейского образца»²⁶. Однако, как бы испугавшись решительности своего заявления, Антел тут же отступает и утверждает, что «государственные деятели эпохи танзимата не смогли осуществить фундаментальных перемен в государственной структуре и правительственном механизме. Им не удалось уничтожить старые государственные институты, они осуществили лишь некоторые поверхностные преобразования»²⁷.

Я. Абадан в своей статье «Анализ танзиматского рескрипта» считает, что реформы рассматриваемого периода были вызваны к жизни необходимостью обновления и укрепления политического строя и единства; оздоровления и упрочения государственной машины, которая сотрясалась под ударами внутренних противоречий. Гюльханейский хатт-ы шериф отражает взаимоотношения между отдельной личностью (индивидуумом) и обществом и, с этой точки зрения, является документом, «содержащим юридические свободы и гарантии, предоставленные «османскому народу», иными словами, он является «настоящей конституционной хартией»²⁸. Монарх, по собственному желанию, ограничивает свои полномочия, чертит тот «волшебный круг», границы которого он не вправе переступить²⁹. Далее Абадан пишет, что в момент провозглашения танзиматского рескрипта буржуазные и либеральные взгляды в Османской империи были распространены довольно слабо, поэтому в документе не нашли места такие понятия, как свобода слова, печати, другие социальные свободы и т. д.³⁰

О причинах неудач танзиматских реформ Абадан пишет: «Любое движение, лишенное поддержки широких слоев народа, не имеет шансов на успех. Конечные цели танзиматского движения были поняты не массами, которые должны были пожинать его

плоды, а лишь теми, чьи интересы оказывались под угрозой, поэтому как первые, так и вторые встретили реформы враждебно»³¹.

Критике экономических последствий танзимата посвящена также статья О. Дж. Сарча «Танзимат и наша промышленность». Политика открытых дверей, провозглашенная англо-турецким торговым договором 1838 г., по мнению Сарча, заранее предопределила судьбу турецкой экономики. От конкуренции европейских фабричных изделий в первую очередь, пострадала текстильная промышленность страны. В 1845—1855 гг. количество ткацких станков в таких городах, как Дамаск, Алеппо, Амасья, Диарбакыр и Бурса, сильно уменьшилось. Если до 1847 г. в Бурсе действовало более тысячи шелкопрядильных станков, то в дальнейшем их осталось не более 70³². Экономический кризис, вызванный экспансией европейского капитализма в Турцию в первые годы танзимата, постепенно охватил все сферы промышленности и завершился во второй половине XIX в. полным расстройством турецкой экономики. Таков был плачевный итог внедрения западной цивилизации³³. Эту точку зрения разделяет также Ю. К. Тенгиршенк в статье «Внешнеторговая политика». «Само 'собой' разумеется,—пишет он,—Мустафа Решид-паша и его сподвижники не могли предвидеть, что этот договор (торговый договор 1833 г.) в будущем полностью парализует экономику страны»³⁴.

Турецкие исследователи и позже неоднократно возвращались к проблематике танзиматских реформ. Однако они в основном повторяли выводы авторов статей, представленных в сборнике 1840 г. Следует отметить, что до военного переворота 1960 г., когда западная ориентация (особенно в годы правления Демократической партии) была возведена до ранга государственной политики, турецкая историография отличалась крайним консерватизмом и отсутствием научных методов при изучении истории собственной страны. После принятия конституции 1961 г. в Турции были созданы благоприятные условия для распространения прогрессивных идей среди интеллигенции и учащейся молодежи. В этой связи резко увеличился интерес к трудам классиков марксизма-ленинизма, часть которых была переведена на турецкий язык. Повышение политической активности масс заставило также турецких историков по-иному подойти к решению исторических вопросов. В 60—70 гг. их в основном занимали такие задачи, как определение места Турции в мировой истории, выявление причин ее вековой отсталости и поиски путей для ее преодоления. В связи с этим резко возрос интерес к социально-политической истории Турции, в частности к периоду танзимата, который был охарактеризован довоенной турецкой историографией как период превращения Османской империи в полуколонию империалистических держав.

Однако исследователи 60—70-х гг. не ограничивались одной лишь характеристикой танзиматских реформ: они прежде всего хотели определить социальную структуру османского общества, чтобы отнести его к той или иной формации, и показать основные линии ее экономического развития до превращения в сырьевой придаток развитых капиталистических стран.

Появление новых тенденций в турецкой историографии метко определил М. Сенджер в своей книге «Общественная структура Османской империи». «В сегодняшней Турции,—пишет он в предисловии к своей работе,—самым полемичным и самым болезненным является вопрос об общественной структуре турецкого общества. Общественное мнение страны жаждет знать: какие производственные отношения господствуют в нашей стране. А ответить на этот вопрос можно лишь тогда, когда мы будем знать общественную структуру османского общества. Иными словами, чтобы познать наше настоящее, мы должны изучать наше прошлое»³⁵.

Причины социально-экономической отсталости Турции одним из первых попыталась научно обосновать лидер Турецкой рабочей партии (ТРП) Бехидже Боран. В своей книге «Вопросы социализма в Турции» она выделяет две основные причины, которые помешали Турции идти нога в ногу с западной цивилизацией: а) в то время, когда на Западе происходили социальные перемены, готовившие почву для развития капиталистических отношений, в османском обществе велась интенсивная борьба за создание централизованной феодальной государственности. Следовательно, Османская империя вступила в эпоху развитого феодализма значительно позже, чем страны Запада; б) основанная на перекрестке основных торговых линий, связывавших Запад с Востоком, Османская империя могла бы идти по иному пути развития, если бы не великие географические открытия позднего средневековья. В результате этих открытий присредиземноморские страны потеряли значение в международной торговле. Пришли в упадок также крупные торговые центры Анатолии»³⁶.

Таким образом, в XVIII в. в противовес стремлениям капиталистического Запада превратить Османскую империю в сырьевой придаток и рынок сбыта, в стране зародилось движение за европеизацию. Вместе с тем западный капитализм, волей-неволей, способствовал зарождению капиталистических отношений и в самой Турции³⁷. Колониальная политика империалистических держав помешала туркам создать собственную индустрию. Эволюционировали лишь аграрные отношения, что выразилось в распространении крупного частнособственнического землевладения. После узаконения частнособственнических прав на землю в 1858 г. крупные землевладельцы превратились в самый влиятельный класс осман-

ского общества. Благодаря танзиматским реформам феодальные отношения между государством и феодалами были ликвидированы, зато они в полной мере сохранились во взаимоотношениях феодалов-помещиков с крестьянством. В итоге господствующим классом в Турции стала не промышленная буржуазия, а крупные помещики. Это положение сохранилось и в республиканской Турции³⁸.

Вышеприведенные Б. Боран причины отсталости Турции, на наш взгляд, неточны. Истории известны примеры, когда страны, где еще в середине прошлого столетия господствовали феодальные отношения (Германия, Япония), в последней четверти века догнали и обошли в экономическом развитии передовые капиталистические страны того времени. Что касается роли географических открытий, то это является лишь внешним фактором, способным в той или иной мере повлиять на ход развития, но не определять судьбу экономического развития в целом. Становление любого способа производства прежде всего обуславливается обострением внутренних противоречий общества и их разрешением на определенном этапе развития. Географические открытия были не причиной экономического прогресса Запада, а исторической необходимостью, вызванной к жизни новыми, капиталистическими отношениями. Что касается утверждения Боран о том, что капиталистические отношения в Турции начали складываться под воздействием иностранного вмешательства, было бы уместно вспомнить, что еще до начала танзиматских реформ в Турции был накоплен солидный купеческий капитал, который при условии определенного развития производительных сил мог бы перерасти в производственный капитал, т. е. привел бы к установлению буржуазных отношений. Этому помешали, во-первых, отсутствие безопасности личности и имущества; во-вторых, национальная политика турецких правителей: в-третьих, иностранное вмешательство. Большую роль в «отставании» Турции сыграли также представители феодально-помещичьей верхушки, поощряемые Западом, и политика правительства по отношению к инациональной буржуазии, от предприимчивости которой во многом зависела судьба экономики страны.

К освещению танзиматских реформ посвящена глава «Танзиматская эпоха» в уже упомянутой нами книге М. Сенджера³⁹. Рассказывая о принципе равенства, провозглашенном танзиматскими лидерами, Сенджер указывает, что реформы не касались вакуфных земель, и что духовенство, по-прежнему, могло эксплуатировать население этих земель по собственному усмотрению⁴⁰. Земельная реформа 1858 г., превратившая государственные земли «мири» в частнособственнические, была проведена под давлением иностранных держав, которых не устраивали многочисленные табу, сопровождавшие государственную форму землевладения⁴¹. Это утвер-

ждение Сенджера справедливо лишь отчасти. Известно, что крупное частное землевладение было довольно широко распространено в Османской империи еще в начале XIX века. Ликвидация тимариотской (военно-ленной) системы в годы правления Махмуда II неизменно должна была привести к юридическому обоснованию прав частных землевладельцев, которые пользовались ими фактически. Султанское правительство указом 1858 г. лишь узаконила уже сложившиеся земельные отношения. Далее, основываясь на фактах, он показывает процесс превращения империи в сырьевой придаток Запада⁴². В результате недальновидной политики правительства возникли крупные сельскохозяйственные фермы—«чифглики», продукция которых преимущественно предназначалась для экспорта⁴³.

Отсутствие государственных кредитов, которые могли бы финансировать крестьян, привело к накоплению земельных богатств в руках армянских и греческих купцов и саррафов (менял), спекулировавших землей и превращавших крестьян в своих батраков⁴⁴.

В заключение Сенджер приходит к следующим выводам: а) государственная форма землевладения, установленная где-то в середине 16 века, в период танзимата вновь уступила свое место частнособственнической форме землевладения. Этот переход был окончательно завершён в республиканский период; б) замена одной формы землевладения другой вызвала коренные изменения в общественной структуре империи; в) укоренение капиталистических отношений в сельском хозяйстве не сопровождалось установлением буржуазных отношений в городе; г) медленные темпы складывания буржуазных отношений не позволили Османской империи идти по капиталистическому пути развития.

Все это, по заявлению Сенджера, составило историческую основу отсталости современной Турции⁴⁵.

Танзиматским реформам большое внимание уделяет также Д. Авджюглу в своей книге «Государственный строй Турции. Вчера, сегодня, завтра». В отличие от Сенджера, причины отсталости Турции Авджюглу пытается выявить путем сравнительного анализа, выбрав для сравнения пример скачкообразного развития капитализма в Японии.

Реформы танзимата, согласно Авджюглу, как и торговый договор 1838 г., были задуманы Англией. Хотя сама Турция давно нуждалась в преобразованиях, которые обеспечили бы безопасность жизни и имущества, наводили бы порядок в административном управлении, торговле и т. п., но в условиях политики открытых дверей эти реформы послужили лишь интересам западного капитала и способствовали колониальному порабощению Турции. «Сторонники западной ориентации,—жалуется он,—и по сей день пре-

подносят танзимат как процесс «вестернизации» и называют главного архитектора этого периода Мустафу Решид-пашу «великим человеком». Однако подобная вестернизация наблюдается во всех неевропейских странах, ставших впоследствии колониями и полуколониями развитых капиталистических держав. Решид-паша был государственным деятелем нового образца, который сделал свою карьеру не благодаря покровительству придворных сановников, а при поддержке представителя иностранной державы—английского посла лорда Каннинга—настоящего автора танзиматских реформ⁴⁶. Для подтверждения своего заявления Авджыоглу приводит отрывок из заключительной части Гюльханейского хатты-шерифа 1839 г., где говорится, что «дипломатические представители дружественных держав уведомляются о провозглашении танзимата». По мнению Авджыоглу, это предложение дало повод европейцам для вмешательства во внутренние дела Османской империи. Ради достижения своих корыстных целей европейцы преподнесли Турции две «конфеты»: 1) гарантию территориальной целостности и независимости империи; 2) принятие Турции в сообщество европейских стран на равноправных началах. К сожалению, продолжает он, через некоторое время принцип территориальной целостности был нарушен и империя была разделена. Что касается равноправного членства Турции, то это было всего лишь пустым звуком, поскольку режим капитуляций не позволял ей защищать свои интересы на международной арене⁴⁷. Следовательно, танзиматское движение, с юридической точки зрения, было не процессом «вестернизации», а превращением в полуколонию Запада⁴⁸. Единственно, кто извлек пользу от этих реформ, это греческие и армянские компрადоры, являвшиеся слугами западного капитала⁴⁹.

Подытоживая свое отношение к танзиматским реформам, Авджыоглу приходит к следующему заключению: турецкая экономика, лишенная возможности самостоятельного развития, не только не создала современной промышленности, но и лишилась своих традиционных отраслей; заняв ключевые позиции в турецкой экономике, западный капитал препятствовал ее прогрессу; в итоге не была обеспечена безопасность жизни и имущества—один из важных факторов прогресса; не была создана административно-налоговая система, которая могла бы поощрять рост производительных сил; в конечном счете в Турции был установлен такой общественный строй, который можно характеризовать как капитализм колониального типа с преобладанием аграрной продукции⁵⁰.

К изучению истории реформ в Турции посвящена также книга Н. Беркеса «Модернизация в Турции», вышедшая на английском, затем и на турецком языках. Это книга охватывает историю реформ, начиная с XVIII в. и кончая реформами республиканского

периода. В ней большое место уделено периоду танзимата, как качественно новому периоду в истории Османской империи.

Танзиматский хатт-ы шериф 1839 г., согласно Беркесу, не является ни конституцией, ни сводом законов. Это скорее всего — хартия, аналогичная тем, что провозглашались европейскими монархами. Но, в отличие от европейских, турецкая хартия ограничивает абсолютную власть монарха лишь в его взаимоотношениях с правительством, а не народом⁵¹. Многие пункты рескрипта были сформулированы довольно туманно, что позволяло представителям великих держав внести в них свои коррективы. Вследствие этого в 1856 г. была провозглашена вторая программа реформ, так называемый хатт-ы хумаюн 1856 г., который состоял из конкретных реформ, которые Порта обязалась проводить⁵². Если рескрипт 1839 г. в принципе отражал стремления мусульман, то хатт-ы хумаюн 1856 г. отвечал интересам лишь христианских подданных, по этой причине был встречен в штыки многими государственными деятелями и духовенством. Этот документ стал манифестом национальной независимости христианских народов империи⁵³.

Одним из танзиматских новшеств было отделение гражданского судопроизводства от религиозной, т. е. создание судов «низамийе» (в отличие от религиозных — «шерийе»), которые подчинялись вновь созданному министерству юстиции, тогда как шариятские суды оставались в подчинении шейх-уль ислама. Подобный дуализм в судопроизводстве привел к обострению противоречий в правовой системе Турции и нередко вызывал конфликты между сторонниками «лаицизма» и «шариата»⁵⁴.

Указ 1856 г. сыграл важную роль в жизни христианских подданных. Были созданы благоприятные условия для образования их национального единства. С другой стороны, в состав вновь созданных национальных советов, так называемых меджлисов, вошли не клерикалы, а гражданские лица. В итоге танзимат способствовал становлению христианских наций, управление которых с самого начала было доверено гражданским чиновникам. Они получали стимул к созданию национальных лаицистских государств. В этой области, пишет Беркес, особых успехов добились армяне, которые провозгласили свою национальную конституцию, утвержденную в 1863 г. турецким правительством. Думается, что танзиматские лидеры при составлении текста первой турецкой конституции (1876 г.) многое переняли от конституции армян⁵⁵.

Что касается мусульман, то религиозные правила мешали им объединиться вокруг одной нации. А насчет лаицизации государства не могло быть и речи. В Османской империи нельзя было допустить возможности существования независимой от государства религиозной организации. Столкновение религиозных догм с пе-

рениями у Запада институтами постепенно привело к тому, что государство лишилось своих юридических основ, и вместе с тем оно не смогло стать представителем подданных всех национальностей. В результате возникло конституционное движение турок, основанное на принципах национализма⁵⁵.

Большой ошибкой танзиматских лидеров было их пренебрежительное отношение к экономическим предприятиям. В то время как у христиан (преимущественно у армян и греков) развивалась национальная буржуазия, не были созданы условия для образования собственно-турецкой буржуазии, которая могла бы стать носителем общенационального прогресса⁵⁷.

Неустойчивая внутренняя политика правительства способствовала возникновению разных политических течений—панисламизма, паносманизма и пантюркизма. Представители этих течений по-разному пытались разрешить внутренние противоречия османского общества, но особого успеха не добились⁵⁸.

Таким образом, танзиматские реформы, в изложении Беркеса, были положительными лишь только для подданных христиан, а самим туркам ничего, кроме обострения внутренних противоречий общества, не дали. Здесь было бы уместно привести изречение Маркса о том, что «греки, армяне, славяне и западноевропейцы, обосновавшиеся в больших морских портах, держат в своих руках всю торговлю, и у них нет решительно никаких оснований благодарить турецких беев и пашей за возможность ею заниматься»⁵⁹. Становление инонациональной торговой буржуазии в Османской империи началось задолго до танзимата, и если накопленный в ее руках торговый капитал не превратился в промышленный (что дало бы большой толчок развитию экономики империи в целом), то в этом виноват в первую очередь социально-экономический строй Османской империи.

В заключение нам бы хотелось остановиться еще на одной книге, «доказывающей» привилегированное положение армян, полученное ими в результате танзимата. Эта книга Инайетуллаха Джемала Озка, изданная на французском языке и носящая провокационное название «Армянский народ и попытки порабощения турецкого народа». Здесь мы не будем говорить об антинаучных взглядах автора, пытавшегося (даже основываясь на армянских источниках!) доказать, что истории армянского народа и армянского государства вообще не существовало, а остановимся лишь на той главе книги, где он «анализирует» положение армян в годы танзимата.

Рескрипты этого времени, согласно Озка, позволяли христианам принимать активное участие в общественно-политической жизни империи и пользоваться всеми правами, что и мусульмане.

Они могли называть себя «османлы», могли стать членами всяких административных советов, словом, пользоваться всеми благами⁶⁰.

Османская администрация, действительно, не была лишена пороков: ее извратили постоянные войны, восстания и т. д. Как бы там не было, от произвола администрации больше всех страдало турецкое население (!), носившее на своих плечах всю тяжесть военной службы, тогда как немусульмане откупались от нее и, занимаясь торговлей и ремеслами, постепенно приобщались к западной цивилизации. Турки же имели свою «древнюю цивилизацию, от которой не хотели отказаться, поэтому все новое воспринимали с явной неохотой»⁶¹. Поскольку иностранными языками преимущественно владели армяне, турецкие власти разрешали им занимать важные посты в разных государственных учреждениях. Лояльность и преданность, проявленные армянами, оценивались турками, которые называли их преданным народом — «миллет-и садака». Им разрешали заниматься банкирством, торговлей и ремеслами. «Кто мог бы подумать, что когда-нибудь армяне восстанут против государства и заключат союз с врагами империи и потребуют автономию и даже независимость!»⁶². После заключения Парижского трактата 1856 г. армяне в Турции пользовались почти полной независимостью и национальным суверенитетом. Правительство имело лишь теоретическое право контролировать деятельность армянского Национального совета, но этим правом почти не пользовалось. Несмотря на все это, армяне восстали против турок, чтобы на руинах Турции создать свое государство⁶³. Критиковать взгляды Озкая было бы излишне, поскольку советские туркологи подвергли доскональной критике антинаучные извращения исторических фактов турецкими историками, тем более, что Озкая лишь повторяет доводы реакционно настроенных турецких исследователей.

В последнее время в Турции опубликованы и другие работы, однако большинство из них повторяют уже изложенные здесь точ-ки зрения.

Обобщение взглядов турецких исследователей, занимающихся проблемами периода танзимата, дает возможность сделать следующие выводы. Танзиматские реформы стали объектом пристального изучения туркологов многих стран, в том числе и самих турок, еще во второй половине прошлого века. Авторы первых заметок о танзимате были очевидцами событий тех времен, свидетелями развала экономики империи и поэтому критиковали танзиматских лидеров за неумелую экономическую политику, превратившую страну в сырьевой придаток развитых промышленных стран. Интерес к этому периоду сильно возрос после критических выступлений Ататюрка. В 20—30-х гг. в турецкой историографии был выра-

ботан новый подход к оценке танзиматских реформ. Взгляды турецких исследователей были обобщены в танзиматском сборнике, выпущенном в 1940 г. Несмотря на некоторые разногласия, авторы этого сборника в целом придерживались следующих взглядов: а) Танзимат является звеном в цепи реформаторского движения, которое берет свое начало с XVIII века и завершается реформами Ататюрка, поэтому его надо рассматривать в историческом развитии; б) в отличие от предыдущих и последующих реформ, реформы танзимата проводились под диктовкой западных держав и преследовали цель удовлетворить общественное мнение Европы и христианских подданных империи; в) реформаторское движение было результатом стараний отдельных государственных деятелей империи, а народные массы в нем не принимали никакого участия; г) реформы этого периода были поверхностными и непоследовательными, но в какой-то степени способствовали внедрению европейской цивилизации в Османской империи.

Здесь следует особо остановиться на утверждении о якобы «внеклассовости» танзиматских реформ, поскольку идея о пассивности народных масс в этом движении весьма популярна среди турецких и западных исследователей. Что такое реформа и почему она проводится? На этот вопрос исчерпывающий ответ был дан классиками марксизма-ленинизма. «Реформа,—писал В. И. Ленин,—есть уступка, которую делают правящие классы, чтоб задержать, ослабить или затушить революционную борьбу, чтобы раздробить силу и энергию революционных классов, затемнить их сознание и т. д.»⁶⁴.

В силу особых обстоятельств классовая борьба в Османской империи с самого начала приняла национальную форму, поскольку подавляющую часть населения империи составляли нетурецкие народы. Национально-освободительная борьба против турецкой тирании одновременно была социальной борьбой, направленной против господствовавшего феодального класса, который, как правило, был представлен турками. Истории известны факты, когда против произвола феодалов многие турецкие трудящиеся боролись совместно с нетурецкими народами. «Социальные реформы,—писал К. Маркс,—никогда не бывают обусловлены слабостью сильных; они должны быть и будут вызваны к жизни силой слабых»⁶⁵. По всей видимости, мощным фактором, заставившим правящие классы Турции проводить реформы вообще и танзиматские, в частности, было именно давление «слабых», т. е. народных масс всех национальностей. Что касается внедрения европейской цивилизации, то подобная европеизация, или «вестернизация», происходила во всех странах, превращенных в колонии и полуколонии капиталистических держав.

Вторично интерес турецких исследователей был прикован к реформам танзимата в 60—70-х гг. XX в. в связи с возросшим интересом к социально-экономической истории Турции среди интеллигенции и учащейся молодежи. Несмотря на противоположность убеждений, в освещении вопросов истории, авторы рассмотренных выше работ во многом солидарны друг с другом. Например, такие исследователи, как Б. Боран, М. Сенджер, Д. Авджюоглу и др. в своих исследованиях пытаются определить место Османской империи в общечеловеческой истории и выявить характер существовавших в ней социально-экономических отношений.

Մ. Տ. ԲՈՋՈՒՅԱՆ

**ԹԱՆԶԻՄԱԹՅԱՆ ԲԱՐԵՓՈԽՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԼՈՒՍԱԲԱՆՈՒՄԸ
ԹՈՒՐԶԱԿԱՆ ՊԱՏՄԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ**

Ա. մ փ ո փ ու մ

XIX դարի 30—70-ական թթ. օսմանյան կառավարող շրջանների կողմից իրագործված բարեփոխությունները, որոնք հայտնի են թանգիմաթյան բարեփոխություններ անվանումով, վաղուց գրավել են արևելագետների ուշադրությունը: Բուն Թուրքիայում, մինչ հանրապետական կարգերի հաստատումը, այդ հարցի մասին առանձին աշխատություններ չեն եղել: Թանգիմաթը թուրք պատմաբանների հատուկ ուսումնասիրության առարկա է դարձել լոկ XX դարի 30-ական թթ-ին, երբ նրանց ընդհանուր ջանքերով լույս է տեսել «Թանգիմաթ» բազմաժանյալ աշխատությունը, որը նվիրված է հիշյալ շրջանի հարցերի բազմակողմանի լուսաբանմանը:

Այդ բարեփոխությունները վերստին թուրք հետազոտողների ուշադրության կենտրոնում էին գտնվում դարիս 60—70-ական թթ-ին՝ Թուրքիայի դարավոր հետամնացության պատճառները լուսաբանելու ուղղությամբ ծավալված վիճաբանության առթիվ: Որոշ հեղինակներ փորձում են որոշել Օսմանյան կայսրության տեղը համաշխարհային պատմության մեջ և բնութագրել նրանում գոյություն ունեցող սոցիալ-տնտեսական հարաբերությունները:

- 1 *N. Berkes*, Türkiye'de Çağdaşlaşma, Ankara, 1973, s. 207—208.
- 2 *Z. Polar*, Osmanlı İmparatorluğunun çöküşüne Sebep ve Etkileri, İstanbul, 1962, s. 23.
- 3 „Tercüman-ı Ahvâl“, 13 sefer 1278 (20 ağustos 1861); Türk Ziraat tarihine Bir Bakış, İstanbul, 1938, s. 109.
- 4 *D. Avcıoğlu*, Türkiye'nin Düzeni (Dün, bugün, yarın), 4. basım, aralık, 1969, s. 77.
- 5 *Atatürk*, Söylev ve Demeçler, c. I, s. 199.
- 6 *Y. Akçura*, Siyaset ve İktisat, İstanbul, 1924, s. 64.
- 7 Там же.
- 8 *Z. F. Fındıköğlu*, Tanzimatta İçtimai Hayat, —Tanzimat, I, İstanbul, 1940, s. 657—658.
- 9 *H. Veldet*, Kanunlaştırma Hareketleri ve Tanzimat, —Tanzimat, I, s. 170—171.
- 10 *Z. F. Fındıköğlu*, a. g. y., s. 644.
- 11 *A. H. Ongunsu*, Tanzimat ve Amillerine Umumi Bir Bakış, —Tanzimat, I, s. 10.
- 12 Там же, с. 6.
- 13 Там же, с. 7.
- 14 Там же, с. 8.
- 15 Там же, с. 9.
- 16 Там же, с. 10.
- 17 Там же.
- 18 *E. Z. Karal*, Tanzimattan Önce Garplılaşma Hareketleri, —Tanzimat, I, s. 14—15.
- 19 Там же, с. 15.
- 20 Там же, с. 17.
- 21 *Z. A. Polar*, a. g. y. s. 23.
- 22 *R. S. Suvla*, Tanzimat Devrinde İstikrazlar, —Tanzimat, I, s. 263.
- 23 *O. L. Barkan*, Türk Toprak Hukuku Tarihinde Tanzimat ve 1274 (1858) tarihli Arazi Kanunnamesi, —Tanzimat, I, s. 357.
- 24 *S. M. Arsal*, Teokratik Devlet ve Laik Devlet, —Tanzimat, I, s. 93.
- 25 Там же, с. 92.
- 26 *S. C. Antel*, Tanzimat Maarifi, —Tanzimat, s. 445.
- 27 Там же.
- 28 *Y. Abadan*, Tanzimat Fermanının Tahlili, —Tanzimat, I, s. 33.
- 29 Там же, с. 42.
- 30 Там же, с. 53.
- 31 Там же, с. 56.
- 32 *O. C. Sarç*, Tanzimat ve Sanayimiz, —Tanzimat, I, s. 423—425.
- 33 Там же, с. 428.
- 34 *Y. K. Tengirşenk*, Harici Ticaret Siyaseti, —Tanzimat, I, s. 319.
- 35 *M. Sencer*, Osmanlı Toplum Yapısı. Devrim Stratejisi Açısından., İstanbul, 1969, s. 5.

- 36 *B. Boran*. Türkiye ve Sosyalizm Sorunları, İstanbul, 1968, s. 7—13.
- 37 Там же, с. 15.
- 38 Там же.
- 39 *M. Sencer*, а. г. у., s. 311—324.
- 40 Там же, с. 312.
- 41 Там же, с. 318.
- 42 Там же, с. 321—322.
- 43 Там же, с. 323.
- 45 Там же, с. 324.
- 46 *D. Avcioglu*, а. г. у., s. 79—80.
- 47 Там же, с. 81.
- 45 Там же, с. 324.
- 48 Там же, с. 82.
- 49 Там же.
- 50 Там же, с. 116.
- 51 *N. Berkes*, а. г. у., s. 187.
- 52 Там же, с. 189.
- 53 Там же, с. 190.
- 54 Там же, с. 190—192.
- 55 Там же, с. 201.
- 56 Там же, с. 202.
- 57 Там же, с. 218.
- 58 Там же,
- 59 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., изд. II, т. 10, с. 25.
- 60 *I. Cözkaya*, Le Peuple Arménien et les tentatives de rendre en servitude. le Peuple Turc, Ankara 1973, p. 183.
- 61 Там же.
- 62 Там же.
- 63 Там же.
- 64 *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 15, с. 107.
- 65 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., изд. II, т. 4, с. 254—255.

Հ. Հ. ԳԱԼՍՏՅԱՆ

ԱՐԵՎՄՏՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԲՆԱԿԱԶՈՒԹՅԱՆ ԱԶԳԱՅԻՆ ԿԱԶՄԸ
ԸՍՏ ՎԻՏԱԼ ՔԻՆԵԻ ՎԻՃԱԿԱԳՐՈՒԹՅԱՆ

Վ. Քինեի քառահատոր «Ասիական Թուրքիան» աշխատությունը, որը հրատարակվել է XIX դ. 90-ական թվականներին, այլազան բնույթի շահեկան տեղեկությունների հետ տալիս է նաև Օսմանյան կայսրության ասիական վիլայեթների, վարչական ենթաշրջանների՝ սանջակների, կազանների, քաղաքների բնակչության ազգային կազմի վերաբերյալ վիճակագրական տվյալներ¹։ Այն, մանրամասնությունների տեսակետից եղակի լինելով, դարձել է բազմաթիվ ուսումնասիրությունների, հանրագիտարանների, տեղեկատուների և դիվանագիտական փաստաթղթերի հիմնական սկզբնաղբյուր։

Սակայն թուրքական պաշտոնական և մեծ մասամբ մինչ այդ չհրապարակված տվյալներ ընդգրկող այդ վիճակագրությունը զերծ չէ մի շարք խոշոր թերություններից, խեղաթյուրված է ներկայացնում վիլայեթների դեմոգրաֆիական վիճակը, բնակչության ազգային կազմը, մասնավորապես արևելյան վիլայեթների մեծ մասում հայ ազգաբնակչության թվաքանակը։

Մի շարք պատմաբաններ, անդրադառնալով Արևմտյան Հայաստանի հայ ազգաբնակչության թվաքանակի հարցերին, իրավացիորեն խորհուրդ են տվել քննադատաբար մոտենալ Վ. Քինեի հրապարակած տվյալներին, սակայն նկատված թերությունները, սխալները փորձել են պատճառաբանել ընդհանրապես Օսմանյան կայսրությունում կանոնավոր վիճակագրության բացակայության, զինվորական հարկից ազատվելու նպատակով քրիստոնյաների հաշվառումից խուսափելու, հայկական հարցի կապակցությամբ թուրքական իշխանությունների կողմից հայ ազգաբնակչության թվաքանակը դիտավորյալ նվազեցնելու հանգամանքներով։ Ոմանք էլ, հայկական հարցի նկատմամբ ունենալով մերժողական տրամադրություններ, աշխատել են Վ. Քինեի վիճակագրության տվյալները ներկայացնել որպես հավաստի։

Ուստի, ներկա հողմածի հնարավորութիւնների սահմաններում կաշխատենք ցույց տալ հայ ազգաբնակչության թվաքանակի վերաբերյալ վիճակագրութեան հեղինակի թույլ տված սխալները և միտումները:

Հայ ազգաբնակչության թվի միտումնավոր նվազեցումը թուրքական իշխանութիւնների և Վ. Քինսի կողմից կատարվել է հիմնականում երկու եղանակով.

Առաջին՝ սովորական նվազեցման եղանակ. հաշվի են առնվում խնդրո առարկա վիլայեթի կամ ենթաշրջանի բոլոր հայաբնակ բնակավայրերը, սակայն դրանց հայ ազգաբնակչութունը ներկայացվում է նվազեցված:

Երկրորդ՝ առանձին ենթաշրջաններում բնակչության ամբողջովին կամ մասնակի անտեսման եղանակ: Այս եղանակը հնարավորութուն է տալիս մոռացութեան մատենել ավելի քան հարյուր հազար հայերի միայն Արևմտյան Հայաստանում: Այս եղանակի առկայութիւնը Վ. Քինսի վիճակագրութեան մեջ դիտողների ուշադրութիւնը չի գրավել, թեև, օրինակ, Արշակ Ալբոյաշյանը Մալաթիայի կազայի վերաբերյալ վիճակագրութեան տվյալները քննարկելիս նկատել է, որ թե՛ ամբողջ կազայում, թե՛ կենտրոնական ավանում (Մալաթիա քաղաքում) բնակվող կաթոլիկ և բողոքական հայերի համար նույն թվերն են տրվում, և որ Մալաթիայի գավառում, ըստ այդ տվյալների, բացի քաղաքից, ուրիշ տեղ կաթոլիկ և բողոքական հայեր չկային, ու պատասխանում է. «Ինչ որ սխալ է, վասն զի կային»:

Երկրորդ եղանակը, առաջինի հետ զուգակցված ավելի լայն և միանգամայն ավելի բացահայտ օգտագործվել է Արևմտյան Հայաստանի երկու վիլայեթներում՝ Վանում և Խարբերդում, նաև հարևան Հալեպի վիլայեթում: Ծվ պատահական չէ, որ այդ երեք վիլայեթների հայ ազգաբնակչության վերաբերյալ տվյալները խիստ տարբերվում են Կ. Պոլսի հայոց պատրիարքարանի կողմից ներկայացված տվյալներից: Ուստի կանգ կառնենք այդ վիլայեթների վրա:

Ա. Վ Ա Ն

Վանի կազան դեռևս XIX դ. վերջերին Արևմտյան Հայաստանի բազմամարդ և առավել հայաշատ կազաններից մեկն էր: Այնտեղ կային բազմաթիվ գյուղեր: Ըստ Վ. Քինսի՝ 154 գյուղ³: Այդ թիվը համապա-

տասխանում է իրականությունը: Վանի վիլայեթի 1897 թ. տարեգիրքը ևս հաղորդում է 154¹: Սակայն նույնը չի կարելի ասել ազգաբնակչության վերաբերյալ՝ Վ. Քինեի կողմից բերված տվյալների համար: Ըստ Վ. Քինեի, Վանի կազայի ընդհանուր բնակչությունը կազմում էր 35500 մարդ², որից 30 հազարը բնակվում էր Վան քաղաքում³: Նշանակում է, որ 154 գյուղերում բնակվում էր ընդամենը 5500, կամ միջին հաշվով մեկ գյուղում 36 մարդ: Վանի կազայի դեմոգրաֆիական վիճակին ծանոթ որևէ մեկը չի կարող ընդունել այդ համեմատությունից բխող հետևությունը և բնականաբար կմտածի խոշոր մի սխալի առկայության մասին:

Վանում ուսական հյուպատոսի տեղակալ Վ. Տ. Մայեսկին մոտիկից ծանոթ լինելով Վանի դեմոգրաֆիական վիճակին, թեև հիմնականում Վ. Քինեի տվյալներն ընդունում է, սակայն անհրաժեշտ է համարում կանգ առնել վերը բերված սխալի վրա: Նա իրավացիորեն գրում է. «Կարելի է ցույց տալ 3—4 գյուղեր, որոնցից յուրաքանչյուրն ունի 1000—1500 բնակչություն: Իսկ ի՞նչ է մնում մնացյալ 150 գյուղերին...»: Եվ իր այս հարցին տալիս է հետևյալ պատասխանը. «Պետք է ենթադրել, որ Վանի կազայի բնակչությունը թվարկելիս սխալմամբ ընդհանուր գումարի մեջ չի մտել Վան քաղաքի բնակչությունը⁴»: Այդ կարծիքին է հղել նաև Գրյազնովը: Սակայն և՛ Մայեսկին, և՛ Գրյազնովը սխալվում են, որովհետև ինչպես ցույց է տալիս Վանի կազայի և Վան քաղաքի բնակչության վերաբերյալ տվյալների ամփելի մանրամասն՝ ըստ ազգությունների համեմատությունը, Վ. Քինեի կողմից հաշվառման չի ենթարկվել ոչ թե քաղաքի ընդհանուր բնակչությունը, այլ՝ հայ գյուղացիությունը:

Ըստ Վ. Քինեի, Վանի կազայում բնակվում էին 21500 մահմեդականների հետ 12498 հայեր, 1002 այլ քրիստոնյաներ և 500 հրեաներ⁵: Սակայն նույնիսկ նվազեցված տվյալներով այդ 12498 հայերը, 1002 այլ քրիստոնյաները և 500 հրեաները միայն Վան քաղաքի բնակիչներն են հղել⁶:

Ուրեմն Վ. Քինեն ամբողջովին անտեսում է Վանի կազայի ոչ մահմեդական գյուղացիությունը, որը հիմնականում հայերից էր բաղկացած: Ըստ այդ համեմատության, գյուղերում բնակվում էին միայն 5500 մահմեդականներ:

Մեզ մնում է ապացուցել մի հանրահայտ փաստ, որ Վանի կազայում կային հայաբնակ գյուղեր: Համառոտակի անդրադառնանք այդ հարցին:

Ըստ Վ. Տ. Մայակու կողմից բերված գյուղացուցականների, որոնք հավանաբար ընդօրինակված են թուրքական պաշտոնական անտիպաղբյուրներից, Վանի կազայում, այսինքն՝ նրա Վան-Տոսպ, Հայոց-Ձոր, Թիմար և Արճակ նահիյաններում (գյուղախմբերում), Վան քաղաքից բացի, կային 167 գյուղեր՝ 7739 տուն ընդհանուր բնակչությամբ։ Հայաբնակ էին 106 գյուղեր, որոնցից 46-ը՝ զուտ հայաբնակ։ Հայ գյուղացիությունը բաղկացած էր 4824 տնից, որը կազմում էր տների ընդհանուր թվի 62 տոկոսը¹⁰։

Ա.-Դոյի ջանքերով կազմված գյուղացուցականների համաձայն, Վանի կազայի նույն շրջա նահիյաններում կային մոտավորապես նույնքան հայաբնակ գյուղեր՝ 110 գյուղ (5781 տուն), Մայակու տվյալների համեմատությամբ 957 տուն ավելի, ուր Ա.-Դոյի կարծիքով կարելի է հաշվել 38 հազար մարդ¹¹։ Մեր կարծիքով այդ թիվը կարելի է ընդունել որպես նվազագույն թիվ, որովհետև Վ. Քինեի վիճակագրության կազմվելու թվականին, այսինքն՝ հայկական կոտորածներից առաջ, հայերը բնականաբար ավելի մեծ թիվ էին կազմում։

Վ. Քինեի վիճակագրության մեջ անտեսվել են նաև Վանի կազայի գյուղերում բնակվող, թեև փոքրաթիվ նեոստորականները (187 տուն), ելիդի քրդերը (138 տուն)¹²։

Բ. ՄԵԾԿԵՐՏ, ԲԵՐԻԻ, ԲԵՐԴԱԿ

Հայ գյուղացիությունը ամբողջովին անտեսվել է նաև Բերդակի, Մեծկերտի և Չարսանջակի (Բերրիի) կազաններում, որոնք ըստ վարչական բաժանման, մտնում էին հարբերդի վիլայեթի Դերսիմի սանջակի մեջ։

Վ. Քինեի տվյալների համաձայն Բերդակում բնակվում էին ընդամենը 701 հայեր, Մեծկերտում՝ 811, Բերրիում՝ 819. բոլորը համանուն գավառականների կենտրոնական ավաններում, իսկ գյուղերում՝ մահմեդականներ, քրդեր և ղզլբաշներ¹³։

Համաձայն Վ. Քինեի ներկայացրած վարչական բաժանման, հարեվան այդ գավառակները առանձին կազաններ էին։ Սակայն թե՛ Վ. Քինեից առաջ և թե՛ հետո, դրանք հաճախ որպես ենթաշրջաններ, մտնում էին մեկը մյուսի մեջ։ Ուստի ավելի նպատակահարմար է դրանք դիտել որպես մի ամբողջություն։ Իրոք ոչ հեռավոր անցյալում այդ երեք գավառակները Սաղմանի հետ միասին կազմում էին վարչական մի միասնություն՝ Չարսանջակ (Չորս գավառ) անվանումով։ Հայկական եկե-

ղեցու թեմական բաժանումը ևս համապատասխանում էր վարչական այդ բաժանման: Բերդակը, Բերրին, Մեծկերտը հանդիսանում էին Չարսանջակի առաջնորդության թեմերը: Չարսանջակի առաջնորդությանն էին կապված նաև Խոզաթի գավառակի 11 և Իրենց տեղադրությամբ Չարսանջակին հարող մի քանի այլ հայաբնակ գյուղեր, թեև վարչական բաժանումով մտնում էին այլ կազմաների մեջ¹⁴:

Չարսանջակը որպես վարչական միավոր, երկար չի պահպանել իր գոյությունը: Տրոհվել է առանձին շրջանների: Սակայն հայկական եկեղեցու թեմական բաժանումը մինչև առաջին համաշխարհային պատերազմը հիմնականում մնացել է անփոփոխ: Այդ պատճառով էլ «Չարսանջակ» հասկացությունը հայկական պատմագագագրական գրականության մեջ ընկալվում է նույնպես անփոփոխ:

Չարսանջակն այդ սահմաններում Արևմտյան Հայաստանի հայաբնակ գավառներից էր:

Բացի Խոզաթին ենթակա 11 և մի քանի այլ գյուղերից, որոնք վարչական բաժանումով պատկանում էին հարևան կազմաներին, Բերրիի, Բերդակի, Մեծկերտի գավառակներում, կենտրոնական ավաններից բացի, կային 60-ի մոտ հայաբնակ գյուղական բնակավայրեր, որոնց հայ ազգաբնակչության թիվը հասնում էր 15 հազարի: Կարելի է վիճարկել, իհարկե, այդ թիվը: Սակայն կարևոր են հարաբերական թվերը ևս: Այդ դեպքում էլ, թեև տարբեր աղբյուրներ տարբեր թվեր են ներկայացնում հայ և այլազգի բնակչության համար, այնուամենայնիվ ցույց են տալիս, որ հայերը կազմում էին բնակչության մեծամասնությունը: Ըստ 1872—1873 թթ. Կ. Պոլսի Հայոց պատրիարքարանին կից Աղգային Կենտրոնական վարչության հրատարակած գավառական վիճակագրության, Չարսանջակի այդ 60 գյուղերի 2252 տուն բնակչությունից 1254-ը (56%) հայեր էին¹⁵, իսկ ըստ 1894 թ. մարդահամարի տվյալների՝ 2973 տնից՝ 1769-ը (60%)¹⁶:

Այդ մասին է վկայում նաև Խարբերդի վիլայեթի 1880 թ. պաշտոնական վիճակագրությունը, ուր ներկայացված է վիլայեթի միայն տղամարդկանց թիվը: Հայերի վերաբերյալ թվերը քաղված են զինվորական հարկը վճարողների, իսկ մահմեդականների (թուրքերի) վերաբերյալ տվյալները՝ զինծառայության համար պահվող կառավարական ցուցակներից: Մահմեդականների թվի վրա գումարվել է նաև քրդերի և ղզլբաշների թիվը¹⁷: Այդ վիճակագրության մեջ Չարսանջակի վարչական բաժանումն էլ մի քիչ այլ կերպ է ներկայացված: Կազա է հիշվում միայն Բերրին, իսկ Բերդակը՝ նրա նահիեն: Հավանական է, որ Մեծ-

կերտն էլ գտնվում էր Բերրիի կազմում: Այդ վիճակագրության համա-
ձայն, շնայած Բերդակի նահիեում բնակչության մեծամասնությունը
մահմեդականներ էին, այնուամենայնիվ ամբողջությամբ վերցրած
Բերրիի կազայում նորից հայերն էին կազմում բնակչության մեծա-
մասնությունը (52%):

Մինչդեռ Վ. Քինեի վիճակագրությունը, նվազեցնելով քաղաքա-
բնակ հայ ազգաբնակչության թիվը և բոլորովին անտեսելով հայ
գյուղացիությունը, այդ երեք հարևան գավառակների հայ ազգաբնակ-
չությունը ներկայացնում է ամբողջ բնակչության 13%-ը:

Գ. ՄԱՐԱՇ

Ըստ Քինեի, Մարաշի կազայում բնակվում էին ընդամենը 6015
հայեր, այդ թվում՝ 6008 քաղաքաբնակներ¹⁸: Պարզվում է, որ հայ
գյուղացիությունը բաղկացած էր ընդամենը 7 մարդուց: Հետևաբար
այստեղ ևս հայաբնակ գյուղերն անտեսվել են: Մարաշի կազայում
կային մի շարք մեծ ու փոքր հայաբնակ գյուղեր: Ըստ Գր. Հ. Գալուստ-
յանի «Մարաշ կամ Գերմանիկ» գրքի տվյալների, որտեղ տեղեկու-
թյուններ են տրվում 22 գյուղերի մասին, իրենց բազմամարդությամբ
աչքի են ընկնում Ֆընտըճագը (400—500 տուն), Դերե-քյոյն (140 տուն),
Քիշիֆլին (80 տուն), Ծնիչե-կալեն (Նասարա) և Դյոնգելեն (յուրա-
քանչյուրը 60-ական տուն): Մնացյալները հղել են փոքր՝ 10—30 տուն
բնակչությամբ¹⁹:

Դ. ԱԼԻՍՍԱՆ

(Հալեպի վիլայեթում)

Մարաշի սանջակի Ալբիստանի կազայում, ըստ Վ. Քինեի, հղել են
միայն 154 հայեր՝ բոլորը քաղաքաբնակներ²⁰:

Վ. Քինեն իր աշխատության երկրորդ հատորի 114-րդ էջում առան-
ձին աղյուսակով տվել է Հալեպի վիլայեթի բնակչության վիճակագրու-
թյունը՝ ըստ սանջակների և կազանների, որտեղ մի շարք կազաներում
նվազեցված է հայերի և լատինացիների՝ այլ քրիստոնյաների թիվը: Նա
կազանների մասին առանձին-առանձին խոսելիս, ըստ երևույթին, կատար-
ված խեղաթյուրումն ընթերցողի ուշադրությանը չհանձնելու նպատակով,
տալիս է քրիստոնյաների ընդհանուր թիվը՝ փակագծերում նշելով,
որոշ ժանոթություններ ազգությունների մասին: Այսպես, ամբողջ Ալ-

բիստանի գաղառակի և համանուն քաղաքի վերաբերյալ վիճակագրության մեջ տրվում է քրիստոնյաների ընդհանուր թիվը՝ 2954 մարդ²¹։

Ս. էփրեկյանի տվյալներով հայերի թիվը հասնում է 3000-ի։ Սակայն նա ևս անտեսում է երկու հայաբնակ գյուղեր²²։ Այդ սխալը, պարզ է, որ գալիս է նրա օգտագործած աղբյուրից՝ Վ. Քինեի վիճակագրությունից։ Ս. էփրեկյանը, որն ընդհանրապես կասկածի է ենթարկում Վ. Քինեի տվյալները, ներկա դեպքում, լռելյայն ուղղում մտցնելով նրա տվյալների մեջ, իրավացիորեն 3000 քաղաքաբնակ քրիստոնյաների ներկայացրել է որպես հայեր։ Սակայն, ըստ երևույթին, անհնար է անընդհատ սխալների հետ գործ ունենալ և չսխալվել։ Նա չի նկատել, որ միտումնավոր կերպով անտեսվել են երկու գյուղեր՝ Ալբիստան քաղաքից 3 ժամ հեռավորության վրա գտնվող 25 տնից բաղկացած Գյավուր գյուղը²³ (Քլաֆիրքենդի) և միաժամանակ երկու՝ Յարփուղ և էֆսուս (նփեսոս) անուններով հայտնի, շուրջ 2000 հայ բնակիչ ունեցող գյուղեր։ Վերջինս, կարելի է ասել, մի փոքր գյուղաքաղաք էր²⁴։

Ե. Ա Յ Ն Թ Ա Պ

(Հալեպի վիլայեթում)

Թե՛ կաղայի, թե՛ քաղաքի հայ բնակչության համար Վ. Քինեն տալիս է նույն թիվը՝ 4640²⁵։

XVIII դ. Այնթապի շուրջ գտնվող հարյուրից ավելի գյուղեր ամբողջովին հայաբնակ էին²⁶։ Սակայն XIX դ. վերջերին դրանցից մնացել էր միայն մեկը՝ Օրուլը՝ 40—50 տնից բաղկացած²⁷, որն էլ անտեսվել է Վ. Քինեի կողմից։

Զ. Ո Ի Ր Յ Ա

(Հալեպի վիլայեթում)

Ուրֆայի սանջակը բաղկացած էր չորս կազաններից. Ուրֆա, Ռումպալե (Հռոմկլա), Բիրեջիկ և Սրուշ, Ըստ Վ. Քինեի, Ուրֆայի սանջակում ընդամենը երկու հայաբնակ բնակավայրեր կային. Ուրֆա և Բիրեջիկ ավանները։ Առաջինում բնակվում էին 5022 հայեր²⁸, երկրորդում՝ 1415²⁹։ Բիրեջիկի համար ցույց տրված թիվը համապատասխանում էր իրականությանը, սակայն Ուրֆայի բնակչության վերաբերյալ տվյալը մոտավորապես չորս անգամ փոքր է իրականից³⁰։ Միայն այդ երկու ավաններն ընդունելով որպես հայաբնակ, Վ. Քինեն անտեսում է Ուր-

ֆայի սանջակի բոլոր հայաբնակ գյուղերը, ինչպես նաև հայերի առկայութիւնը Հոռմկա և Սրուշ ավաններում:

Հոռմկա (Խալֆեթի) և Սրուշ ավաններում բնակւում էին ոչ մեծ թվով հայեր. Հոռմկայում 1907 թ. տվյալներով՝ 6—8 տուն, իսկ Սրուշը 1899 թ. տվյալներով 50—60 ընտանիքից բաղկացած, կաղմավորված մի օջախ էր, ուր կար նաև հայկական դպրոց³¹:

Հայաբնակ գյուղերից հայտնի էին էհնէշն ու Զիբինը՝ երկուսն էլ Հոռմկայի գավառակում: Հալեպի վիլայեթի 1905 թվականի տարեգիրքը նշում է, որ Հոռմկայի կազայում էհնէշ և Զիբին անունով երկու գյուղերում կան երեք եկեղեցիներ և բնակւում են 580 հայեր³²: Հայ բնակչության իրական թիւն անկասկած երկու-երեք անգամ գերազանցում էր այս թիւը, քանի որ տարեգիրքը հաշվի է առնում միայն անձնագրային բյուրոներում արձանագրվածներին:

Առավել հայտնի գյուղերից էր Կարմունջը՝ Ուրֆայի սանջակի զուտ հայաբնակ խոշորագույն գյուղը: XIX դարի 80-ական թվականներին այն ուներ 300—400 տուն բնակչութուն, որը հետագայում աճեց, գրեթե կրկնապատկեց³³:

Ուրֆայի սանջակում կային նաև այլ հայաբնակ գյուղեր՝ Բող-Օվան, Հովիկը, Հողինը, Նիզիբը, Միզարը, Թլբաշարը, Թլկուրանը, Մանքուշը, Բեսուն և այլն³⁴, որոնք նույնպես անտեսվել են:

* * *

Հայ գյուղացիության մասնակի անտեսման դեպքում, բնականաբար, գյուղերում երևում են ինչ-որ թվով հայեր: Հետևաբար, ամբողջ կաղայի և կենտրոնական ավանի բնակչության վերաբերյալ տվյալների համեմատութիւնը չի կարող լիովին բացահայտել կատարված խեղաթյուրումը, մասնավոր, որ խեղաթյուրման այս եղանակն ընդհանրապես գործադրվել է բավականին խճճված ձևով՝ մի այլ խեղաթյուրման եղանակի խաշաձեւումով:

Ա. Ա. Կ. Ն

(Խաբերդի վիլայեթում)

Այստեղ կատարված խեղաթյուրումն ավելի շատ նմանվում է հայաբնակ գյուղերի ամբողջական անտեսման, սակայն որոշ վերապահութիւն ցուցաբերելով, այն դիտում ենք որպես մասնակի անտեսման դեպք:

Ին՝ ամբողջ գավառակի, թե՛ գլխավոր ավանի՝ Ակն քաղաքի հայ աղգարնակչության համար տրվում է նույն թիվը՝ 7561³⁵: Նշանակում է, որ անտեսվել են գավառակի հայաբնակ գյուղերը: Եվ այդ փաստը քողարկելու համար Վ. Քինեն, խոսելով Ակնա առավել հայտնի գյուղերի մասին, գրում է, որ բացառապես հայերով բնակեցված Շրգուն, Վանքը, Յորակը, Մուշաղկան, որոնց ընդհանուր բնակչությունը հասնում է 1272-ի, ինչպես նաև Կամարակապն ու Ապուշխը շատ մոտ են քաղաքին և ընդհանրապես համարվում են նրա արվարձանները³⁶, ստեղծելով այն տպավորությունը, որ հայաբնակ գյուղերի բնակչությունը ևս մտել է քաղաքի բնակչության մեջ: Արդյո՞ք դա այդպես է:

XIX դ. 80-ական թվականներին Ակնա գավառակում անցկացված մի մարդահամարի տվյալներով Ակն քաղաքում բնակվում էին 5442 հայեր և 4286 ալլադգիներ³⁷: Վ. Քինեն այդ տվյալների համեմատությամբ հայ աղգարնակչության համար ներկայացնում է ինչ-որ շափով չափազանցված՝ 7561, իսկ ալլադգի բնակչության համար շատ ավելի չափազանցված՝ 11439 թվերը³⁸: Սակայն ավելի շատ և ավելի համոզիչ են այն փաստերը, որոնք բացառում են այս տվյալները:

Առաջին՝ ըստ XIX դ. 80-ական թվականների մարդահամարի տրվյալների, Ակնա գավառակում, առանց հաշվի առնելու Բինկա (Բենկա, Բինկյան) գյուղը, որն ըստ վարչական բաժանման մտնում էր Դիվրիկի գավառակի մեջ, բնակվում էին 9093 հայեր³⁹: Վ. Քինեն, ինչպես տեսանք, տալիս է ավելի նվազ թիվ՝ 7561:

Երկրորդ՝ հիշյալ մարդահամարի արդյունքների հետ փոքր-ինչ ծանոթությունը պարզում է, որ այդ վիճակագրությունը վերաբերում է միայն Ակնա առաջնորդության ենթակա գյուղերին և հաշվառումից դուրս են մնում այն գյուղերը, որոնք, ըստ վարչական բաժանման, պատկանում էին Ակնա կազային, բայց ենթակա էին Արաբկիրի առաջնորդությանը: Այդ գյուղերն ընդգրկվելու դեպքում, մեծանում է հայ աղգարնակչության իրական թիվ և Վ. Քինեի ներկայացրած տվյալի միջև եղած տարբերությունը:

Երրորդ՝ Արաբկիրի առաջնորդության ենթակա գյուղերը շատ հեռու էին Ակն քաղաքից և չէին կարող նրա արվարձանները համարվել: Գ. Սրվանձությանցը, խոսելով այդ 15 հայաբնակ գյուղերի մասին, նշկատում է. «Վերոհիշյալ գեղերը թեպետ Արաբկիրի առաջնորդության թեմն են, բայց տասն գեղ Ակնա գայմազամուսթյան ենթակա են. որո իրավասության տակ մյուզիբ կնստի Աղըն գեղը: Ահա անկանոնություն մը ժողովրդյան գործեր տեսնալու. մանավանդ այս գեղեր 5—6 ժամ

Հեռի են Արաբներեն, իսկ Ակնեն 10—12 ժամ երկյուղալից ճանապարհով⁴²։ Մի փաստ, որ Վ. Քիննի կողմից ներկայացված վարչական բաժանումն էլ է հաստատում և որ այդ գյուղերից Ադինը (Վաղավերը), Անջրդին ու էհնեցիքը հանդիսանում էին Ակնա նահիենների կենտրոններ⁴³։

Չորրորդ՝ եթե հայկական բոլոր գյուղերը ներկայացված լինեին որպես քաղաքի արվարձաններ, ապա նույն կերպ պետք է վարվեր Վ. Քիննն նաև այլազգիներով բնակեցված բազմաթիվ գյուղերի համար։ Բացի դրանից, մի շարք հայաբնակ գյուղերում, այդ թվում Շրդու, Վանք, Ցորակ, Մուշաղկա գյուղերում, որոնք Վ. Քիննն ներկայացնում է բացառապես հայաբնակ, հայերի հետ բնակվում էին նաև այլազգիներ, որոնք նույնպես պիտի մտցվեին քաղաքի բնակչության թվի մեջ։ Այսպիսով, հազիվ թե փոքրաթիվ գյուղաբնակ այլազգիներ պիտի երևային Ակնա գյուղերում։ Մինչդեռ, ընդհակառակը, Վ. Քիննն այստեղ էլ ներկայացնում է բացահայտ կերպով չափազանցված թիվ՝ մոտավորապես 42 հազար։ Կարելի է բերել այդ չափազանցությունը հաստատող մի շարք փաստեր։ Բավարարվում ենք, հիշելով դրանցից երկուսը։

Ըստ ֆրանսերեն լեզվով Կ. Պուսոմ լույս տեսնող „Annuaire Oriental“ տարեգրքի 1912 թվականի հրատարակության, այլազգիների թիվը ամբողջ գավառակում, ներառյալ քաղաքի բնակչությունը, 30 հազարից չէր անցնում⁴²։ Իսկ ըստ Ալի Զեվատի կողմից 1897 թ. հրատարակված պատմաաշխարհագրական բառարանի, 35 հազար էր գավառակի ամբողջ բնակչությունը⁴³։

Այսպիսով, պարզվում է, որ Ակնա գավառակում անտեսվել էր եթե ոչ ամբողջ հայ գյուղացիությունը, ապա՝ մեծամասնությունը։

Բ. ԽԱՐԵՐԻ

Վ. Քիննն, իր աշխատության երկրորդ հատորի 352-րդ էջում, առանձին ցուցակով տալիս է հարբերդի գավառակի երկու ավանների՝ հարբերդի և Մեզիրեի և 15 առավել հայտնի և առավել հայաշատ գյուղերի⁴⁴ բնակչության թիվն ու ազգային կազմը։ Ըստ նրա, այդ վայրերում հայ ազգաբնակչության թիվը հաշվվում է 25340 մարդ։ Աշխատության հաջորդ էջում, նույն թվով (25340) է ներկայացվում նաև ամբողջ գավառակի (կազայի) հայ ազգաբնակչությունը։ Վ. Քիննն անտեսել է հարբերդի գավառակի մյուս հայաբնակ գյուղերը։

հարբերդում՝ հարբերդ և Մեզիրե ավաններից բացի, կային ոչ թե 15, այլ՝ շուրջ 60 հայաբնակ գյուղեր: XIX դ. 80-ական թվականներին անցկացված մի մարդահամարի համաձայն, այդ անտեսված գյուղերի հայ ազդարնակչության թիվը հասնում էր 15 հազարի⁴⁵: Սակայն հետագա ուսումնասիրությունները ցույց են տալիս, որ հարբերդի գյուղերը նույնիսկ ավելի հայաշատ էին⁴⁶:

Գ. Զ Ե Յ Թ Ո Ւ Ն Ե Վ Ա Ն Տ Ր Ո Ւ Ն

(Հալեպի վիլայեթում)

Մարաշի սանջակի երկու կազաններում՝ Մարաշում և Ալբիստանում, ինչպես ասվեց վերևում, ամբողջովին անտեսվել էին հայաբնակ գյուղերը: Իսկ սանջակի մյուս երեք կազաններում (Զեյթուն, Անտրուն, Բաղարշըք) հայ գյուղացիության որոշ մասն անտեսվել է՝ խեղաթյուրելով իրականությունը: Վ. Քինեի համաձայն, գյուղերում բնակվում էին միայն բողոքականներ. Զեյթունում՝ 1000, Անտրունում՝ 1000—1500 և Բաղարշըքում՝ 500⁴⁷:

Վերոհիշյալ դավառակներում բողոքականները փոքրաթիվ էին, սակայն Վ. Քինեն բողոքականների թվի չափազանցումով աշխատել է թաքցնել հայ բնակչության հիմնական մասի՝ լուսավորչականների, անտեսումը: Զանց առնելով Բաղարշըքը, որտեղ հայերը սակավաթիվ էին, համառոտակի անդրադառնանք Զեյթունի և Անտրունի գյուղերին:

Զեյթունում կային շուրջ 85 հայաբնակ գյուղական բնակավայրեր: Մեծ գյուղերից հայտնի էին Արեգինը (Ալապաշ)՝ 300 տուն, Ավագկալը (Մըխալ)՝ 150 տուն, Ֆրնուղը (Խժոտ)՝ 300 տուն: Փոքր գյուղերի մեծամասնությունը ագարակներ էին: Միջին հաշվով 7 տնից բաղկացած 45 գյուղեր և ագարակներ կային Արեգինի շրջակայքում, Ավագկալի շրջակայքում՝ 14 (միջին հաշվով 11 տուն), Ֆրնուղի շրջակայքում՝ 15 (միջին հաշվով 20 տուն): Բացի նշվածներից, կային հայաբնակ ևս 8 գյուղեր և ագարակներ: Ալազգի (Թրքաբնակ, չերքեզաբնակ և այլն) գյուղերն ընդհանրապես փոքր էին և մեծ թիվ չէին կազմում (ընդամենը 24 գյուղ)⁴⁸:

Թվարկված տվյալներից կարելի է ենթադրել, որ Զեյթունի հայ գյուղացիությունը բաղկացած էր նվազագույն տասը հազար շնչից: Ըստ Կ. Պոլսի հայոց պատրիարքարանի 1880 թ. վիճակագրության, որ նույնպես զերծ չէ թերություններից, Զեյթունի կազայում բնակվում էին 27460 հայեր, քաղաքում՝ 17600, գյուղերում՝ 9860⁴⁹:

Դժբախտաբար, տարբեր վիճակագրական ցուցակներում, մանր գյուղերն ու ագարակները, միմյանցից ունեցած հեռավորության համաձայն խմբավորվել են որպես այս կամ այն գյուղի թաղերը, որի հետևանքով քիչ թվով գյուղանուններ են հիշվում: Օրինակ, 1878—1880 թթ. Կ. Պոլսի հայոց պատրիարքարանի կողմից պատրաստված ցուցակում հիշվում են 14 հայաբնակ (զուտ հայաբնակ և խառը բնակեցված) և 14 ոչ հայաբնակ գյուղեր: Այդ ցուցակում տեղ գտած հայաբնակ գյուղերից հինգը, այսինքն՝ ավելի շատ ոչ հայաբնակ շրջանում գտնվող գյուղերը (Բեշեն, Սարը-կյուզել, Ալիշար, Բեյթեմուր, էրիջեք կամ էսեն-դերե) համարյա այլազգիներով բնակեցված գյուղեր էին: Այդ գյուղերում կային ընդամենը 180 հայեր⁸⁰: Ի միջի այլոց մեզ հայտնի իրադրության պայմաններում, այդ գյուղերը բոլորովին դատարկվեցին հայությունից: Հետագա հայկական աղբյուրներում արդեն դրանք հիշվում են որպես թուրքաբնակ: Պարզվում է, որ պատրիարքարանի ցուցակում արտահայտված են հիմնականում հայերով բնակեցված միայն ինը գյուղերի անուններ: Դա խոսում է այն մասին, որ ավելի շատ խմբավորման ենթարկվել են հայաբնակ գյուղերը:

Պաշտոնական վիճակագրությունը, անկախ բնակչության թվից, ամեն մի առանձին բնակավայրն ընդհանրապես ընդունում էր որպես առանձին գյուղ, սակայն տարօրինակ զուգադիպությամբ, պաշտոնական վիճակագրությունն էլ է այստեղ դիմել խմբավորման մեթոդին: Ըստ 1905 թ. Հալեպի վիլայեթի տարեգրքի, 31 գյուղեր կային Զեյթունում⁸¹: Դրանցից 14-ը հիշատակվում են պատրիարքարանի ցուցակում: Հայկական աղբյուրների հետ համեմատությունը ցույց է տալիս, որ տարեգրքի ցուցակում տեղ են գրավել նաև հայաբնակ երկու այլ գյուղեր՝ Թելեմեիլը և Չաբըրդերեն: Դրանց վրա, մեր կարծիքով, պետք է ավելացնել, ըստ տարեգրքի՝ Տատուրլու (Տատուրենք) կոչվող գյուղը, թեև ցարդ մեզ չհաջողվեց տեղեկություններ գտնել այդ գյուղի մասին:

Իսկ Կ. Պոլսի Այրիախնամ հանձնաժողովի 1910—1912 թթ. երկամյա տեղեկագրում հայաբնակ գյուղերի թիվը հասնում է 32-ի⁸², և այստեղ բնականաբար չեն հիշվում պատրիարքարանի ցուցակի առաջին հինգ հայաբնակ գյուղերը:

Այժմ համառոտակի անդրադառնանք Անտրոնի կազայի հայաբնակ գյուղերին: Եթե հաշվի չառնենք 300—350 տուն հայ բնակչություն «ունեցող Կապանը (Կեպեն)»⁸³, որը կազայի գլխավոր ավանն էր, առավել հայտնի գյուղ էր Կոկիսունը (Կյոքսուն), որը համանուն նահիեի

կենտրոնն էր: Նրա 300 տուն բնակչությունից 80 տունը հայեր էին⁵⁴: Ըստ Աղասու, Կոկիսոնի դաշտում գտնվում էին ընդամենը 430 տուն հայ բնակիչ ունեցող Հեյիք (Ջամբս-հեյուք), Քիրեշ (Քիրեճ-օլուգ, Վերի Ավաղկալ), Գյուլ-փնար, Դեյիրմեն-դերե, Թաշ-օլուգ գյուղերը, իսկ Անտրունի այլ շրջաններում, հիմնականում Կապանի դաշտում՝ Սիսնե, Բունդուզ, Շիվիլի, Դավուտենք, Անտրուն, Տրդատենք գյուղերը՝ 550 տուն հայ բնակչությամբ⁵⁵: Դրանց վրա պետք է ավելացնել 80 տուն հայ բնակիչ ունեցող Անաշըզը (Անըճըզ, Անեցիք)⁵⁶, որն, ըստ Հալեպի վիլայեթի տարեգրքի, գտնվում էր Անտրունի կազայում⁵⁷:

* * *

Առանձին շրջանների հայ գյուղացիության ամբողջովին կամ մասնակի անտեսումը, անկասկած, կոպիտ սխալ է պատմական աշխարհագրության տեսակետից: Վիլայեթների, մասնավորապես առանձին շրջանների, բնակչության ազգային կազմը խեղաթյուրելու, հատկապես հայ ազգաբնակչության տոկոսները նվազեցնելու գործում, ազդեցություն են ունեցել նաև խեղաթյուրման այլ եղանակներ, որոնց հետ թեև հանդիպեցինք արդեն, այնուամենայնիվ կարծում ենք, նպատակահարմար է տեսնել այդ բոլորի օգտագործումը հատկապես Հալեպի վիլայեթում:

Հալեպի վիլայեթի ընտրությունը կապված է հետևյալ երկու պատճառների հետ.

ա) Տարբեր վիլայեթներում օգտագործվել են այդ եղանակներից մեկը կամ մի քանիսը, սակայն Հալեպի վիլայեթում՝ բոլորը, այն էլ բացահայտ կերպով:

բ) Մեր ձեռքի տակ ունենք մի երկրորդ աղբյուր՝ Հալեպի վիլայեթի 1898 թվականի տարեգրքը, որը վիլայեթի բնակչության ազգային կազմի մասին տվյալներ է տալիս համապատասխան այն նույն վարչական բաժանման, որն ընկած է Վ. Քինեի վիճակագրության հիմքում և կարող է օգնել՝ բացահայտելու այդ վիճակագրության մեջ տիրող միտումները:

Ճիշտ է Հալեպի տարեգրքի տվյալները ևս ինչպես թուրքական որևէ վիճակագրություն, ճիշտ պատկերացում չեն տալիս բնակչության ազգային կազմի մասին, սակայն Վ. Քինեի տվյալների համեմատությամբ, ավելի մոտ են իրականությանը:

Հալնպի տարեգիրքը, ինչպես այդ մասին նշվում է, տալիս է միայն անձնագրային բյուրոներում գրանցված բնակիչների թիվը: Այդ տվյալների համաձայն, Հալնպի վիլայեթում գրանցված են եղել 61 հազար լուսավորչական և կաթոլիկ հայեր: Եթե ընդունենք, որ հիմնականում հայեր էին նաև այն տասը հազար բողոքականները, որոնց ազգությունը չի նշվում, գրանցված հայերի թիվը հասնում է 71 հազարի⁵⁸, իսկ հայ ազգաբնակչությունը, ինչպես մյուս ոչ մահմեդականները, զինվորական տուրքից զերծ մնալու մտահոգությամբ, առնվազն կիսովից խուսափում էին ամեն տեսակի հաշվառումից և գրանցումից: Համենայն դեպս, 71 հազարը ավելի մոտ է իրականության, քան Վ. Քինսկի կողմից ներկայացված 49 հազարը⁵⁹:

Շարունակելով համեմատությունը, տեսնում ենք, որ Վ. Քինսկն այլ կերպ է վարվել մյուս ազգությունների նկատմամբ:

Այսպես, մեծ տարբերություններ չկան, ըստ կազանների, մահմեդական բնակչության վերաբերյալ Վ. Քինսկի և Հալնպի տարեգրքի տվյալների միջև: Հալնպի տարեգրքի համաձայն, իրենց մահմեդական բնակչությամբ առաջին, միջին և վերջին տեղերը զբաղեցնող կազանները Վ. Քինսկի տվյալներով էլ ընդհանրապես զբաղեցնում են նույն կարգերը: Դա վկայում է այն մասին, որ Վ. Քինսկի համար աղբյուր են եղել նույնպես անձնագրային բյուրոների տվյալները, հետևաբար, մյուս բոլոր խոշոր տարբերություններն առաջացել են Վ. Քինսկի կատարած փոփոխությունների հետևանքով: Այսպես օրինակ, վիլայեթի մահմեդական բնակչության համար, Հալնպի տարեգրքի համեմատությամբ, նա ներկայացնում է փոքր-ինչ (3%) մեծ թիվ⁶⁰: Իսկ այլ ոչ մահմեդական ժողովուրդների (հույն, հրեա, ասորի, քաղդեացի, մարոնիտ, լատին) կամ նրանցից յուրաքանչյուրի համար Վ. Քինսկն տալիս է զգալիորեն չափազանցված թվեր: Նրանց ընդհանուր գումարը, որն, ըստ Հալնպի տարեգրքի, 34 հազարից չէր անցնում, Վ. Քինսկի կողմից ներկայացվում է 154 հազար⁶¹: ավելի քան քառապատիկը: Անկասկած, քրիստոնյաների իրական թվին մոտենալու համար անհրաժեշտ էր ինչ-որ չափով մեծացնել պաշտոնական տվյալները, սակայն տվյալ դեպքում դա այնպիսի չափեր է ընդունել, որ Վ. Քինսկի տվյալները միանգամայն չափազանցության մեջ են գտնվում նաև իրականության նրկատմամբ:

Պարզ է, որ այդ միակողմանի չափազանցություններն իրենց հերթին ծառայում են արհեստականորեն նվազեցնելու հայ ազգաբնակչության տոկոսային հարաբերությունը: Դրանք, միանալով հայերի թվական

նվազեցմանը, բնակչության ազգային կազմի տեսակետից, սխալ պատկերացում են ստեղծում վիլայիթի մասին ընդհանրապես և առանձին շրջանների մասին՝ մասնավորապես:

Իրոք, առանձին շրջաններում թե՛ հայերի թվի նվազեցումը, թե՛ ալլադիիների թվի չափազանցումը մեծ չափեր է ընդունում: Ալլադիս է Զեյթունի կադայում: Անդամ Հալիպի տարեգրքի տվյալներով, հայերը կազմում էին բնակչության բացարձակ մեծամասնությունը (53%), մնացյալ մասը մահմեդականներ էին, այլ քրիստոնյաներ չկային⁶²: Իսկ Վ. Քինեի վիճակագրության մեջ, ոչ միայն 58 տոկոսով նվազ է հայերի թիվը, այլև Զեյթունը լցվել է 12 հազար այլ քրիստոնյաներով (հույն, ասորի, քաղղեացի): Այդ խեղաթյուրման հետևանքով ստացվում է այնպես, որ հայերը ոչ միայն մեծամասնություն չէին կազմում գավառակի մարոզը բնակչության, այլև քրիստոնյա բնակչության հարաբերությամբ: Վ. Քինեի տվյալներով նրանք կազմում են քրիստոնյաների 32, իսկ գավառի ընդհանուր բնակչության 16 տոկոսը⁶³:

Կարծում ենք կարիք չկա առանձին-առանձին վերլուծելու վիճակը տարբեր գավառակներում: Մի կողմից հայերի թվի նվազեցումը, մյուս կողմից այլ ազգությունների վերաբերյալ տվյալների չափազանցումը մեծ չափերի է հասել առանձնապես Մարաշի և Ուրֆայի սանջակներում: Եվ դա պատահական չէ: Մարաշը վիլայիթի առավել հայաբնակ սանջակն էր: Հարաբերական առումով ավելի հայաշատ էր նաև Ուրֆան, քան Հալիպի սանջակը, որտեղ, թեև հայերն ավելի մեծ թիվ էին կազմում, սակայն սանջակի ընդհանուր բնակչության ավելի փոքր տոկոսն էին:

Ոչ հավասարաչափ նվազեցումների և չափազանցությունների հետևանքով, խեղաթյուրված ձևով է ներկայացվում բնակչության տարբեր խմբերի տեղաբաշխումը ևս: Օրինակ, եթե ըստ Հալիպի տարեգրքի, վիլայիթի հայ ազգաբնակչության 56,4 տոկոսը բնակվում էր Մարաշի և Ուրֆայի սանջակներում (հիմնականում Մարաշում՝ 41%), ապա Վ. Քինեի տվյալներով այդ տոկոսը իջնում է 37,8-ի (Մարաշում՝ 24,7%): Դրա փոխարեն, նույն սանջակներում զգալիորեն բարձրացնում են այլ ոչ մահմեդականների տոկոսները: Ըստ Հալիպի տարեգրքի, այդ սանջակներում էին բնակվում նրանց 4,9 (Մարաշում՝ 0,9%), իսկ ըստ Վ. Քինեի տվյալների՝ 30,9 տոկոսը (Մարաշում՝ 21,6%):

Ավելի ընդհանուր ձևով կարելի է ասել, որ Վ. Քինեի տվյալներում բնակչության տեղաբաշխման հիմքում ընկած են հետևյալ միտումները.

ա) Հայ ազգաբնակչության զգալի մեկ մասի ցրումը՝ բացարձակ կամ հարաբերական առումով առավել հայաբնակ շրջաններից դեպի նվազ հայաբնակ շրջանները:

բ) Այլազգի բնակչության զգալի մասի կուտակումը դեպի առավել հայաբնակ շրջանները:

Վերջապես, աչքից չի վրիպում մի մանրամասնություն ևս: Հայ ազգաբնակչության թվաքանակի նվազեցումը կատարվել է հիմնականում լուսավորչականների թիվը նվազեցնելու միջոցով: Բողոքականների, մասնավորաբար կաթոլիկ հայերի համար, թեկուզ Հայկալի տարեգրքի համեմատությամբ, տրվում են համեմատաբար մեծ թվեր: Այնուամենայնիվ, քանի որ կաթոլիկներն ու բողոքականները հայ ազգաբնակչության համեմատաբար փոքր մի մասն էին կազմում, այդ չափազանցումները չեն կարող լուսավորչականների թվական նվազեցմանը փոխհատուցել: Ինչպես տեսանք, վիլայեթի ամբողջ հայության համար ներկայացված թիվը, հակառակ այդ չափազանցությանը, խիստ փոքր է և 31 տոկոսով զիջում է անգամ Հայկալի տարեգրքի կողմից ներկայացված տվյալին:

Խեղաթյուրման այս եղանակները, թեև մեղմ ձևով, գործադրվել են նաև այլ վիլայեթներում: Նկատելի է, օրինակ, Սվազի և Խարբերդի վիլայեթներում վիլայեթի մյուս սանջակների հաշվին այլազգի բնակչության կուտակումն առավել հայաշատ սանջակում: Վ. Քինեի տվյալներով Սվազի և Խարբերդի սանջակներում էին բնակվում վիլայեթի մահմեդական բնակչության մոտավորապես կեսը կամ մեծամասնությունը. Խարբերդում՝ 49,5%⁶⁴, Սվազում՝ 53,7%⁶⁵, Սակայն մահմեդականների տեղաբաշխման վերաբերյալ այդ միտումը չի հաստատվում այլ տվյալներով: Օրինակ, ըստ „Annuaire Oriental“-ի 1912 թվականի տվյալների, Խարբերդի սանջակում էր բնակվում վիլայեթի մահմեդականների 45%-ը⁶⁶, իսկ Սվազի սանջակում՝ 42%-ը⁶⁷:

Հիշյալ վիլայեթների հետագա (1927 թ.) վիճակի տվյալները⁶⁸ համեմատության մեջ դնելով Վ. Քինեի տվյալների հետ, տեսնում ենք, որ բնակչության աճման տեմպերով 1927 թ. աչքի են ընկնում այն սանջակները, որոնց մահմեդական բնակչությունը Վ. Քինեի վիճակագրության մեջ հիշատակված են նվազեցված թվերով (Բոքատի սանջակ) և միանգամայն հակառակը՝ իրենց աճման տեմպերով խիստ ետ են մնում այն սանջակները, որոնց մահմեդական բնակչությունը Վ. Քինեն ներկայացրել է չափազանցված թվերով (Սվազի և Խարբերդի սանջակ-

ները)։ Ինչպես տեսնում ենք, այս փաստը նույնպես վկայում է Վ. Քինեի հաղորդած տվյալների անճշտության մասին։

Այնուամենայնիվ, Վ. Քինեի վիճակագրությունը ցարդ բավականաչափ ուսումնասիրված չլինելով, որոշ պատմաբաններ սխալը փնտրել են համեմատության մյուս եզրում։ Օրինակ, Ա. Արոյաշյանը համեմատության մեջ դնելով Թոբատի սանջակի Վ. Քինեի կողմից ներկայացված տվյալները հանրապետության շրջանի տվյալների հետ, զարմանքով նկատում է, որ, ըստ այդ համեմատության, Թոբատի բնակչությունն անհավատալիորեն աճել է։ Եվ նա ենթադրում է, որ հանրապետական շրջանի տվյալները չափազանցված են։ Նրա կարծիքով, Վ. Քինեն Օսմանյան կայսրության վարձկանն էր և չէր կարող իրականից նվազ ներկայացնել մահմեդականների թիվը⁶⁹։ Մեր կողմից կատարված վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ դա արվում էր մեկ այլ սանջակում մահմեդականների թիվը չափազանցնելու նպատակով, և դա չի հակասում նրա «վարձկան» լինելու հանգամանքին։ Վ. Քինեն կապված լինելով եվրոպական երկրների դադութատիրական շրջանների հետ, շահագրգռված չէր իրականությունը բացահայտել։ Նրա վերաբերմունքը համընկնում է Օսմանյան կայսրության վարած քաղաքականությանը։ Հենվելով այն փաստի վրա, որ չափազանցնում էր այլ քրիստոնյաների, մասնավորաբար կաթոլիկների թիվը, կարելի է ասել, որ նա ևս ուներ իր «սեփական» հաշիվները։

Խեղաթյուրման այս եղանակը կիրառվել է հայ ազգաբնակչության նկատմամբ ևս։ Ըստ Կ. Պոլսի հայոց պատրիարքարանի տվյալների, Սվազի վիլայեթի հայ ազգաբնակչության 44 տոկոսը բնակվում էր Սըվազի սանջակում⁷⁰, իսկ Վ. Քինեի տվյալներով այդ տոկոսը 38-ից չէր անցնում⁷¹։ Հետաքրքիր է, որ այդ մեթոդը օգտագործվել է նույնիսկ սանջակների ներսում։ Օրինակ, հայտնի է, որ Շաբին-Կարահիսարի սանջակի Համիդդեյե (Մեհեդ), Քոյլահիսար (Քոյուլ-հիսար) և Ալուշրա կազաններում հայերը փոքրաթիվ էին, և հայ ազգաբնակչության հիմնական մասը բնակվում էր Շաբին-Կարահիսարի և Սուլեհհրիի կազաններում։ Մինչդեռ, Վ. Քինեի տվյալներով այդ կազաններում էր գտնվում սանջակի հայության հազիվ 47 տոկոսը⁷²։

Կարելի է բերել և այլ օրինակներ։ Սակայն, կարծում ենք, այսքանն էլ բավարար է գաղափար կազմելու համար Վ. Քինեի վիճակագրության մասին։

Վ. Քինեի «Ասիական Թուրքիան» աշխատությունը, որի հիմքում ընկած է պաշտոնական վիճակագրությունը, որպես նրա մի տարբե-

բակը, առանձին դեպքերում նույնիսկ ավելի խեղաթյուրված է ներկայացնում արեւելյան վիլայեթների, մասնավորապես առանձին ենթաշրջանների (սանջակների, կազաների) բնակչության ազգային կազմը:

Վ. Քինեի վիճակագրությունը, հենվելով թուրքական պաշտոնական տվյալներին, Արեւմտյան Հայաստանի և հայաբնակ այլ շրջանների հայ բնակչության թվաքանակի վերաբերյալ տալիս է ընդհանրապես զգալի չափով նվազեցված տվյալներ: Ներկա հոդվածում քննության են առնւղծ միայն այն շրջանները, որտեղ հայերի թվաքանակի նվազեցումը ավելի մեծ չափեր է ընդունել՝ միաժամանակ Վ. Քինեի կողմից կատարված խեղաթյուրումների հետևանքով:

А. А. ГАЛСТЯН

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ ПО СТАТИСТИКЕ ВИТАЛА КИНЭ

Резюме

Опубликованные В. Кинэ статистические сведения об азиатских вилайетах Османской империи, в основе которых лежат официальные турецкие данные, не лишены недостатков, присущих этой статистике. Однако сведения, приведенные в работе В. Кинэ, имеют и свои пробелы, которые до сих пор не были обнаружены исследователями. Например, в сведениях о некоторых казах, населенных армянами (Ван, Медзекерт, Чарсанджак, Бердак, Антеп, Урфа, Мараш, Эльбистан), приводится численность только городского населения. Говоря о казах Харберд, Акн, Зейтун, Андрн, французский автор дает численность армян лишь некоторых деревень. В статье одновременно говорится о других статистических фальсификациях В. Кинэ. В частности, численность армян некоторых районов Кинэ дает меньше, чем указывается в официальной турецкой статистике. Явно искажая данные, касающиеся армянского населения, он умышленно увеличивает число турок, а также других христианских меньшинств в ущерб численности армян.

Մ Ա Ն Ո Ւ Ա Գ Ր Ո Ւ Թ Յ Ո Ւ Ն Ն Ե Ր

1 *Vital Cuinet*, La Turquie d'Asie, t. 1—4, Paris, 1890—1895.

2 Արշակ Ալաջաբեկեան, Պատմութիւն Մալաթիոյ Հայոց, Պէյրուք, 1961, էջ 453:

3 Վ. Քինե, *Եղվ. աշխ.*, հ. 2, էջ 632:

4 В. Т. Маевский, Ванский вилайет, Тифлис, 1901, с. 96—97,

- 5 Վ. Քինեն, Նշվ. աշխ., հ. 2, էջ 700:
- 6 Նույն տեղում, էջ 691:
- 7 Բ. Դ. Մաթեսկսի, Նշվ. աշխ., էջ 89—90:
- 8 Վ. Քինեն, Նշվ. աշխ., հ. 2, էջ 700:
- 9 Նույն տեղում, էջ 691: Իրականում քաղաքում բնակվում էին 20—25 հազար հայեր,—Հ. Գ.:
- 10 Հաշվումները կատարված են մեր կողմից: Տե՛ս Բ. Դ. Մաթեսկսի, Նշվ. աշխ., էջ 240—264:
- 11 Հաշվումները կատարված են մեր կողմից: Տե՛ս Ա.—Դ., Վանի, Բիթլիսի և էրզրումի վիլայեթները, Երևան, 1912, էջ 22—47:
- 12 Տե՛ս Բ. Դ. Մաթեսկսի, Նշվ. աշխ., էջ 240—264:
- 13 Տե՛ս Վ. Քինեն, Նշվ. աշխ., հ. 2, էջ 394—397: Ստացվում է, որ այդ երեք ավաններում բնակվում էին 2331 հայեր: Մինչդեռ առնվազն այդքան և հավանաբար նույնիսկ ավելի մեծ թվով հայեր ապրում էին միայն Բերրիում՝ 318 տուն՝ ըստ Գ. Սրվանձադյանցի, 400 տուն՝ 3200 անձ ըստ Պ. Նաթանյանի (տե՛ս Գ. Սրվանձադյանց, Թորոս Աղբար, մաս Բ, Կ. Պոլիս, 1884, էջ 149—150, Պ. Նաթանյան, Արտօսը Հայաստանի, Կ. Պոլիս, 1883, էջ 105):
- 14 Գ. Սրվանձադյանց, Նշվ. աշխ., էջ 149—151:
- 15 Գ. Նեւեանյան, Պատմութիւն Զարսաննագի հայոց, Պէյրուք, 1956, էջ 172:
- 16 Նույն տեղում:
- 17 Վանե Հայկ, Խարրերդը և անոր ոսկեղէն դաշտը, Նիւ-Նորթ, 1959, էջ 302—305:
- 18 Հմմտ. Վ. Քինեն, Նշվ. աշխ., հ. 2, էջ 114, 237:
- 19 Դր. Հ. Գալուստյան, Մարաշ կամ Գերմանիկ և հերոս Ջէյթուն, Նիւ-Նորթ, 1934, էջ 70:
- 20 Հմմտ. Վ. Քինեն, Նշվ. աշխ., հ. 2, էջ 114, 241:
- 21 Նույն տեղում, էջ 240—241:
- 22 Ս. Էփրիկյան, Պատկերազարդ բնաշխարհիկ բառարան, հ. Ա—Բ, երկ. տպագրութիւն, Վենետիկ, Ս. Ղազար, 1903—1905, հ. Ա, էջ 55:
- 23 Դր. Հ. Գալուստյան, Նշվ. աշխ., էջ 70:
- 24 Նույն տեղում, էջ 67:
- 25 Հմմտ. Վ. Քինեն, Նշվ. աշխ., հ. 2, էջ 114, 139: XIX դարի վերջերին քաղաքում բնակվում էին 16500 հայեր (տե՛ս Ս. Էփրիկյան, Նշվ. աշխ., էջ 145):
- 26 «Հայկական սովետական հանրագիտարան», հ. 1. Երևան, 1974, էջ 346:
- 27 Գ. Սարաֆյան, Պատմութիւն Անթէպի հայոց, հ. 1, Լոս-Անճէլէոս, 1953, էջ 25:
- 28 Հմմտ. Վ. Քինեն, Նշվ. աշխ., հ. 2, էջ 114, 261:
- 29 Նույն տեղում, էջ 114, 267:
- 30 Ըստ անգլիական հյուպատոսի տեղակալ Զ. Հ. Ֆիցմորիսի տեղեկագրի, 1895 թ. դեկտեմբերի 28-ից առաջ, այսինքն Նախքան կոտորածը, քաղաքի բնակչության 20 հազարը հայեր էին (տե՛ս Ա. Սահակյան, Դիւցազնական Ուրֆան և իր հայորդիները, Պէյրուք, 1955, էջ 685):
- 31 Նույն տեղում:
- 32 „Salname-i vilayet-i Halep“, Dersaadet, 1321, s. 439—440.
- 33 Ա. Սահակյան, Նշվ. աշխ., էջ 659—662:
- 34 Նույն տեղում, էջ 323—688: «Հայրենիքի ձայն», 12 հունվարի 1972 թ.:

- 35 Տե՛ս Վ. Քինեն, Եշվ. աշխ., հ. 2, էջ 363:
- 36 Նույն տեղում, էջ 366:
- 37 Ս. Էփրիկյան, Եշվ. աշխ., հ. Ա, էջ 83:
- 38 Վ. Քինեն, Եշվ. աշխ., հ. 2, էջ 363:
- 39 Տե՛ս Ս. Էփրիկյան, Եշվ. աշխ., հ. Ա, էջ 83:
- 40 Գ. Սրվանձեմյանց, Եշվ. աշխ., էջ 284:
- 41 Տե՛ս Վ. Քինեն, Եշվ. աշխ., հ. 2, էջ 319: Մեր կարծիքով, Վ. Քինենի աշխատության մեջ Անջրդիի փոխարեն աղավաղումով հիշատակվում է «Atchikli»—Հ. Գ.:
- 42 „Annuaire Oriental“, Constantinople, 1912, p. 1579.
- 43 *Ali Cevat*, Memalik-i Osmaniye'nin tarih ve coğrafya lügati, Dersaadet, 1313 s. 115:
- 44 Վ. Քինենի ցուցակի մեջ մտնում են հետևյալ գյուղերը՝ Հյուսիսային, Քեսիրիկ, Սուրսուրի, Բազմաշեն, Իլմեհ, Խուլլու (Թլկատին), Փարլանջ, Հողե, Վարդաթիլ, Դատեմ, Մորենիկ, Աղմեզիբե, Շելիս-հաշի, Ախոռ—Հ. Գ.:
- 45 Հաշվարկը կատարված է մեր կողմից: Տե՛ս Ս. Էփրիկյան, Եշվ. աշխ., հ. Բ, էջ 163:
- 46 Տե՛ս Մանուկ Գ. Տիգրանյան, Խարբեղը և իր զաւակները, Յրէզն—Փալիֆորնիա, 1955: Վաճեն Հայկ, Եշվ. աշխ.:
- 47 Հմմտ. Վ. Քինեն, Եշվ. աշխ., հ. 2, էջ 114, 243, 245, 247:
- 48 Գր. Հ. Գալուստյան, Եշվ. աշխ., էջ 81—83:
- 49 Ս. Էփրիկյան, Եշվ. աշխ., հ. Ա, էջ 770:
- 50 Նույն տեղում:
- 51 Այդ թվում Զեյթունից մոտավորապես կես ժամ հեռավորության վրա գտնվող Էկենջեք կամ Վանքի թաղ կոչվող գյուղը, որը պաշտոնական վարչական բաժանումով ցույց է տրվում որպես քաղաքի թաղերից մեկը՝ Բեքթե-մահալլեսի անունով (Տե՛ս «Salname-i vilayet-i Halep», 1321, s. 484).
- 52 Գր. Հ. Գալուստյան, Եշվ. աշխ., էջ 82—83: Հաշվի չենք առել Սիսենն, որը պատկանում էր Անտրոնի գավառին, դրա փոխարեն որպես Զեյթունի գյուղեր վերցրել ենք Յրնուղը, Բող-օղլանը, Բուղուրլուն և Մաշարլըն, որոնք զետեղվել են Մարաշի ցուցակում (տե՛ս նույն տեղում, էջ 39—40):
- 53 250 տուն՝ Աղասի, Զեյթուն և իր շրջականները, Պէլլուս, 1968, էջ 22: 400 տուն՝ Գր. Հ. Գալուստյան, Եշվ. աշխ., էջ 63:
- 54 Աղասի, Եշվ. աշխ., էջ 22—23:
- 55 Նույն տեղում: Հաշվի մեջ չենք մտցրել Ենիբե-կալեն, Մուշիկ-դերեն, Տունգալան, որպես Մարաշի կազայի ենթակա գյուղեր—Հ. Գ.:
- 56 «Հայկական սովետական հանրագիտարան», հ. 1, Երևան, 1974, էջ 403:
- 57 „Salname-i vilayeti Halep“, 1321, s. 503.
- 58 Հալեպի տարեգրքի վերաբերյալ բոլոր հաշվումները կատարված են մեր կողմից: Վերցված են ըստ կազաների տրված տվյալները, Հաշվի չեն առնված օտարահպատակները (վիլայեթում 2522 մարդ) և այսպես կոչված «յարանդիները» (ամբողջ վիլայեթում մոտավորապես 4000 մարդ), որոնք տեղացիներ չէին և անկասկած պատկանում էին տարբեր ազգությունների (Տե՛ս „Salname-i vilayet-i Halep“, Dersaadet, 1314):
- 59 Տե՛ս Վ. Քինեն, Եշվ. աշխ., հ. 2, էջ 114:

- 60 Առանց հաշվի առնելու Վ. Քիենի կողմից ներկայացվող 70 հազար բանապատի թու-
վորները, որոնք ըստ կազանների շեն բաժանվում (տե՛ս նույն տեղում):
- 61 Հաշվումները կատարված են մեր կողմից (տե՛ս նույն տեղում):
- 62 Տե՛ս „Sainame-i vilayet-i Halep“, 1314, s. 311.
- 63 Տե՛ս Վ. Քիեն, նշվ. աշխ., հ. 2, էջ 114:
- 64 Տե՛ս նույն տեղում, էջ 322:
- 65 Տե՛ս նույն տեղում, էջ 618:
- 66 „Annuaire Oriental“, 1912, p. 1699.
- 67 նույն տեղում, էջ 1859:
- 68 Տե՛ս „Türkiye Cumhuriyeti devlet yilligi“, 1929—1930, Istanbul, 1930.
- 69 Ա. Ալպոլադյան, Պատմութիւն Եւրոպիոյ հայոց, Պէրոսթ, 1961, էջ 44, 482—483.
- 70 Բեռդիկ, Ամէնուն տարեցոյցը, ԺՁ տարի, Կ. Պոլիս, 1922, էջ 261:
- 71 Տե՛ս Վ. Քիեն, նշվ. աշխ., հ. 1, էջ 618:
- 72 Տե՛ս նույն տեղում:

**ԹՈՒՐԲԱԿԱՆ ՊԵՏԱԿԱՆ ԵՎ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԳՈՐԾԻՉՆԵՐԸ
ԱՐԵՎՄՏԱՀԱՅՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍԻՆ**

XIX դարի վերջին և XX դարի սկզբին արևմտահայության հետ առնչվող իրադարձությունների շուրջ արդեն լույս են տեսել բազմաթիվ ուսումնասիրություններ, փաստաթղթերի ժողովածուներ, մենագրություններ, որոնց հեղինակները այս կամ այն չափով տվել են ճշմարտացի եզրահանգումներ: Հատկապես վերջին շրջանում լուրջ աշխատանք է կատարված սովետահայ պատմաբանների կողմից, որոնք հավաստի փաստաթղթերի և արխիվային նյութերի հիման վրա միանգամայն պարզաբանել են իրական եղելությունը:

Ինչ վերաբերում է թուրքական աղբյուրներին, ապա առանձին հետաքրքրություն կարող են ներկայացնել տվյալ ժամանակաշրջանի թուրք պետական և մշակութային գործիչների հուշագրումներում արևմտահայության վիճակի մասին տեղ գտած նկարագրություններն ու նրանց տեսակետները: Դրանց մեծ մասը շարադրված են օսմաներեն լեզվով և մինչ այսօր մատչելի չեն եղել հայ ընթերցողին: Այդ հուշագրություններում մեծ տեղ է հատկացված Արևմտյան Հայաստանում XIX դ. երկրորդ կեսից ծավալված հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարի հարցերին, ինչպես նաև հայկական հարցի, Օսմանյան կայսրության և մեծ պետությունների դիրքորոշման խնդրի շուրջ: Չնայած նրանց տեսակետների արատավորությանը, դեպքերի նկարագրման ընթացքում ունեցած շահադիտական կողմին, նրանց հուշերում և մենագրություններում պարունակվում են զգալի չափով կոնկրետ նյութեր:

Հատկանշական է, որ ժամանակակից թուրք պատմաբաններն իրենց ուսումնասիրություններում, շրջանցելով պատմական փաստերը, փորձում են քողարկել Արևմտյան Հայաստանում և առհասարակ ամբողջ Թուրքիայում տեղի ունեցած հայերի հետապնդումները և գննոցիղը: Թուրք պատմաբաններն, իրենց շովինիստական շահադիտումներից ել-

ննելով, փորձում են նաղավաղել նույնիսկ անցյալի մի շարք թուրք պետական և մշակութային գործիչների, որոշ շափով օբյեկտիվ, տվյալները: Հարցն այն է, որ ինչ-որ տեղ թուրք պետական գործիչների գրիչը չի խուսափել նշելու այն ողբերգությունը, որը տեղի ունեցավ առաջին համաշխարհային պատերազմի ընթացքում արևմտահայության հետ: Օրինակ, գեներալ Ալի Ֆուատ էրզեմը, որն ականատես է եղել 1915 թ. հայկական ջարդերին, իր հուշերում ամեն կերպ աշխատում է խուսանավել և մեղքը բարդել հայ կուսակցությունների գործունեության վրա: Այնուհանդերձ, տվյալ դեպքերից քառասուն տարի հետո գրի առնված իր հուշերի մեջ գրում է հետևյալը.

«Շարքուր հազարավոր մարդկանց, հազարավոր կիլոմետրեր հեռավորությունների վրա, առանց նախապատրաստման և կազմակերպման տարագրելը նմանվեց հնագույն դարերում տեղի ունեցած ցեղերի դաղթին: Այն ճանապարհները, որոնք հանդիսանում էին երեք բանականների (կովկասյան, իրաքյան և սիրիական ճակատների—Ա. Փ.) համընդհանուր մատակարարման գիծը, լցվեց վարակիչ հիվանդություններով: Գաղթականների թշվառ վիճակը շատ նպաստավոր էր բժավոր և որովայնային տիֆի տարածման համար: Իրենց ճանապարհի ընթացքում դաղթականները տարածեցին այս բոլոր հիվանդությունները, վարակելով նաև բանակները: Իսկ ի՞նչ եղավ հետևանքը: Բանակում և ժողովրդի մեջ՝ մահացող գաղթականների թվի չափ, նույնիսկ ավելին, մահ տեղի ունեցավ»:

Հասկանալի է, որ այստեղ խոսքը միմիայն տեղահանության և վարակիչ հիվանդությունների հետևանքով զոհված հայերի մասին է, և ոչ մի խոսք չկա դաժան եղանակներով ջարդի ենթարկված հայերի վերաբերյալ:

1954 թ. Հիլմի Քյամիլ Բայուրը Անկարայում լույս ընծայեց «Սադրազամ Քյամիլ փաշայի քաղաքական կյանքը» խորագիրը կրող աշխատությունը: Գրքի առաջաբանում հեղինակը շեշտում է, որ ինքը ձգտել է բերել փաստացի նյութեր և հատկապես ամբողջական հատվածներ Քյամիլ փաշայի հուշերից: Մենք համեմատեցինք Քյամիլ փաշայի հուշերը այդ մեջ բերված հատվածների հետ: Բնականաբար Հիլմի Բայուրի կողմից բերված հատվածները վերծանված են օսմաներենից և հարմարեցված ժամանակակից թուրքերենի քերականական կանոններին: Օգտագործված է նաև այժմյան թուրքերենի բառապաշարը: Մեզ հետաքրքրեց բերված հոդվածների բովանդակությունը, թե որքանով են

դրանք համապատասխանում բնագրին: Պարզվեց, որ Հիլմի Բայուլը դիտումնավոր կերպով կրճատել և աղավաղել է իր գրքում Քյամիլ փաշայի հուշերից բերած հատվածները: Նախ, այն հատվածները, որտեղ Քյամիլ փաշան խոսել է քրդերի մասին, բոլորովին հանված են, քանի որ այսօր թուրքերի կարծիքով Թուրքիայում քրդեր կամ քրդական հարց գոյություն չունի: Արևմտահայության վիճակին վերաբերող այն մասերը, որոնք հեղինակը նպատակահարմար չի գտել, նույնպես հանել է բերված հատվածներից: Այսպես, Սասունի դեպքերին վերաբերող հատվածից հանել է հետևյալը. (Սասունի հարցում—Ա. Փ.) Արդու Համիդը հանդիմանել էր գլխավոր քարտուղար Սուրեյա փաշային՝ խիստ հեռագիր առաքելու համար: «Ես ասել էի խփեք, այլ ոչ թե կոտորած սարքեք»²:

Մեր կարծիքով, այս հատվածը հանված է նրա համար, որ թուրք պատմագրության մեջ վերջին ժամանակներս ամեն կերպ աշխատում են փառաբանել արյունարբու սուլթան Աբդուլ Համիդին, որպես Թուրքիայի պատմության մեջ «մեծ» դեր խաղացած սուլթանի: Փայլուն օրինակ կարող է հանդիսանալ Զուհուրի Դանիշմանի բազմահատորանոց գիրքը, ուր հեղինակը ամեն կերպ ձգտում է սրբացնել Աբդուլ Համիդին և ժխտել համաշխարհային մամուլում նրան տրված գնահատականը, դրականի վերածելով նրա բոլոր բացասական կողմերը: Աբդուլ Համիդը ներկայացվում է ոչ թե վախկոտ, նենգ, դաժան, այլ քաջ, արդարամիտ և վեհանձն անձնավորություն, որն իր ազգի համար ավելի շատ գործեր է կատարել, քան որևիցե մի այլ սուլթան և այլն: Անհրաժեշտ է նշել նաև, որ գիրքը գրված է հակառուսական ոգով: Տեղին է բերել Զուհուրի Դանիշմանի գրքից հայկական բարեփոխումների խնդրում Աբդուլ Համիդի ունեցած դիրքորոշման բնութագրումը:

«Հայկական հարցում այս պետությունների (Անգլիայի և Ռուսաստանի—Ա. Փ.) ունեցած մոտեցումից Աբդուլ Համիդը կարողացավ գտնել օգտվելու ուղին: Նախ և առաջ, Սան-Ստեֆանոյի և Բեռլինի պայմանագրերում արևելյան վիլայեթներում բարեփոխումներ կատարելու խնդրին բոլորովին ուշադրություն չդարձրեց»³:

Իսկ Գերմանիայի կայսեր հետ ունեցած հանդիպման ժամանակ Աբդուլ Համիդը բացահայտորեն ասել է. «Ես ավելի կնախընտրեմ մեռնել, քան թե Անատոլիայի արևելքում ինքնավարության տանող բարեփոխումներ անցկացնեմ»⁴:

Ահա, իր այս սկզբունքից ելնելով, Աբդուլ Համիդը հաճախակի հայերին և Հայկական հարցը վերացնելու հրամաններ էր արձակում:

Բերենք մի հատված ևս Քյամիլ փաշայի հուշերից. «նա (Ավստրիայի դեսպանը—Ա. Փ.) հայտնեց, որ նախորդ օրը⁵ տեղի ունեցած ժողովում, հյուպատոսարաններից դեսպանատները եկած զեկուցագրերի ընթերցումից պարզվել է, որ կոտորվել են հազարավոր հայեր. որ Դիարբեքիում քրդերի կողմից առանց խտրականության քրիստոնյաների սպանությունները, կողոպուտն ու բռնությունները, ինչպես նաև Անատոլիայի այլ վայրերում տեղի ունեցած նույն խժոժությունները, այդ դարի համար շտեմնված և չսված երևույթներից են»⁷:

Այսպիսով, բերված հատվածները, որոնք միտումնավոր կեււով կրճատված են Հիլմի Բայուրի աշխատության մեջ, ցույց են տալիս, թե ինչպես ժամանակակից թուրք պատմաբաններն իրենց ուսումնասիրություններում խեղաթյուրում և աղավաղում են այդ շրջանի՝ արևմտահայությանը վերաբերող փաստերը:

Իր հուշերում Սայիդ փաշան մանրամասն նկարագրում է 1895 թ. սեպտեմբերին Կ. Պոլսում տեղի ունեցած հայկական ցույցի (Բաբը Ալիի) մանրամասնությունները և այդ ցույցի հետ կապված հայ-թուրքական բախումները: Ցույցը խաղաղ բնույթ էր կրում: Այն կազմակերպված էր հնչակյան և դաշնակցական կուսակցությունների կողմից, հայկական բարենորոգումների խնդրում եվրոպական տերությունների ուշադրությունը գրավելու նպատակով: Սայիդ փաշայի հուշերից պարզվում է, որ կառավարությունը նախօրոք իրազեկ էր այդ ցույցի մասին և ուշի-ուշով միջոցառումներ էր ձեռնարկել այն խափանելու համար: Միանգամայն ակնհայտ է նաև, որ Սայիդ փաշան ձգտել է, որպեսզի ղինվորական միջամտություն կատարվի հավանական բախումները կանխելու համար: Հակառակ դրան, սուլթան Աբդուլ Համիդը և ռազմական մինիստրությունը միտումնավոր ձգձգել են այն, որպեսզի ղինված թուրք ամբոխը հաշվեհարդար տեսնի հայերի հետ:

Սայիդ փաշայի հուշերից երևում է նաև, որ Աբդուլ Համիդը բացահայտորեն զորք դուրս չի բերել տվյալ ցույցը խափանելու համար, քանի որ «նրանց (հայերի—Ա. Փ.) հանդեպ ղինվորական ազդու գործողությունը կարող էր քաղաքական դժվարությունների առաջ կանգնեցնել»⁸: Նա ամեն կերպ ձգտել է «բոլորովին առիթ չտալ, որ խընդիրը եվրոպական հարց դառնալու ձևը ընդունի»⁹:

Փաստերը ցույց են տալիս, որ Աբդուլ Համիդը մի նոր հայկական ջարդ կազմակերպելու իր նենգ ծրագիրը գործադրել է հետևյալ կերպ: Գաղտնի ղինել է սոֆիաներին (կրոնական ուսումնարանի սաներին), ինչպես նաև մահմեդական խուժանին և նրանց ուղարկել փողոց՝ հա-

յերի վրա: Պարզվում է, որ այդ խոսժանի մեջ եղել են նաև ծպտյալ զինվորներ: Այդ է վկայում Սայիդ փաշայի հետևյալ խոսքը, «նույնիսկ բռնացողների թվում եղել են զինվորներ և ուսանողներ»¹⁰:

Քյամիլ փաշայի հուշերում հայության հետ առնչվող նյութերը և հատկապես Աբդուլ Համիդին ներկայացրած նրա: զեկուցագրերը հիմնականում վերաբերում են 1894 թ. տեղի ունեցած Սասունի ջարդերին և 1895 թ. Արևմտյան Հայաստանում բարենորոգումների վերաբերյալ երեք մեծ տերությունների Բարձր դաշն ներկայացրած հուշագրերին: Առանձնահատուկ հետաքրքրություն են ներկայացնում Քյամիլ փաշայի քաղաքական հայացքները, հայկական հարցի և մեծ տերությունների դիրքորոշմանը վերաբերող նրա մեկնություններն ու խորհրդածությունները:

Հայտնի է, որ Բեռլինի կոնգրեսից հետո սուլթանական կառավարության ջարդարարական քաղաքականությունը հայերի նկատմամբ առավել բացահայտ դարձավ 1890-ական թվականներին: Թուրքական իշխանությունների անկաշկանդ կամայականությունները, քրդական ցեղապետերի սանձարձակ ոտնձգությունները, արտակարգ հարկերի ծանրությունը և անասելի հարստահարություններն այլևս անհնարին էր տանել: Սասունի հերոսական ժողովուրդը, հաշվի առնելով իրեն սպառնացող վտանգը, պատրաստվում էր հակահարվածի: 1894 թ. օգոստոսին Թուրքական բանակը ծավալուն հարձակում է նախաձեռնում Սասունի վրա: Տեղի ունեցավ մի սարսափելի ջարդ, որին զոհ գնացին հայ տղամարդիկ, կանայք ու երեխաներ: Այն կատարել էին Թուրքական սուլթանի կողմից զինված քրդական զորախմբերը (համիդիե) և կանոնավոր բանակի զինվորները: Քյամիլ փաշայի հուշերում ևս պարզ կերպով նշվում է, որ ջարդը տեղի է ունեցել Աբդուլ Համիդի հրամանով, և այն իրագործել է Բիթլիսի 4-րդ բանակի հրամանատարությունը, Մյուշիր Զեքի փաշայի գլխավորությամբ¹¹:

Սասունի կոտորածները մեծ հուզում առաջացրին ամբողջ քաղաքակիրթ աշխարհում: Բողոքների ճնշման ներքո, ի վերջո սուլթանական կառավարությունը համաձայնեց հանձնաժողով ուղարկել Սասուն՝ հանգամանքները ուսումնասիրելու համար: Այդ հանձնախմբի հետաքննություններն առանձնապես արդյունք չտվին, քանի որ սուլթանական կառավարությունն արդեն վաղօրոք հանձնարարել էր նրան առանց քննության արդարացնել տեղական իշխանություններին և մեղադրանքը բարդել հայ գյուղացիության վրա: Մյուս կողմից, մեծ պետություններն, իրենց ընդհանուր շահերից ելնելով, հրահանգ էին տվել իրենց ներկա-

յացուցիչներին, որպեսզի հարաբերությունները չսրեն թուրքական հանձնախմբի հետ: Միևնույն ժամանակ սուլթանական կառավարությունը մեծ ջանքեր էր թափում հանդարտեցնելու միջազգային հասարակայնության կարծիքը այդ կոտորածների կապակցությամբ: Իր ժամանակին Քյամիլ փաշան ահա թե ինչպիսի ցինիկ խորհուրդ էր տալիս Աբդուլ Համիդին. «Սասունի դեպքը, ավելի շուտ այնտեղի ապստամբության ճնշումը, հայերի կողմից այնպես է ուռճացվել և անգլիական մամուլում այն աստիճան դաժանությամբ է նկարագրվել, որ այդ հրապարակումները չէին կարող ազդեցություն չգործել ոչ միայն Անգլիայում, այլ նույնիսկ այստեղ Օսմանյան կայսրության տարբեր հպատակների շրջանում...»¹²: «Եթե այժմ որևիցե հրատապ բան կա անելու, դա այն է, որ հետաքննող հանձնաժողովի ղեկույցը շտապ կերպով հրատարակվի Անգլիայում, որպեսզի հանդարտեցվի ընդհանուրի տրամադրությունը: Եվ այդ հանդարտեցման նպատակին հասնելու համար բավական է, որ հիշյալ ղեկույցը հրապարակվի օտար պաշտոնյաների ստորագրությամբ»¹³:

1895 թ. մայիսի 11-ին Անգլիայի, Ռուսաստանի և Ֆրանսիայի դեսպանների կողմից Բարձր դռանը համատեղ ներկայացրած բարենորոգումների նոր ծրագիրը, իր թերություններով հանդերձ, նույնպես, կյանքի չկոչվեց: 1895 թ. հոկտեմբերին Աբդուլ Համիդը ձևականորեն, համաձայնվեց ստորագրել բարենորոգումների ներկայացված ծրագիրը, նրա մեջ մտցնելով այնպիսի փոփոխություններ, որոնք տեղ էին թողնում թուրքական բռնությունների համար: Հիշյալ բարենորոգումների իրականացման հարցում իր տարակուսանքն է հայտնում նաև Քյամիլ փաշան. «...ընթերցելու ընթացքում ես նկատել էի, որ այդ հոգվածները հազիվ թե գործադրվեին կյանքում, քանի որ քրդերի զինաթափումը և քրիստոնյա պաշտոնյաների նշանակումը ծանր էր նստելու քրդերի վրա: Այնուհանդերձ, քանի որ տվյալ որոշումը հաստատվել էր կայսերական հրամանով, ես ստիպված ստորագրել էի այն, միմիայն մատնանշելով, որ տվյալ հոգվածների կիրառումը կապված է դժվարությունների հետ»¹⁴:

Ուշադրության արժանի են նաև երիտթուրքերի գաղափարախոսությունների ներկայացուցիչ Ջելալ Նուրիի տեսակետները:

Իր հրապարակած գրքերում և հոգվածներում Ջելալ Նուրին հետևողականորեն ջատագովել է «օսմանիզմի» գաղափարախոսությունը, որ Օսմանյան կայսրությունում բացի օսմանյան ազգից ուրիշ ազգություններ չկան: Թուրքիայում մեկ ազգ կա, այն է՝ օսմանցի ազգը:

«Օսմանիզմի ապագան» խորագիրը կրող գլխում Զեյալ Նուրին գրում է. «Իմ հրապարակած հոդվածներում և (գրքիս—Ա. Փ.) զանազան զրլուխներում նշել էի, որ օսմանիզմը մի ընդհանուր ազգային հասարակություն է, բոլոր տարրերի հավասար իրավական հիմունքներով: Անկեղծ ասած, օսմանիզմի ընդունողները օգտվում են ամեն տեսակի իրավունքներից: Իսկ նրանք, որոնք չեն ընդունում, կարող են միմիայն երկրի ներսում մարդկային և քաղաքացիական իրավունքներից օգտվել, այլ ոչ քաղաքական իրավունքներից»¹⁵: Այնուհետև նա շարունակում է. «Հայերը կարող են իսկական, անկեղծ և էպպես օսմանցի դառնալ: Նրանց շահավետությունը օսմանցիության մեջ է»¹⁶:

«Նոր օսմանները» պնդում էին, որ բավական է կազմալուծել բռնապետական ռեժիմը, և կայսրության ժողովուրդները կմիանան «ընդհանուր հայրենիքի» սահմաններում և կապրեն համերաշխ, կրվերանա ազգային և կրոնական պայքարը նրանց միջև:

«Պրոպագանդելով միասնության գաղափարը,—գրում է Յու. Պետրոսյանը իր «Ներիտթուրքերի շարժումը» շահեկան աշխատության մեջ,—նոր օսմանները, այնուհանդերձ, բացահայտորեն նկատի ունեին պահպանել թուրքերի տիրապետող դիրքը ազգային բարեփոխված պետության մեջ: ... Ազգային հարցում նրանց բռնած դիրքը ինչպիսի ֆրազներով և լուգունգներով էլ որ քողարկվի, գործնականում հանգեցնում է թուրքերի տիրապետության պահպանմանը հուլյների, հայերի, սլավոնական ժողովուրդների, արաբների և քրդերի, ինչպես նաև օսմանյան այլ ժողովուրդների նկատմամբ»¹⁷:

Զեյալ Նուրին բացահայտորեն Թուրքիայի ոչ մահմեդական ժողովուրդներից պահանջում էր հաշտվել իրենց իրավագուրկ վիճակի հետ և հրաժարվել ազգային ձգտումներից: Նա ամեն կերպ ձգտում էր համոզել, որ հայերը, արաբները, քրդերը, սլեանացիները չպետք է պայքարեն իրենց ազատագրության համար, քանի որ Թուրքիայում տիրապետող կարգերը, որոնք հիմնված են մահմեդական կրոնի վրա, ամենաառաջավորն ու իդեալականն են: Փաստորեն, Թուրքիայում իսկական քաղաքացի էին հռչակվելու միայն թուրքերը, կամ նրանք, ովքեր էթրքանային, կմոռանային սեփական լեզուն և կձուլվեին թուրքերի հետ: Զեյալ Նուրին ամեն կերպ գովաբանում է իսլամի դոգմաները, մատնանշելով, որ այն միաժամանակ բարոյական օրենսդիրք ու կառավարման ձև է¹⁸:

Զեյալ Նուրին և երիտթուրքերի այլ գաղափարախոսները ամեն կերպ փորձում էին պանիսլամիզմը օգտագործել Օսմանյան կայսրու-

թյան մահմեդական ժողովուրդների վրա իրենց իշխանությունը ամրապնդելու համար։ Պանիսլամիզմի ճաղափարախոսությունը զուրկ էր պատմականորեն դարգանալու հեռանկարից։ Թուրքիայի երիտասարդ աղջային բուրժուազիան, առաջ քաշելով այն, ձգտում էր ինչ-որ ձևով պահպանել Օսմանյան կայսրության ամբողջականությունը։

Երիտթուրքերի պարագլուխներից Ջեմալ փաշան իր հուշերում բերված «Շաշկական հարցը» վերնագիրը կրող պատմական ակնարկում, հակաճառելով ուս հայտնի դիվանագետ, իրավաբան և պատմաբան Ա. Ն. Մանդելշտամին, աշխատում է ամեն կերպ ցույց տալ, որ հայերը Օսմանյան կայսրության շրջանակներում տևապես ապրել են խաղաղ և լավագույն պայմաններում, վայելել ընդարձակ արտոնություններ։ Այս կապակցությամբ նա բավականին ուռճացրել է 1863 թ. հայերին շնորհված «Աղզային սահմանադրության» նշանակությունը և վերջապես ամեն կերպ ջանք է թափել մեղմացնելու երիտթուրքերի հանցագործությունը հայերին տարագրելու և բնաջնջելու հարցում։

«Քրդերի ստրկացուցիչ լուծի փոխարեն նրանք (հայերը—Ա. Փ.) հնարավորություն ստացան լավագույն հարաբերությունների մեջ ապրել թուրքերի և թուրքական կառավարության հետ... Օսմանյան կառավարությունը, առանց դրսի որևէ ճնշման, սահմանադրություն շնորհեց հայերին... Այդ իրադարձությունը պետք էր, որ սկիզբ համարվեր մի նոր երջանիկ ժամանակաշրջանի։ Մինչդեռ, ուսմենքը հայկական գործերի մեջ խառնվելու համար օգտագործեցին այդ սահմանադրությունը»։ Հայ պատրիարք Ներսես էֆենդին, որը Սան-Ստեֆանո զնաց հայերի անկախության հարցում խնդրելու ցարի հովանավորությունը, միակ պատասխանատուն կարող է համարվել նրա համար, որ հայերը վերջնականապես զրկվեցին «հավատարիմ ազգի» (Միլլեթ-ի սատըքա) իրենց անվանումից»¹⁰։

Անհրաժեշտ է նշել, որ Ներսես պատրիարքը ճարահատյալ Սան-Ստեֆանո էր մեկնել ոչ թե անկախություն հայցելու, այլ ինչ-որ չափով վերջ տալու հայերի հանդեպ գործադրվող ճնշումներին, հարստահարությանը և խտրականությանը։ Արևմտահայերը տասնամյակներ շարունակ դիմել են սուլթանական կառավարությանը և աղերսել՝ թեթևացնելու իրենց վիճակը, բայց դիմումներն ու աղերսանքը որևէ արդյունք չեն տվել։ Գուլբի հափշտակումը, պատվի ու սրբությունների ամենաբիրտ ոտնահարումները, կրոնաբարոյական անարգանքը, կոտորածի սարսափը հայ բնակչությանը հասցրել էին ծայր աստիճան հուսա-

հատուկյան: Հատկանշական է, որ Թանգիմաթի շրջանի՝ սուլթանական կառավարության ազգային փոքրամասնություններին վերաբերող միջոցառումներից ոչ մեկը չէր կիրառվում կյանքում: Հայը երբեք չէր կարող իր դեմ կատարված շարաշահումների համար բողոքել կառավարությանը, քանի որ հանցագործության առկայությունը փաստելու համար նրան հարկավոր էր երկու մահմեդականի վկայությունը: Թուրքերի կիրառած դաժանությունը պատահական չէր, այլ՝ բնահատուկ և տեական: Նրանց իրավական սիստեմն իր էությունից ժայր աստիճան անարդար էր քրիստոնյա հպատակների հանդեպ: Մահմեդականը կարող էր առեւժանգել, թալանել, սպանել քրիստոնյային և ապահովաբար մնալ անպատիժ:

Ինչ վերաբերում է «հայոց ազգային սահմանադրությանը», ընդհանրապես է, որ այդ մասին շատ է խոսվել թե՛ իր ժամանակին և թե՛ սուլթանահայ պատմաբանների երկերում: Հակառակ Զեմալ փաշայի պնդումներին, «ազգային սահմանադրությունը» իսկական փոփոխություններ չմտցրեց գոյություն ունեցող հարկերի անարդար գանձման, կրոնական խտրականության, ազգային ճնշման և ընդհանրապես թուրքերի և քրդերի կողմից գործադրվող դանազան բռնությունների վերացման խընդրում:

«Հայկական հարցը,—շարունակում է Զեմալ փաշան,—առավել սրվեց 1894 և 1896 թթ., այն ժամանակ, երբ ամենուրեք ապստամբություններ սկսվեցին հայկական նահանգներում: Հայկական խռովություններն այն աստիճան թշնամանք սերմանեցին մահմեդականների և քրիստոնյաների միջև, որ 6 դարերի ընթացքում կողքկողքի, խաղաղ ու համերաշխ ապրելով հանդերձ, սկսեցին հարձակվել իրար վրա և իրենց արյունով ներկել Անատոլիայի խաղաղ հովիտները և նույնիսկ Կ. Պոլսի փողոցները... Այդ տարիների արյունալի դեպքերի ժամանակ թուրքերը անբարյացակամ վերաբերմունք չունեցան հայերի հանդեպ: Ամենուրեք թուրքերը ձգտում էին հովանավորել հայերին...»²⁰:

Զեմալ փաշայի այս խոսքերը շեն համապատասխանում իրականությանը: Ծշմարտությունն այն է, որ հայկական հարցը, երբ Բեռլինի վեհաժողովում դարձավ միջազգային դիվանագիտության հարց, հայ ժողովրդի վիճակը առավել վատթարացավ: Սուլթանական կառավարությունն սկսեց իրագործել հայաշատ նահանգներում հայկական տարրը նոսրացնելու իր նենգ քաղաքականությունը: Արդուվ Համիդն սկսեց իրագործել Արևմտյան Հայաստանն իր վաղեմի և իսկական բնակչությունից դատարկելու հանցագործ ծրագիրը:

Հայերը ենթարկվեցին դաժան հալածանքների և ֆիզիկական ուղնշացման: «Կայսրությունը կառավարելու իմ տեսակետից ելնելով,—շարունակում է Ջեմալ փաշան,—ես միշտ դատապարտել եմ ժողովրդական զանգվածները կոտորելու միջոցով հեղափոխությունը ճնշելու ձևը: Այսպիսի սխատմբ անուղղելի վնաս է հասցնում պետությանը և նրա պատմության էջերում թողնում է արյունալի հետքեր»²¹:

Այնուհետև Ջեմալ փաշան նշում է, որ ինքը և երիտթուրքերը խլատագույն կերպով դատապարտում էին 1894—1896 թթ. իրադարձությունները, այն համարելով Արդու Համիդի կառավարության քաղաքական ամենամեծ սխալը, որ այդ քաղաքականությունը վնաս էր պատճառում ոչ միայն Թուրքիային, այլև ամբողջ իսլամին²²: Ջեմալը և երիտթուրքերի մյուս պարագլուխներն աշխատում էին ոչ թուրք ժողովուրդներին ներշնչել այն միտքը, որ սահմանադրության վերահաստատումով կվերանա ազգային խտրականությունը և բոլոր հպատակները հավասար կլինեն օրենքի առջև: Սակայն 1908 թ. իշխանության գլուխանցնելուց հետո, երիտթուրքերը ոչ միայն մոռացան իրենց մինչ այդ տված խոստումները, այլև դարձան ժողովուրդների ազգային-ազատագրական շարժման բացահայտ թշնամիներ: Նրանք ամբողջապես որդեգրեցին Արդու Համիդի արյունարբու քաղաքականությունը, նույնիսկ իրենց դաժանությամբ գերազանցելով նրան: Ազգային հարցը լուծելու համար նրանք ընտրեցին ազգերը ոչնչացնելու ճանապարհը:

Ջեմալ փաշան կանգ է առել նաև 1909 թվականին Ադանայի վիլայեթում տեղի ունեցած ապրիլյան կոտորածի վրա: Այդ ջարդերի պատասխանատվությունը ամբողջապես նա բարդել է հնչական կուսակցության անդամ Մուշեղ եպիսկոպոսի և Ադանայի նահանգապետ Ջեվադեի վրա:

«Ես անձամբ համոզված եմ, որ այդ արյունալի դեպքերի գլխավոր մեղավորը մոնսիոյոր Մուշեղն է, բայց պատահածի համար պատասխանատվությունը հավասարապես ընկնում է նաև նահանգապետի վրա, քանի որ նա պետք է հասկանար, թե ինչպիսի վտանգ է ներկայացնում այդ մարդը և միջոցներ ձեռնարկել նրան վնասազերծելու համար»²³:

Այստեղ ևս դիտումնավոր կերպով խեղաթյուրվել են իրական փաստերը: Այս հարցում ոչ միայն Ջեմալ փաշան, այլև մյուս պետական գործիչները, ինչպես նաև հետագա թուրք հտաղոտողները, կասկածի տակ առնելով ականատեսների տվյալները, աշխատել են ամեն կերպ թաքցնել երիտթուրքերի կատարած ոճրագործությունները:

Անհրաժեշտ է նշել, որ այս հարցը ևս բազմակողմանի ուսումնասիրված է սովետական պատմաբանների կողմից և տրված է համոզիչ պատասխան տվյալ շրջանի իրադարձություններին²⁴:

Փաստերն անհերքելիորեն վկայում են, որ Ադանայի նահանգում կազմակերպված ջարդերը. նախօրոք նախապատրաստված և հրահրված են երիտթուրքերի կուսակցության կողմից, որ հայերը ոչ մի մեղք չունեին և հայկական ապստամբության մասին նրանց հորինած հեքիաթը լոկ պատրանք էր: Ապրիլյան այդ կոտորածների ընթացքում հայերը կորցրին երեսուն հազար մարդ:

Առաջին համաշխարհային պատերազմին նախորդած դեպքերի նրկարագրության ընթացքում, Զեմալ փաշան կանգ է առնում նաև ցարական կառավարության կողմից ներկայացված Արևմտյան Հայաստանին վերաբերող բարենորոգումների նախագծի վրա, որը պատրաստել էր Կ. Պոլսի ռուսական դեսպանատան աշխատակից Ա. Մանդելշտամը: Ինչպես հայտնի է, բարենորոգումների այդ նախագիծը երկար ժամանակ քննարկման առարկա դարձավ եվրոպական պետությունների և երիտթուրքական կառավարության ներկայացուցիչների միջև: Ի վերջո արդյունքը եղավ այն, որ 1914 թ. փետրվարի 8-ին կնքվեց հայկական բարենորոգումներին վերաբերող ռուս-թուրքական համաձայնագիրը: Բնական է, որ ստորագրելով այդ պայմանագիրը, թուրքական կառավարությունը ոչ մի ցանկություն չունեի կյանքի կոչելու այն և դիմում էր ամեն միջոցի, որպեսզի բարենորոգումները մնային թղթի վրա: Զեմալ փաշան խուսանավել է այս հարցում ևս:

«Զնայած, որ այդ պայմանագիրը ծանր էր մեզ համար, իսկ Ռուսաստանի համար էլ շահավետ, Օսմանյան կայսրությունը անկեղծորեն ձգտեց իրագործել ստանձնած բոլոր պարտավորությունները»²⁵:

Իսկ մի քանի տող ներքև նա շարունակում է իր միտքը, ասելով. «...մենք հույս ունեինք, որ համաշխարհային պատերազմի կրակի միջից անցնելով, մեզ կհաջողվի ազատվել մեր վզին փաթաթած շատ տհաճ պարտավորություններից, որոնք միմիայն պատրվակ էին մեր ներքին գործերին միջամտելու համար»²⁶:

Բազմաթիվ այլ փաստեր կարելի է բերել, ինչպես իրավամբ նշում է Զ. Կիրակոսյանը, որոնք ապացուցում են հայ ժողովրդի տարագրության ու կոտորածի նկատմամբ Զեմալ փաշայի բռնած ավելի խորամանկ, քողարկված, երեսպաշտ դիրքի մասին: Նա ամեն կերպ ձգտում էր թաքցնել իր մեղսակցությունը, խոսում էր հայերի «գյուղատնտեսական կոլոնիաներ» ստեղծելու մասին, սպառնալից հրամաններով արգե-

լում էր լուսանկարել հայ տարադիրների դժոխային կյանքի պատկերները, սուտ տվյալներ հաղորդում արտասահմանյան լրագրողներին»²⁷։

Ոչ միայն Ջեմալ փաշան, այլև մյուս պետական գործիչները և նրանց վրա հիմնված մի շարք բուրժուական պատմաբաններ միտումնավոր խեղաթյուրել են իրականությունը, մեկնաբանելով, որ թուրքական կառավարությունը ստիպված է եղել հայերին տեղահանելու իրենց բնակավայրերից, նկատի ունենալով պատերազմական ծանր կացությունը և դրա հետ կապված հայերի ապստամբական շարժումները։ «Ես հաստատ համոզված եմ,—ընդգծում է Ջեմալ փաշան,—որ հայերը իրենց գործունեությամբ վտանգի տակ են դրել մեր կովկասյան բանակի թիկունքը և, նույնիսկ, միջոցառումներ ձեռնարկել բանակի կատարյալ ոչնչացման համար։ Իմ ընկերները եկել են այն համոզման, որ օսմանյան հայրենիքը վտանգի մեջ է, իսկ Արևելյան Անատոլիան կանգնած է Ռուսաստանի կողմից նվաճվելու սեմին։ Դրա համար էլ հայերի՝ մի այլ շրջան տեղահանելը նրանց կզրկեր կառավարության համար վտանգ ներկայացնելուց»²⁸։

Իրականում հայ ժողովրդի բնաջնջման թուրքական ժրագիրը խարսխված էր նախորդ ամբողջ ժամանակաշրջանում կիրառված ջարդարարական քաղաքականության վրա, օրգանապես բխում էր նրանից։

Նրիտթուրքական կառավարության ղեկավարները ուղղակի օգտագործել են հայերի ապստամբության շինծու պատրվակը, որպեսզի իրադործեն «Հայաստանն առանց հայերի» իրենց վաղեմի ծրագիրը։ Իրականությունն այն է, որ հայերը, կոտորածի փաստի առաջ կանգնելով, ստիպված են եղել մի շարք վայրերում ինքնապաշտպանության դիմել։

1946 թվականի սկզբին Հյուսիսյն Ջահիդ Յալլընի համառոտ առաջարանով և անմիջական հրատարակիչ՝ էնվեր Բուլաբրի «Երկու խոսքով» Ստամբուլում լույս է տեսնում այսպես կոչված Թալաաթ փաշայի հուշերը²⁹։

Ահհրաժեշտ է նշել, որ այս գրքուկը հեռու է կատարյալ հուշագրում լինելուց։ Այդ հաստատվում է նաև առաջաբանում նշված Յալլընի հետևյալ խոսքերով. «Սակայն պարագաներն ու պայմանները հնարավորություն չտվին նրան գրելու իր կատարյալ հուշերը»³⁰։ Նույն միտքն է արտահայտել նաև հրատարակիչը. «Թալաաթ փաշան իր մահից հետո մաքուր անունից և հուշերի մի մասը բովանդակող տետրակից բացի, ոչինչ չթողեց։ Այս «հուշերը» նրա գրավոր միակ երկն է, որը ներկայումս մեծ հպարտությամբ տպագրում են գրքի ձևով»³¹։

Թալաաթի հուշերի օսմաներեն բնագիրը ժամանակին չի հրապարակվել, և դրա գոյություն մասին ոչ մի հիշատակում չի եղել թուրք պատմագրության մեջ: Դրքի սկզբում հրատարակիչների կողմից բերված է Թալաաթի արաբատառ ձեռագրերից մի նմուշ, որը ոչ մի առնչություն չունի նրա հուշերի բովանդակության հետ: Այն ներքին գործերի մինիստրի մի սովորական գրություն է: Մեզ համար առավել համոզիչ կլինեն, եթե հրատարակիչները գրքի սկզբում բերեին Թալաաթի հուշերի օսմաներեն ձեռագրից մի հատված:

Թե ինչ փոփոխության է ենթարկված օսմաներեն բնագիրը, երբ այն վերծանվել է ժամանակակից թուրքերենի, մեզ անհայտ է: Այսուհանդերձ գրքի բովանդակությունը պարզ ցույց է տալիս, որ այն հրապարակված է որոշակի նպատակով և լիովին համապատասխանում է տվյալ ժամանակվա ոգուն: Պարզ ասած, այնտեղ ամեն կերպ նենգափոխված են փաստերը և պատմական իրականությունը:

Եթե մի կողմ թողնենք հուշերի սկզբում բերված 1914—1918 թթ. թուրքիայի ներքին և արտաքին իրադրությանը վերաբերող համառոտ շարադրանքը (այն կազմում է ընդամենը 30 էջ), ապա առանց վարանելու կարելի է ասել, որ այդ գիրքը նվիրված է հիմնականում հայկական հարցի պատմությանը (էջ 43—149):

Մեր կարծիքով, տվյալ գրքի հրատարակումն իր հիմքում ունեցել է մի նպատակ՝ Անդրկովկասում, թուրքերի նվաճողական նկրտումներից ձեռնելով, թուրք հասարակայնության շրջանում թշնամանք և ատելություն սերմանել հայ ժողովրդի հանդեպ: Հուշերի հեղինակը կաշվից դուրս է եկել ապացուցելու, որ ինքը մեղավոր ու հանցավոր չէ հայերի բնաջնջման խնդրում, որ հայերն իրենք են բռնություն գործադրել թուրքերի վրա, որ 1919 թ. Կ. Պոլսում իր և ընկերների հանդեպ արձակված մահվան դատավճիռը անտեղի էր և այլն...

Թալաաթ փաշայի «հուշերը» իր բովանդակությամբ խիստ տարբերվում են մյուս թուրք պետական գործիչների հուշերից: Այստեղ շատ քիչ տեղ է տրված անձնական գրառումներին և հիմնականում բերված են փաստաթղթեր: Դրանք ամփոփված են «Հայերի ներքին (դրություն—Ա. Փ.) վերաբերող պատմական փաստաթղթերը»³² գլխում:

Նրկարատե պրպտումներից հետո հաջողից պարզել, որ այսպես կոչված «փաստաթղթերը» վերցված են 1916 թ. Թուրքիայում լույս տեսած «Հայ կոմիտեների հեղափոխական շարժումներն ու ծրագրերը»³³ գրքից: Վերջինս լույս տեսավ այն ժամանակ, երբ համաշխարհային հասարակայնությունը իրազեկ դարձավ հայ ժողովրդի հանդեպ գոր-

ծաղրված ցեղասպանության մասին: Թուրքական կառավարությունը, որպեսզի արդարացնի իր շարանենգ գործունեությունը, հրապարակեց այդ գիրքը՝ ղետեղելով այնտեղ ամեն տեսակի զրպարտանք և խաբուսություն արևմտահայության հասցեին: Դրքում ղետեղված բազմաթիվ նկարներից 32-ը պատկերում էր զանազան ղենքերի կուտակումներ, որոնք, իբրև թե, բռնագրավել են հայ հեղափոխականներին թաքստոցներից:

Դրքի վերջում ղետեղված են նաև մի շարք նկարներ, որոնք պատկերում են իբրև թե կոտորածի ենթարկված թուրքերի դիակները: Սա ևս կեղծ է և շինծու: Ահա թե ինչ է գրում 1915 թ. հայկական կոտորածների ականատեսներից մեկը՝ ազգությամբ արաբ Ֆայեզ էլ Հուսեյնը.

«Թուրքական կառավարությունը հասկացավ, որ եվրոպական պետություններն առանց հապաղելու իրազեկ կդառնան հայ ժողովրդի ոչնչացմանը և այդ լուրը կտարածվի աշխարհով մեկ՝ լարելով հասարակական կարծիքը թուրքերի դեմ: Այդ իսկ պատճառով, մեծ թվով հայեր կոտորելուց հետո, կառավարությունը հրահանգ էր տվել իր գործակալներին՝ դիակներին քրդի հազուատ հագցնել, գլխներին քուղզներ դնել: Դրանից հետո գալիս էին քուրդ կանայք, շրջապատում դիակները, սկսում լաց լինել ու բղավել, թե հայերը սպանել են իրենց ամուսիններին: Այդ ամբողջ տեսարանը նկարահանվել է, որպեսզի հետո «ապացուցեն», թե հայերն են հարձակվել քրդերի վրա և սպանել նրանց, իսկ քրդական ցեղերը ոտքի են ելել, որպեսզի վրիժառու լինեն, թե կառավարությունը այդ ամենում ոչ մի մասնակցություն չի ունեցել: Սակայն խելամիտ մարդիկ կռահեցին այս խաղը և այն շուտով հայտնի դարձավ Դիարբեքիրում»³⁴:

Կարծում ենք, որ այսքանն էլ բավական է հասկանալու համար, թե այդ ժողովածուն ինչ էր ներկայացնում իրենից և ինչ հետին նպատակների համար էր հրապարակված: Ահա այս գրքից էլ Թալաաթը (գուցե և հրատարակիչները) բերել է բազմաթիվ զրպարտանքներով լի փաստաթղթեր³⁵: Այնտեղից՝ վերցվել են ոչ միայն փաստաթղթեր, այլև տվյալ գրքում բերված պարզ մեղադրական շարադրանքն էլ ղետեղվել է հուշերի մեջ իբրև փաստաթուղթ³⁶:

Իրեն և իր նմաններին տրդարացնելու և կատարված ոճրագործության հանցանքը իր վրայից ղեն նետելու միտումով, իր հուշերում Թալաաթը կաշվից դուրս է գալիս «ապացուցելու» իր անմեղությունը:

«Գլխավոր շտաբում «հայերի տեղահանման» վերաբերյալ մի օրենք պատրաստվեց և ներկայացվեց մինիստրների խորհրդին: Նս,— շարու-

նակում է Թալաաթը,—կատարելապես դեմ էի այս օրենքի գործադրմանը, քանի որ ժանդարմերիան ամբողջությամբ, իսկ ոստիկանությունն էլ մասամբ վերցված էին զինվորական ծառայության, և նրանց փոխարեն նշանակված էր միլիցիան: Ես գիտակցում էի, որ տեղահանումը այս միջոցներով գործադրելու դեպքում, կարող էր շատ վատ հետևանքների հանգեցնել, ուստի, հեռուն մտածելով, պայքարեցի այդ օրենքի գործադրման դեմ և հաջողվեց մի առ ժամանակ հետաձգել այն»³⁷:

Այն հարցը, որ այստեղ իրականությունը կատարելապես աղավաղված է, կասկած չի կարող լինել: Թալաաթի կողմից երկրի տարբեր կողմերը առաքված զաղտնի հեռագրերն ու հրահանգները միանգամայն պարզում են թե՛ նրա վարքագիծը և թե՛ նրա հանցանքի չափը³⁸:

Թալաաթ փաշայի ստորագրած ծածկագրերը բացահայտորեն ցույց են տալիս հայկական կոտորածների գլխավոր կազմակերպիչներից մեկի գործունեությունը և մեղսակցությունը: Այստեղ տեղին է վկայակոչել Մանդելշտամի հետևյալ գնահատականը.

«Այո՛, էնվերը և Թալաաթը՝ կայսրության երկու դիկտատորները, համարվում են հայկական կոտորածների գլխավոր մեղավորները: Շատ հավանական է նաև, որ նրանք դրված լինեն հանցագործության շարանեզ դոկտորներ Բեհաեդդին Շաքիրի և Նազըմ բեյի կողմից: Բոլոր դեպքերում, այդ երկու հրեշների համագործակցությունը չի վերացնում Թուրքիայի այս երկու տիրակալների վրա ծանրացած մեղադրանքը»³⁹:

Թալաաթ փաշայի հուշերի վերջում բերված է նաև երիտթուրքական կուսակցության պարագլուխների դեմ Ստամբուլում ծավալված դատական պրոցեսում մի քանի դատապաշտպանների ելույթները: Պարզ է, որ այդ դատապաշտպաններն ամեն կերպ ջանացել են մեղմացնել նրանց գործադրած հանցանքը: Սակայն դատական ընթացքի մեղադրական ակտից բացահայտորեն երևում է Թալաաթի և նրա նամանիքի գործադրած հանցագործությունը: Ահա այդ մեղադրական ակտից մի հատված, որն անմիջապես առնչվում է Թալաաթ փաշայի հետ.

«Ներքին գործերի մինիստրության հատուկ գրասենյակի պետ Իհսան բեյը հաստատում է, որ այն ժամանակ, երբ ինքը գտնվելիս է եղել Քիլիսի կայմակամի պաշտոնում, Կ. Պոլսից Հալեբ գործուղված Աբդուլլահադ Նուրի բեյը հայտարարել է, որ «տեղահանման հիմնական նպատակը (հայերի) ոչնչացումն է» և ավելացրել է նաև, որ ինքն այդ հարցով կապի մեջ մտնելով Թալաաթ բեյի հետ, նրանից ուղղակի

ատացել է կոտորածի հրաման, որ նա (Թալաաթը) ձգտել է համոզել իրեն, որ դա է երկրի փրկությունը»⁴⁰:

Կարծում ենք, որ մեղադրական ակտից բերված այս հատվածը մեկնարանության կարիքը չունի:

Այսպիսով, Թալաաթ փաշայի հուշերի վերլուծումը մեզ բերում է այն եզրակացության, որ արևմտահայությանը վերաբերող նյութերը միտումնավոր աղավաղված են և չեն համապատասխանում իրականությանը: Խիստ կասկածելի է նաև հուշերի հեղինակի ինքնության հարցը: Միգուցե Թալաաթը ունեցել է օրագրության կամ հուշերի ձևով շարադրված էջեր, բոլոր դեպքերում հրատարակիչները նենգ նպատակներով ընդարձակել են դրա ծավալը, խմբագրել և կցել շինծու «փաստաթղթեր»:

Իրենց հուշագրումներում թուրք պետական և քաղաքական գործիչները հայատյաց դիրքորոշումով ոչնչով չեն տարբերվում իրարից: Այսուհանդերձ, չնայած դեպքերի նկարագրման ընթացքում ունեցած շահադիտական կողմին, Սայիդ փաշայի, Քյամիլ փաշայի, Ալի Ֆուադ էրդենի հուշագրումներում պարունակվում են նյութեր XIX դարի երկրորդ կեսից ծավալված հայ-թուրքական բախումների և հայկական հարցի շուրջը: Ինչ վերաբերում է Ջեմալ և Թալաաթ փաշաներին, ապա նրանք ամեն կերպ աշխատել են աղավաղել և խեղաթյուրել իրականությունը և արդարացնել իրենց հանցագործությունը հայկական կոտորածների հարցում: Ժամանակակից թուրք պատմաբանները, այդ թվում և քաղաքական գործիչները ևս, շրջանցելով պատմական փաստերը, ջանում են քողարկել հայերի հետապնդումներն ու գննոցիղը Թուրքիայում:

А. А. ПАПАЗЯН

ТУРЕЦКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ О ЗАПАДНЫХ АРМЯНАХ

Резюме

Для изучения событий конца XIX и начала XX в., связанных с судьбой западных армян, интерес представляют мемуары турецких государственных и партийных деятелей, в которых значительное место уделено вопросам освободительной борьбы армянского народа, армянскому вопросу, позиции османского правительства и великих держав в этом вопросе и др. Несмотря на ошибочность их

концепций и намеренное извращение исторических событий, в этих мемуарах содержится фактический материал, который может быть использован для разоблачения буржуазных фальсификаторов истории армянского и других народов Закавказья и Ближнего Востока.

ԾԱՆՈԹԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

- 1 *All Fuad Erden*, Birinci dünya harbinde Suria hatıraları, I cild, İstanbul, 1954, s. 122.
- 2 Համեմատելի Hatırat-ı sadr-ı esbak Kâmil paşa, Kostantinya, 1329, s. 180 (արարատառ); *Hilmi Kâmil Bayur*, Sadrazam Kâmil paşanın siyasi hayatı, Ankara, 1954, s. 173.
- 3 Zuhuri Danişman, Osmanlı imparatorluğu tarihi, C. XIII, sultan ikinci Abdulhamid han, İstanbul, 1966.
- 4 Նույն տեղում, էջ 146:
- 5 Նույն տեղում, էջ 145:
- 6 Մանուցագիրը գրված է 4 նոյեմբեր 1895 թ.:
- 7 Hatırat-ı Kâmil paşa... s. 188.
- 8 Said paşanın hatıratı, Dersaadet, c. 1, 1328, s. 309 (արարատառ):
- 9 Նույն տեղում, էջ 310:
- 10 Նույն տեղում, էջ 300:
- 11 *Şekü* Hatırat-ı Kâmil paşa, İstanbul, 1329, s. 180 (արարատառ):
- 12 Նույն տեղում, էջ 181:
- 13 *J. H. Uzunçarşılı*, II Abdulhamid devrinde Kâmil paşa. „Belleten“, 1955, № 78, s. 227.
- 14 Hatıratı Kâmlı paşa..., s. 186.
- 15 *Celal Nuri*, Tarih-i İstikbal, İstanbul, 1913, s. 177 (արարատառ):
- 16 Նույն տեղում, էջ 180:
- 17 *Ю. А. Петросян*, Младотурецкое движение, М., 1971, с. 122—129.
- 18 *Celal Nuri*, Osmanlı imparatorluğunun tarihi tedennisi, İstanbul, 1331, s. 90 (арараттаռ):
- 19 *Behcet Cemal*, Cemal paşa, Hatıralar, 1959, s. 338.
- 20 *Cemal Paşa*, Hatıralar, s. 339.
- 21 Նույն տեղում, էջ 340:
- 22 Նույն տեղում, էջ 340:
- 23 Նույն տեղում, էջ 253:
- 24 Տե՛ս Ե. Ղ. Մարգարյան, Թուրքիան և նրա նվաճողական քաղաքականությունը Անգլո-կովկասում, 1914—1918, Երևան, 1964; *Ю. Марунов*, Политика младотурок по национальному вопросу (1908—1912), Краткие сообщения Ин-та народов Азии, XXX, М., 1964; Լ. Լ. Մարտիրոսյան, Կիլիկիայի 1909 թվականի

ապրիլի հալածական կոտորածը և երկուստեք թուրքերի պատասխանատվու-
թյան հարցը, «Մերձավոր և Միջին Արևելքի երկրներ և ժողովուրդներ», Տ. Յ.
Երեան, 1970, էջ 297; Մ. Պ. Աղայան, Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարի
պատմությունը, Երեան, 1976, էջ 268; Геноцид армян в Османской импе-
рии, Сб. документов и материалов. Составители М. Г. Нерсисян, Р. Г.
Саакян, под ред. М. Г. Нерсисяна, Ереван, 1966, с. 360.

25 Cemal paşa, Hatıralar, s. 358.

26 նույն տեղում, էջ 359:

27 Չ. Կրտավադյան, Առաջին համաշխարհային պատերազմը և արևմտահայությունը,
Երեան, 1965, էջ 329:

28 Cemal paşa, Hatıralar, s. 362:

29 Talat paşanın hatıraları, İstanbul, 1945.

30 նույն տեղում, էջ 5:

31 նույն տեղ. մ, էջ 8:

32 նույն տեղում, էջ 45:

33 Ermeni komitelerinin âmâl ve harekât-ı ihtilâlyası, İstanbul, 1332 (արարա-
տուն):

34 Геноцид армян..., с. 360.

35 Talat paşanın hatıraları, համեմատել հետևյալ էջերը՝ 45, 52, 54, 55, 57, 58, 60,
61.—Ermeni komitelerinin âmâl ve harekât-ı ihtilâlyası, s. 61, 63, 64, 65,
87, 102, 104.

36 համեմատել՝ Talat paşanın hatıraları, s. 59—Ermeni komiteleri..., s. 96.

37 Talat paşa ..., s. 64.

38 S. A., The Memoires of Nâim bey, Turkish official Documents relating to the
Doportations and Massacres of Armentlans. Reprinted 1964, New town Squ-
are, Pennsylvania; Геноцид армян..., հուշամատյան մեծ եղեռնի. «Զարթոնքի»
խմբագրություն, Բեյրութ, 1965 թ.:

39 Геноцид армян..., с. 450.

40 նույն տեղում, էջ 474:

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՏՊԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ՕՍՄԱՆՅԱՆ ԿԱՏՄՐՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ ԵՎ ՀԱՅԵՐՈՒ ԵՊԱՍՏԸ ԹՈՒՐԳԱԿԱՆ ՏՊԱԳՐԱԿԱՆ ԱՐՎԵՍՏԻՆ

Թանգիմաթի բերած կարգ մը նորութիւններու և բարեկարգութիւններու շնորհիւ Օսմանյան կայսրութեան սահմաններուն մեջ ապրող ոչ իսլամ հայրենակիցներու որոշ չափով հավասար իրավունքներ տրվեցան: Հայերը կարողացան այս իրավունքները լավագոյնս օգտագործել: Անոնք զարկ տվին թե՛ իրենց մշակութային գործունեությանց և թե՛ մեծապես սատարեցին երկրի մշակութային և տնտեսական վերելքին:

Հստ պատմական տվյալներու, օսմանյան հպատակ հայերը թուրքերեն շատ ավելի առաջ Արևմուտքի հետ հարաբերութեան մեջ մտնելու հնարավորութիւնը ունեցեր էին:

Հայերու մոտ հասարակական և կրթական մտքի զարգացումը թանգիմաթի հռչակումէն առաջ որոշ մակարդակի հասած էր արդեն: Արդարեւ, անոնք ի մասնավորի հիմնած ըլլալով իրենց տպարանները, ուսումնարաններն ու կրթական ընկերութիւնները, հասցված ըլլալով մտավորական ընտրանի սերունդ մը, հաջողած էին իրենց մեջ հասարակական ու մշակութային բարեկարգութեան զաղափարը տարածել: Հետևաբար հայերն արդեն վաղուց նախապատրաստված էին հետագային պետականորեն մշակված և «Թանգիմաթը հայրիկ» կոչված բարեկարգութեան մը ծրագրի իրականացման գործին:

Իրոք ա, և՛ Թանգիմաթի շրջանին (1839—1870 թթ.), և՛ հետագա շրջաններուն հայերը մեծ ավանդ ներդրեցին երկրի քաղաքակրթական գործին: Պետք է անպայման նշել, թե հայերն էին, որ նախ ստեղծեցին իրենց ազգային սահմանադրութիւնը և ապա նպաստեցին 1876 թվականի Օսմանյան պետութեան առաջին սահմանադրութեան ծնունդին:

1863 թ. հայոց ազգային սահմանադրութիւնը, որ կը կոչվեր «Նիզամնամէի Միլլեթի էրմենիան», կազմված էր զեմեկրատական հաս-

կացության հիման վրայ: Սահմանադրության հանձնաժողովին կ'անդամակցեր ծանոթ իրավագետ Գրիգոր Օտյանը:

Ըստ թուրքական արխիվային փաստաթուղթերու վկայության, այդ նույն անձնավորութիւնն էր, որ Միտհաթ փաշայի թելադրութեամբ պատրաստած էր նաև առաջին թրքական պետական սահմանադրութեան կանոնադիրը, որ կը կոչվեր «Քանունը էսասի»:

Որպեսզի հնարավոր ըլլա մանրագնին կերպով ուսումնասիրել հայերու՝ թուրք մշակութին և տնտեսութեան բերած բազմակողմանի և անժխտելի նպաստը, պետք է ձեռք առնել անոնց գործունեութեան բնագավառները:

Մենք այժմ կ'ուզենք ծանրանալ այդ բնագավառներն մեկուն՝ Օսմանյան կայսրութեան մեջ հայկական տպագրութեան արվեստին և թրքական տպագրութեան գործին հայերու բերած նպաստի վրայ:

Օսմանյան կայսրութեան մեջ տպագրված առաջին թրքերեն գիրքը «Քիթաբը լյուկաթը վանքուլուն» է, որ 3 հունվար 1729 թ. լույս է տեսած Կ. Պոլսո մեջ: Այդ բառգիրքը տպված է 14/16 դեկտեմբեր 1727-ին, արքունի թիկնապահներեն, հունգարական ծագում ունեցող Իբրահիմ աղայի ջանքերով հիմնված տպարանին մեջ: Գիրքի հրատարակութեանն մինչև այսօր անցած է 255 տարի:

Կարգ մը թուրք հետադոտողներ կը սխալին, երբ կը կարծեն, թե Թուրքիո մեջ հիմնված առաջին տպարանը վերոհիշյալն է: Մինչդեռ իրականութիւնն է այն, որ նախապես կատարված որոշ նախաձեռնութիւններու արդյունք է Թուրքիո մեջ հիմնված այդ տպարանը: Հետեաբար առանց երկար մանրամասնութիւններու միջամուկս ըլլալու, կը փափագինք կանգ առնել այդ շարժումներու մեկ մասի սկզբնավորութեան, դարգացումին և անոնց կատարած դերին վրայ:

Թուրքիո մեջ տպագրական արվեստի ստեղծման համար ճանապարհ բացող գլխավոր գործողներ հանդիսացած են Ելրոպայի մեջ արարական տառերով կատարված հրատարակութիւնները, եվրոպական լեզուներով թուրքերեն լեզվի քերականութեան և բառգիրքերու տպագրութիւնը, Եվրոպայեն Կ. Պոլիս բերված գիրքերու վաճառքը, ինչպես նաև Օսմանյան կայսրութեան սահմաններուն մեջ իրենց գոյութիւնը պահպանող հրեաները, հայերը և հույները և այլ տարրեր, որոնք իրենց լեզվով հրատարակութիւններ կատարելու համար տպարաններ հիմնած էին Թուրքիո մեջ:

Պրոֆ. Ավրամ Կալանթին իր «Թուրքերն ու հրեաները» աշխատութեան մեջ կը գրէ, թե Կ. Պոլսո մեջ առաջին տպարանը հիմնած են

հրեաները դեռ 1492 թվականին: Իսկ Ֆիրմեն Տիտոն կը նշէ, որ Յասէֆի որդի Օրէոնը 1490-ին Կ. Պոլսո մեջ գրած է «Եբրայեցիներու պատմութիւնը»: Մաքսուրիզատեն «Նեթայիճյուլ վուքուաթ» (Դեպքերու հետեւականքը) անունով իր երկին մեջ կը խոսի, թե արաբական տառերով գիրքեր տպագրելու և ադոնք առանց մաքսատուրքի թուրքիա մտցնելով, ժախելու համար, 1587 թվականին սուլթան Մուրադ Գ-ի կողմէ հրովարտակ մը հանձնված է օտարականի մը: Այդ հրովարտակը ստացող Պրանթոն Պանտիէի և Օրացիո Պանտիի անվանակոչյալ երկու վաճառական եղբայրներ, առաջին անգամ թուրքիա մտցուցած են «էօքլիտեսի» (էվկլիդէս) արաբերեն թարգմանութիւնը՝ 1594-ին Հոռոմ տրպագրված «էօքլիտեսի երկրաչափութիւնը» («Թահրիր-ու էօքլիտես ֆի ուսուլ իլ հենտեսես»): Սուլթան Մուրադ Գ-ի նշված հրովարտակն ալ իր մեջ պարունակող այս գիրքը վաճառքի հանված է Կ. Պոլսո մեջ:

Հրեաները, որոնք առաջին տպարանները հիմնած են 1483-ին Կ. Պոլսո, 1515-ին Սելանիկի և 1534-ին Ադրիանապոլսի (էդիրնէ) մեջ, 1495 թվականին ի վեր այս տպարաններուն մեջ լույս ընծայած են եբրայերեն լեզվով «Աստվածաշունչ»-ը, մեկնութիւններ և քերականութիւն դասագիրքեր: Ծանոթ է, որ եբրայատառ առաջին «Աստվածաշունչ»-ը է. Կ. Պ. Մոզիոյի կողմէ տպագրված է 1547-ին Կ. Պոլսո մեջ:

Հրեաներէն հետո հայերն ու հույներն ալ տպարաններ հիմնած են թուրքիա: Մասնավորաբար հայերը այս մարդին մեջ չեն բավարարված միայն իրենց մշակույթի զարգացման նպաստելու ջանքեր կիրառելով, այլ միևնույն ատեն նպաստած են թուրքական տպագրութիւն և ամբողջ երկրի մշակույթի զարգացումին: Նկատի առնելով այս հանգամանքը, մեր փափազն է համառոտ կերպով ներկայացնել Օսմանյան կայսրութիւն հպատակ հայերու կատարած գործունեութիւնը տպագրութիւն բնագավառին մեջ, որը բավականին լայնորեն հետադուտված է մեր կողմէ:

Թուրքիո մեջ տպագրութիւն նախակարապետը հանդիսացող Աբգար Դպիր Եվդոկիացին (Թոխաթցի) 1562 թվականին էջմիածնի Միքայել Սեբաստացի կաթողիկոսին կողմէ Հոռոմ ուղարկված պատվիրակութիւն նախադահն էր: Հայ թագավորներէն Սենեքերիմի սերունդէն Աբգարը, որը Պիոս Դ պապէն և Վենետիկի դուքս Հերոնիմոս դոժնն արտոնութիւն ստացաւ հայիրեն գիրքեր տպելու, առաջին անգամ 1565-ին իր լույս ընծայած «Սաղմոսարան»-ը ձոնեց պապին: Հետո իր որդի Սուլթանշահի հետ մեկտեղ տպագրական մեքենաներն ու կալմածներն առնելով՝ գնաց Կ. Պոլիս, ուր ձերբակալվեցաւ: Որոշ ատեն

մը վերջ ազատ արձակվելն հետո, Գումգաբուի արվարձանին Լանկա թաղի ս. Նիկողայոս եկեղեցիին մեջ հիմնեց արևմտահայերու առաջին տպարանը: Ասիկա 1483-ին հրեա Րաֆֆի-Կերստնի կողմն Կ. Պոլսո մեջ հիմնված առաջին տպարանն էր երկրորդը կը հանդիսանար: Աբգար Թոխաթցին 1567—1569 թվականներուն ալոտեղ 6 գիրք տպագրեց: Ասոնք Թուրքիո մեջ տպված առաջին հայերեն գիրքերն էին: Աբգար Դպիրեն վերջ Կ. Պոլսի երկրորդ հայկական տպարանը հիմնեց անվանի մատժող և պատմագիր Նրեմիա Չելեպի Քյոմուրճյանը՝ Գումգաբուի Գառերկա թաղը: Սակայն ույս տպարանի կյանքը կարճատև եղավ (1677—1678): Նրկու գիրքեր տպագրելն վերջ փակվեցավ: Տարակարծության հետևանքով իր գործակիցն՝ Գրիգոր Մարզվանցիին, բաժնը վող Աստվածատուր Դպիր Կոստանդնուպոլսեցին 1699-ին տպարան մը հիմնեց: Աստվածատուրի մահն էր (1748) անոր որդիները՝ Հովհաննեսը, Մինասը և Հարությունը տպագրական և հրատարակական գործը շարունակեցին 26 տարի (1750—1776): Այդ թվականն էր տպարանը անցավ Ապուլեխցի Հովհաննես Արապյանին:

Նույն տարին Մարզվանցի Գրիգորը Նրեմիա Չելեպի Քյոմուրճյանի տառերու օրինակով նոր տառեր ձուլեց և հիմնեց չորրորդ տպարան մը, որ իր գոյության 45 տարիներու ընթացքին տպագրեց 14 անուն գիրք (1698—1734 թթ.): Սարգիս դպիրն ու անոր որդին՝ Մարտիրոս Սարգիսյանն ու թոռները իրենց տպարանին մեջ տպեցին 38 գիրք: Այդ միջոցին, 1730-ն սկսյալ, Կ. Պոլսո մեջ բացվեցան գրախանութներ: Անոնցմե՝ առաջինն էր Աստվածատուր դպիրի գիրքերը վաճառող էրզրումցի Մանուկի գրախանութը:

Անկե հետո, կարգով, Սեբաստացի ռակեղձող Բարսեղ և Հակոբ հղբայրներու 1735 թվականին հիմնած տպարանը 5 տարի վերջ՝ իր տերերու մահվան հետևանքով, անցավ Բարսեղի որդիներուն՝ Գաբրիելին, Սարգիսին, Աստվածատուրին և Միքայելին: Այս տպարանին մեջ 1736—1755 թվականներուն տպագրվեցան 6 գիրք: Այս ժամանակաշրջանին է, որ երևան կուգան վիմատիպ նկարները՝ տպագրված գիրքերուն մեջ: Իսկ 1734—1746 թվականներուն Աբրահամ Թրակացին կը տպագրե տասն ավելի գիրքեր:

1766-ին Հովհաննեսի և Հակոբի կողմն հիմնված տպարանին մեջ առաջին անգամ կը հանդիպինք տառաձուլիչ Պողոսին (Հովհաննեսի որդին է, յսուհետև կհիշենք Արապյան կամ Արապօղլի անունով): Այստեղ մինչև 1769 թվականը տպագրվեցան 7 գիրք: Ստեփանոս Պերպեր-

յանին տպարանին մեջ տպագրվեցավ 8 գիրք (1770—1792 թթ.): Հովհաննեսն ու իր որդին Պողոսը, 1777-ին Աստվածատուր Դպիրի տպարանին մեկ մասը գնելով, մինչև 1796 թվականը միասին աշխատեցան: Հովհաննեսի մահն վերջ Պողոս Արապյանը որդիներուն հետ իր գործունեությունը շարունակեց մինչև 1841 թվականը և լույս ընծայեց 150 գիրք: 1792-ին Գումգարուի մայր եկեղեցիին մեջ հիմնած տպարանը մինչև 1825 թվականը շարունակեց իր գոյությունը: Հովհաննես Մյուհենտիսյանը 1840—1873 թվականներուն տպագրեց բազմաթիվ հայերեն և հունարեն գիրքեր: Այս անձերու անունները, որոնք նշեցինք՝ XVI, XVII, XVIII և XIX դարերուն, Կ. Պոլսո մեջ գործող հայ տպարանատերերն են, շոռանալով նաև, որ Օսմանյան կայսրության սահմաններուն մեջ Կ. Պոլսն զատ վան (վարագա վանք) և Մուշ (Գլակի վանք) քաղաքներուն մեջ Մկրտիչ Խրիմյան վարդապետը (հետագայում արևմտահայերու պատրիարքը և ապա էջմիածնի կաթողիկոսը) հիմնած է տպարաններ (1855—1862 թթ.):

Օսմանյան կայսրության սահմաններուն մեջ 1567-են մինչև 1922 թվականը Կ. Պոլսո մեջ՝ 131, իսկ գավառներու մեջ հիմնված 63 տպարաններն լույս տեսած հայերեն լեզվով և հայատառ թուրքերենով լրագիրներու և ամսագիրներու թիվը 598 է:

Վենետիկի և Վիեննայի Մխիթարյան գրադարաններու, Նրևանի Ալեքսանդր Միասնիկյանի անվան գրադարանին, Մեսրոպ Մաշտոցի անվան Մատենադարանին և Հայաստանի Արվեստի և Գրականության թանգարանի գրադարանին մեջ ցարդ կատարված պրպտումներու համաձայն, մինչև 1850 թվականը, այսինքն՝ 283 տարիներու ընթացքին լույս տեսած գիրքերու թիվը 525 է, որոնց 14-ը անթվակիր են:

Հայերեն ու հայատառ թուրքերեն լույս տեսած են հազարավոր կրոնական, եկեղեցական, լեզվաբանական, պատմական, աշխարհագրական, գրական (վեպ, չափածո, երգիծանք, թատերգություն), մանկավարժական, ուղեգրական, տրամաբանության, փիլիսոփայության վերաբերյալ երկեր, անթղլոգիաներ, բառարաններ, հուշագրություններ, օրացույցներ, տարեգիրքեր, դասագիրքեր՝ գրված հայ հեղինակներու կողմից, ինչպես նաև թարգմանություններ: Օսմանյան կայսրության մեջ տպագրված հայատառ թուրքալեզու գիրքերու և ամսագրերու քանակը կը հասնի 1000-ի: Թուրքիո պատմության և գրականության առնչությամբ մեծ կարևորություն ներկայացնող այս հրատարակություններու գերակշիռ մեկ մասը կը գտնվի Վենետիկի և Վիեննայի մատենադա-

բանները: Կ. Պոլսո հայկական տպարանները լույս ընծայած են նաև թուրքերեն լրագրեր ու ամսագրեր:

Այս հաշվառման աղյուսակը, որ կը ներկայացնենք, իր մեջ կը բովանդակե Օսմանյան կայսրութեան մայրաքաղաք Կ. Պոլսո և գալանական այլ և այլ շրջաններու մեջ գործունեութիւն ցույց տվող հայկական տպարաններեն լույս տեսած հայերեն լրագրերու և պարբերականներու քանակը:

Օսմանյան Թուրքիայի մեջ հայկական տպարաններու գտնված վայրեր և այդ վայրերը տպված հայերեն ու հայատառ թուրքերեն քերքերու, պարբերականներու և գիրքերու մոտավոր քանակը (1565—1922)

Տպարանի վայրը	տպ. քանակը	հայերեն և հայատառ թուրքերեն պարբ. քանակը	հայ. զրքերու քանակը
Իստանպուլ (Կ. Պոլիս)	131	397	324(1801—1850)
Ատանա	8	14	—
Ատափաղար	2	2	5
Ամարա	—	1	—
Ամասիա	2	2	—
Արմաշ	1	1	15(1864—1879)
Ալեքսալ	1	9	—
Պարտիզակ	2	8	—
Պիթիս	—	1	—
Պրուսա	—	2	2
Դիարբեքիք (Տիգրանակերտ)	—	5	—
Դյուրթյուլ	—	3	—
Էտերնե (Ադրիանապոլիս)	1	—	—
Էրզրնեան (Երզնկա)	1	2	—
Էրզրում (Կարին)	1	8	1
Կադղղվան	—	1	—
Կըլման	—	1	—
Կիլիսուն (Կիլիսուն)	1	3	1
Քարբեք	1	10	1
Իզմիթ (Ջամուռնիա)	15	53	140(1835—1850)
Իզմիթ (Նիկոմիտիա)	2	6	—
Գարահիսար	—	1	—
Կարս	1	4	—
Կեսարիա	1	6	—
Կըման	1	2	—
Գոնիա	1	2	—
Նիսսադեմ	3	1	131
Մալաթիա	—	1	—
Մարաշ	1	4	—
Մերզիֆոն (Մարզվան)	3	5	9
Մուշ	1	4	—
Մուհնուսուն	1	1	1
Սամսուն	1	1	—

1	2	3	4
Սերաստիա	2	1	2
Սիմբիհիսաբ	1	1	—
Ուրֆա (Եղեսիա)	—	1	—
Շատախ	—	3	—
Շապինքարահիսար	—	1	—
Թարսուս (Տարոն)	1	3	—
Թալաս	—	1	—
Թեքիրտաղ (Ռոզոստո)	—	1	—
Թոքաթ (Եվդոկիա)	1	3	—
Թրապզոն (Տրապիզոն)	3	9	7
Քդի	—	1	—
Վան	5	24	—

Օսմանյան կայսրության հպատակ հայերը, 3 դեկտեմբեր 1839 թվականին հայտարարված Կյուհաննի բարենորոգումներին անմիջապես վերջ և մինչև Թուրքիո հանրապետության կազմությունը, տպագրական մարզին մեջ բուռն թափով շարունակվող իրենց գործունեության շրջանորհիվ, սատարած են թրքական տպագրության ճարտարավեստին, հրատարակության և գրավաճառության զարգացումին և այսպիսով նպաստած են օսմանյան մտավորականության վերափոխություններուն հետամուտ ամեն տեսակ շարժումներուն: Այստեղ կը ներկայացնենք միայն մի քանի փաստեր, որոնք կը հաստատեն այս իրողությունը: Բավական է նշել և ներկայացնել այն քանի մը ականառու անձնավորություններու կյանքն ու գործունեությունը, որոնք մեծապես նպաստած են 1839—1922 թվականներուն մեջ ինկած ժամանակաշրջանին օսմանյան Թուրքիո տպագրական և տառաստեղծութի աշխուժացման:

Պողոս Արապյան կամ Արապօղլու—Տպարանատեր և գրաձուլի: 1742-ին ծնած է Ակնի Ապուշիս գյուղը և 1835-ին մահացած է Կ. Պոլիս: Որդին է տպարանատեր Հովհաննես Աստվածատրյանի: Սուլթան Սելիմ Գ-ի իշխանության օրով, երբ տակավին փոքր էր, իր հոր հետ կուգան Կ. Պոլիս և կը հաստատվին Այազմա թաղը: Տպագրության և տպարանային արհեստը իր հորմեն սորվելիս վերջ, Պողոսը նախ իր հոր, ավելի հետո իր զավակներուն հետ, 70 տարի ծառայեց այս ասպարեզին մեջ և դարձավ Թուրքիո ամենեն նշանավոր տպարանատերը և միևնույն ատեն նպաստեց թուրքական տպագրության զարգացումին:

Արապյանը, ինչպես ըսինք, նախապես աշխատեցավ իր հորը տպարանին մեջ (1766—1769) և կարճ ատեն մը վերջ համբավի տիրացավ որպես տպարանատեր և գրաձուլի: Վրաստանի թագավոր Հերակլ

Բ-ի հրավերով գնաց Թիֆլիս (1781), վրացական տառեր պատրաստեց և ձուլեց: Վերակառուցեց վրաց թագավորին կողմից 1749-ին հիմնված տպարանը: Թիֆլիսի արքայական տպարանին մեջ իր տպագրած առաջին վրացերեն գիրքը կը կրե «Շեսխամապիրվելի ախլիսա ամիս ծիգնիսաթվիս սուպեճտավիսաթվիս» վերնագիրը: 1782-ին տպագրված սույն գիրքը կը բաղկանա 30 էջերի: Արապյան, 1782—1795 տարիներու ընթացքին նույն տպարանին մեջ 20 գիրք տպագրելեն հետո, անցավ էջմիածին և օժանդակեց այնտեղ հիմնադրվող առաջին տպարանի ղարգացումին: Արապյանը Կ. Պոլիս վերադառնալից վերջ նախ Հովհաննես և Պողոս անվան տակ տպարան մը հիմնեց (1795): Այս տպարանին մեջ ձուլեց «Նեսիհ» և «Թալիք» կոչված տառատեսակները, որոնք հետագային իր անունով «Արապօղլու» կոչվեցավ: Սուլթան Մահմուդ Բ-ը տպարան այցելելով կը հետևի կատարված աշխատանքներուն և արքունական արտոնագրով մը անոր «Պետական օրացույցներու» (Թաքվիմհանեի ամիրե) արհեստանոցի տնօրեն կը կարգեն (1816): Առաջին անգամ ըլլալով Արապյանին կը տրվի առանձնաշնորհը իր գըլխադիրին վրա կրելու տպարանային շքանշան: Հատուկ արտոնագիրով մը Արապօղլու Պողոսին և անոր որդիներուն Ասատուրին և Գալուստին կը շնորհվի «Թալիք» տառերու կաղապարներուն ձուլումը: Այսպիսով, քանի մը ամսվա մեջ կարելի կը դառնա այդ տառերով գիրքերու հրատարակութունը: 1820-ին Արապյանը իր անունով նոր տպարան մը

¹ Basbakanlik Arşivi (Վարչապետարանի արխիվ), Ճեմտեթ Մաարիֆի հրամանագիրները, 5933, 16 փետրվար, 1817: Ստորև կը ներկայացնենք Պողոս Արապյանի և իր որդիներուն տրված այն հատուկ արտոնագրի պատճենը հարազատ թարգմանությամբ, որով վստահված է թուրք տպագրության հիմքը կազմով «Թալիք» տառերու կաղապարներուն ձուլումը: Սույն փաստաթուղթը զոր քաղած ենք թրքական պետական արխիվի մը, իր ամբողջական բովանդակությամբ կը վավերացնեն հայերու գործոն դերը թրքական մշակութի զարգացման մեջ թանգիմաթեն ալ առաջ, 1817 թվականներուն:

«Ամենուն քաջ հայտնի է, որ արքունական տպարանին մեջ որպես գեղեցիկ ու գեղազրույթյան համար օգտագործվող «նեսիհ» տիպի տառերու առկալն և իզական անվանվող պողպատյա, պղնձյա և տարբեր տեսակի աղյուսակներու համար գործածվող զանազան սարքերն ու կազմածները 25 տարի առաջ վերստին հնարագործ ստեղծող Արապօղլու Պողոսն ու իր որդիները՝ Ասատուրն ու Գալուստը, ինչպիսի հսկա ջանքերու շնորհիվ վերանորոգած են այդ գիրքերու կաղապարները: Բոլորը անխտիր անոնց մասին գովեստով կը խոսին, մասնավորաբար «քամուա»-ի տպագրության համար օգտագործված կաղապարներու կրկին ձուլելուն, ինչպես նաև ճշտապահությամբ և ամբողջական նվիրումով ծառայության և իրենց ցուցաբերած հնարամտության ու վարպետության մասին: Հակառակ անոր, որ բացահայտ է, թե այս արքունական տպարանը ինչքան

կը հիմնե, իսկ Պետական օրացույցներու պատրաստման արհեստանոցին մեջ կը տպագրե առաջին թուրքերեն լրագիրը՝ «Բաքվիմի վեքային» (Դեպքերու օրագիր) 1831-ին և այդ լրագրի հայկական օրինակը հանդիսացող «Լրոյ գիր մեծ ի Տէրութեանն Օսմանեան»-ը 1832-ին: Պետական արհեստանոցի տառերը կը պատրաստվեին Արապյանի Օրթագյուղի ձուլարանը: Այս վիճակը տեեղ մինչև առաջին սահմանադրութեան հռչակումը (1876 թ.): Ենիշերինիի խռովութեան ատեն (1826), քաղաքն հեռու մնալու համար Արապյանը կը հաստատվի Օրթագյուղի Թաշ Մերտիվեն թաղը և այնտեղ կը հիմնե տպարան մը, ուր իր զավակներուն հետ կ'աշխատի մինչև իր մահը: Արապյանի մահէն վերջ, իր որդիները՝ Գեորգ, Գալուստ և Սիմոն Արապյան եղբայրները կը շարունակեն իրենց աշխատանքները մինչև տպարանի հրկիզումը՝ 1853 թվականին: Հըր-

օգտակար եղած է ժողովրդին, սակայն պաշտոնյաներու անուղադրութեան և այլ պատճառներու հետեանքով՝ մաշած, հնացած դազգլահները, սարքերն ու կաղամածները, վերահիշյալ Արապօղլու Պողոսի և որդիների՝ Գալուստի և Ասատուրի ջանքերուն շնորհիվ հիմնովին վերանորոգված են: Բացատրութիւն տալու պետք չենք զգար, թե այդ վերանորոգութիւնը ինչ բազմազան օգուտներ կրնար ապահովել ժողովրդին: Նթի «Ենեսիհ» կոչված գեղեցիկ տառերու վիճակը այսպես է, բայց մյուս կողմն հրաման տրված է, որ «թա'ալիք» գիրերով ալ գրված գիրքերու (մասնավորաբար՝ դիվանական թղթերու և լուսանցքագրութիւններու ու ծանոթագրութիւններու) տպագրութիւնն ալ անհրաժեշտ է: Այս խնդրի առնչութեամբ ևս տեսակցութիւն մը տեղի ունեցած է Արապօղլու Պողոսի հետ: Տեսակցութեան ընթացքին Արապօղլու Պողոսը հայտնած է, որ պողպատյա «թա'ալիք» տառերու ձուլման պարտականութիւնը իրեն հանձնվելու պարագային, կարելի է քանի մը ամսվան ընթացքին «թա'ալիք» գիրերով գիրքեր տպել: Ներկայիս գիրքերն այնքան սուղ են, որ գրեթէ անկարելի է գտնել, քանի որ Իսթանպուլի մեջ պատահած հրդեհներու և մեկ տեղէն մյուսը տեղափոխելու հետեանքով զոյւթիւն ունեցող գիրքերու քանակը շատ նվազած է: Առկա զատ անհրաժեշտ է, որ տպարանը ավելցնէ իր բանվորներու քանակը և ճոխացնէ իր սարքերն ու կաղամածները: Այս կերպով կարելի չէ կասկած հարուցել, որ հրաման տրվելու պարագային, կարելի կ'ըլլա «Ենեսիհ» և «թա'ալիք» տիպի տառերով գիրքեր տպել այնպիսի որակով մը, որ ուրիշ որեւէ պետութեան մեջ իր նմանն ու հավասարը չունենա: Մասնավոր, որ Արապօղլու Պողոսի նման այս արվեստին քաջամուտ և այժմեւ նշանավոր քանի մը լեզուներու տառերուն հորինման ճարտարութիւնը ունեցող մարդիկ, եթէ պետութեան կողմէ հովանավորվին, անոնք ալ կը քաջալերվին: Հետեաբար, «Ենեսիհ» տառերուն վրա հսկելու և «թա'ալիք» տառերու ստեղծման համար եթէ այդ գործը իր որդիներուն՝ Ասատուրին և Գալուստին ևս սորվեցնեն, և անոնք ալ այդ գործը սորվելը հանձն առնել երաշխավորեն, տպագրական արվեստին ծառայութեանն ամենվիճ չհեռանան և հավատարմորեն ու ճշտապահութեամբ ծառայեն, ինչպես ուրիշներու, արժեք անոնց առանձնաշնորհ տալու:

Կ Ե ի Բ

ՍԵՅՅԻՏ ԱՊՏՈՒՐՐԱԼԻՄ ՄՈՒԶԻՊ

դեհհն հետո տպարանի թրքական տառերու կաղապարները կը փոխանց-վին Յովային նախարարութիւն: Արապյան տպարանի գործունեութեան ընթացքին տպւած ու հրատարակւած են մոտ 150 թերթեր ու ամսա-գրեր, ինչպես նաև գիրքեր:

ՀՈՎՀԱՆՆԵՍ ՄՅՈՒՀԵՆՏԻՍՅԱՆ—Երաժիշտ, փորագրիչ, ոսկերիչ, տպարանատեր և գրածուլիչ: 1810 թվականին ծնած է Կ. Պոլսո Սամա-թիա արվարձանը և մեռած է 17 նոյեմբեր 1891-ին: Որդին է սուլթան Մահմուդ Բ-ի արքունի ճարտարապետ Գրիգոր Պալյանի օգնականներին երկրաչափ Գեորգի: Նախնական ուսումը կ'ստանա Սամաթիայի հայ-կական վարժարանը: Գեղաձայն ըլլալուն համար փոքր տարիքին կ'սկսի երգել Գուգլունճուքի հայկական եկեղեցիին մեջ: Կը սորվի եկեղեցական երաժշտութիւն և նոթա: Դաշնամուրի դասեր կ'առնէ իտալացիի մը: 15 տարեկանին կը մտնէ ոսկերիչի մը քով և կարճատեմ մը վերջ կը տիրապետէ արհեստին բոլոր նրբութիւններուն ու գործատիրոջը գործ-ընկեր կը դառնա: Միշտ մը կ'աշխատի Պետական օրացույցի արհես-տանոցը (1831), սակայն աշխատավարձի անբավարարութեան պատ-ճառով կը հեռանա հոնկէ և Զուխաճի խանին մեջ կը զբաղի աղամանդ ու գոհարեղեններ հղկելով և շատ շանցած կը դառնա ոսկերչագետ՝ ամիրաներու և աշքառու հայ ընտանիքներու: Ավելի հետո կը սկսի մո-տիկեն հետևիլ տառաձուլման և տպարանային արհեստին և արքունի ճարտարապետ Հովհաննես Սերվերյանի քաջալերութեան և նյութական օժանդակութեան շնորհիւ Սկյուտարի մեջ կը հիմնէ տպարան մը (1839): Այստեղ կը պատրաստէ հայկական տառերու 8 համարի տպատառերը (շրիֆտները): Նույն միջոցին իրենց հանձնված ճեմարան վարժարանի տպարանին մեջ հարյուր հազար օրինակով կը տպագրէ 1840 թվականի հայկական օրացույցը (նոյեմբեր 1839): 1842-ին, երբ օսմաներեն «թա'ալիք» գիրերու ձուլման և պատրաստութեան գործն իրեն կը հանձնվի և Պետական արհեստանոցի տնօրեն կը կարգվի, իր տպարանը կը փոխադրէ Զուքուր Զեշմե խանը և հոն իր ձուլած տառերով կը շարն և կը տպէ (Րիսալեի իթիքատիե)»-ն (Գիրք հավատարմութեան):

Ռաֆայել Գազանճյանն վերջ Մյուհենտիսյանը Ամերիկային բե-րած մեքենաներով և այլ կազմածներով բարենորոգած իր տպարանին մեջ տպեց 5000, 1000, 500, 250 ղրուշնոց տոկոսաբեր (ֆայիզլի) թղ-թաղրամները (1844): Նույն տարին Պետական տպարանին մեջ իր ա-գործած հղկված «թա'ալիք» տառերուն համար 10000 ղրուշով պարգե-վատրված ըլլալուն մասին փաստաթուղթեր կան պետական արխիվ-

ներուն մեջ²։ Ավելի վերջը Փարիզին բերել տված նոր մեքենաներով արդիական տպարան մը հիմնեց Ղալաթիո ս. Գրիգոր Լուսավորիչ եկեղեցիին ճիշտ դիմացը քարաշեն շենքի մը մեջ (1856)։ Այս նոր մեքենաներով տպեց Միհրան Տյուզ պեյի կողմն հղացված քոնսոլիտների (պետական փոխառության պարտատոմսերի) 26 մայիս 1856 թ., 1000-նոց և 100-նոց արժեթուղթերը («Թահվիլաթը մյումթազե»), 1857 թ., մաքսատան տնօրեն Մկրտիչ Ճեզայիրեանն էֆենտիի կողմն հանձնարարված պետական պաշտոնաթուղթերն ու աղյուսակները։ Երբ կառավարութունը նոր որոշմագիրով մը թղթադրամները շրջանառութենն հավաքեց, հատկապես այդպիսի գործերու համար բերված մեքենաներն ու կազմածները այլևս պիտանի չեղան, մեծ պարտքերու մեջ մխրձված Մյուհենտիսյանը ստիպված եղավ փակել իր տպարանը։ Այս դեպքին վերջ ան դիմեց նշանավոր գեղագիր և Ռումելիի գլխավոր դատավոր Մուսթաֆա Իզզեթ էֆենտիին (1801—1876) և, անկե «նեսիհ» գիրերու օրինակներ առնելով, փորագրեց անոնց «արական» կաղապարները։

Այսպիսով, օսմանյան ժամանակաշրջանի տպագրության բնագավառին մեջ գործածված տառերն ալ սուլթան Ալիդի օրով գտան իրենց վերջնական ձևերը։

Մյուհենտիսյանի ձուլած կաղապարները օգտագործվեցան մինչև լատինական տառերու ընդունման տարիները։ Մյուհենտիսյանն իր ստեղծած «նեսիհ» տիպի տառերով տպագրեց թուրքերեն լեզվով բանաստեղծություններու ժողովածու մը և ներկայացուց ժամանակի պետական ավագանիներին ումանց։ Եպարքոսը եղելությունը բարձր գրնահատեց և Մյուհենտիսյանին ըսավ. «Դուք հոյակապ հիշատակ մը նվիրեցիք, ազգովին պետք է ձեզ շնորհակալ ըլլանք»։

Հովհաննես Մյուհենտիսյանը նոր ձուլարան մը հիմնեց Գատրոգյուղի իր տան պարտեզին մեջ և հորինած տառերու կաղապարներով պատրաստեց նաև Վարաքայի Սահիհն (Վավերացված դրոշմանիշներ) կոչված դրոշմաթուղթերու կաղապարները։ Այս կաղապարները կը նսեմացնեին այդ ժամանակաշրջանին Եվրոպայի մեջ պատրաստված կաղապարները։ Մյուհենտիսյանը 76 տարեկանին փորագրեց 16 համարի «նեսիհ» տիպի (1886) 79 տարեկանին 6 համարի «նեսիհ» տիպի (1889) և 81 տարեկանին ալ, այսինքն իր մահն քանի մը օր առաջ, ձեռագրատիպ 24 համարի տառերու պողպատյա «արական» կաղապար-

² Başbakanlık Arşivi (Վարչապետարանի Արխիվ), Ներքին գործերու հրամանագիրներ, 4623, 30 հոկտեմբեր, 1844։

ները: Ասոնք բոլորն ալ հետագային կոչվեցան «Մյուհենտիսյան» տառեր:

Մյուհենտիսյանը տարի մըն ալ գործակցեցաւ Գրիգոր Ռաֆայելյանի հետ (1882—1883), որ Պեյօղլուի՝ իր բնակարանին մէջ ձուլարան մը ուներ: Բացի թուրքերէն տառերէն, զանազան տարիներու ընթացքին ան փորագրեց 11, 8, 14 և 18 համար շրիֆթներով գլխատառ և մանրատառ 14 տեսակ հայկական գիրեր և երաժշտական նոթաներ (1846—1855): Ան տարբեր նյութեր բովանդակող մեծաթիվ հայերէն և քանի մը հունարեն գիրքեր (1840—1873), լրագրեր տպեց (1853—1863): Իր փորագրած օսմաներէն տառերով կազմեց գեղատիպ ժողովածու-ալպոմ մը և ելեմտական նախարար Մահմուդ Ճեւալեդդին փաշայի միջոցով այն ընծայեց սուլթանին: Վերջինս զայն պարգևատրեց 4-րդ կարգի Մեհիհիւլէ և գեղարվեստից (Սանայիի նեֆիսե) շքանշաններով: Իր մահովան ատեն՝ մամուլի գործիչները գովաբանեցին, մինչև անգամ չ'զլացան հռչակել զայն որպէս «թուրքերու Գուտենբերգ»: Դարձյալ Մյուհենտիսյանն է, որ Թուրքիայի մէջ առաջին անգամ կիրառած է կալվանոյի ստերիոտիպի (ցինկոգրաֆիայի) մեթոդները:

ԽԱՉԻԿ ԳԵՎՈՐԳՅԱՆ—Տպարանատեր և գրաձուլիչ: 1850 թվականին ծնած է Իսթանպուլի Պալաթ արվարձանը և մեռած է 6 հուլիս 1932 թվականին: Հայրը, որուն անունն էր Գևորգ, Ամասիացի՝ դերձակ մըն էր: Նախնական կրթությունը ստացաւ Պալաթի Խորենյան նախակրթարանը: 14 տարեկանին աշխատեցաւ վեզիր խանին մէջ գրաձուլիչ Տիգրան Ասլանյանին քով: 10 տարի վերջ գործատեղին փոխանցեց իր անունին (1880): Գևորգյանը կարճ ժամանակի մէջ 11 տեսակ տառատիպեր ստեղծեց և անոնց կաղապարները պատրաստեց: Այս տառերը, որոնք ձևով կը լրացնէին Արապյան տառերը, երկար տարիներ գործածվեցան թրքական տպարաններու մէջ: Այդ տառերէն քանի մը հատը հետեւյալներն են՝ «Նեսիհ» (8, 12, 24 համար շրիֆտով), «Հարեբեխ» (ձայնանիշային 18 և 36 համար շրիֆտով), «Րիք'ա» (ձեռագրատիպ 18 համար շրիֆտով), «Քյուֆի» (16 համար շրիֆտով): Իր գործատեղին նախ փոխադրեց Օսման Պեյի տպարանը, այնտեղէն ալ Պապը Ալի: Ատեն մը աշխատեցաւ Գեղարվեստի Ակադեմիան (1895—1896), 2-րդ սահմանադրութենէ վերջ Բեշտիյեի Իթտամ խանը և ամենէն վերջն ալ Ճաղալօղլու վրա հիմնեց իր գործատեղին: Խաչիկ էֆենտի, որ իր ժամանակաշրջանի տպագրական ասպարեզին մէջ կարևոր դիրք մը կը գրավէ, իր հնարած գեղատիպ տառերէն զատ Ահմեթ Միտհաթ փաշայի

առաջարկով 2200 կտորի բաղկացած օսմաներին այրուբները նվազեցուց 1600 կտորի: Այս առիթով ան արժանացավ երկու շքանշաններու: Հանրապետության հաստատումեն վերջն ալ պարգևատրվեցավ «Կըրթական մետալ» (Մաարիֆ մատալյասը) շքանշանով (1923):

Թուրքիո մեջ առաջին թղթադրամը տպագրած է Ռաֆայել Գաղանճյանը (1842): Ան մեծ ծառայութիւններ մատուցած է ժողայիններու բարձրագույն ուսումնարանի վիմատիպ քարտեզներու կաղապարներու փորագրութեան, նոր թղթադրամներու կաղապարներու փորագրութեան և տպագրութեան գործին: Այս առիթներով և Պետական փողերանոցի մեջ ալ կատարած իր ծառայութիւններուն համար արքունական հրամանագրով³ մը պարգևատրված է «Բարձր շքանշանով» (Նշանը Ալի):

Մյուհենտիսյանի մահէն վերջ Մաթեոսյանն ալ թուրքերին նոր տառեր ձուլած և կաղապարները պատրաստած է: Նշված անձնավորութիւններին զատ աչքառու դեմք մը եղած է Ճանիկ Արամյանը, որ 19 տարի Փարիզ ապրած և հոն ունեցած է իր տպարանը: Ան ստեղծած է 73 տեսակ հայերէն գիրեր: Կ. Պոլիս վերադառնալուն պէս նշանակված է Արքունի տպարանի տնօրեն (1865):

Թուրքիո մեջ պատի օրացույցներու հղացումը տպարանատեր Գեորգ Զարդարյանին կը պատկանի: Մինչև իր մահը (30 մայիս 1880) այլ և այլ լեզուներով պատի օրացույցներ տպագրող Զարդարյանը պատրաստած է նաև Օսմանյան պետութեան գումարիւր և շատ մեծ չափով՝ 24 կտորներ կազմված մեկ քարտեզը: Սիկարեթի թուղթ պատրաստող Կարապետ Պերպերյանը հղացած է Բեռա անունով քարտեզավոր սիկարեթի թուղթերը: Կ. Պոլսի մեջ առաջին անգամ Միսաք Գոշունյանն (Քասիմ) է, որ իր հիմնած լրագրին մեջ տպած է եվրոպական առևտրական հաստատութիւններու գովազդերը (ռեքլամները): Գոտներեբգ տպարանի տեր Նրվանդ Մսրլյանն ու գործընկերը Կ. Պոլսո մեջ առաջին անգամ պրակներով գիրք ծախելու սիստեմն են որդեգրած: Պուլղարներն գիրերը առաջին անգամ փորագրած և ձուլած է Թադեոս Տիվիթճյանը, որ ատկե զատ իր հնարած գիրերով տպագրած է բազմաթիւ պուլղարներն գիրքեր:

Առաջին արձմիռնական շարժումները տպարանագործութեան ասպարեզին մեջ եղան բավական նշանակալից: Հայ տպարանագործներու կողմն Կ. Պոլսո մեջ հիմնադրված են «Գրաշարներու ընկերու-

³ Basbakanlik Arsivi (Վարչապետարանի արխիւ), Արտաքին գործերու հրամանագիրներ, 757, 4 փետրվար 1842:

թյունը» (1880, հիմնադիր՝ Ա. Մավյան), «Գրաշարներու խնայողութեան սնտուկ», «Օսմանյան տպարանային բանվորներու միութիւն») հիմնադիր՝ Գարեգին Կողիկյան), «Օսմանյան համագործակցական ընկերութիւն» (հիմնադիր՝ Բլուզանդ Պողաճյան), արհմիութենական կազմակերպութիւնները:

Ատոնցմէն ամենակարեւորն էր «Օսմանյան տպարանային բանվորներու միութիւնը»: Կովկասէն Կ. Պոլիս եկած սոցիալ-դեմոկրատ Գարեգին Կողիկյանն է այս միութեան հիմնադիրը: Կողիկյանը ծանոթ էր բանվորական շրջաններու մեջ կատարած իր գործունեութեամբ և կարգ մը հրատարակութիւններով: Թուրք և հայ տպարանային բանվորները ի մի կը հավաքեւ և ժողով գումարելով անոնց կը բացատրեւ միութեան կարեւորութիւնը, որմէ հետո կը խմբագրվի կանոնադրութիւն մը և կը տպվի Կիլիկիա տպարանը և լույս կը տեսնեւ առանձին գրքուկով մը:

Միութեան կենդրոնը կը գտնվիր Պետլուք Ծնի խանի մեջ (Մեծ նոր խան): Ունեւ նաև երկու մասնաճյուղ Պապը Ալիի պողոտային վրա: Միութիւնը, բլուղջին հետզհետեւ ավելցնելով, կը դառնար մեծ կազմակերպութիւն մը: Նրա ազդեցութեան աճի շնորհիւ աշխատանքային ժամերը 10—12 ժամէն իջեւ էին 8-ի, բանվորներու աշխատավարձերը կրկնապատկված էին և բազմաթիւ տարակարծութիւններ հարթված: Միութիւնը գոյատևած է մինչև մարտի 31-ի դեպքը (երիտթուրքերի երկրորդ հեղաշրջումը, 1909):

Իսթանպուլի հայ տպարանատերերու գործունեութեան տևողութիւնը տեղեւ դարեր: Աստվածատուր Դպրեն ետք, մինչև առաջին համաշխարհային պատերազմը, Օսմանյան կայսրութեան մեջ հայ տպարանատերերու և անոնց անունը կրող տպարաններու գործունեութիւնը կը ներկայացնենք ստորեւ ժամանակագրական կարգով:

Սարգիս Դպիր (1703—1721), Տիրացու Գեորգ (1705), որդին՝ Մարտիրոս Դպիր (1721—1752), Պետրոս Լատինացի (1704—1712), Թոքաթցի Սարգիս վարդապետ, Սվազցի Բարսեղ և Հակոբ եղբայրներ (1735—1740), անոնց որդիները՝ Սարգիս և Միքայիլ (1740—1776), Գաբրիել Դպիր Բարսեղյան (1745—1750), Թրակիացի Աբրահամ Դպիր (1737—1746), Զինչին Օհաննես Աստվածատուրյան (1746—1767), Ակնցի Ստեփանոս Պետրոսյան (1750—1776), իր որդին Պողոսի հետ (1776—1790), Հովհաննես և Պողոս եղբայրներ (1766—1769), Հովհաննես և որդին Պողոս Աստվածատուրյան (1777—1790), Մկրտիչ Ամիրա Միրիճանյան (Գումգափու, Յըլըճը փողոց, 1790—1805), Մաթեոս Դպիր (Պալաթ, 1800—1825), Պողոս Հովհաննեսյան (Քյուրքլու խան, 1799—

1819), Ապուլեիցի Պողոս Արապյան (Օրթագյուղ, Քյուրքլու խան, 1820—1835), Արապյան եղբայրներ (Օրթագյուղ, 1836—1853, Կետիկի Մուսթաֆափաշա խան, 1855), Պողոս Հովհաննեսյան և կամ Արապյան (Օրթագյուղ, 1777—1826), Ակնցի Անդրեաս Վարդապետ Նարինյան (Գումգափու, Սուրբ Աստվածածին մայր եկեղեցի, 1817—1825), Աբրահամ Ամիրա. Թերզյանց (Պեյաղիտ, Հասան փաշա խան, 1824—1826), Հովհաննես Մյուհենտիսյան (Չուխաճը խան, Սկյուտար, Ղալաթիա, Գատրգյուղ, Պեյօղլու, 1839—1891), Հարություն Մինասյան (Վեղիր խան, Ասմալթը Չամը խան, 1860—1871), Ա. Ճեվահիրճյան (Իմամը Ալի խան, 1844—1865), Կարապետ Ություշյան (Չինիլի խան, Ղալաթիա, 1855—1883), Հովհաննես Մարգարյան (Սկյուտար, 1853), Հարություն (Արթին) Փափաղյան (Ճեվտհիրճյան 1853—1879), Թահմիզճիյան (Էմիրլեր խան, 1854—1862), Հովհաննես Չամուրճյան Տերոյնց (Վեղիր խան, Քեպեճի խան, Աշիր էֆենտի խան, 1854—1888), Մկրտիչ վարդապետ Խրիմյան (Սկյուտար, 1855, Վան, 1852, Մուշ, 1863), Թադեոս Տիմիթճիյան (Վեղիր խան, Ֆեներ-Հալիլ-Քիրեմիթ մահալլեսի, 1856—1879), Ռուբեն Քյուրքլույան (Ֆինճանճըլար Եղրուլու-Ամերիկյան Պրոտ հրատարակչական գրասենյակ, Պալլ Հաուզի տեղը, Ղալաթիա, 1857—1877), Բալլի խան, 1901—1912), Միհրան Մարտիրոսյան (Պապը Ալի ճատտեսի, 1903—1909), Օննիկ Արղումանյան (Հակոբյան խան, 1908—1912), Միսաք Գոշունյան (1908, Արշակ Կարոյան (Պապը Ալի Իքտամ խան, 1908—1912), Հովնան Փալաղաշյան (Մուլա Թաշ, Պեոյուք Ենի խան, 55, 1801—1912), Տիգրան Տողամաճյան (Փարիզ 18, Կոպրլեն փողոց, Կ. Պոլիս Մուլա Թաշ խան, 1894—1912), Հովհաննես Ազնավուր (Պապը Ալի ճատտեսի 48, 1908—1912), Երվանդ Մսուրյան և Գարրիել Հովհաննեսյան (1902—1912), Մերուժան Պարսամյան (Ղալաթիա ճամի գափըսը 9, 1909—1915), Ատոմ Շահեն (Պեյօղլու Ենի Չարըը 52, 1909—1915), Մեսրոպ Բեսիմճի և Աբիկ Վանլյան (Մուլա Թաշ 16, 1909—1915), Վաղինակ Սմբատ Բյուրատ (Զեմպերիթաշ, Մուլա Թաշ, Պեյօղլու Այասփաշա, Իսթանպուլ Օրհան-պեյ խան 25, 1908—1915), Հայկ Թիրաքյան (1911—1915), Պետրոս Նշանյան և Արշակ Պապիկյան (Մուլա Թաշ, 1910—1915)։

Կ. Պոլսո մեջ գործած տպարանների շարքին ստորև ժամանակագրական կարգով կը նշենք նաև հետևյալ անվանի գրաձուլիչների անուններն ու անոնց ձուլարաններու գտնված վայրը։

Գրիգոր Ռաֆայելյան (Ճաղալօղլու ճատտեսի Սեթյան խան, Գահիրե, 1846—1811), Հովհաննես Մյուհենտիսյան (1839—1891), Խաչիկ

Գևորգյան (Վեդիբի խան, Պապը Ալի Բեշատիյե Իքտամ խան, Ճաղալ-
օղլու ճատտեսի 34, 1870—1915), Հակոբ Մերունյան (Ղալաթիա, Պեյ-
օղլու, Պապը Ալի ճատտեսի, Իքտամ խան, Սոֆիա, Իսթանպուլ Շարբ
խան, Ղալաթիա Փերշենպե Փազարը, 1896—1908), Միհրան Տյոքմեհյան
(Զեմպերլիշաթ, Պապը Ալի, Մեսերբեթ պանդոկի դիմացը 1, ^
1909), Հովսեփ Գավաֆյան (Քյուրքչու խան, 1860—1892), Ճանիկ
Արամյան (Փարիզ, Մարսել, Կ. Պոլիս Մըսըր Զարըսըրի մոտ, Ճամլը-
խան, Զաքմաքճըլար Ուզուն Զարըր փողոց, Շերիֆփաշա խան 13, Զաֆ-
մաքճըլար Հակոբյան խան 12—16, 1856—1879): Արշակ Հակոբ Պոյաճ-
յան (Վեդիբի խան, Ղալաթիա, Ամերիկա խան, 1869—1872), Գևորգ
Զարդարյան (Սուլթանհամամ, 12—14, 1870—1887), Պետրոս Ճեզվե-
հիյան (^ —1882), Հարություն Մարգարյան (Քյուրքչու խան, Յըլ-
տըղ խան, Էօլլու Զըքմաղ խան, 1870—1878), Վահրամ Մարգարյան
(1880—1911), Սամվել Պարտիզպանյան (Յուսուֆյան խան, 12, 1813—
1912), Սիմեոն Միքայելյան (Պետուբ ենի խան, 10, 1874—1878), Նդիա
Տնտեսյան (Յուսուֆյան խան, 17, Պահչեզափը Էսատէֆենտի խան,
13, 1872—1882), Կարապետ Քեշիշյան (1875—1910), Հմայակ Դի-
մաքսյան (ենիգափու, 1875—1881), Միքայել Սարգյան (Մեհրամ,
Էօրյուճյուկեր ճամիի, Բյուշտյու էֆենտի խան, Պապը Ալի ճատտեսի
38, 1869—1902), Արամ Աշճըյան (Սյումպյուլլու խան 335, Յուսուֆ-
յանխան 15, 1878—1883), Հովհաննես Մանուկյան (Աշիրէֆենտի խան,
Էպյուզդիյա տպարան, Ղալաթիա Շահսուվար փողոց 37, 1877—1895),
Գարեգին Պաղտատլյան (Սուլթանհամամ ճատտեսի 14, Սիրքեհի 18,
Սալթըմ Սեոյութ 41, 1880—1896), Սերվիշեն Զաքըրյան Բեսիմփաշա
խան, Ֆընտըզլյան խան, Հասեբի Համամ փողոց, Սուլթանհամամ հո-
ճա խան ճատտեսի, 1880—1912), Տիգրան Ժիվեհիկյան (1881—1912),
Նշան Պերպերյան (Էսքի Զապթիյե, Իքտամ խան, 1882—1907), Ստե-
փան Տամատյան (Ղալաթիա, Նորատունկյան խան, 1883—1889), Հով-
հաննես Թուրյան (Պեյօղլու, Շիշլի փողոց 5, 1884—1889), Օնիկ Բար-
սեղյան (Ղալաթիա Փերշենպե փազարը, Սաքսը խան, Կյուլզատե խան
7, 1888—1909), Սահակ Նիկողոսյան (Սաղըր խան, Ֆինճանճըլար,
Սյումպյուլլու խան, 1885—1889), Գարեգին Բարսեղյան (Ղալաթիա
Փերշենպե Փազարը Կյուլզատե խան, 7, 1909—^), Գասպար Գալ-
սերյան (Պապը Ալի ճատտեսի 25, 1888—1890), Գրիգոր Գալսերյան
(Պապը Ալի ճատտեսի, 1899—1903), Հովհաննես Ֆերիտ Գալսերյան
(Պապը Ալի ճատտեսի 54, ^ —1909), Ներսես Արամյան (Հակոբյան
խան 26, 1879—1898), Թազվոր Սանճագճյան (Պեյօղլու Հալեպ Զար-

(Սյունյացույցու խան 12, 17, 18, 19, 21, 1891—1899), Բորոս Սազա-
յան (Ղալաթիա հալիլիաշա խան, Քուրշունլու խան 4—7, 1892—1911),
Վահրամ և Հրաչյա Տեր-Ներսեսյան եղբայրներ (Սուլթանհամամ, Մե-
սստիթ խան 2—3, Սիրքեճի:

Սույն հոգվածով մտադրվեցինք անդրադառնալ Օսմանյան հպատակ
ոչ մահմեդական ժողովուրդներու և մասնավորապես հայերու օգտաշատ
գործունեությանց մեկ մասնիկին միայն: Հայերու բերած բազմապիսի
նպաստներու շղթային մեկ օղակը կը կազմէ թուրք տպագրական ար-
վեստին հիմնադրման և զարգացման, ինչպես նաև տպարանային սեկ-
տիբորիզմի կազմավորման էական գործին մեջ իրենց ցուցաբերած դերը:

Б. М. ТУГЛАДЖЯН

АРМЯНСКОЕ КНИГОПЕЧАТАНИЕ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И ВКЛАД АРМЯН В РАЗВИТИЕ ТУРЕЦКОЙ ПЕЧАТИ

Резюме

Армяне Османской империи намного раньше турок приобщились к западной цивилизации и, естественно, были более подготов-
лены к заимствованию прогрессивных идей и их практическому при-
менению. Рассматривая социально-политическую и культурную
деятельность армян в период с 1839 по 1923 гг. (от провозглашения
танзимата до создания Турецкой Республики), следует отметить,
что армяне имели свою национальную конституцию уже в 1863 г.,
тогда как первая турецкая конституция, составленная Григором
Отяном по поручению Мидхат-паши, была провозглашена лишь в
1876 г. Велики были заслуги армян и в области книгопечатания.
Еще в 1567—1569 гг. Абгаром Тохатеци было осуществлено изда-
ние шести армянских книг. Большой вклад в развитие турецкого
печатного дела внесли такие армянские деятели, как Погос Ара-
пян, или Араб-оглу, и его сыновья Геворг, Галуст и Симон, Оганес
Мюхендисян, Хачик Геворкян и др. Следует отметить, что выпуск
первых бумажных денег в Турции также был осуществлен армя-
нином—Рафаелом Казанджяном—в 1842 г. Много армян было и
в профсоюзном движении работников печати, в стамбульских ти-
пографиях.

- 1 Ի. Ագապյան, Ժամանակ յիշատակարան, Իսթ., 1948, էջ 34—40.
- 2 Ղ. Ալիշան, Հայ Վննես, 1896, էջ 160, 329.
- 3 Ա. Ալպոյանյան, Պատմութիւն հայ Կեսարիոյ, հ. 2, Գահիրէ, 1937, էջ 2038, 2061.
- 4 Հ. Անասյան, Հայկական մատենագիտութիւն, հ. Ա, Երևան, 1959.
- 5 Նեբդարեան պատմութիւն Պալարի սուրբ Հրեշտակապետ եկեղեցւոյ, 1927—1931, Իսթ., 1931, էջ 272.
- 6 Գ. Զարգանալյան, Հայկական մատենագիտութիւն, Վննետիկ, 1883.
- 7 Վ. Զարդարյան, Յիշատակարան, հ. 2, էջ 388.
- 8 Գ. Զարգանալյան, Պատմութիւն հայերեն դպրութեան, հ. 2, Վննետիկ, 1877, էջ 277.
- 9 Գ. Զարգանալյան, Պատմութիւն հայկական տպագրութեան սկզբնաւորութեան մինչ առ մեզ, Վննետիկ, 1895, էջ 47—48, 156.
- 10 Խնոյիկ, Տիպ ու տառ, Կ. Պօլիս, 1912, էջ 66—71.
- 11 Վ. Թորգոմյան, Երեմիա Չէլէպիի Քէօմիւրճեան Իստամպուլոյ պատմութիւն, հ. 1, Վննետիկ, էջ 345—346.
- 12 Գ. Լաւոյան, Հայ գրքի և տպագրութեան արվեստը, Երևան, 1958, էջ 64—63, 160.
- 13 Լեւ, Հայկական տպագրութիւն, հ. 2, Բիֆլիս, 1902, էջ 120.
- 14 Գ. Կոբոտյան, Հայկ. տպագիր գիրքը Կոստանդնուպոլսում, Երևան, 1964, էջ 5—7.
- 15 Ա. Հովհաննիսյան, Դրվագներ հայ ազատագրական մտքի պատմութեան, հ. 2, Երեւան, 1959, էջ 26—35.
- 16 Ս. Ղազիկյան, Հայկական նոր մատենագիտութիւն և հայագիտութիւն նոր կեանքի, հ. 2, Վննետիկ, 1909.
- 17 Մ. Չամչյան, Պատմութիւն Հայոց, հ. 3, Վննետիկ, 1786, էջ 657.
- 18 Հ. Պալեյան, Պատմութիւն կաթողիկէ վարդապետութեան ի Հայս, Վիեննա, 1878, էջ 153—157.
- 19 Հ. Պարոնյան, Երկերի լիակատար ժողովածու, հ. 3, Երևան, 1932, էջ 79—80.
- 20 Հ. Պետրոսյան, Հայերու սատարը թուրք մշակույթի և տնտեսութեան, Գահիրէ, 1976, էջ 32—35.
- 21 Գ. Ստեփանյան, Կենսագրական բառարան, հ. 1, Երևան, 1973, էջ 141.
- 22 Գ. Ստեփանյան, Հայաստան թուրքերեն հայ մամուլը, Երևան, 1963.
- 23 Հ. Սիրունի, Պոլիս և իր դերը, հ. 1, Պէլլուս, 1965, էջ 67—68, 251, 252.
- 24 Մ. Ուզուրյան, Պատմութիւն հայոց գաղթականութեան և շինութեան եկեղեցւոյ նոցա ի Լիվորնոյ քաղաքի, Վննետիկ, 1891, էջ 223.
- 25 «Թանաւէր հանդէս», 1903, էջ 203—207.
- 26 «Աւեիկ» (օրաթերթ), 8 հուլիս 1932.
- 27 Նրեան, 1861, թիվ 113, էջ 143, թիվ 119, էջ 352—353, 1864, թիվ 6—7.
- 28 «Հայրենիք» (օրաթերթ), 1982, թիվ 9, էջ 85.
- 29 «Հանդէս ամսօրեայ», հուլիս 1890, 1906, էջ 323—324, 1911, էջ 478, 1912, էջ 387.
- 30 «Մանգումի իֆթար» (օրաթերթ), թիվ 3192, 3206, 3153, 3145.
- 31 «Մշակ» (օրաթերթ), 1878, թիվ 7.
- 32 A. Gövsa, Meşhur Adamlar. c. 3, s. 1126.
- 33 Felek, gazetesi 1882, s. 171—173, 174—175, 199—200, 211, 220, 237—238.
- 34 R. Sevengil, Yakın çağlarda Türk Tiyatrosu. c. I, ist. 1934, s. 42—43.

ГЕРМАН ГОЛЬЦ (ГДР), Р. С. КОРХМАЗЯН

ДОКТОР ИОГАННЕС ЛЕПСИУС. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

(По материалам архива И. Лепсиуса)

Мало кто из немцев знает сегодня, как много важных страниц истории армяно-германских отношений скрывается за именем И. Лепсиуса. Однако от большинства армян как в Советском Союзе, так и в диаспоре можно услышать, что Иоганнес Лепсиус (1858—1926 гг.)—один из немногих немцев, и среди них самый непоколебимый, которые во время геноцида армян в Османской империи боролись против сознательного уничтожения народа древней культуры, против первого в XX веке истребления нации¹.

Следует напомнить о Лепсиусе, чтобы высветить факты армяно-германских отношений, которые часто забываются, но в XIX—XX вв. оказали значительное влияние в области науки и культуры.

Первым шагом в трудоемком и сложном процессе исследования взаимосвязанных проблем армянской и германской историй рассматриваемого периода должно быть воссоздание биографии «защитника армян», так как вместе с деталями этой большой забытой жизни затрагивается много моментов, благотворно сказывающихся на понимании прошлого и настоящего немецкого и армянского народов².

Не только после первой мировой войны, но и во время нее влиятельные политики самого различного происхождения, такие, как американец, бывший посол США в Константинополе Генри Моргантау, русский—А. Н. Мандельштам, первый драгоман царского посольства на Босфоре, немец доктор Вильгельм Зольф, статс-секретарь иностранных дел в последние дни кайзеровской Германии и в первые дни республики, поняли, исходя из совершенно различных точек зрения на будущее, что Лепсиус—единственный, кто может быть назван «оправданием» Германии, хранителем ее чести в армянском вопросе, той Германии, чье правительство с помощью военной цензуры замалчивало и факт резни, и протест против нее, и не только не оказывало противодействия своему османскому союзнику в его систематическом преднамеренном уничтожении 1,5 млн. армян, но и несет известную ответственность за эти события.

Память о Лепсиусе сохранил созданный Францем Верфелем известный роман «40 дней горы Муса». Однако фрагментарный и в большой степени символический образ не может заменить крайне необходимую подробную биографию человека, которого можно было бы поставить в один ряд с такими видными гуманистами, борцами за права человека, как Фритьоф Нансен и Альберт Швейцер.

Кайзеровское правительство настойчиво пыталось заставить молчать Лепсиуса, подавить его протест, обращенный к общественности. Германское правительство не только не желало в ущерб своим экономическим и военным позициям на Ближнем Востоке связывать руки своему союзнику—Османской империи—в его политике уничтожения целого народа, но и препятствовало тем своим дипломатам, политикам, общественным и церковным деятелям, кто боролся в защиту армян. Эта позиция германского правительства, характерная для периода первой мировой войны, определилась задолго до нее, уже во время первого крупного выступления Лепсиуса против истребления армянского народа «кровавым султаном» Абдул Хамидом II.

С 1896 г., когда Лепсиус начал в Германии и Европе борьбу против резни армян, за ним постоянно и бдительно следили сотрудники министерства внутренних дел. Тысячи людей слушали его обвинения на митингах, но большая часть прессы, в первую очередь официальная, обходила его молчанием. Вот типичный, неизвестный пример: немецкая императрица, та самая, которая вскоре после этого посетила дом армянских сирот в Палестине, запретила „Betheler Diakonissen“ (группа христианских медицинских сестер в Берлине) читать большую ежедневную христианскую газету „Der Reichsbote“, так как она, наряду с либеральными газетами „Frankfurter Zeitung“ и „Christliche Welt“, была единственным консервативным органом прессы, открыто говорившим о резне армян³. „Der Reichsbote“ постоянно печатала разоблачающие фактические материалы немецкого пастора, которые повергали в неистовство османскую дипломатию и националистическую прессу в Германии. Эти статьи носили название «Правда об Армении» и исходили от д-ра И. Лепсиуса, который с апреля по июнь 1896 года вместе с Джеймсом Гринфильдом, армянином по происхождению, сам в Малой Азии получал информацию о ситуации, а также прямо на месте принимал меры по оказанию помощи⁴.

Статьи в «Der Reichsbote» составили костяк классического труда Лепсиуса «Армяне и Европа. Обвинение против великих христианских держав и призыв к христианской Германии», который сразу был распространен в Германии и в германоязычной

Швейцарии⁵, а вскоре переведенный, стал документальным обоснованием борьбы за преследуемых армян во франкоязычной Швейцарии⁶ и Англии⁷.

Параллельно организованным Лепсиусом проармянским массовым собраниям, в различных городах властями устраивались доклады, целью которых было стремление отвлечь интеллигенцию и пасторство от действенной агитационной работы Лепсиуса⁸. Неустанный деятельностью и своими публикациями Лепсиусу удалось затронуть широкие круги, что вызвало против него резкую кампанию официальной прессы⁹, которая, следуя примеру османской машины опровержения, пыталась представить его сообщения ложью, инспирированной английской прессой.

Лепсиус с помощью независимых христианских кругов помогал армянам и сирийцам в Турции, Персии и Болгарии, в то время как широкие и влиятельные круги германского общества открыто поносили его как сентиментального и брюзгливого пастора¹⁰. Причину этого сильного внутригерманского антагонизма к Лепсиусу в первую очередь следует искать в международной ситуации. Это было, как известно, время острой борьбы между империалистическими державами за передел мира, за рынки, в частности за наследство «больного человека на Босфоре».

В рассматриваемый период произошло сильное сближение кайзеровской Германии с османской Турцией в политико-экономическом и военном отношениях. Уже в 1883—1895 гг. К. фон дер Гольц работал военным советником в Турции и реорганизовывал османские вооруженные силы. Это военное сотрудничество зародилось еще в 30-е годы прошлого столетия, когда граф Гельмут фон Мольтке-старший был оставлен турками в Константинополе военным инструктором. Даже эти военные в свое время вполне хорошо поняли сложность положения национальных меньшинств в Османской империи, а более поздние мемуары деятелей при дворе немецкого кайзера Вильгельма II свидетельствуют, что кайзер и его окружение были убеждены в фактической реальности армянской резни в Османской империи и не считали ее «английской ложью». Когда, к примеру, Вильгельм II в 1898 г. вновь поехал к своему «царственному» брату в Константинополь, многие из придворных, сопровождавших его, чувствовали себя там неуютно, так как, свидетельствует придворный проповедник Эрнст фон Дриандер, «весь город еще пах свежепролитой кровью вырезанных армян...»¹¹. Из Константинополя Вильгельм II направился в Иерусалим, где принял участие в торжественном открытии вновь построенной немецкой церкви. Это, как известно, не помешало ему через несколько дней предстать в Дамаске у гроба Саладина в качестве друга и покровителя всех мусульман. Ни словом не обмолвился он о недавно вырезанных его новыми друзьями христианах, считая доста-

точным посещение императрицей оставшихся в живых детей в недавно открытом «армянском доме сирот» в Вифлееме¹². Между тем даже среди евангелического христианства в Германии произошел раскол в вопросе об армянской резне. Хороший знаток армянской проблемы А. Н. Мандельштам был совершенно прав, когда говорил, что «два немецких пастора... предлагают немецкой нации две различные интерпретации армянской резни 1895/96 гг.»¹³. Имелись в виду Науманн и Лепсиус.

В этой неблагоприятной в самых разных отношениях политической обстановке д-р Лепсиус начал острую борьбу за жизнь сирот и вдов убитых турками армян. В туркофильской атмосфере кайзеровской Германии эта борьба приняла характер политически гуманистического подпольного движения.

Когда Лепсиус осенью 1896 г. решил выступить в Берлине на массовом проармянском митинге вместе с армянским профессором Карапетом Тумаяном из Марзвана, который был в Анкаре приговорен к смерти, но позже освобожден благодаря помощи швейцарских родственников и английских друзей¹⁴, прусское министерство внутренних дел запретило профессору Тумаяну выступление перед общественностью и предупредило д-ра Лепсиуса, что и ему в противном случае будет запрещена какая-либо общественная деятельность на благо армян¹⁵. В ночь перед собранием Тумаян записал свою речь—обличительное описание армянской резни на английском языке, ее немедленно перевели на немецкий и передали в типографию. Еще ночью за Лепсиусом, Тумаяном и их друзьями наблюдал тайный агент полиции, так как уже утром начальник берлинской полиции усилил угрозы и в их адрес, и в отношении публикации листовок. Когда началось вечернее собрание 24 сентября 1896 г., с толпой смешалось немало сотрудников министерства внутренних дел, которые напряженно ожидали выступления или листовки от Тумаяна, сидевшего в президиуме. Тумаян не выступил, но во время увлекательной речи Лепсиуса листовки все же были распространены, так что все смогли прочитать то, что не разрешалось знать немецким подданным¹⁶. Органы госбезопасности неистовствовали по поводу этой уленшпигелевской хитрости и сознательного неподчинения их распоряжениям на глазах общественности. Лепсиус был вызван в министерство внутренних дел, к начальнику берлинской полиции и в министерство иностранных дел, где его по поручению рейхсканцлера пытались отговорить от деятельности в пользу армян. Но Лепсиус с присущим ему ораторским мастерством—даже враги считали его лучшим немецким оратором того времени—смог действительно защититься и убедить власти в неполитическом характере своей деятельности¹⁷.

Фамилия Лепсиус пользовалась уважением в самых высоких кругах—он происходил из известной буржуазной семьи берлин-

ских ученых¹⁸, что в известном смысле способствовало тому, что он не испытывал ложного благоговения перед титулами и званиями, когда замечал, что моральные качества и компетенция не соответствуют общественному рангу его визави. Традиционное и вполне обоснованное чувство собственного достоинства, присущее его семье, позволяло ему зачастую видеть политическую и этическую близорукость многих деятелей, облеченных высокими званиями и чинами.

Лепсиус бесстрашно и с изобретательностью слабого Давида боролся против гигантов прессы и «общественного мнения». Его друзья справедливо считали книгу Лепсиуса «Армяне и Европа» «прашой, направленной против Голиафа европейского безразличия»¹⁹. 38-летний И. Лепсиус, сложивший полномочия пастора, протестуя против ограничений в своей деятельности со стороны зависимо от государства берлинского Высшего церковного совета, благодаря нечеловеческому напряжению в работе и с помощью независимых свободноцерковных группировок, а также возраставшей поддержки влиятельных глав церкви, пасторов и некоторых политиков многого достиг в борьбе против сильных и могущественных врагов. Со своим комитетом помощи он собрал значительную сумму денег, которая составила финансовую основу для строительства домов для сирот, больниц, школ и т. д. в Малой Азии, не говоря о работе в Болгарии, Персии, а также в царской России.

Но, несмотря на эту большую благородную деятельность, кайзеровская Германия упорно обходила молчанием судьбу армян и других христианских народов в Османской империи. Поэтому в крупных газетах и журналах и политических анналах тогдашней Германии содержится очень мало материалов о резне армян, включая, к примеру, перепечатанные турецкие статьи, написанные с целью искажения истины; очень мало сведений и об активной деятельности Лепсиуса. Не будь в нашем распоряжении материалов, изданных самим Лепсиусом (теперь уже редких публикаций), а также писем и документов его архива, почти ничего не стало бы известно о многих неофициальных событиях, которые для нас сегодня так же важны, как и тогдашняя так называемая большая политика. Яркой иллюстрацией сказанному является то обстоятельство, что даже в прекрасной лейпцигской «Deutsche Bücherei», где с 1913 г. собирается вся германоязычная литература, нет важных публикаций Лепсиуса.

Замалчивание деятельности Лепсиуса, направленной на защиту армян, являвшееся следствием соответствующей организации «общественного мнения» и не прекращавшееся в кайзеровской Германии, усилилось во время первой мировой войны и превратилось в гробовое молчание берлинских правительственных и военных кругов относительно геноцида армян в Османской империи, отно-

сительно попытки «окончательного решения» армянского вопроса младотурецкими союзниками германской и австро-венгерской империй.

Когда министерство иностранных дел Германии в середине сентября 1916 г. потребовало через полуофициальное лицо, д-ра Эрнста Ека, основателя германо-турецкого общества, от всех немецких друзей армян—в основном членов созданного Лепсиусом германо-армянского общества—немедленно прекратить до конца войны «армянскую пропаганду», т. е. молчать о преступлении младотурецких палачей армянского народа²⁰, лишь Лепсиус воспротивился этому требованию²¹, причиняя большое беспокойство турецкой дипломатии и кайзеровскому правительству своими постоянными разоблачениями. Ранним летом 1916 г. Лепсиус тайно разослал 20.500 экземпляров своего ставшего знаменитым «Сообщения о положении армянского народа в Турции» представителям немецких церковных и политических кругов²². Здесь были собраны и систематизированы сотни заметок и данных, которые он получил из самых различных источников во время своей знаменитой поездки в Константинополь в июле-августе 1915 г. Подготовленное одним Лепсиусом издание этой книги—все его друзья были напуганы подобным сочинением—представляло собой «отважное предприятие», и, по словам Э. Штира, бывшего много лет секретарем германо-армянского общества, является «самым большим светлым пятном с немецкой стороны»²³ в мрачной истории германо-армянских отношений. Этот труд Лепсиуса в 1918 г. вышел и на французском языке в переводе Агатон-бея, секретаря представителя армянского католикоса при европейских державах Погоса Нубара-паши²⁴. Этот перевод появился в результате постоянного контакта Лепсиуса с Агатон-беем²⁵. Однако то обстоятельство, что предисловие к этому изданию было написано безусловным и не делающим никаких различий германофобом Рене Пиноном, очень рассердило Лепсиуса²⁶.

В 1919 г. Лепсиус сам официально печатает в Германии 2-е издание «Сообщения» с важными дополнениями и подзаголовком «Гибель армянского народа» (4 изд.—1930 г.). В том же 1919 г. в Константинополе появляется армянский перевод этой книги, по видимому, сделанный с французского²⁷.

Французский перевод этого незаменимого произведения²⁸ появился вновь в 1968 г., на сей раз в Бейруте²⁹; ротапринт четвертого издания осуществлен в 1980 г. вновь основанным германо-армянским обществом³⁰. Не только парижский хирург и знаток новой армянской истории Ив Тернон, но и канадский историк Ульрих Трумпенер, один из лучших знатоков с ответственными немецкими документами, считает «Сообщение» Лепсиуса «вероятно, лучшим трудом по синтезу этой те-

мы»—преследования армян в Османской империи во время первой мировой войны³¹. На карточке этой книги в каталоге немецкой государственной библиотеки в Берлине стоит теперь уже перечеркнутый штамп с надписью «секретно», ярко символизируя и судьбу д-ра И. Лепсиуса в кайзеровской Германии, и тяжкий факт вытеснения трагической истории армянского народа из сознания немцев.

Как и в начале своей борьбы, Лепсиус в годы первой мировой войны действительно противостоял этому умалчиванию. Он не только смог добиться поездки в июле 1915 г. в Константинополь, где состоялся его широко известный разговор с Энвером-пашой³², но и сразу же после возвращения в Берлин, имея в запасе много «контрабандной» информации из первоисточников, начал атаковать министерство иностранных дел, представив подробный меморандум, который был первоначальной формой его известного «Сообщения»³³. Заметив недовольство военных и бессилие дружески к нему настроенных политиков, Лепсиус немедленно отправился в Швейцарию, где анонимно развернул большую кампанию в прессе, в крупных ежедневных газетах, которая вызвала волнение турецких дипломатов и их коллег на Вильгельмштрассе в Берлине³⁴. И вновь все в Германии с подозрением наблюдают за деятельностью и поездками Лепсиуса, действующего «не на благо государства». Германский генеральный консул в Базеле уже 22 сентября 1915 г. сообщает рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу, что анонимная кампания в швейцарской прессе с критическими нотами в адрес берлинского министерства иностранных дел инспирирована, по-видимому, Лепсиусом³⁵.

5 октября 1915 г. Лепсиус выступил в Берлине в здании рейхстага с докладом, не предназначенным для широкой общественности, перед заседавшим там каждую неделю «объединением прессы»—корпорацией верующих деятелей прессы и издательств, к которому регулярно присоединялись также представители морского министерства и министерства иностранных дел. Эту возможность выступить со своими опасениями и информацией перед магнатами немецкой прессы, создали ему, вероятно, его друзья из пресс-центра при Центральном управлении службы для заграницы министерства иностранных дел, которым тогда руководил его близкий друг—журналист Пауль Рорбах. В тактически умной и смелой речи Лепсиус обвинял германское правительство в том, что в ситуации, в которой Англия давно действовала бы как «хозяин Турции», Германия превратилась в раба Турции, бесцеремонно обращающейся с армянами. В этой речи он использовал многое из собранных во время поездки в Константинополь материалов³⁶.

В середине октября Лепсиус активизировал руководителей евангелистской миссионерской организации и руководящих церковных деятелей, а также миссионерскую комиссию Центрального комитета по генеральным ассамблеям католиков Германии в такой степени, что эти органы подали срочные заявления Бетман-Гольвегу, который, однако, в расписке о получении прореагировал дипломатически-двояко³⁷.

Ульрих Трумпенер высказывает справедливое удивление тем, что в ответ на эту массовую кампанию Лепсиуса, в которой он откровенно разоблачает преступления османских союзников Германии и ставит в крайне неприятное положение берлинское министерство иностранных дел, со стороны Вильгельмштрассе или какого-либо другого органа имперской власти так мало делалось, чтобы заставить замолчать неудобного пастора³⁸. Для объяснения этого обстоятельства недостаточно изучения периода с 1914 г. до 1918 г., как это делает Трумпенер в своей богатой материалами книге,—значительно важнее рассмотреть предвоенную историю армянской проблемы. Материалы архива Лепсиуса предоставляют неизвестные факты его интенсивной борьбы в 1913 г. в Англии, Франции, Германии, Константинополе и Швейцарии за осуществление давно обсуждаемых армянских реформ в Османской империи. При этом он тесно сотрудничал как с армянами Константинополя³⁹, так и с Погосом Нубаром-пашой, представителем католикоса и руководителем армянской национальной делегации, работавшим на Западе и в Средней Европе⁴⁰, а также с помощником статс-секретаря Альфредом Циммерманом из берлинского министерства иностранных дел⁴¹, с которым Лепсиус вынашивал далеко идущие планы культурного проникновения в Турцию с помощью армянского элемента и немецких школ на фоне желанного германо-английского союза. В сообщениях германского посла в Константинополе фон Вангенгейма статс-секретарю иностранных дел Г. фон Ягову в 1913 г. дипломатическая деятельность Лепсиуса в деле армянских реформ рассматривается положительно⁴². Лепсиус, таким образом, для высокопоставленных деятелей министерства иностранных дел не был неизвестным лицом, а тем более брюзгливым пастором. Ему были очень обязаны за его посредническую помощь. Последовавшие с апреля 1915 г. события в Османской империи были, по крайней мере для помощника статс-секретаря Циммермана, занимавшегося армянскими реформами, сильным ударом по разработанному им совместно с Лепсиусом планам. Этим и объясняется, почему Лепсиус, даже когда политическая ситуация полностью изменилась, а проект армянской реформы с началом мировой войны потерпел крах, мог еще некоторое время относительно беспрепятственно бороться за дело армян.

Но когда Главная цензурная служба управления военной

прессы при высшем командовании в сотрудничестве с османским посольством в Берлине решила действовать против Лепсиуса, так как он на глазах османского посла Хакки раздал тысячи экземпляров своего «Сообщения» — «одну из бесчестнейших брошюр об армянском вопросе»⁴³, по определению посла, — последовательный борец за армян вновь превратился в персону нон грата в своей собственной стране, чью честь он хотел спасти. По всей вероятности, некоторые его друзья-дипломаты из министерства иностранных дел посоветовали ему продолжать борьбу за рубежом, если он не хочет подвергнуться риску исчезнуть в тюрьме на родине⁴⁴. Такие опасения могли появиться у Лепсиуса еще тогда, когда он искал типографию, где бы рискнули довести до конца печатание его «Сообщения». Одиссея этой рукописи представляет собой отдельную историю⁴⁵. Примечательно, что именно типография консервативно-христианской газеты «Der Reichsbote», осмелившейся еще в 1896 г. опубликовать первые боевые статьи Лепсиуса против резни армян, совместно с фирмой Инберг и Лефсон Берлин-Нойе-бабельсберг и теперь взяла на себя печатание⁴⁶. Позднее, когда 20.500 экземпляров «Сообщения» должны были быть распространены в Германии за счет Немецкой восточной миссии, члены попечительского совета стали опасаться гражданской смелости своего директора и во время заседания в июне 1916 г. отказались от оплаты рассылки⁴⁷. Таким образом, Лепсиусу пришлось организовать отправку «Сообщения» политическим и религиозным деятелям Германии с помощью своих близких друзей и сотрудников и даже своих детей⁴⁸. Только после войны стало известно, что экземпляры, отправленные членам рейхстага, были конфискованы и депонированы в Берлине главным полицейским управлением, о чем не были поставлены в известность ни отправитель, ни адресаты⁴⁹. Каким образом Лепсиусу, покинутому многими друзьями, удалось издать и разослать свое «Сообщение» таким массовым тиражом, разъясняют материалы его архива. Сам он не был богат. Все свое состояние он внес в основание ковровой мануфактуры в своей бывшей общине в Гарце, чтобы обеспечить самых бедных ее членов заработком. Это производство было затем, еще к концу прошлого столетия, перенесено в Урфу, чтобы дать армянам, пережившим резню, наряду со школьным образованием и медицинским обслуживанием, также надежную работу. Денежные проблемы, с которыми Лепсиус постоянно сталкивался, свидетельствуют, что он никогда не извлекал выгод из этого предпринимательства. Деньги для набора, бумаги и печатания массового издания своего «Сообщения» Лепсиус получил от «друзей доброго дела»⁵⁰. Однако все еще остается неясным, в какой степени в немалых расходах на эту книгу принимали участие зажиточные армянские друзья Лепсиуса в Швейцарии, с которыми он именно в те месяцы поддержи-

вал тесный контакт, армянские круги в Средней и Западной Европе и пожелавшие остаться неназванными деятели немецкой общности. Когда попечительский совет Немецкой восточной миссии задержал обещанные Лепсиусу для оплаты рассылки 4000 марок, он был не в состоянии пересылать «Сообщение» из-за затруднительного финансового положения. И тут ему помог богатый армянин А. Мсрян из Брюсселя (фирма «Братья А. и М. Мсряны»), который вместе с другими армянами самым щедрым образом поддерживал Лепсиуса до конца его жизни. Уже на смертном одре, но обдумывая новые планы на будущее, И. Лепсиус пишет Арменаку Мсряну, вновь оказавшему ему поддержку, в Брюссель: «Вы уже в начале войны, когда я был еще в Берлине, сделали возможным издание моих первых собранных в Константинополе сведений о депортации вашего народа, оплатив пересылку 20.000 экземпляров моей «Зеленой книги», как мы ее называем, внося вклад в 4000 марок, в котором мне отказал мой тогдашний попечительский совет, опасаясь цензуры. Это было тогда спасением, т. к. без моей публикации мир еще долго оставался бы в неведении о событиях 1915 и 1916 годов»⁵¹.

После опубликования «Сообщения» Лепсиусу, как отмечалось, стало трудно оставаться в Германии. Многочисленные предостережения побудили его выехать в нейтральную страну—Голландию. Наряду с политическими причинами, к этому побудило его и сильно пошатнувшееся здоровье.

В Голландии он инкогнито, против воли кайзеровского правительства, развернул обширную проармянскую деятельность. Наряду с этим в 1917 г. через посредничество политического советника принца Макса фон Бадена Курта Хана он получил поручение собирать для военного отдела министерства иностранных дел «голоса за мир» в английской и голландской прессе и регулярно передавать эти сведения в Берлин. Когда Лепсиус в июне 1917 г. официально ушел в отставку из своей Немецкой восточной миссии, то до октября 1917 г. он не имел никаких материальных средств для своей большой семьи, пока Курт Хан не предложил ему место, оплачиваемое кругами Макса фон Бадена. В этот период его вновь поддерживали и своими связями, и материально его армянские друзья, особенно Арменак Мсрян и председатель «*Comité arménien de la Haye*» М. Миртадянец⁵². Сохранившийся со времен пребывания в Голландии архивный материал свидетельствует об исключительно многосторонней деятельности Лепсиуса в период эмиграции. Он находился в постоянном контакте с ведущими армянскими деятелями Европы, особенно с Погосом Нубаром и его сотрудниками, вел доверительную переписку с Джеймсом Брайсом⁵³, английским государственным деятелем и историком, основателем англо-армянского общества, создавшим при поддержке молодого Арнольда

Тойнби «Синюю книгу» по армянскому вопросу⁵⁴. Лепсиус, действуя анонимно относительно голландского проармянского движения, испытывал при этом противодействие влиятельных голландцев⁵⁵. Он способствует изданию и контролирует печатание голландского перевода своего «Сообщения» 1916 года, которое готовится параллельно с французским Агатона-бея⁵⁶. И, не в последнюю очередь, тут, в эмиграции, возникает детальная программа международной проармянской лиги, к которой Лепсиус стремится привлечь заинтересованные круги в Европе⁵⁷. После войны Лепсиус как немец сознательно не участвовал в учреждении международной проармянской лиги, но он должен считаться, по меньшей мере, одним из идеологических отцов этой организации⁵⁸.

Наряду с этой деятельностью Лепсиус в военное и послевоенное время интенсивно работает в области литературы и искусства. Он создает двухтомную «Жизнь Христа»⁵⁹, ряд драматических сатир на Англию и Антанту, которые причислялись к «ценнейшим произведениям военного времени»⁶⁰. В сатирических произведениях «Джон Буль» (1915)⁶¹ и «Иисус на мирной конференции»⁶² (1919) не чувствуется никакой националистической ненависти к Англии, как у Людендорфа, что, собственно, исключалось сильными англофильскими традициями в семье Лепсиуса⁶³. Но здесь в значительной мере ощущается продолжение осуждения европейских «христианских» великих держав, которое молодой пастор начал в 1896 г. своим программным произведением «Армяне и Европа»⁶⁴.

В Германии во время войны после острого конфликта Лепсиуса с министерством иностранных дел и своими друзьями там, его обходили молчанием. Но после войны он вдруг становится «белой вороной» в германской политике относительно армянского геноцида. После ноябрьской революции в Германии он смог напечатать второе дополненное издание «Сообщения», а также одновременно опубликовать множество важных актов германской политики относительно Армении из архива министерства иностранных дел в своем по сей день незаменимом произведении—источнике «Германия и Армения 1914—1918 гг.». Лепсиус вновь находится в центре общественной, духовно-политической жизни. До того, как эта документация появилась в Германии в июне 1919 г., 50 экземпляров в начале мая поступили на Версальскую мирную конференцию⁶⁵. Несмотря на препятствия, чинимые на сей раз французской цензурой, Лепсиус через великого армянского поэта Аветика Исаакяна, который был членом правления организованного Лепсиусом германо-армянского общества, посылает свою документальную книгу и армянским делегатам, боровшимся там за права армянского народа⁶⁶. Таким образом, Лепсиуса никак нельзя воспринимать как апологета германской дипломатии и политики, которую он открыто осудил за ее тяжелую моральную вину. Он всячески

стремился помочь армянам, откровенно надеявшимся на помощь держав Антанты, в которой, однако, они вскоре разочаровались. как, впрочем, и в германской империи, сотрудничавшей с турками.

Мировую славу среди друзей армянского народа, как и самих армян, принесло Лепсиусу его весомое компетентное выступление во время берлинского процесса над армянским студентом Согомоном Тейлиряном, который 15 марта 1921 г. в Берлине на Харденбергштрассе застрелил одного из главных виновников армянского геноцида, бывшего главного везира Талаат-пашу.

Освобождение немецким судом присяжных покушавшегося, которое вызвало в правой и все еще туркофильской прессе волну возмущения, расценивалось ненационалистическими германскими кругами, как и бывшими врагами Германии, а в особенности армянами всего мира, напротив, как весомая корректура в политике Германии по отношению к армянам⁶⁷.

Так Лепсиус вновь стал широко известной в Германии и Европе личностью. Ему как признанному и независимому знатоку восточной проблематики было предложено германским правительством принять участие в обширной немецкой публикации документов—сорокаторомной «Большой политики европейских кабинетов с 1871 по 1914 гг.» Эти сорок томов до сих пор высоко ценятся всеми интересующимися политикой и историей, в том числе и вопросами новейшей истории армянского народа⁶⁸.

По-видимому, Лепсиус в последние годы своей жизни был целиком поглощен этим делом. Он работал в комнате № 128 берлинского министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе, 75, где, разбирая тысячи документов, еще раз пережил трагическую историю прошедшего полувека. Комната 128 стала своего рода неофициальным армянским консульством, так как армяне со всех концов Европы обращались со своими заботами и горестями к Лепсиусу, имя которого среди них пользовалось большим доверием и уважением. Не располагая сколько-нибудь значительными собственными средствами, Лепсиус, благодаря своим дружеским связям со многими влиятельными и состоятельными людьми не только в Германии, но и в других странах, в большинстве случаев находил возможность оказать им действенную помощь.

Учреждения по оказанию помощи армянам в Турции и Персии были разрушены войной. Но Лепсиус и тут не потерял мужества и присоединился со своей таявшей организацией к мощной американской «Near East Relief»⁶⁹, при этом он взял на себя финансирование армянского дома сирот в Газире (Ливан), управлявшегося его многолетним соратником Якобом Кюнцлером⁷⁰. Верный друг и соратница Лепсиуса Карен Йеппе в это время проводила большую работу в Алеппо и его окрестностях по освобождению армянских женщин и детей и созданию поселений для них⁷¹.

Будучи одновременно сотрудницей Лиги Наций, она имела тесный контакт с человеком, который в памяти армянского народа стоит рядом с Лепсиусом,—Фритьофом Нансеном. Нансен сам высоко ценил Лепсиуса и при изучении новейшей истории опирался преимущественно на его надежную и достоверную документацию⁷². Как у Карен Йеппе, так и у Лепсиуса и Нансена с течением лет перед лицом лживых обещаний западных великих держав помочь Армении стать автономным государством росло убеждение, что Советская Армения—самая надежная родина для этого народа⁷³. И после установления Советской власти в Армении Лепсиус отправил ей в помощь от германо-армянского общества крупные партии медикаментов и книг. Он поддерживал дружеские отношения с представителями Советской Армении в Берлине, с редактором берлинского органа комитета помощи Советской Армении А. Зорьяном и его женой⁷⁴. Когда в ноябре 1925 г. Берлин посетила советская армянская делегация, ее члены пожелали непременно навестить визит Лепсиусу, чтобы выразить ему глубокое уважение и благодарность, которую питают к нему в Советской Армении⁷⁵. К своему глубокому сожалению, делегаты не смогли встретиться с ним, так как, будучи тяжело больным, Лепсиус выехал на курорт в Мерано в Южном Тироле.

Д-ру Иоганнесу Лепсиусу не суждено было возвратиться из Мерано—3 февраля 1926 г. он скончался и был похоронен там.

Большой мечтой Лепсиуса, волновавшей его до конца жизни, и которую он, что было типично для его исключительной активности, уже начал осуществлять, было создание армяно-германской академии в Потсдаме, которая официально была основана 23 октября 1925 г., незадолго до отъезда Лепсиуса в Мерано⁷⁶. Лепсиус сам создал для этой академии устав и замечательную научную программу и даже снял недалеко от своего потсдамского дома красивый дворец для местопребывания академии. Одним из последних актов этой малоизвестной жизни является письмо от 28 января 1926 г., в котором Лепсиус, за несколько дней до смерти, предчувствуя ее приближение, отказывался от договора по найму дворца⁷⁷.

Этот большой проект так и остался неосуществленным. Но он фактически является завещанием Лепсиуса и символом того, что деятельность Лепсиуса не оборвалась с его жизнью, что его тогдашняя борьба в защиту армянского народа сегодня имеет целью еще более тесное сотрудничество между учеными Армянской ССР и ГДР, которое является важной составной частью дружбы между нашими народами.

Первостепенной задачей этого научного сотрудничества, которое Лепсиус хотел продолжить на основе лучших научных традиций, сегодня является создание подробной документированной

биографии И. Лепсиуса и обработка его наследия. В ночь фашизма, в его преступлениях перед европейскими, славянскими и другими народами резня армян в Османской империи была примером для подражания. Фашисты почти полностью вытеснили имя Лепсиуса из памяти немецкого народа, когда книги писателя Франца Верфеля, еврея по происхождению, попали в запретный список и на костер в Германии 30-х годов. Однако большая часть наследия Лепсиуса—письма, документы, редкие печатные труды—не затеялась и не подверглась уничтожению. То, что наследие Лепсиуса почти целиком сохранилось, несомненно, является большой заслугой второй жены И. Лепсиуса, Алисы Лепсиус (ум. 1969 г.), и его дочерей, особенно Бригиты Лепсиус (ум. 1976), Вероники Лепсиус (ум. 1981), Виолы Ашке-Лепсиус и Корины Латерман.

ԴՈՎՏՈՐ ԻՈՂԱՆՆԵՍ ԼԵՓՍԻՈՒՍ: ԿՅԱՆՔԻ ԷԶԵՐԻՑ

Ա մ փ ո փ ու մ

Ականավոր հումանիստ, գերմանացի հասարակական և քաղաքական գործիչ դոկտոր Յ. Լեփսիուսի արխիվի նյութերի հիման վրա հոգևածում ներկայացված են նրա կյանքի և գործունեության որոշ էջեր: Հիմնական ուշադրությունը նվիրված է Օսմանյան կայսրությունում հայերի գենոցիդի դեմ Լեփսիուսի հետևողական պայքարին և այն հակադեցությունը, որին հանդիպեց այդ պայքարը կայզերական Գերմանիայում: Բերվում են կենսագրական բնույթի անհայտ և սակավ հայտնի փաստաթղթեր, որոնք թույլ են տալիս ավելի խոր և լիովին ընկալել և գնահատել նրա գործունեության նշանակությունը ի պաշտպանություն հայերի և լուսաբանում են հայ և գերմանական ժողովուրդների բարեկամական հարաբերությունների առանձին ուշագրավ կողմեր:

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Из огромного количества литературы о резне армян среди новых работ следует отметить: сб. док. и матер. «Геноцид армян в Османской империи», под ред. проф. М. Нерсисяна, изд. АН АрмССР, Ереван, 1966; II изд.—1983; Дж. Куракосян, Первая мировая война и западные армяне, 1914—1916 гг. I изд.—«Айастан», Ереван, 1965, на арм. яз.; II изд.—1971; Е. К. Саркисян, Политика Османского правительства в Западной Армении и державы в последней четверти XIX и начале XX вв., изд. АН Арм. ССР, Ереван, 1972; Jean-Marie Carzou, Un génocide exemplaire; Arménie 1915, Paris: Flammarion, 1975; Yves Ternon, Les Arméniens. Histoire d'un génocide. Paris: Éditions du Seuil, 1977, немецкое издание—1981 г. (ФРГ);

U. Trumpener, Germany and the Ottoman Empire 1914—1918. Princeton University Press, 1968; *D. H. Boyajian*, Armenia: The Case For a Forgotten Genocide, Westwood, New Jersey, 1972; *Shavarsh Torigulan*, The Armenian question and international law, Beirut, 1973; *R. D. Kioian*, The Armenian Genocide—first 20th century holocaust, San Francisco, 1980; *Walker, Christopher*, Armenia, the Survival of a Nation, N. Y., 1980, а также лаконичную, но весомую заметку проф. Вальтера Маркова (ГДР): „В Армении в 1915/16 было осуществлено настоящее истребление народа“ (в: Ernst Werner und Walter Markov, Geschichte der Türken von den Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin: Akademie-Verlag, 1978, S. 232); также: Türkei. Der verleugnete Völkermord an den Armeniern 1915—1918. Die deutsche Beteiligung=Pogrom. Zeitschrift für bedrohte Völker, № 64. 10 Jahrgang, Göttingen, Mai/Juni 1979, см. также № 72/73, 11 Jahrgang, Mai 1980, Sonderausgabe zum 24. April 1915—1980.

- 2 В ГДР в последнее время вспоминают Лепсиуса: *Burchard Brenties*, Drei Jahrtausende Armenien, Leipzig 1973, S. 9—15; Эрнст Вернер в своей статье об исторической действительности армянского геноцида (Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 21 Jahrgang, 1973, Heft 2); И. Лепсиус назван историческим свидетелем в армянском репортаже Сусанны Фельц „Изгнание и возвращение на родину Месра Накушяна“, für DICH. Illustrierte Wochenzeitung, Berlin, № 12, 1980, S. 13—15, 31). В ФРГ о Лепсиусе напомнил Фридрих Гейер, президент вновь образованного германо-армянского общества, в Frankfurter Allgemeine Zeitung, № 67 (19.3.1980) S. 5. „(Насилие над христианами в Турции. 2000 ищут убежища в Германии. Воспоминание о резне армян)“. За указание благодарим докт. Р. Мазера (Мюнстер). В журнале Zeichen der Zeit (ГДР, Берлин) историк Готтхард Йешке (1958, с. 447) и теолог Ганс Христиан Дитрих (1973, с. 242) опубликовали памятные статьи об Иоганнесе Лепсиусе. В немецких марксистских исторических исследованиях наблюдается тенденция позитивной оценки личности И. Лепсиуса (см., наряду с названными работами Б. Бреннеса, Э. Вернера, *L. Rathmann*, Stoßrichtung Naher Ost 1914—1918. Zur Expansionspolitik des Deutschen Imperialismus in ersten Weltkrieg, Berlin, 1963, S. 139.)
- 3 Vgl. Friedrich von Bodelschwingh, Ein Lebensbild aus der deutschen Kirchengeschichte. Von Martin Gerhardt, fortgeführt von Alfred Adam Bd. II, 2, (Bethel bei Bielefeld 1958). S. 589.
- 4 Первая из этих классических статей, намеренно ограниченная объективной статистикой, появляется в среду 12.8.1896 в I прилож. к № 188 «Reichsbote». Дальнейшие статьи следуют: 15.8.96 (№ 191), 16.8.96 (№ 192), 18.8.96 (№ 193) 19.8.96 (№ 194), в тот же день продолжение во 2 прилож. № 194, 21.8.96 (№ 196), 22.8.96 (№ 197), 23.8.96 (№ 198), 25.8.96 (№ 199), 26.8.96 (№ 200), 27.8.96 (№ 201), 28.8.96 (№ 202), 29.8.96 (№ 203), продолжение в тот же день во 2 прилож., 30.8.96 (№ 204), 1.9.96 (№ 205) и 3.9.96 (№ 207).
- 5 Еще до 12.9.1896 в Берлине. См.: Der Reichsbote, № 215 vom 12.9.1896, S. 1.

- 6 *Johannes Lepsius, L'Arménie et l'Europe. Un acte d'accusation contre les grandes puissances chrétiennes. Avec une carte de l'Arménie turque.* Lausanne: F. Payot (November) 1896. Уже массовый митинг протеста 7.9. 1896 в Лозанне (Швейцария) основывался на этом обвинении Лепсиуса, которое перевел известный журналист и редактор *Gazette de Lausanne* Альберт Боннард (Vgl. Karl Meyer, *Armenien und die Schweiz*, Bern 1974, S. 42).
 - 7 *Johannes Lepsius, Armenia and Europe. An indictment*, London: Hodder and Stoughton 1897, переведен и издан этот английский вариант известным теологом и сирологом квакером профессором Дж. Ренделем Гаррисом. В 1897 г. в Германии уже появляется 7-ое издание (13 тыс.) книги, *Армения и Европа*.
 - 8 В архиве д-ра Лепсиуса в Галле (далее—ЛАН) имеется интересный неофициальный документ, в котором до мельчайших деталей описаны препятствия и каверзы, организованные сверху относительно доклада Лепсиуса 10.12. 1896 в Мюнхене; см. письмо Вильгельма фон Пехмана Герхарду фон Цишвиц, Мюнхен 7.12. 1896, ЛАН II d (616/17), а также открытку И. Лепсиуса, Бейра, 11.12. 1876,—Маргарите Лепсиус в Фрисдорф на Випре: «В Мюнхене все шло хорошо, хотя пресса, правительство и общественность настроены сильно против... Мюнхенская *Allgemeine [Zeitung]* уже заранее подняла против меня шумиху. Полиция была всежива... К сожалению, в последний момент назначили доклад фон Хёлшера (д-р теологии Вильгельм Хёлшер-старший, церковный советник и священник в Лейпциге—авт.) на тот же вечер... так что евангелистское духовенство Мюнхена отсутствовало...» (ЛАН IV A, 624).
 - 9 Вместо тщательно подготовленных и объективных заметок Лепсиуса большая часть немецкой прессы печатала «терпеливо и без всякой критики турецкие заметки». (*Der Reichsbote, Jahrgang 24, № 196* от 21.8. 1896 (s. 2) «К кризису на Востоке»). Уже в начале сентября 1896 в официальной *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* появляется резкая статья „хорошо информированной турецкой стороны“, направленная против Лепсиуса. В ней пастора Лепсиуса упрекали в том, что он своими организациями помощи армянам создает революционные комитеты (См. *Der Reichsbote, 24. Jahrgang, № 215* от 12.9.1896, S. 1, а также прекрасный иронический ответ Лепсиуса, в № 216 *Der Reichsbote* от 13.9.96 S. 1—2). В политическом подстрекательстве Лепсиуса обвиняет крупная *Kölnische Zeitung*. (См. *Der Reichsbote* 13.9.96).
- Даже собственно нейтральное швейцарское правительство пыталось полуофициально скомпрометировать усилия тесно сотрудничавших немецкой и швейцарской организаций помощи армянам, когда во влиятельном журнале *Bund*, официальном органе швейцарского бундесрата в октябре 1896 появилось сообщение, что делегаты швейцарского и немецкого объединений помощи на совместной конференции во Франкфурте-на-Майне приняли решение о поддержке революции в Армении следующей зимой. (См. *Chronik der Christlichen Welt*, 1896, № 43, 22.10.1896, Spalte 420).

- 10 Туркофил журналист д-р Ганс Барт (1862—1928) в противовес лепсусовскому «Армяне и Европа» создал в 1886 г. произведение под названием „Türke, wehre dich! (2. Auflage. Leipzig, 1898), которое шло под роковым девизом Бисмарка: «Турки—единственные джентльмены Востока». А то обстоятельство, что Лепсиус был теологом, послужило Барту поводом порочить его убедительные доводы как «Лепсиаду, или бульварный роман пастора Лепсиуса». (Критическое обсуждение пасквилля Барта см.: Die Christliche Welt, Jahrgang 44, 3 11 1898, Sp. 1048—1051).
- 11 Ernst von Dryander, Erinnerungen aus meinem Leben. Bielefeld und Leipzig, 1922, S. 217; vgl. auch Karl Kupisch, Zwischen Dom und Gedächtniskirche. Berliner Hoffrömmigkeit zur Zeit Wilhelm II.: Jahrbuch für Berlin-Brandenburgische Kirchengeschichte 44 (Berlin 1969), S. 9—42, speziell S. 20.
- 12 Am 30.10.1898: Vgl. Siegfried Hanselmann, Deutsche Evangelische Palästina-mission. Handbuch ihrer Motive, Geschichte und Ergebnisse. Erlangen (1971), S. 125.
- 13 A. Mandelstam, Le sort de l'empire ottoman. Lausanne-Paris, 1917, S. 313.
- 14 Об освобождении обоих армянских профессоров американского колледжа в Марзване Тумаянз и Каяяна см.: Goodly Fellowship. A Centenary Tribute to the Life and Work of the World's Evangelical Alliance 1846—1946. London/Edinburgh 1946, S.73; также многократно издававшееся сообщение шуррина Тумаяна: Adolf Hoffmann, Im türkischen Kerker. Wie ich Garabed Thumajan fand. Westend-Berlin, 1897, S. 208; Некоторые данные о К. Тумаяне см.: Karl Meyer, Armenien und die Schweiz, Bern 1974, S. 259.
- 15 См. почтовую открытку И. Лепсиуса, Берлин-Штеттин 24.9. 1886—Маргарите Лепсиус, Фрисдорф-на-Випре LAN IV A (549) и [И. Лепсиус] Сообщение директора относительно переизбрания правления германской восточной миссии вместе с учреждениями (напечатано как рукопись), без даты и места (Потсдам, 1910—Г. Г.) s. I. (имеется в LAN XVII 524).
- 16 См. примечание 5, открытка И. Лепсиуса М. Лепсиус от 24.9.96. Хорошее описание весьма драматического проармянского митинга 24.9. 1896 есть в Reichsbote [Jahrgang 24, № 226 vom 25.9.96 s. 3], см. также: Paul Le Seur, Aus meines Lebens Bilderbuch, Kassel, 1957, S. 24 (П. Ле Сёр входил в круг друзей Лепсиуса, которые в ночь накануне готовили собрание. За указание на это место в мемуарах Ле Сёра благодарим д-ра А. Самеса (Галле)-авт.).
- 17 Сам Лепсиус пишет: «Берлинское собрание вызвало страшную шумиху в прессе; турецкое посольство способствовало тому, что сперва начальник берлинской полиции, потом министр внутренних дел, а затем министерство иностранных дел пригласили меня на разговор, чтобы по поручению рейхсканцлера заставить меня срочно приостановить армянское движение. Но так как министерство иностранных дел убедились, что я заинтересован лишь в благотворительной деятельности в пользу армянских вдов и сирот, оно не стало препятствовать моей дальнейшей работе. И все же начальник полиции держал под полицейским контролем мои многочисленные поездки с доклада-

ми». (Сообщение директора... (см. выше прим. 15, S. 1). Однако есть свидетельство, что даже эти усилия Лепсиуса встречали препятствия со стороны властей. Так, 24.11.1896 г. Лепсиус выступил в Магдебурге с докладом в пользу армянских вдов и сирот. К концу доклада организаторы собрания профессор Борнеман, проповедник Геннике, директор Рейтер и другие хотели провести сбор денег для помощи армянским вдовам и сиротам. Однако присутствовавший комиссар полиции от имени властей запретил этот сбор. После этого собрание было закрыто с ссылкой на то, что члены местного армянского комитета помощи готовы лично принимать денежные взносы. Однако публика, глубоко тронутая докладом Лепсиуса, неверно поняла—стала пробиваться к помосту и прямо здесь передавать членам комитета пожертвования. Комиссар полиции воспринял это как пренебрежение его запретом, и на рождество и новый, 1897 г. начались допросы ответственных лиц комиссаром уголовной полиции. Три вышеназванных друга армян получили приказ королевского суда о наложении штрафа (см. *Chronik der Christlichen Welt*, 1897, № 10, vom 11.3.1897, Sp. 79 и *Aus unsers Herrgottes Kanzlei*, № 48, Magdeburg, herausgegeben von Direktor Reuter).

- 18 Из большого количества литературы отметим лишь: Bernhard Lepsius (Herausgeber), *Das Haus Lepsius. Vom geistigen Aufstieg Berlins zur Reichshauptstadt. Nach Tagebüchern und Briefen*. Berlin, 1933. Изданный одним из братьев И. Лепсиуса, проф. химии Бернхардом Лепсиусом (ум. 1934), том является выразительным источником для понимания значения и больших связей родительского дома Лепсиуса, так называемого Casa Lepsia.
- 19 См. почтовую открытку Вильгельма Фабера, Нойкурен, 24.8. 1898,—И. Лепсиусу. LAN 1 L (482).
- 20 См. письмо Эрнста Ека, Берлин 11.9.1916,—И. Лепсиусу LAN XXV 1687), где Ек, один из влиятельнейших немецких журналистов, откровенный почитатель младотурецкого владычества и заправила германо-османского союза, лицемерно обвиняет Лепсиуса в том, что в то время как он, Ек, помогает армянам, Лепсиус разрушает эту мнимую тайную помощь своей «пропагандой». Цитируемое письмо вторая жена И. Лепсиуса, Алиса Лепсиус (Маргарита Лепсиус умерла в 1898 г. в Берлине), доставила ему, как отмечено на конверте ее рукой, уже в голландскую ссылку; см. также письмо Алисы Лепсиус, Потсдам, без даты (середина сентября 1916—Г. Г.)—И. Лепсиусу, Хаарлем LAN III m (1688), где Алиса намекает, что должна лично доставить ему «несколько деловых сообщений».
- 21 *Vgl. Trumpener, Germany and the Ottoman Empire*, Princeton, N. Y., 1968. Описание «волнующей встречи» Эрнста Ека с Паулем Рорбахом, Эвальдом Штиером и Джеймсом Гринфильдом, ведущими членами германо-армянского общества, 15.9.1916 г. в Берлине, при которой Ек демагогически высказывался за приостановление армянской «пропаганды» в пользу неофициальной дипломатической помощи и благотворительной деятельности. 16.9.1916 г. все трое сообщают Еку, что они прекратят общественно-политическую борьбу за армян, если Берлин сделает все возможное, чтобы помочь армянам.

При этом они отметили, что призыв к молчанию вряд ли подействует на Лепсиуса, если из германской прессы не исчезнут сообщения, в которых на армян Османской империи возлагается вина за все их несчастья (см. ссылки на архив Ека в Yale University Library, № 23: *U. Trumpener, Germany, S. 243, 98*). Когда Лепсиус в конце сентября 1918 г. в Голландии получил предложение до конца войны молчать о резне армян, он ударил кулаком по столу, что при его воспитанности было необычным жестом, и взволнованно заявил своей жене: «Если я это сделаю, то буду подлецом». (См. воспоминания дочери Виолы Ашке-Лепсиус, записанные для Г. Гольтца—ЛАН XXII, 1963). При изучении биографии Лепсиуса на основе многочисленных неопубликованных источников становится очевидной невозможность ставить Лепсиуса в один ряд с Паулем Рорбахом, влиятельным журналистом и геополитиком из круга Наумана.

- 22 Vgl. *J. Lepsius, Mein Besuch in Konstantinopel Juli/August 1915: Der Orient, herausgegeben von Dr. Johannes Lepsius, Jahrgang 1919, S. 32; J. Lepsius. Der Todesgang des Armenischen Volkes. Bericht...*, Potsdam, 4. Auflage 1930, S. XXVII.
- 23 Информационный бюллетень германо-армянского общества, Берлин, декабрь 1939 г., № 5/6. стр. 6(70). Точное название издания 1916 г. следующее: Bericht über die Lage des Armenischen Volkes in der Türkei von Dr. Johannes Lepsius, Vorsitzender der Deutschen Orient-Mission und der Deutsch-Armenischen Gesellschaft. Tempelverlag in Potsdam 1916. На титульном листе для защиты от военной цензуры Лепсиус напечатал: «На правах рукописи. Совершенно секретно! Перепечатание и использование в прессе запрещено!».
- 24 *Le Rapport Secret du Dr. Johannes Lepsius, président de la Deutsche Orient-Mission et de la Société Germano-Armenienne sur les massacres d'Arménie. Publ. avec une préface par René Pinon. Paris; Payot & Cie 1918.*
- 25 См. письмо Погоса Нубара-паша, Париж 16.2.1917—И. Лепсиусу, ЛАН III-e I (1726); письмо И. Лепсиуса, Гаага, 8.3.1917—Хорасанджяну, ЛАН, XXXIII (1726a/1730a); письмо И. Лепсиуса, Гаага, 9.3.1917,—Агатону, Женева, ЛАН III-d (1731); письмо Агатона, Женева, 8.4.1917—Лепсиусу, Гаага, ЛАН III d (1734) и т. д.
- 26 См. письмо И. Лепсиуса без указания места и даты (Берлин, весна 1919—Г. Г.)—лорду Джеймсу Брайсу, ЛАН XVII (1848).
- 27 *Երևանի ինքնակառավարման կոմիտեի շարժման Բարձր. Մ. Շահապետյան, Կ. Պոլիս, 1919.*
- 28 Ив Тернон оценивает «Сообщение» как «незаменимый труд» (*Les Arméniens...*, Paris, 1977, p. 220) шестьдесят лет спустя после его написания.
- 29 *Le Rapport Secret du Dr. Johannes Lepsius sur les massacres d'Arménie. Beyrouth: Editions Namaskaine, 1968.* За два года до этого, в 1966 г., этот французский перевод вновь появился в Париже (см. в сб. «Геноцид армян...», прим. 1, 533).
- 30 См. о преемственности этой организации высказывания ее нынешнего пре-

- зидента Фридриха Гейера (Гейдельберг) (Heyer/Heidelberg/, Zur Wiederbegründung der Deutsch-armenischen Gesellschaft: Kirche im Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde, Bd 21/22 (Göttingen 1978/79), S. 312—323). Возрожденное германо-армянское общество выполняет важную функцию и в борьбе против дискриминации армянских и сирийских рабочих в ФРГ.
- 31 U. Trumpener, Germany and the Ottoman Empire, p. 204. Anmerkung 12.
- 32 Запись беседы, сделанную самим Лепсиусом, см.: J. Lepsius, Main Besuch in Konstantinopel July/August 1915: Der Orient, Potsdam, Jahrgang 1919, S. 21—23, speziell S. 25—28. (см. также: Der Todesgang des armenischen Volkes. Bericht... von Dr. J. Lepsius, 2. vermehrte Auflage, Potsdam 1919, S. XII—XIX, ebenso in der 4. Anlage, Potsdam 1930.
- 33 Vgl. J. Lepsius, Persönliches. Der Orient, Jahrgang 1925, S. 103.
- 34 Vgl. Der Orient, Jahrgang 1919, S. 31 (=Todesgang der Armenischen Volkes, 4. Auflage, 1930, S. XXIV). Уже по дороге в Константинополь в середине июля 1915 г. Лепсиус посещает сначала Базель и Женеву (Todesgang, 1930, S. VI) и информирует в Базеле своего друга А. Вишер-Оери, а также его шурина, известного швейцарского журналиста и политика д-ра А. Оери-Прейсверка, главного редактора Basler Nachrichten и д-ра филологии Э. Риггенбах-Френа, „душу помощи армянам“ в Базеле, о последних преследованиях армян в Османской империи. В Женеве Лепсиус сообщает это большому другу армян Леопольду Фавру (Vgl. Karl Meyer, Armenien und die Schweiz, Bern 1974, S. 107). Когда Лепсиус в сентябре 1915 г., после своего возвращения из Константинополя в Берлин, еще раз посетил Швейцарию, он в газете Basler Nachrichten, принадлежавшей его другу Альберту Оери, 16.9.1915 г. опубликовал статью „Истребление целого народа“, которая, как пишет Карл Мейер, „привлекла огромное внимание“ (Armenien und die Schweiz, S. 106). Как и предполагал Лепсиус, дело не ограничилось этой статьей в Basler Nachrichten: появились статьи о преступлениях в Османской империи и в Basler Nachrichten, Gazette de Lausanne, Journal de Genève, Glarner Nachrichten а также во многих церковных журналах (см. K. Meyer, Armenien und die Schweiz, 108, 267), Anmerkung 123).
- 35 Vgl. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Bonn, Abteilung IA, 183 (Türkel), Bd. 38: Generalkonsul Basel 22.9.1915 am Bethmann Hollweg J. Nr 6, 867; Hinweis bei U. Trumpener, Germany and Ottoman Empire, S. 221 und Anmerkung 52.
- 36 Vgl. Ernst-Jäckh-Akten, Yale University Library, № 22 (Oberste Heeresleitung Hauptzensurstelle des Kriegspresseamtes Berlin, 1.II.1915. № 2, 610, O. Z. an Ernst Jäckh, „Auszug aus dem Vortrage des Dr. Lepsius vom 5.10.1915 über die Lage der türkischen Armenier“); Hinweis bei Trumpener, Germany and the Ottoman Empire, S. 222 f. und Anmerkung 56.
- 39 Vgl. J. Lepsius. Der Todesgang, 4. Auflage, 1930, s. XXIII. Дословный текст заявлений рейхсканцлеру, а также ответ рейхсканцлера см.: Deutschland

und Armenien 1914—1918. Sammlung diplomatischer Aktenstücke von Dr. J. Lepsius, Potsdam 1919. S. 183—191 (особенно интересен большой список подписей, S. 188).

38 Vgl. U. Trumpener, Germany and Ottoman Empire. S. 220.

39 См. корреспонденцию: И. Лепsius-армянские деятели в Константинополе во время пребывания Лепsiusа в июле-августе 1913 г. на Босфоре (ЛАН II e) и дневниковые записи И. Лепsiusа: Константинополь, середина 1913 г., ЛАН II p/III c (1448—1450).

40 См. оживленную переписку с целью подготовки личной встречи для обсуждения проблемы армянской реформы между Погосом Нубаром-пашой и Лепsiusом; к примеру, телеграмма И. Лепsiusа, Терапия 20.8. 1913—Погосу Нубару ЛАН II e (1469); письмо Погоса Нубара, 22.8.1913—И. Лепsiusу. Константинополь (II e 1470), так же от 27.8.1913 (II e 1471), и важное письмо Погоса Нубара, Париж, 13.10. 1913—И. Лепsiusу (XXIV 1475), которое подтверждает совместные дипломатические усилия Погоса Нубара, И. Лепsiusа, Джеймса Гринфильда из германо-армянского общества и А. Циммермана, зам. статс-секретаря по иностранным делам в вопросе армянских реформ в Османской империи.

Ход борьбы за реформы 1913/14 гг. с точки зрения русской дипломатии описывает А. Н. Мандельштам, A. N. Mandelstam, Die deutsch-russischen Beziehungen während der armenischen Reformakten, in: Derselbe, Das armenische Problem im Lichte der Völker—und Menschenrechts, Berlin 1931 (=Aus dem Institut für Internationales Recht an der Universität Kiel, I. Reihe, Vorträge und Einzelschriften, Heft 15), S. 91—149 (zu Lepsius Vgl. dort S. 115).

41 После того, как Лепsius, возвращаясь из Константинополя, в начале сентября 1913 г. встретился с Погосом Нубаром для беседы об армянских реформах в Вене, на Женевском озере, он поехал к заместителю секретаря д-ру А. Циммерману в Зальцшиф (Гессен), чтобы подробно обсудить с ним насущные армянские проблемы. В октябре Лепsius продолжил беседу с Циммерманом в Берлине. (См. письмо И. Лепsiusа, Тамбах 15.9.1913, Герхарду Лепsiusу, ЛАН Ia (1472). Лепsius вместе со своими армянскими друзьями критически относился к А. Циммерману и Паулю Рорбаху. Циммерман, как понял Лепsius, слишком уж полагался на Великобританию в вопросе помощи армянам. Заместитель секретаря по иностранным делам в этом вопросе считал благоприятным германо-английский союз против русских интересов в Османской империи и сумел на время убедить в этом и круг Лепsiusа. После первой мировой войны Лепsius и его армянские друзья были, однако, полностью разочарованы непоследовательной позицией Антанты относительно армянской проблемы (см. письмо старого боевого соратника Лепsiusа с 1896 г. проф. Карапета Туманяна, Лондон, 21.4. 1921,—Лепsiusу, Потсдам: «...Вспомните наш визит к Циммерману. Я бы хотел, чтобы Вы увидели его снова и показали ему, как катастрофически неправильными были его планы и политика в отношении армян. Союзники сейчас не лучше, чем официальная Германия...» (ЛАН III e 2016).

- 42 См. Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes herausgegeben von Johannes Lepsius, Albrecht Mendelssohn Bartholdy, Friedrich Thimme. 40 Bände. Berlin 1922—1927; Bd. 38, S. 130, 132 und Anmerkung.
- 43 Vgl. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Bonn, Abteilung IA, 183 (Türkei) Bd. 44, Hakkı an den Staatssekretär des Äußeren, G. von Jagow, ohne Datum (Eingangsvermerk 9.9.1916; Hinweis bei U. Trumpener, Germany and the Ottoman Empire, S. 240 und Anmerkung 93.
- 44 Симпатии министерства иностранных дел к Лепсиусу не всегда были такими сильными, как предполагал сам Лепсиус. В конце сентября 1916 г. министерство иностранных дел предприняло шаги, чтобы лишить Лепсиуса разрешения на поездки и удерживать его в Германии. При этом, однако, оказалось, что Лепсиус уже несколько недель как покинул Германию и живет в Голландии. (Vgl. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Bonn, Abteilung IA, 183 (Türkei), Bd. 45, A. Zimmermann, 6.11.1916, an Admiral von Holtzendorff; Hinweis bei Trumpener, Germany and the Ottoman Empire S. 242 und Anmerkung 97.). И у Циммермана, и у Трумпенера хронология не совсем верна. Так, по документам архива Лепсиус покинул Германию уже в середине июля 1916 г., направившись в Голландию, в то время как у Трумпенера ситуация представлена так, будто бы Лепсиус уехал в Голландию лишь в середине сентября 1916 г. (См. письмо И. Лепсиуса, Потсдам, 14.7.1916—Алис Лепсиус, Фриسدорф-на-Випре, LAN III p 1671/1772),
- 45 Vgl. Der Orient, Potsdam, Jahrgang 1919, S. 31 f.
- 46 Ebenda; vgl. auch: Der Todesgang..., 4 Auflage 1930, S. XXVI.
- 47 Vgl. Der Orient, Potsdam, Jahrgang 1919, S. 32 (Todesgang..., 4. Auflage S. XXVII).
- 48 См. воспоминания Виолы Ашке-Лепсиус, LAN XXII. (1668); Hermann Goltz, Erinnerungen an den Vater. Ein Besuch bei Veronika Lepsius: STANDPUNKT, Evangelische Monatsschrift, 4. Jahrgang, Heft I (Berlin 1976), S. 18—20, speziell S. 19f.
- 49 Vgl. Der Orient, Potsdam, Jahrgang 1919, S. 32 f (Todesgang... 4. Auflage, S. XXVII f.).
- 50 Der Orient, 1919, ebenda (Todesgang..., 4. Auflage, S. XXVI).
- 51 И. Лепсиус, Мерано, 27.11.1925—А. Мсряну, Брюссель (LAN III a 2438).
- 52 Ebenda. Относительно рабочих контактов с М. Миртадянцем см. письма М. Миртадянца, Гаага, 17.5 и 26.5. 1917 г.,—Лепсиусу (LAN III e 1744/1745).
- 53 См. И. Лепсиус, Гаага, без даты (весна 1917 г.—Г.Г.)—лорду Джеймсу Брайсу, Лондон, LAN XII 7(1735). Это письмо указывает на вышеупомянутую переписку во время войны между двумя друзьями армян, представлявшими две враждующие нации.
- 54 The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915—1916. Documents presented to Viscount Grey of Fallodon, Secretary of state of Foreign Affairs. By Viscount Bryce. With a preface by Viscount Bryce. London 1916

(For Official Use. Miscellaneous № 31/1916). Наряду с этой главной работой Арнольду Дж. Тойнби принадлежит приложение на с. 591—653: A Summary of Armenian History up to and including the Year 1915.

- 55 Жесткий спор завязался у него с 80-летним влиятельным христианско-консервативным политиком и публицистом д-ром Абраамом Куипером (1837—1920), который в своем ежедневном политическом выпуске *De Standaard* пытался препятствовать анонимной проармянской деятельности Лепсиуса в Голландии. Куипер являлся основателем свободного университета в Амстердаме (1880), был профессором теологии, церковным и школьным реформатором, руководителем *Г. gereformeerde Kerken*, главным редактором еженедельника *Heraut* и ежедневной газеты *de Standaard*, в 1901—1905 голландским премьер-министром (см.: Wilhelm Kolffhaus, Dr. Abraham Kuiper, 1837—1920. Ein Lebensbericht 2., erweiterte Auflage, Elberfeld 1925). Лепсиус мог в своей проармянской деятельности опираться на представителей голландского либерализма, которые всегда были сторонниками Антанты. Они находились в резком противогечии с Куипером, который упрямо выступал за Германию, и потому принципиально считал необходимым критиковать деятельность Лепсиуса (о разногласиях между голландскими либералами и Куипером см.: W. Kolffhaus, Dr. A. Kuiper, S. 221); к разногласию Куипер-Лепсиус см.: протурецкую статью Куипера в *De Standaard* 30.6.1917; письмо И. Лепсиуса, Гаага 20.9.1917, — д-ру Куиперу (ЛАН XXXIII 1754a). Куипер—Лепсиусу 21.9.1917 (ЛАН XXXIII 1759 b). В своей статье Куипер подвергает сомнению данные Лепсиуса, приведенные в „Сообщении“. При этом против воли Лепсиуса придает гласности его деятельность и распространяется о том, что ширящаяся в Голландии армянская кампания исходит от д-ра Лепсиуса (см. письмо И. Лепсиуса, Гаага, 11.10.1917) д-ру А. Куиперу (ЛАН XXXIII 1759g) и открытку с обвинениями Куипера Лепсиусу 13.10.1917 (ЛАН XXXIII 17-9h). Наряду с этим появляются инспирированные Лепсиусом проармянские статьи в более либеральной голландской прессе: в *Nederlander*, в *Leidsch Dagblatt* и других газетах. Голландские друзья Лепсиуса распространяют также составленные им прокламации на голландском „*De Deportatie der Armeniëns in Turkije*“ (ЛАН IIg 1713).
- 58 См. тайное сообщение И. Лепсиуса, Гаага, 17.11.1917—голландскому проармянскому проповеднику Г. Кофийбергу, Мундерберг, а также Куиперу от независимой *Gereformeerde Kerken* о том, что первая часть его (Лепсиуса) «Сообщения» от 1916 («Факты, с. 3—152) в настоящее время переводится на голландский и что у него есть намерение «переслать этот документ всем проповедникам в Голландии» (ЛАН XXXIII 1764a). Перевод на голландский причинил Лепсиусу немало хлопот, так как переводчик допускал ошибки. Сочинение появилось в июне 1918 г. под названием „*Nederlandsche Comité voor Armenië, Marteling der Armeniërs in Turkije naar berichten van ooggetuigen, Vitg. door het Nederlandsche Comité tot Helpbeefoon aan de noodlijdende Armeniërs, Haarlem: E. Loosjes 1918 (250 S.)*“. См. также немецкий вариант титульного листа и содержания (ЛАН III d 1714).

- 57 См. фрагментарное собрание материалов по этой теме в ЛАН IIIId (1716), среди них набросок «Лиги возрождения армянского народа», принадлежащий перу И. Лепсиуса.
- 58 См. весьма показательное письмо И. Лепсиуса, Потсдам, 16.10.1923 г.—армянскому историку, проф. Айказу Хабешиану, Париж (ЛАН IIIe 2247/2248). Уже во время войны Лепсиус разработал план образования международного общества под названием *Ligue de la résurrection de la nation arménienne*. Программу он передал из Голландии через Агатона Погосу Нубар-паше. После войны Лепсиус считал нежелательным, чтобы инициатива образования лиги исходила из Германии. Поэтому он обратился к своим друзьям в Дании, чтобы и эту идею и программу лиги выдвинули в Лондоне, Париже и Женеве. Карен Йеппе, его близкая соратница, сама взялась за реализацию этого плана в Базеле и Женеве. Через несколько недель после посещения Карен Йеппе Швейцарии в Женеве была образована международная лига помощи армянам (10—11.9.1920). Ее программа не совсем соответствовала программе Лепсиуса (см. также высказывания И. Лепсиуса в его письме, Потсдам, 26.11.1924 г.—руководителю датских друзей армян Ааге Мейеру Бенедиктсену (1866—1927), Копенгаген (ЛАН IIи 2351).
- 59 *J. Lepsius, Das Leben Jesu, Potsdam; Tempelverlag, I. Band 1917, 2. Bd 1918*. Оба тома напечатаны De Erven Loosjes, Haarlem, так же как и голландский перевод его «Сообщения». (См. выше, прим. 56).
- 60 *Prinz Max von Baden, Erinnerungen und Dokumente, Berlin und Leipzig, S. 77, Anm. I.*
- 61 *John Bull. Eine politische Komödie von Johannes Lepsius. Potsdam: Tempelverlag, 1919*. Комедия появилась в марте 1915 г. и была опубликована сначала в ежемесячнике *Der Panther*, 3. Jahrgang, Heft 4 (April 1915).
- 62 *Jesus at the Peace Conference. Minutes of a Meeting of the Council of Three. Published by J. Lepsius D. D., I. Auflage Holland, 1919*. Английские друзья Лепсиуса, руководители оппозиционной Union of Democratic Control, среди которых было много английских друзей армян, с удовольствием напечатали эту сатиру в своем еженедельнике *Foreign Affairs* (И. Лепсиус, Берлин, 18.2.1920,—В. Мюллеру Кюленталю, Голландия, L-АН IIп 1911).
- 63 Отец И. Лепсиуса, известный египтолог Карл Рихард Лепсиус (1810—1884), был близким другом прусского посла Карла Иознаса Фрайгерра фон Бунсена, который в своем англофильстве шел дальше, чем это позволялось прусским королем. Нельзя забывать и постоянное тесное сотрудничество И. Лепсиуса с теологом д-ром Фридрихом Зигмундом-Шульце, который, в отличие от других известных германских деятелей, постоянно боролся против военно-националистической истерии первой мировой войны.
- 64 См. выше, с. 140.
- 65 См. письмо И. Лепсиуса, Потсдам, 19.5.1919—проф. А. Векессеру, Карлсруэ (ЛАН IX 3(1854)).
- 66 См. содержательное письмо А. Исаакяна, Женева, 10.6.1949—И. Лепсиусу, Потсдам, (ЛАН IIIe (1858)).

67 К процессу см.: Der Prozeß Talaat Pascha. Stenographischer Bericht über die Verhandlung gegen den des Mordes an Talaat Pascha angeklagten armenischen Student Sohomon Teiltirian vor dem Schwurgericht des Landgericht III zu Berlin, Aktenzeichen: C. J. 22/21, am 2. und 3. Juni 1921. Mit einem Vorwort von Armin T. Wegner und einem Anhang. Berlin 1921. (Экспертное заключение Лепсиуса—с. 56—61; См. также переводы, среди них и армянский перевод документов процесса); далее—документы многогранных и широких контактов Лепсиуса до и после процесса (ЛАН IIg); совершенно неизвестно журналистское произведение, которое известный и вызывающий горячие споры Максимилиан Гарден, принд ежащий к кругу литературных друзей Лепсиуса, поместил через день после приговора в своем еженедельнике (M. Harden, Teiltirian: Die Zukunft, Herausgeber M. Harden, Berlin, XXIX Jahrgang, № 36, 4.6.1921, 273—294). Только недавно стало известно, какое большое значение имел этот процесс 1921 г. и для новой истории Германии. Среди публики на процессе сидел молодой студент-юрист, еврей немецкого происхождения Роберт М. Б. Кемпнер, в 1945 г.—заместитель главного обвинителя США на Нюрнбергском процессе военных преступников. В 1978 г. 80-летний Кемпнер убедительно засвидетельствовал в своих воспоминаниях, что процесс против Согомона Тейлиряна был для него первым примером судебного дела о преступлении против человечности, который может служить образцом не только для Нюрнбергского трибунала, 1945 г., но и для борьбы со всеми подобными преступлениями. (См. R. M. W. Kempner, Ein Jude Kämpfte für die Rettung von einer Million armenischer Christen. Die Taken des Henry Morgenthau sen.: EMUNA, Israelforum, Heft 3, BRD 1878, S. 34—36.)

68 См. выше, прим. 42.

69 Во время заседания ассоциации помощи Ближнему Востоку в Женеве 29—31.8 1924; см. Der Orient, Jahrgang 1924, S. 74.

70 Там же. Краткую автобиографию Кюндлера (1871—1949), верного соратника Лепсиуса, который с 1899 г. работал в Урфе, был там и в страшные годы—1915 и 1916, а в 1922 г. во время трагичного исхода из Турции, когда Near East Relief должна была перевезти 25000 армянских и греческих сирот на Кавказ, в Персию, Грецию, Сирию, Ливан и Палестину, провел транспорт с более чем 8000 сирот из глубин Турции к Багдадской железной дороге и дальше в Сирию и Ливан, см.: Der Orient 1924, S. 75; Meyer, Armenien und die Schweiz, S. 133, 140—142; см. также: Der Orient, Jahrgang, 1925, S. 7—8; Jacob Kürzler, Im Lande des Blutes und der Tränen. Erlebnisse in Mesopotamien während des Weltkrieges Potsdam, 1921. Эвальд Штир, один из руководителей германо-армянского общества, писал в Christlichen Welt (Jahrgang 36 (1922), Spalte 157), что эта книга имеет „документальную ценность“, т. к. составитель был единственным нейтральным человеком, который пережил ужасные события в Месопотамии от начала до конца. Книга, по мнению Штира, является „лучшей иллюстрацией собрания документов Лепсиуса „Германия и Армения“: тот, кто хочет: судить о депорта-

ции армян, должен прочитать обе книги". См. также: Köbi der Lückenbüßer im Dienste des Lebens. Selbstbiographie von Dr. med. h. c. Jakob Künzler, herausgegeben von Paul Schütz, Stauda—Verlag Kassel, 1951; Köbi—Vater der Armenier. Selbstbiographie, bearbeitet von Paul Schütz, 3. Auflage, Kassel Stauda—Verlag 1967. Для оценки влияния деятельности Лепсиуса показателен тот факт, что Кюнцлер вместе с некоторыми старыми рабскими из Урфы вновь основал в Газире (Ливан) фабрику ковров, в свое время перенесенную Лепсиусом в Урфу (см.: J. Künzler, Johannes. Aus dem Leben unseres Färbers in Ghasir, Potsdam 1926) В конце 0-х годов он получил от ливанского национального собрания „Серебряную медаль Республики Ливан“, так как, благодаря значительному расширению, производство ковров в Газире приобрело для республики хозяйственное значение (см. Mitteilungen der Deutsch—Armenischen Gesellschaft a. V., Berlin, № 1, Juni 1928).

- 71 О Карен Йеппе (1876—1935) см., к примеру: Ingeborg Maria Sick, Karen Jeppe. Im Kampf um ein Volk in Not. Deutsche Übersetzung von Pauline Kläiber—Gottschau, Stuttgart (1929); Jakob Künzler, Dein Volk ist mein Volk Das Lebensbild einer Heldin seltner Art, der Dänin Karen Jeppe. Verlag von Heinrich Majer, Basel und Leipzig, 1939; Alfred Otto Schwede, Geliebte fremde Mutter. Karen Ieppes Lebensweg, Berlin (1974), также статью Карен Йеппе в Der Orient и переписку между Карен Йеппе и И. Лепсиусом и его семьей в разных отделах LAN.
- 72 См. Fridtjof Nansen, Bedrogenes Volk. Eine Studienreise durch Georgien und Armenien als Oberkommissar des Völkerbundes. Leipzig 1928, S. 308ff. В своем обвинении великих держав, которые не сдержали обещаний, данных армянам, Нансен выступает как воскресший Лепсиус.
- 73 См. важное письмо Карен Йеппе, Алеппо, 27.4. 1922,—И. Лепсиусу, LAN XVII (2123), в котором она, между прочим, пишет: «По-моему надо постараться, чтобы армяне могли уйти отсюда (из Сирии), и мои мысли постоянно тянутся к Кавказу, это для меня самое естественное. Присоединение к России самое правильное для армян. Что ты думаешь об этом?... Я бы очень хотела знать, для какой цели ты работаешь, т. к. в конце концов мы определенно будем идти вместе.... Но если кто-нибудь спросит о моем сердце, то оно на Кавказе...».
- 74 См. письмо А. Зорьяна, издателя органа Советской Армении в Берлине, Берлин, 28.II.1924,—И. Лепсиусу, LAN IIIe (2355): приглашение на празднование 4-летнего юбилея образования Советской Армении 1.12.1924, 8 ч., вечера в отеле Дойченгоф; см. также письмо И. Лепсуса, Потсдам, 20.I. 1925,—Грация Тер-Нерсисяну, Париж, LAN IIIe (2381), где Лепсус сообщает о визите А. Зорьяна вместе с его невестой и сотрудниками в Потсдам.
- 75 См. Der Orient, Potsdam, Jahrgang 1925, 141—144 о посещении армянской советской делегацией Берлина; см. также письмо д-ра Джеймса Гринфильда, Берлин, 25.II.1925,—д-ру И. Лепсиусу Мерано, LAN IIIa (2436), в котором Гринфильд, шеф «Армянского ответственного учреждения в Берлине» и

бывший представитель Армянской Республики при германском правительстве, сообщает о своем тесном контакте с советской армянской делегацией «НОК» из Еревана и об их отношении к И. Лепсиусу.

76 См. протокол об образовании ЛАН IIг (2419).

77 См. письмо И. Лепсиуса, Мерано-Обермайс, 28.1. 1926—в правление Его королевского высочества принца Фридриха Леопольда Прусского, Клайн Глиннике, Алтес Шлос, ЛАН IIг (2469).

ՀԱՅՆԵՐՆԵՒՑ ՓՈԽԱՌՅԱԼ ԲԱՌՆԻՐԸ ԱՐԴԻ ԹՈՒՐԳԵՐՆԵՆՈՒՄ

Ժամանակակից թուրք գրականությունից և մասամբ թուրքական արդի բառարաններից դուրս գրած հայերենից փոխառյալ բանավոր և գրական փոխառությունների քանակը բավականին մեծ է: Գուցե զարմանալի թվա նաև այն հանգամանքը, որ հանրապետական Թուրքիայի վերջին հիստուն տարիների ընթացքում, աճում են հայերենից կատարված գրական փոխառությունները: Դրա դրդապատճառներին կանդիդատականք քիչ ավելի ուշ, նշենք միայն, որ թուրքական գրականությունից մեր դուրս գրած բառերի քանակը, առ այժմ, հասնում է 223-ի: Դրանք ստորև ներկայացնում ենք ըստ բնագավառների:

1. Երկրագործական (և դրան հարակից) բառեր, թվով՝ 32:

Ամենաշատ փոխառությունը, ըստ մեր կազմած բառացուցակի, երկրագործության և հողամշակության վերաբերյալ բառեր են, և դա պատահական չէ: Արևմտյան Հայաստան ներխուժած վաչկատուն ցեղերը, նստակեցության անցնելուց հետո, հողամշակությունը սովորում են հայերից, քանի որ վերջիններս իրենց բնօրրանում վաղուց արդեն հմտացել էին տնտեսության այդ ձևում: Երկրագործական գործիքների և միջոցների հետ մեկտեղ երկվոր թուրքերը նույնությամբ կամ հնչյունական տարբերություններով փոխ էին առնում այդ զբաղմունքի հետ առնչված բառեր. դրանք են՝

ակոս> ագոս/հագոս, առատամ>արադամ/արադան, արոս>արոս (հարոս, *գութան>բութան, գործևոր>բորզևիլ, խարազան>հարազան (խորդնտուն իմաստով. նաև՝ խարազանի հոտաղ>հարազան հողաղը), խորիկ>հորիք, *խոփ>հոփ, *հերկ>հերք, հորովել>հորավել, *հոտաղ

* Աստղանիշներ կրողներն այն բառերն են, որոնք ակադ. Հ. Աճառյանի «Հայերեն արմատական բառարանում» քննարկված են որպես փոխառյալ բառեր թուրքերենում, բացի՝ «դարակ», «լուռ», «տուտուռ» բառերից, որոնց փոխառության մասին նշված է նույն հեղինակի «Հայերեն գավառական բառարանում»:

(հոտաղի քար) > հոդաք (հոդաք թաշը), *մաճ > մաշ, Վաճկալ > մաշքալ, մոտկամ > մոդգամ/մոթքամ, փոխնակ > փոխլու, *տափան > թափան, մշակ > մուշաք, հանդ > հանթ, *կամ > գեմ (սիրա, խոտի կապ իմաստով), կամ(ն) > գեմ (կալատեղ իմաստով), կալտավար > գալդավար (տավարի փարախ), *թումբ > թումփ, թեղ > թըղ (շեղշ և արմտիքի կույտ), դեզ > թըզ/թեշ (հացահատիկի, ցորենի դեզ), *ճել > շիլ, *խոզան > հոզան, *աղբուն > ահփուն (գոմաղբ), աղուրի > ահուրա (որթի ճյուղ), աշարա > աշարա (տարեկան), ոռոգ(ել) > արըբ, *պարան > բարան, *չորս(նոց) > չորոս (չորս եղով արոր):

Հետաքրքրական է նշել, որ ներկայացված այս բառերի մի քանիսը թուրքերեն գրական լեզվում ունեն իրենց համապատասխան հունարեն փոխառությունները [26, էջ 84 և 2, էջ 306, 308]։ Իսկ դա մի անգամ ևս հաստատում է, որ եթե թուրքերը Արևմտյան Հայաստանում երկրագործություն ընդօրինակել են հայերից, ապա Փոքր Ասիայի արևմուտքում հաստատված թուրքերը՝ հույներին:

2. Կենդանիների (միջատների) անվանումներ և անասնապահական բառեր, թվով՝ 19:

անիծ > անըզ, թստան > թսթան (միջատը), *թրթուր > թըրթըր/թըրթըլ, իշամեղու > աշմեղուն(ն), *փեթակ > փեթեք, *բուլն > փին, թառ > թար, անաճ > անաշ, բադիկ > բադիք, *գոմ > քոմ, գոմեշ > քյոմյուշ, *մոզի(կ) > մոզաք/մոզիք, *էշ > էշեք, *նախիր > նահըր (նախարպան ձևից՝ նահըրը), *քուռակ > քուրիք/քուրաք, *տավար > դավար, կեր(ակուր) > աքուր (անասնակեր), *կոպտոն > քյոֆթյուն, *մսուր > մյուսուր:

Ինչպես նշում է Նաջի էրենը «Քուլտուրների գաղթը» հոդվածում, քոշվորն այն մարդն է, որ իր ապրուստն ապահովում է մանր եղջերավոր անասուններով [31, № 362, էջ 8772]: «Տավար, մոզի, նախիր, գոմ» բառերի փոխառությունը խոսում է այն մասին, որ թուրքերը խոշոր եղջերավորների անասնապահությամբ սկսել են զբաղվել հայերի հետ շփվելուց հետո: Այդ է վկայում նաև պրոֆ. Դ. Ն. Նրեմենը «Թուրքերի ծագումը» աշխատության մեջ [2, էջ 308—309]:

3. Բույսերի անվանումներ (միրգ-բանջարեղեն), թվով՝ 15:

արած(ել) > արազ (մի տեսակ խոտ), *անանուխ > աննըբ/անուխ, *ավելուկ > էվելիք, *բազուկ > փեզիք, *բանջար > փանջար, *փրփրեմ > փիրփիրեմ/փերփեր, *կորնգան > քորունգա, թևք > թեվեք, *պատիճ > բադըշ, սալոր > սալոր (նաև որպես ազգանուն), անկուտ > անգութ, ծիլ/ծել > զիլ/զիլենմեք, անտախ > անդաք, արքատ/արգատ > արքըթ (որ-

թատնկի կտրված ավելորդ ճյուղերը), մոլ>մոլ (ծառի բնի կողքից ծլած երկրորդական ճյուղ)։

4. Շինարարության և կացարանի վերաբերյալ բառեր, թվով՝ 24։

վարպետ>բարբեթ, *հիմ(ք)>հիմ, *հյուղ/խուղ>հուղ, մառան>մարան, *մարագ>մերեր, դարակ>թերեր, *գերան>քերան, *մարդակ>մերթեր, *առաստաղ>արասթաք, *ձող>զող/սող, *բակ>փեգ, *կափանք>քեփենք, *դուռզոց>թըրքազ, սողնակ>զողնա, *գամ>քամա, *քարուկիր>քարգիր, *խիպար>հըբար, որմ>արմ, պատ/պատել>բաթ/բաթլամաք, *սալ/սալաքար>սալ/սալթաշը, *ջորդրան>չյորթեն, ապարահ>արարա, *ագուգա>աքուքա, *գուռ(ն)>քուռնա։

5. Արհեստների և գործիքների վերաբերյալ բառեր, թվով՝ 9։

մուրճ>մուրչ, կեռ>գեր, *կաճ>քեչե, թեշի/թեշիկ>թեշի/թեշիք, առէջ(ք)>արգաչ, *մաղման>մաղման, մանած>մանազ/մանը, *խաշիլ>հաշըլ, զող(եւ)>զող(լամաք)։

6. Կենցաղային և տնային տնտեսության իրերի վերաբերյալ բառեր, թվով՝ 18։

*իլիլիկ>իլիլիք, *քարման>քիրմեն, *լող/լողքար>լող/լողթաշը, *թեկ>թեկ, *խաչերկաթ>հաչիրգեթ, կթեկիք>քաթիլիք, կարաս>քերես, *կուլա/կուլակ>քյուլեք, *ճաղ>ջաղ, *պատրույգ>բադրուք/բեդիրիք, պարզուն>բարզուն (մածուն, պանիր քամելու տոպրակ), *սավան>սավան, *տաշտ>թեշթ, *ցախավել>սաքքավուլ, *փարտիչ>փարդիլ/բարդըլ, *շուրթ>շուրթ (թոնրի կամ ամանի), գրտնակ>քինդիրեք, եփիչ>էփիչ (կաթսա՝ որի մեջ եռացնում են կանեփի թեւերը)։

7. Սննդեղեն, ճաշատեսակներ, թվով՝ 16։

աղուն/աղոն>աղուն/աղոն, ապուր>աքուր, պաղապուր>բաղաքուր, *բաղարչ>փագաչ, բանդակ>բանդաք, բորանի>բորանի, *գաթա>քեթե, լավաշ>լավաշ, *լոռի (պանիր)>լուր (փեյնիրի), կլիկ>գըլիք, *հատիկ>հեդիք (խաշած ցորեն), *յուղ>յաղ, *չիր>չիր, *չորթթու>չորթութու, *սոխարած>սոխարաչ, *պաստեղ>բասթըք։

8. Պարատեսակներ (եղգեր), թվով՝ 25։

*պար>բար, հորան>հորան/հորոն, մի շարք պարեր՝ աղչիկ>անչիք, պարտեզ>բարդըզ, շափ>շափ, լավիկ>լավիք, պատրույգ>բեդիրիք, պզտիկ>բեզդիք, գաթա>քեթե, առատու(ս)>զուզու(մ), դուդումաման, վարդավառ>վարդիվուր, դե շորորա>դեփ շորորա, հոյ նար>օյնար, քաղոց>քաղոս, գովենք>գյովենք, քաշենք>գաշենք, գութանապար>քոթանապար, քեշի>քեշի, քունջութ>գոնջութ, ծափիկ>չափիք/չեփիք, տասնըչորս>դասնիչորս, պռչ>փյոչ, պռչիկ>փռչիք, վար-

ձակ> վարսաղը. ինչպես նաև հայկական անձնանուններով և տեղանուններով պարեր-պարերգեր՝ Գյումրի պար, Համշենի հորան, հին Համշեն (էսքի Համշեն), Տյուրիկ, Մարո, Թելլու:

(Վերևում ընդգծված բառերը տրված են տարբեր բառախմբերում՝ իրենց բառարանային իմաստներով և որոնք հետագայում զեղչված են փոխառյալ բառերի գումարից):

Սկսած «պար» բառից, որն ի հնճուկա պարարվեստի ուսուցիչ և «Պարեր» («Barlag») գրքի հեղինակ Ս. Յ. Աթամանի, ո՛չ թե «միջին ասիական» [22, էջ 27], այլ հնդկարոպական-հայաստական ծագում ունի [25, էջ 108]: Հայկական անվանումներ կրող պարատեսակների, պարերգերի այսքան ճոխ յուրացումը (որը մեր ցանկում ամբողջական չէ հավանաբար) հարևան թուրքերի կողմից, ցանկանում ենք հանձնել մեր երգարվեստի և պարարվեստի մասնագետների ուշադրությանը: Մասնավորաբար «էրմենի բարլարը»—«Հայկական պարեր» բառակապակցությունը՝ որպես խմբական պարանուն, որին մենք հանդիպել ենք [31, էջ 7979], պեճախոս ապացույց է այն մասին, որ թուրքերը բաղմաթիվ պարեր սովորել և օրինակել են հայերից, որոնց մի մասը նըշված է վերևում: Եվ ոչ միայն հայերից՝ այլև հարևանությամբ ապրող լազերից, հույներից և մանավանդ քրդերից: Թվում է, թե՛ «Բասսո», «Հեխիթո», «Ջեյնո», «Քյուրդյուն քըզը» (Քրդի աղջիկը), «Քյուրդ հալասը» պարանունները այդ են հուշում: Մենք շեշտեցինք այս հանգամանքը, քանի որ Թուրքիայից միջազգային բեմ դուրս եկած պարախմբերը այս բոլորը թուրքական արվեստ են ներկայացվում օտարներին:

9. Տարբեր բնույթի բառեր, թվով՝ 63:

աղչիկ> ահլըք, տղա>ղըղա, եղբայր> ահբար, *թող(ն)> թորուն, պզտիկ> բըզդըք, *թագավոր> թեքֆուր, *քավոր> քիրվե, *տուտու> դուդու, *մորուք> մորուք, *կուզիկ> գուզիք, *փնթի> փընթի, *ժամկոչ> զանգոչ, *խաչ> հաչ, կաթողիկոս> քաթագիթոս, վարդավառ> վարդիվոր, *շալակ> շեխեք, *պոչ> փոչ, *պոչիկ> փոչլուք, *ապրիլ> արբըլ/արբըլ (ամիսը), ապրի՛ս> արբիս, մայիս> մայլս, ապուշ> արուշ, *ավանակ> ավանաք, կոտոշ> քոդոշ, տասնհինգ> դասնիք, պակաս> բագաս (պակասամիտ), *կոպիտ> քուբաթ, *շիլ> շիլ, կոտ/կոտիկ> քոդ/գոդիք, կուրիկ> գուրիք, *շինիկ> շինիք, *անդունդ> թանթուն, *կապան> քեքեն, անթեղ> անթըղ, *մոծիր> մըջըր, երտ> արըթ/օրդ, զնդակ> զընթաք, *տեփուր> թեփիր, լափուկ> լեփիփե (տափակ քար), լիկ> լիդ, *շեն> շեն, *շիվ> շիֆ, աշուղ> աշուգ, անիծած> անիզադ, *անուշ> անուշ,

անոշ, ճար>ջար, *փշուր/փսոր>փուսուր, *փերթ>փըրթը, *փոթ>փոթ, ավանդ>ավաթ, *անարատ>անարաթ, *դատարկ/դարտակ>դերդեր, խանութ>հանոթ (նաև՝ «հանոթշու», միջնորդ իմաստով), *խավ>հավ, մեկ>մեք, *չափ>չափ, *շերմուկ>շերմիք, *օրինակ>օրնեք, հակառակորդ>հագարագորդ, փոթորիկ>փեթիփեք, *սարփինա>սերփենե, մրուր>մուրուր, *փարթ>փարթ (քաղիթ, փորոտիք):

10. Մի քանի դարձվածքներ և բառաբարդություններ, թվով՝ 12:

ազը քիչ<շատ քիչ, ափազ<ափ+ազ, անդըրա քալասը< *անտեր մնաս, զըրզըրին կերթաս< «իզուր կերթաս, ոչինչ էլ չես կարող անել» իմաստով), ջըրբըթլը<ճրպոտ/ճպոտ, ջերմաք չուր<ճերմակ ջուր, մադիք աթմաք<մատիկ նետել, մեղա ասվազ<մեղա աստված, բաշ էթմեք<պաշել/պաշ անել, գըրզըրլամաք<գլտորել, հանզո<ծո՛, ա՛յ տղա, արուր ջուրուր<ապուր ճուպուր:

Թյուրիմացությունների տեղիք չտալու համար, նշենք, որ մեր ներկայացրած բառերից 51-ը պահլավական, ասորական, խեթական, հունական, արաբական, կովկասյան և այլ ծագում ունեն: Սակայն նախքան հայ և թուրք ժողովուրդների հարաբերությունները, դրանք անցել են հայերեն լեզվի բառաֆոնդը: Հետևաբար, այդ բառերը անմիջական փոխառություններ են հայերենից՝ թուրքերենում:

«Պարատեսակներ» բառախմբում կրկնված 10 բառերը զեղչելուց հետո, մնացյալ 223՝ բառերը մենք դուրս ենք գրել օգտագործելով արդի թուրք գրականության մոտ 80 աղբյուր: Ակադեմիկոս Հ. Աճառյանը, որն օգտվել է միայն հայկական աղբյուրներից, դրանցից 111-ն արդեն քննարկել և ստուգաբանել է «Հայերեն արմատական բառարանում» [33]: Ուրեմն, մեր պրպտումների շնորհիվ փոխառյալ այդ բառերի քանակն ավելանում է 112 բառով ևս, որոնց մեծագույն մասը թուրք գրականության մեջ սկսել են մուտք գործել երեսնական թվականներից՝ օտարամուտ բառերը թուրքերեն լեզվից զտման տարիներից: 1979 թ. թուրքերեն լեզվի միության նախաձեռնությամբ վեցերորդ տպագրության արժանացած, և հետևաբար, ամենից հավաստի «Թուրքերեն լեզվի (բացատրական) բառարանում» [35], մեր հավաքած 223 բառերից կա միայն 89-ը, սակայն դրանցից նշված է միայն երկուսի՝ «խաշ» և «ծամկոշ» բառերի հայկական ծագումը: Հայազգի բառարանագիր Փարս Թուղլաջըի (Բարսեղ Թուղլաճյան) 1978 թ. երկրորդ տպագրությամբ լույս ընծայած վեցհատորանոց և նույնքան հավաստի ու բարձրարժեք «Ովկիանոս թուրքական հանրագիտական բառարանում» [34] մեր թվարկած բառերից կա 93-ը, որոնցից միայն 29-ի կողքին է նշված հայկա-

կան ժագումը: Նշանակում է, հայերենից փոխառյալ բառերի բառարանային շրջանառությունն արդեն հասնում է բավականին նշանակալի քանակի:

Թվական այս տվյալների հիմքի վրա ինչպիսի՞ ընդհանրացումների և հերակացությունների կարելի է հանգել՝ թուրքերենից հայերեն և ապա հայերենից թուրքերեն փոխառյալ բառերի այժմյան քանակի վերաբերյալ:

Ինչպես ակադ. Հ. Աճառյանն է նշում, տարբեր ժամանակաշրջաններում և տարբեր վայրերում, հայերենում թուրքերենից բանավոր փոխառությունների քանակը հասել է 1000—4000-ի [1, էջ 272], սակայն, XIX դարի կեսերից հետո, հայ ժողովրդի մշակութային նոր զարթոնքին զուգահեռ, բոլոր այդ բառերը մերժվել են հայերեն գրական լեզվից, որոնցից «20 բառ» օգտագործվում է այժմ [նույն տեղում] (մենք, անշուշտ, այս հաշվի մեջ չենք մտցնում աղբրեջաներենից փոխառյալ բառերը): Իսկ դրա փոխարեն, թուրքերեն գրական լեզվում ներկայումս շատանում է հայերենից փոխառյալ բառերի քանակը: Դրան նպաստում է «հարազատ թուրքերենի» շարժումը, որն սկսվել է երեսնական թվականներից և որի հիմնական նպատակն է՝ թուրքերենից արմատապես արտաքսել նախկին արաբա-պարսկական փոխառությունները: «Մաքրամոլություն» այդ շարժումը շարունակվում է առավել բուռն թափով: «Հետազոտելով հին լեզվական հիշատակարաններ,—գրում է թուրք լեզվաբան էմին Օզդեմիրը,—մեր լեզուն հարստանում է կարևոր մի նախաձեռնության շնորհիվ և վերագտնում իր լեզվական հարազատ արժեքները: Սկսած XIII դարից, ուսումնասիրվել են թուրքերեն լեզվով գրված 227 երկ: Ժողովրդական խոսվածքներից քաղված այդ բառերը, ներառնելով բառարանների մեջ, դրանք ներկայացվում են նրանց, ովքեր սիրում են թուրքերեն լեզուն և ցանկանում օգտվել այդ բառական գանձարանից» [30, № 222, էջ 85]: Համանման միտք է արտահայտում քերականագետ Քեմալ Դեմիրալը. «Տեղական խոսվածքներում,—գրում է նա,—կան այնպիսի բառեր, որոնք օգտագործվում են երկրի մի որևէ շրջանում, մեկուսացված են խոսված վայրերում և դեռևս չեն օգտագործվում ժողովրդի լայն շրջանակների կողմից: Այդ բառերը հավաքում են և ներկայացնում նրանց, ովքեր ցանկանում ին օգտագործել: Եթե բառն ընդունելություն է գտնում, լեզվի բառապաշարը հարստանում է» [5, էջ 139]:

Այսպիսով, Անատոլիայի տարբեր շրջաններից և տեղական բարբառներից քաղված այդ բառերը, որոնք նախ ամփոփվում են գավա-

ռական բառարաններում, ապա տեղ են գրավում առավել զանգվածա-
յին տպաքանակով լույս տեսնող բառարանների մեջ, հետզհետե մըտ-
նում են ընդհանուր լեզվի բառաֆոնդը և օգտագործվում և՛ խոսակցա-
կան, և՛ գրավոր լեզվում: Դրանցից են, օրինակ՝ հայերենից փոխառյալ,
հերթահերկ, քիրվեքավոր, լիդ<լիկ/լիճ և հեղիք<հատիկ բառերը,
որոնք ներմուծվել են 1979 թ. «Թուրքական բառարանի» 6-րդ տպա-
գրության մեջ [35], այնինչ, դրանք չկան նախորդ հրատարակութուն-
ներում:

Այն «նորաբանությունները», որոնց մի մասը, եթե մի կողմից
ստեղծվում է թուրքերեն լեզվի ներքին հնարավորություններով, մյուս
կարևոր մասը ներմուծվում է Միջին Ասիայի թյուրքախոս ժողովուրդ-
ների լեզուներից, և մասնավորաբար, Անատոլիայի և Արևմտյան Հա-
յաստանի տարբեր շրջանների խոսվածքներից: Եվ հենց այս շրջանների
խոսվածքներում է, որ որոշակի տեղ են գրավում հայերենից փոխառ-
յալ բառերը, որոնք լայնորեն օգտագործվում են նաև գավառային շր-
ջանների կյանքն ու կենցաղը պատկերող գեղարվեստական երկերում:

Մեր ձեռքի տակ գտնվող թուրք գրականությունից հավաքած 223
փոխառյալ բառերը դեռ մի մասն են այն ընդհանուրի, որն օգտագործ-
վում են Թուրքիայի զանազան շրջաններում: Մեր ներկայացրած բառերի
մեջ չենք ներմուծել Հ. Աճառյանի արմատականում քննված ևս 122 բառ,
որոնց մենք չենք հանդիպել մեր ընթերցած գրականության մեջ, որոնք
չկան նաև արդի թուրքական բառարաններում, և դրանք ընդհանրապես
վերաբերում են բանավոր փոխառություններին: Նույն շարքին են պատ-
կանում լամիլ>լեմիլ, հեծան>հեզան, փունջ>փունչ բառերը, որոնք,
1980 թ. օգոստոսին Անտիոքից հյուր եկած պ. իս. Գաղըյանի հավաս-
տումների համաձայն, մեր թված մոտ 30 այլ բառերի կողքին այժմ
օգտագործվում են շրջանի թուրքերի կողմից:

Ջանց առնելով բանավոր փոխառությունների 129 բառ (որոնց
զգալի մասն օգտագործվում է թուրքական գեղարվեստական արձակում),
ներկայացնում ենք միայն գրական-բառարանային փոխառությունների
94 բառ՝ համապատասխան թուրքական աղբյուրներով:

Թուրքական գրականությունից վերցրած և ընդգծված փոխառյալ
բառն իր մեջ բովանդակող նախադասությունները տրված են թուրքերեն
լեզվով, որոնց հայերեն թարգմանության կողքին նշված է աղբյուրը՝
ըստ «Մանոթագրություններ»-ի: Թուրքական երեք բառարաններից
դուրս գրված փոխառյալ բառերի նշանակությունները տրված են հայե-
րեն թարգմանությամբ:

Բառերի ծագման և ստուգաբանության համար, մի շարք հայերեն և օտարալեզու բառարաններում որոնումներ կատարելուց հետո, հիմնականում մեզ ուղեցույց ենք ընտրել ակադ. Հ. Աճառյանի «Հայերեն արմատական բառարանը»:

94 բառերից (որոնց 44-ը հայերենից փոխառյալ են նաև տարբեր լեզուներում՝ քրդերենում, վրացերենում, պարսկերենում և այլն) 46-ը հնդեվրոպական ծագումով բնիկ և կամ ածանցավոր ու բարդ հայերեն բառեր են, 21-ը հայերենում հնում փոխ առնված բառեր, իսկ 27-ը չմեկնված բառեր, որոնցից 10 բառ Փարս Թուղաշըրի «Օթյանուա» [34] բառարանում նշված են հայկական ծագումով:

Ահա այդ 94 բառերը՝ ալբուրենական կարգով.

աճաճ>աճաչ „[Çoban] koyunları otarırken bir gün *anaç* koyunu *sagına* getirir, —“ [Հովիվը] մի օր, ոչխարներին արածելիս, մի աճաճ ոչխար է բերում, աչ կողմը դնում» [31, № 347, էջ 8351]:

«Անաչ» բառը Թուրքերենում բաղմիմաստ բառ է. 1) ծննդաբերելու ի վիճակի մայր, անասուն, մրգատու ծառ, 2) միջին տարիքի հասուն կին, 3) բնավորությամբ և կազմով՝ մոր նմանվող, 4) խոշոր, դախացած, 5) ծերունի, 6) մայրացած, շատ վառեկներ ծնած հավազգի, թռչուն և կաթնատու անասուն, որն այլևս ծննդաբերելու կարողությունից զրկված է, 7) շամուանացած, ծերացած կույս, և այլն [34, 35, 36]: Առաջին երեք իմաստներով Թուրքերեն բառ է, որ կազմված է *ana*+*ç* (անա+չ)՝ մայր և չ գոյականակերտ ածանցով [10, էջ 41] և համապատասխանում է առաջին երեք իմաստների բացատրության: Հաջորդ 4, 5, 6 և 7-րդ իմաստներով համապատասխանում է հայերեն «անաճ» բառի ժխտական առումներին, և այս դեպքում, փոխառություն է հայերենից:

անդունդ քանթուն. «սպանել», «մեռցնել» կամ «փորձանքի ենթարկվել» իմաստներով օգտագործվում է «Թանթունա գիթմեք» — «Թանթունի զնալ» (աանդունդը ընկնել) դարձվածքում [34, 35]:

անիծ>անըգ. «անիծ ոչիր». հունձից հետո խոզանների վրա գոյացող և մարդկային մարմնի վրա քոր առաջացնող փոքր միջատ» [34, 35, 36]:

անկուտ/ի/>անգըք/անգուլի/անգութ. 1) «բադի նմանվող, կղմիտրագույն, վայրի թռչուն, որը կարելի է ընտանեցնել», 2) «պնդադուլս, ապուշ, անբան» [34, 35], 3) «մի տեսակ առանց կորիզի (անկուտ) թութ» [36]:

անուշ>անուշ/անուշ. «սիրելի», «մտերիմ» [33]: „Bir az daha da-

yan, anox, dedi Dilan"—"Մի քիչ էլ համբերիր, անոշ,—ասաց Դիլանը | 19, էջ 8|,

աշուղ>աշուգ. «հայ ժողովրդական բանաստեղծներին տրված անուն» [34]; «Ermeni Aşug'larının isimleri ve kullandıkları musiki aleti».—«Հայ աշուգների (աշուղների) անուններն ու նրանց օգտագործած նվագարանները...» [13, էջ 268];

ապարահ>աբարա. «չրի ճանապարհ՝ արտերի մեջ» [36];

ապուր>աբուր. օգտագործվում է «աբուր ջութուր» արտահայտության մեջ՝ խառնիխուռն կերված բաներ, տեղի անտեղի խոսք, գործ, արարք իմաստներով [34, 35]; նաև՝ պաղապուր>բաղաբուր. «Հոբուց և ծեծած ցորենից պատրաստվող, խյուսի նման թանձր ճաշ. հարիսա» [36, հ. II, էջ 473];

առաստաղ>աբասքաք. հ. ծ. բ. [34], «Dam kesiklerine arastak da denir»—«Կտուրի գերաններին առաստաղ էլ են ասում» [23, էջ 92], Տե'ս նաև «մարագ» բառը;

առեղ/բ/>աբգալ/աբգել/աբքալ. 1) Arkaç: Dokuma tezgâhlarında enine atılan iplik—«Հյուսվածեղենի դազգահներում լայնքին ձգվող դերձանին առեղ ասում են» [10, էջ 41], 2) «Հյուսվածեղենի դազգահներում մագոզի մեջ դրված դերձանը» [36];

ավանակ>ավանաֆ. հ. ծ. բ. [34], նշանակում է «քուռակ». փխբ. «հեշտ խաբվող, միամիտ, անբան» [34, 35]; «Elinin kôrûydû, avanak»—«Գրողի ծոցը, ավանակ» [14, էջ 7];

ափ>ափազ. 1) հ. ծ. բ. [34], նշանակում է՝ «մի ափի չափով, լիքը բռնով», 2) «Hapaz, apaz (Erm.): Ele geçirilmiş, bahşis»—«հափազ, ափազ (հայերեն բառ է). ձեռք բերված որևէ բան, նվեր (մաշարիչ)» [31. № 309, էջ 7289], 3) ափազ՝ նշանակում է «ապտակ» [36];

Գավառական թուրքերենում «ազ» նշանակում է՝ մի բանի ներսի կողմը [36];

բաղիկ>բաղիֆ. «բաղի, սագի և նման հավազգիների ճուտ, ձագ» [35];

բազուկ>փազու/փեզիֆ. «ճակնդեղի տերև» [33, 34]; «Bostan pezik degil mi? /Yûrek ezik degil mi?»—«Սա բազուկի բոստան է՞, Իսկ իմ սիրտը տրտում չէ՞» [31, № 279, էջ 6460];

բանջար>փանջար. հ. ծ. բ. [34 և 2, էջ 308]; Տե'ս նաև «մարագ» բառը;

բորանի>բորանի «Բրնձով և շոմինով և կամ նման մի բանջարեղենով, վրան մածուն լցրած ճաշատեսակ» [34, 35]: „Perper boranına sarmısaklı ayran katılır“ — «Փրփրեմով պատրաստած բորանու վրա սխտորով թան են լցնում» [23, էջ 39]:

«... և բորանին նույնպես պատ օրվա ուտելիք էին» [27, էջ 97]:
գաթա>քեթե. «Kete: Ekşimiş veya ekşimemiş hamurdan yapılan bir çeşit çörek. Umumiyetle yuvarlak olarak yapılır «Գաթան թթու կամ անթթու խմորով պատրաստվող մի տեսակ կարկանդակ է: Ընդհանրապես կլորածե է լինում» [31, № 359, էջ 8676]: Որպես պարատեսակ կա նաև՝ „Kete oyunu“ — «Գաթայի պար» [31, № 331, էջ 7907]:

գամ>ֆամ. հ. ծ. բ., 1) «դաշույն», 2) «ծառի բունը ճեղքելու համար օգտագործվող սրածայր, տափակ, լայն գամ՝ սեպ» [34]:

գուրան>քուրան. Nasıl *kotan hopu* toprağı yarararak *evelğin* kökünü ezer, çıkarır, beylğin de öyle kökünü kazıp çıkarmak gerekir“ — «Ինչպես որ գուրանի խոփը հողը ճեղքում և ավելուկն իր արմատով տրորում, պոկում է, նույնպես անհրաժեշտ է բելբրի արմատը փորել, տեղից շարտել» [19, էջ 37]: Նաև՝ որպես պարատեսակ. «*Maro ve kotana harları* oynayanlar bu gün pek kalmamıştır.» — «Այսօր, Մարոյի և գուրանի պարերը պարողներ համարյա չկան» [22, էջ 55]:

գուռ(ն)>քուրնա. „Taş *kuruna* kırk yıllık şarap dökerек“ — «Քառասուն տարվա գինին քարե գուռին թափելով...» [31, № 137, էջ 2285]:

դարակ>քեքեք. „Elindeki kurulama bezini ocak gerisindeki ipe astı ve kop—*teregin* yanındaki aynaya bir göz attı“ — «Զեռքի սրբիչը օջախի ետևում գտնվող առասանին կախեց և մի հայացք գցեց խուլ (պատի մեջ փորված) դարակի քովը գտնվող հայելուն» [27, էջ 32]:

դուռգոց>քըրֆաւ. «դռան մղլակ, սողնակ» [34, 35]:

եղբայր>անքար. հ. ծ. բ., [34]:

էլ/իշակ>էլեֆ. [34, 35]:

թագավոր>քեքֆուր. հ. ծ. բ. [34]: „...ayrıca, Ermeni tekfurı da...“ — «...բացի դրանից, հայոց թագավորն էլ...» [13, էջ 254]:

թել>թել. «դերձան, լար» [34, 35]: 1— „*Telis: Bitkisel tellerden* seyrek örülür büyük torba“ — «Թաղիսը (թաղիք) բուսական թելերից ցանցառ կերպով հյուսված մեծ տոպրակ է» [23, էջ 87]: 2—

„Elektrik nakleden tellerdeki iplikleri ve kauçukları doyuncaya kadar yedi“—«Մինչև փորը կշտանալը, էլեքտրական հոսանք փոխադրող լաբերի մետաքսներն ու կաուչուկները կերավ...» [21, էջ 54]:

բոռ/ն/ > բոռում. [34, 35]:

բրբուր > բրբբբբ/բրբբբ. „Turtıl da yaptıkları yer. Eskiden dalları sallıyarak turtılı dökerlerdi“—«Բրբուրն էլ տերևներն է ուտում: Հնում, բրբուրները վալր գցելու համար ճյուղերը թափ էին տալիս» [23, էջ 20]:

քևք > քելիք. „İlkbaharda, kışın soğğundan korumak gayesiyle, taşlarla bastırılmış tevekler kaldırılır—«Գարնանը, ձմռան ցրտից պաշտպանելու նպատակով քարերով ծածկված քևքերը բարձրացնում են» [23, էջ 19]:

ծամկոչ > զանգոչ. հ. ծ. ք. [34, 35]: „Zangoç, çanın iplerini çektiği için“—«Ծամկոչ է, քանի որ զանգի պարաններն է քաշում, [9, էջ 98]: „Jamgoç Varujan'ın geldiğini gördü“—«Տեսավ, որ ծամկոչ Վարուժանը գալիս է» [3, էջ 57]:

իլ/իլիկ > իլ/իլիկ. „Ağır sak: İgin alt ucuna takılan değirmi ağırlık“—«Թեչիկ է կոչվում այն բոլորակաձև ծանրութունը, որն անցկացնում են իլի ներքևը» [23, էջ 51]: «Էլիլ՝ քարման է կոչվում այն գործիքը, որի միջոցով բուրդ են մանում» [36, հ. V, էջ 1716]:

լավաշ > լավաշ. «Էրզրումի և Կարսի ժողովրդական լեզվում՝ թոնրի վրա եփվող բարակ հացին լավաշ են ասում» [31, № 178, էջ 3410]: Տե՛ս նաև «լոռ» բառը:

Թուրքերենում l (ինչպես նաև ǵ և r) տառով սկսվող բառ չկա [24, էջ 26]: Ըստ այսմ, Թուրքերենում l-ով սկսվող բառերը, բացի բնաձայններից, բոլորն էլ փոխառյալ են օտար լեզուներից:

լիկ/լիճ > լիկ. «Կամի և ավազի ցեխակույտ, տիղմ, որը բերում և թողնում են հեղեղները» [35]:

լող > լող. «Քարի գլան, որն օգտագործում են ճանապարհների, կտուրների հողը ճնշելու, կամ արտերի հողերը տրորելով հարթելու համար» [34, 35]: „Çıktım dem loğlamaya/İndim yar yollamaya“—«Ելա կտուրը լողով հարթելու ծած իշա լարիս ճամփա դնելու» [Ժող. երգ: Թուրք երգիչ Բուհի Սու-ի երգապնակների ծրարի վրա տպագրված սողերից: „Loğtaş gibi yuvarlanmaya başladı“—«Սկսեց լողքարի պես գլորվել» [20, էջ 312]:

լոռ (պանիր) > լոր փեյնիրի. «Թարմ, փափուկ և անալի պանիր» [34, 35 և 32]: Zübeyt beyin ortalanca karısı bir topak loru, iki la-

vas ekmeği ile atar gibi attı önüne"—«Զուրբիթ բելի միշնեկ կինը (հրեքից երկրորդը. ծնթ. Խ. Ա.) երկու լավաշ հացի հետ մի գունդ լոռը նետելու պես նրա առաջը գցեց» [1, էջ 77]:

խաշիլ>հաշըլ. «Տեքստիլագործության մեջ օգտագործվող ալյուրի կամ շրեշի լուծ» [34, 35]:

խաշ>հաշ. հ. ծ. բ. [34, 35]: «Altın haça elimi basarım»—«Ոսկե խաչի վրա ձեռքս կդնեմ» [11, էջ 63]: Պատմական երկերում օգտագործվում է «հաշը սեֆերլերի»—«խաչակիրների արշավանքներ», իսկ գավառներում խաշերկաք>հաշիրգեթ բառը [31, № 245, էջ 5492]:

խավ>հավ. «Կերպասների և թավշյա կտորների մակերեսին վրա նուրբ, բարակ աղվամազ» [34, 35]:

կաճ>քչե. «Halı yayılmazsa, yerine keçe ve palaz, ya da kilim veya *cicim* serilir»—«Եթե գորգ չեն փռում, դրա փոխարեն քաղիք (կաճ) կամ փալաս և կամ կապերտ կամ ցեմիմ են փռում» [23, էջ 6]: Տես նաև՝ «պոչիկ» բառը:

կարաս>ֆերես. «Մեծ և խորը քարենավ (խավյակ)» [34, 35]: «Hamur kersen!»—«Խմորի կարաս» [31, № 189, էջ 3515]:

կափանք/փականք>քեփենք. հ. ծ. բ. [34]: «...akşam üstü dükân kaparken... kepenkleri indirdi»—«...երեկոյան, խանութը փակելիս... փականքները (փեղկերը) իջեցրեց» [21, էջ 52]:

կոպիա>քուբաթ. հ. ծ. բ. [34]: «Karı benden cahil, üstelik *ku-bat*»—«Կինը ինձանից էլ տգետ է, առավել ևս կոպիա է» [14, էջ 15]:

կոպառն>քոֆթյուն. «Արշառներին տրվող բամբակի կամ շուշ-մալի սերմերի մնացորդ, կեր» [34, 35]:

կուլա/կոյլակ>քուլեք. «Filito'nun anası köpüklü süt *küleğini* evin köşesine koydu»—«Ֆիլիթոյի մայրը, փրփրալի կաթի կուլան դրեց տան անկուռնը» [18, էջ 159—160]:

կոտոշ>քոգոշ/գոգոշ. հ. ծ. բ. «եղջուր» և փխբ. «կավատ» իմաստներով [34]: «Ülen Aşır, ben demedim mi ki bu hacı *godosun* ta kendisi!»—«Տո՛ւ Աշիր, ես չասացի՞, որ էս Հաշին իսկական կոտոշ է...» [6, էջ 20]: «Bu sakallı *godos* boş veriyor, kardeşim»—«Էս միրուքավոր կոտոշը մեզ բանի տեղ չի դնում, աղբերս» [15, էջ 39]:

կորնգան>ֆարնգա. «վայրի առվույտ» [35]:

հառիկ>հեդիֆ. խաշած ցորեն [35]:

հակառակորդ>հագարագորդ. հ. ծ. բ. «բռնավոր, դավաճան. բե-մում՝ ախոյանի դերով հանդես եկող (դերասան)» [34]: «Hagaragortçai davranmak olmaz»—«Պեսք չէ հակառակորդի պես վերաբերվել»:

(Հեքիաթագիր Վ. Իմալլանը 28 հունիսի 1980 թ. նամակով մեզ հայտնեւ է, թե ալբ խոսքն օգտագործել են թուրք գրողներ Նազրմ Հիքմեթըն ու Քեմալ Թահիրը՝ իրենց փոխադարձ նամակներում):

հերկ>հերք. „Bahar herklerinden... kirlarda geceleyenler...“ — «Գարնանալին հերկերի ժամանակ... դաշտերում գիշերողները...» [20, էջ 308]:

հյուլ/խուլ>հուլ. „Tarlalar içinde evler var... kerpiç evler, huşlar“ — «Արտերում տներ կան... հողաղլուսից շինված տներ, հյուլեր» [16, էջ 20]:

հոտալ>հոդաք. „...eskiden ovayı dolduran hodak seslerini şimdi traktör seslerini aldı“ — «...նախկինում դաշտերում արձագանքող հոտաղների կանչերին ավժա տրակտորի աղմուկներն են փոխարինում» [19, էջ 25], «հոտաղը հալերեն բառ է» [18, էջ 25]:

հորան>հորան. «Սև ծովի շրջաններում քեմանչի նվագակցությամբ կատարվող ժողովրդական պար» [34, 35]: „Bazı horanlarda, kemençe veya armonika çalarak oynanan oyunlarda...“ — «Մի շարք հորաններում... քեմանչի կամ արմոնիկայի նվագակցությամբ խաղացվող պարերում...» [22, էջ 102]:

հաղ>ջաղ. „Dilan bir köşeye bir çulun üstüne oturmuş çorap örüyordu. Elindeki *caglar* oynatıyor birbirine cıvı yapıyordu“ — «Դիլանը, անկյունում, մի քուրջի վրա նստել, գուլպա էր հլուսում: Ձեռքի մաղերը խաղում, իրար դարպասում էին» [19, էջ 24]:

հերմակ-ջուր>ջերմաֆ-ջուր. հ. ծ. բ., «օղի» նշանակությամբ [34]:

հիլ>շիլ. «արմատների վրա առաջացող մալի պես նուրբ ընձյուղներ» [34, 35]:

մայիս>մայրս. «մայիս ամիսը» [2, էջ 321]:

մատիկ>մադիք. հ. ծ. բ. [34]: „Mat: Ermenice parmak demektir. *Madik*, küçük parmak demektir. *Madik* oynamak da: Zıpzıp oynamak demektir... *Madik* atma işi de dikkat, incelik istediği için, mecazi olarak *madik atmak*, *madik etmek*, *madik oynamak* sözleri dalavera, hile anlamlarına gelmektedir“ — «Մաթ՝ հալերեն մատ է նշանակում: Մատիկ՝ փոքր մատ: Իսկ մատիկ խաղալ՝ քարեգնդիկ խաղալ: Մատիկով քարեգնդիկ խփելը (նետելը) ուշադրություն, նրբություն է պահանջում, դրա համար էլ մատիկ նետել, մատիկ անել, մատիկ խաղալ արտահայտությունները, փոխաբերաբար, նշանակում են՝

խարդախել, հնարամտորեն խաբել» [31, № 246, էջ 5011]։ Տե՛ս «փրն-թի» բառը։

մարագ>մբքբք. „Türkçe'de Ermeniceden gelen bir takım sözler vardır: *pancar*, *petek* gibi. Anadolu ağızlarında kullanılan *aristak*, *merek* sözleri de Ermenicedir“—«Թուրքերենում հայերենից փոխառ-լալ մի շարք բառեր կան. ինչպես՝ բանջար, փքթակ։ Անատոլիայի խոս-վածքներում օգտագործվող առաստաղ, մարագ բառերն էլ հայերեն են» [29, էջ 11—12]։ Այս տողերի հեղինակը թուրք լեզվաբան Հասան Էրենն է։ Փոխառյալ բառերը ոչ միայն օգտագործվում են «Անատոլիա-յի խոսվածքներում», այլ մուտք են գործել թե՛ ընդհանուր բառա-րաններում և թե՛ գեղարվեստական գրականության մեջ. օրինակ՝ „*Merekten yana yürüdük*“—«Բալլեցիք մարագի ուղղությամբ» [18, էջ 76]։ Մյուս բառերի համար օրինակներ բերված են համապատաս-խան տեղերում։

մարգակ>մբքբք. հ. ծ. բ [34]։ „Bir yandan temeller kazılıp kerpiçler konuyordu, bir yandan *mertekler* yolunup tahtalar biçili-yordu“—«Մի կողմից հիմքերն էին փորում, հողաղյուսները շարում, մյուս կողմից մարգակներ էին տաշում, տախտակներ պատրաստում» [20, էջ 78]։

մոզի(կ)>մոզաք/մոզիք/մոզքք. „Karanlıkta ineklere, *mozi*klara çarpa çarpa ahırın kapısını buldu“—«Մթության մեջ կովերին, մո-զիներին խփվելով, խփվելով, ախոռին դուռը գտավ» [17, էջ 157]։

մոծիք/մցիք/մցնուք>մուչուք/մըջըք. հ. ծ. բ. «ածուխի կտորներ՝ փշուրներ» նշանակությամբ [34]։

մորուփ>մորուփ. հ. ծ. բ. «Մերունի, տարեց տղամարդ» նշանա-կությամբ [34]։ „*Moruk* sağ olsaydı bunu beş bine de, on bine de vermezdi“—«Եթե ծերուկը ողջ լիներ, հինգ հազարի էլ, տաս հազարի էլ չէր վաճառի» [12, էջ 383]։ „Ermenilerin de bir zamanlar devlet kurdugu güney illerimizde halk dilimize karışan Ermenice kelime-ler bulunmaktadır. Bunlardan Silifkede halâ söylenmekte olanlar şunlardır: *örnek*, *moruk* (ihtiyar, sakalli), *keben* (dağlardaki dar ve dik geçit)“—«Մեր հարավային նահանգներում, որտեղ մի ժամանակ հայերը պետութիւն են հիմնել, մեր ժողովրդական լեզվին անցել են հայերեն բառեր։ Սիլփկիայում դեռևս դրանցից օգտագործված բառերից են հետևյալները. օրինակ, մորուք (ծերուկ, մորուքավոր), կապան (նեղ և ցից լեռնանցք) [31, № 155, էջ 2762]։

մարն>մարչ. հ. ծ. բ. բետոնի վրա ծակ բացելու համար օգտա-

գործվող սրածայր գործիք» նշանակությամբ [34]։ „Murcu, çekici getir“ — «Մուրքը, չաքուճը բեր» [8, էջ...?]:

յուղ>յաղ. „Agop usta...yazma mendilini...ceketinin kayış gibi yağlı yakasından“ geçirdi... — «Վարպետ Հակոբը...իր տպածո թաշկի-նակը... յուղ կապած և կաշվի պես կարծրացած բաճկոնի օձիքի վրայից անցկացրեց (ծոծրակը որբելու համար)» [21, էջ 165]:

շեն>շեն. „Allah şen etsin, biz eksilttik, Allah artırsın“ — «Աստված շեն պահի, մենք պակասացրինք, աստված թող ավելացնի» [18, էջ 30. տես նաև՝ 2, էջ 308]:

շիլ>շիլ. Այս բառը թուրքերենում օգտագործվում է երկու իմաստով. ա) «անդամալուծ». այս դեպքում արաբական փոխառությունն է. օրինակ՝ „Elin ağağın şil ola“ — «Ձեռքից ու ոտքից անդամալուծ դառնաս» [31, № 232, էջ 5130], բ) «շիլ» իմաստով, որը հարկական փոխառություն է. օրինակ՝ „İki gözden şil olasin“ — «Երկու աչքերդ էլ շիլ դառնան» [31, № 234, էջ 5179]:

շինիկ>շինիֆ. «արմտիքի կշռաչափ» [34, 35]։ „Bu tarla için tam bir şinik altın gerek“ — «Այս արտի համար ուղիղ մեկ շինիկ ոսկի է հարկավոր» [21, էջ 118]:

չափ>չափ. հ. ծ. բ. է հետևյալ նշանակություններով. 1) «Արժեք, չափ, տրամագիծ» [34, 35], 2) «լայնք, հասակ» [36]։ „Keran 25—30 cm çapında yanları düzeltilmiş ağaçlardır“ — «Գեթաճենքը 25—30 սմ չափով (լայնքով) հարթեցրած տախտակներ են» [23, էջ 8]։ Որպես պարատեսակ՝ «չափ բար<չափ պար» [31, № 330, էջ 7878]:

չիւ>չիւ. «Միրանի, սալորի, նման մրգերի շորացրածը» [34, 35]։ պատին>բաղըչ. հ. ծ. բ. «այն պատյանը, որի մեջ գտնվում են բակլայի, լոբու, ոլոռնի նման թարմ բանջարեղենների սերմերը» [34]։

պաստեղ>բասթըֆ/բասթուղ. հոմանիշն է թուրքերեն «փեսթիլ» բառին. այս և հայերեն «պաստեղ» բառերի ծագումը հունական է, սակայն թուրքերեն «բասթըղ» և նման ձևերը հայերենից են փոխառվել։ Օրինակ՝ «Bağ varsa üzümleli dererek şiresiyle bastık yapılı» — «Ալյի ունեցողները խաղողը ճգմամ, խաղողովը պաստեղ են պատրաստում» [23, էջ 95]:

պար>բար. «Մի տեսակ պար, որը ձեռք-ձեռքի բռնելով պարում են Անատոլիայի արևելյան, առավելապես էրզրումի շրջանում» [34, 35]:

պարան>բարան. «Որթատունկի, մրգատու ծառերի շարք» [34, 35]:

„Bizim bağ beş barandır“—«Մեր ալգին հինգ պարան (որթատնկի շարք) ունի» [36]:

պզտիկ>բըզզըբ. հ. ծ. բ. է և օգտագործվում է «փոքր տղա» իմաստով՝ որպես «կատակ» կամ «արհամարհանքի» արտահայտություն [34, 35]: „Bir sürü Ermeni bizdiklerinin yedigü halta bakın“—«Մի խումբ հայ պզտիկների կերած ապուրին նայիք» [28, էջ 1]: Որպես պարանոսակ կամ խաղ՝ „Bizdik oyunuu“—«Պզտիկի խաղ» [31, № 166, էջ 3049]:

պռչ>փռչ. հ. ծ. բ. է, «պոչոսկր» նշանակությամբ [34]:

պռչիկ>փռչյուր/փռչչիք. 1) (փխբ. «սիգարետի մնացորդ, կճատ» նշանակությամբ. „Sigarayı sigaradan ateşledi. Ağızlığın ucundan aldığı pöçüğü yatağın yanındaki karalı kecenin üstüne ezdi, söndürdü“—«Սիգարետը կպրքեց սիգարետից: Ծխափողի ծայրից վերցրած պռչիկը (կճատը) անկողնու կողքը գտնվող խուհացած-սեացած թաղիքին (կանին) վրա ճզմեց, հանգցրեց» [19, էջ 57], 2) որպես պարավեստի տերմին. „Barlar: Barbaşı denilen, elinde mendil (çevre) tutan en usta oyuncu yönetir... Sıranın en sonundaki oyuncuya da Poççık adı verilir. Poççık, kuyruk demektir“—«Պարսերը ղեկավարում է ձեռքին ծաղկավոր թաշկինակ բռնող և ամենավարպետ պարողը, որին Պարավուլիս են անվանում... իսկ շարքի ամենավերջում գտնվող պարողին էլ Պռչիկ են անվանում: «Փռչչիք» բառը պռչ է նշանակում» [22, էջ 27]:

ջերմուկ>չերմիք. հ. ծ. բ. [34]: „Bizim ılıca, sizin dilde kaplıca dedikleri „cermik suları“—«Ջերմուկի ջրեր, որին մենք ըլըջա (զուլ ջրեր) ենք ասում, իսկ ձեր լեզվով դուք ասում եք քափըջա (բառացի՝ փակ, ծածկած ջրեր. Ու. Ա.) [4, էջ 23]:

ջրորգան>չրորքեն. հ. ծ. բ. [34]:—«Çörten: Pınar veya damdan su akıtan ağaç veya teneke oluk“—«Ջրորգան են կոչվում փայտե կամ թիթեղե ալն խողովակները, որոնք անցկացնում են աղբյուրների կամ կառույների, և որոնցից ջուրը հոսում, գնում է» [36]: Ավելի մանրամասն՝ տես նաև [30, № 330, էջ 236]:

տաշտ>քեշք/դեշք. «սպիտակեղեն լվալու կոնք» [34, 35]: „Pekmez: Kaynatılıp koyulaştırılmış üzüm şiresinden üzümleri çigneye çigneye çıkarılan şire test'te toplandıktan ve murur denen tortusu dibe çöktükten sonra...“—«Ռուպ պատրաստելու համար, եռացրած և թանձրացրած խաղողի խազմուղի միջի մնացորդ հատիկները ճզմում

են, նոր ստացված խաղմուղը մի տաշտի մեջ են հավաքում և մրուր կոչված դիրտը հատակին նստելուց հետո...» [23, էջ 38]:

տասնհինգ>դասինիք. հ. ծ. բ. է՝ «կավատ» նշանակությամբ [34]:

տավար>դավար. 1) «ոչխարի, այծի, ինչպես նաև արջառի նման բնտանի կենդանիների հոտ», 2) «նման կենդանիների ընդհանուր անվանումը» [34, 35]:

տափան>թափան. „Tapan: Tarlaya atılan tohumu toprak a örtmek için gezdirilen ağaçtan, geniş, yassı alet...” — «Տափան են անվանում փալտե ալն լալն գործիքը, որն օգտագործում են շաղ տրված սերմը հողի մեջ ծածկելու համար» [23, էջ 110]:

տեփուր>թեփիր. „Tepir Ağaçtan yapılmış kalbur biçiminde kenarlı tepsi gibi bir kaptır” — «Տեփուրը փալտե, մաղի ձևով, շուրթ ունեցող սկուտեղի նման մի աման է» [23, էջ 88]: „Bugday içinde taşların kalmaması için tepir edilir” — «Յորենի քարերը ջոկելու համար տեփուր են օգտագործում» [23, էջ 88]:

տուտու>դուդու. 1) «հենում՝ կանանց տրված պատվանուն», 2) «ծեր, հայ կին» [34, 35]:

փառ>բար. «ապակյա ամանների կամ լեզվի վրա նստող կեղտ» [34]:

փշուր/փսուր>փշույրու. «մարդու և կենդանու բնական կղկղանք». օգտագործվում է «բոքու փշույրույու» դարձվածքի մեջ, որ նշանակում է՝ «դժվար լուծելի գործ, անհաճո մարդ» [34, 35]: «Ապավառ կամ աղբ» նշանակությունն ունի նաև հայերենում. [33, տե՛ս «փշուր» բառը]:

փռ>փոք. հ. ծ. բ. է՝ «հագուստի ծալք» նշանակությամբ. [34]:

փեթակ>փեթեք. տե՛ս «մարագ» բառը և [2, էջ 308]:

փեթ>փրթը. հ. ծ. բ. է՝ «անարժեք, մաշած» նշանակությամբ և ընդհանրապես օգտագործվում է «լըրթը-փըրթը» կրկնավորի մեջ՝ «պատռած-մաշած» շոր, կտորեղեն իմաստով. [34]: Նշանակում է նաև՝ „Pamuklu mensucat” — «բամբակի կերպասեղեն» [31, № 178, էջ 3410]:

փնթի>փինթի. «վերին աստիճանի ժլատ, գժում» [34, 35]: „Gazetecilerin pintiliklerinden, kitapçıların madiklerinden uzak ve serbest yaşıyorum” — «Լրագրավաճառների փնթիությունից (գժմությունից) և գրավաճառների մատիկներից (խաբուսություններից) հեռու և ազատ եմ ապրում» [35]: Տես նաև «մատիկ» բառը:

քավոր>քիրվա/քիրվա. „Zadik usta da benim *kirvem* oldu”

—Վարպետ Զատիկն էլ իմ քավորը եղավ» [18, էջ 82]:

բարման > փրման/փրմեն. «բուրդ մանեկու ծառայող փայտե իլիկ» [34, 35]:

բարուկիր/բարկիր > ֆարգիր/ֆյարգիր. «քարից կամ աղյուսից կառուցված (շենք, տուն և այլն)» [34, 35]:

օրինակ > օրենք. հ. ծ. բ. է՝ նույն նշանակություններով [34]: Տե՛ս նաև՝ [30, № 274, էջ 602] և «մորուք» բառը:

Փոխառյալ բառերի հնչյունափոխության և տառադարձման մի փանի օրինաչափություններ

Թուրքերենում հայերենից փոխառյալ բառերի տառադարձման օրինաչափությունները ճշտելու հարցը չափազանց բարդ է, քանի որ ադրբայժերը փոխառնված են Փոքր Ասիայի և Արևմտյան Հայաստանի տարբեր շրջանների տարբեր բարբառներից: Նույն հայերեն բառը ոչ միայն արտասանվում է հայկական տարբեր շրջանների տեղական խոսվածքների յուրահատուկ օրենքներով, այլա, փոխառյալ նույն բառը հնչյունափոխվում է տեղի թուրքական խոսվածքի յուրահատուկ օրենքներով: Օրինակ, հայերեն «պատիճ» բառը, որը հայկական տարբեր խոսվածքներում արտասանվում է բաղին, բառին, բաշիդ, բօղիշ, բաղինջ, բ՛աղինջ, պաճուն և այլ ձևերով [33], թուրքական խոսվածքներում էլ արտասանվում է՝ բաղըջ, բաղըշ, բաղիշ, բաղընջ, բաղիս և այլ ձևերով [36]:

Զանց առնելով բարբառային և միջբարբառային փոխադրեցությունների հարցի լուծումը, որն այս աշխատանքի հիմնական նպատակների հետ անմիջականորեն չի առնչվում, մենք կջանանք ճշտել փոխառության որոշ օրինաչափություններ՝ իրար հետ համեմատելով հայերենի գրական և հայերենից թուրքերենում փոխառյալ բառերի գրական-բարբառային ձևերը:

Այս հարցում, առաջին հերթին, դեր են խաղում հնչյունափոխության երկու հիմքեր.

1) Արևմտահայերենի խլազուրկ երկաստիճան բաղաձայնների համակարգը:

2) Թուրքերեն լեզվի ձայնավորների ներդաշնակության օրենքը:

Զայնեղ բաղաձայնների շնչեղացում.—Արևմտահայերենի երկաստիճան բաղաձայնների համակարգում այ, տ, կ, ճ խուլերն արտասանվում են բ, դ, գ, չ ձայնեղների նման: Իսկ բ, դ, գ, չ ձայնեղներն արտասանվում են՝ փ, ք, ֆ, չ շնչեղ խուլերի նման:

Քանի որ հայերեն բառերը փոխ են առնվել Արևմտյան Հայաստանի և Փոքր Ասիայի տարբեր շրջաններում, ապա այդ փոխառյալ բառերը հնչյունափոխվել են արևմտահայերենի խլաղուրդ երկաստիճան բաղաձայնների համակարգի օրինաչափությունների համաձայն (դրան հակասող շեղումները հետևանք են հայկական կամ թուրքական տեղական խոսվածքների առանձնահատկությունների):

Այս հանգամանքը, իր հերթին, հանդիսանում է փոխառյալ բառերի ծագման և ստուգաբանման օժանդակ հիմքերից մեկը: Օրինակ, տարբեր հեղինակների կարծիքով [34, և 2, էջ 308] «գութան» բառը թուրքերենում վրացիներից է փոխառյալ: Հենց այստեղ էլ մեզ օգնում է արևմտահայերենի երկաստիճան բաղաձայնների համակարգը: Հայերեն «գութան» բառը, որն ըստ ակադ. Հ. Աճառյանի կովկասյան ծագում ունի, վրացերենում ունի «գութանի» ձևը [33]: Հայերենում և վրացերենում, ուրեմն, բառն արտասանվում է «գ» ձայնեղ պայթականով, իսկ արևմտահայերենում, ուղղագրությունն անփոփոխ մնալով հանդերձ, համաձայն վերոնշյալ համակարգի, արտասանվում է «ք» շնչեղ-խուլ պայթականով, որի հետևանքով էլ բառը թուրքերենում «գութան» ձևով է փոխ առնվել: Տվյալ բառը վրացերենից փոխառյալ լինելու դեպքում, բառավերջի «ի» հնչյունի անկումն էլ նկատի առնելով հանդերձ, թուրքերենում փոխառնված պիտի լիներ «գութան» «qutan» ձևով:

Նույն օրինաչափությամբ էլ հայերենից փոխառյալ են հետևյալ բառերը. բազուկ>փաղը/վեղիք, դուռոց>քրքառ, անդունդ>քանթուն, թագավոր>թեֆֆոր, ջերմուկ>չերմիք և այլն:

Բառավերջի կ, տ, և խուլերի (արևմտահայերենում՝ ձայնեղների) շնչեղացում.— Օրինակ՝ հերկ>հերք, պզտիկ>բըզդք, անկուռ>անգուր, պատրեմ>բադը, մուրեմ>մուրչ:

(Արդի թուրքերենում բ, գ, դ, շ ձայնեղ պայթականներով վերջացող բառեր չկան. դրանց փոխարինում են համապատասխան լծորդ փ, ք, ց, չ շնչեղները):

Բառավերջի գ ձայնեղ պայթականի, դ ձայնեղ շփականի շնչեղացում՝ ք պայթականով.— Օրինակ՝ մարագ>մերեք, տասնհինգ>դասնիք, հոտաղ>հոդաք, առաստաղ>արասթաք, պատտեղ>բասթք:

Խուլերի ձայնեղացում՝ համապատասխան լծորդներով.— Օրինակ՝ պարան>բարան, տուտու>դուդու, կոտոշ>գոդոշ, ժամկոշ>զանգոշ, նաղ>ջաղ:

Բառավերջի շփական ր ձայնորդի և ընդհանրապես ծ խուլի ձայնեղացում.— Օրինակ՝ թրթուր>թըրթըլ, անիծ>անըզ, անիծած>անիզազ:

Շփական խոլ խ-ի փոխարինում՝ կոկորդային հ-ով.—Օրինակ՝
խաշ>հաշ, խաշիլ>հաշլի, խավ>հավ:

(Արդի գրական և խոսակցական թուրքերենը խ հնչյունը չունի, այն պահպանված է միայն որոշ բարբառներում):

Հնչյունափոխություններ՝ բառ ձայնավորների ներդաշնակության օրենքի: Ձայնավորների ներդաշնակության օրենքը բնորոշ է մի շարք լեզուների՝ թյուրքական, ալթայական, մոնղոլական, ուլգո-ֆիննական և այլն: Թուրքերեն լեզվում այդ օրենքը պայմանավորված է.

1) Նախավանկում կոշտ (հտնալեզվային) ձայնավորներից հետո կոշտ, և փափուկ (առաջնալեզվային) ձայնավորներից հետո փափուկ ձայնավորների հաջորդականությամբ՝ հետագա վանկերում:

2) Նախավանկի շրթնային ձայնավորներին հետագա վանկերում հաջորդում են բաց հտնալեզվային ա, բաց առաջնալեզվային է (ե) կամ շրթնային փակ ու, ւ ձայնավորները:

Այս երկու՝ ձայնավորների ներդաշնակության մեծ և փոքր կանոնների համաձայն, թուրքերենում, նախավանկի ա և բ կոշտ ձայնավորներին հաջորդում են ա կամ բ, իսկ է և ի փափուկ ձայնավորներին՝ է կամ ի ձայնավորները: Իսկ շրթնային օ և ու ձայնավորներին հաջորդում են բաց ա կամ նեղ ու ձայնավորները, և օ և ւ շրթնային փափուկ ձայնավորներին՝ բաց է և նեղ ւ ձայնավորները:

Փոխառյալ բառերի օրինակներ, որոնք ենթարկվել են ձայնավորների ներդաշնակության օրենքին. պատիճ>բադլչ, պաստեղ>բասթլը, մալիս>մալըս, խաշիլ>հաշլի, շերմուկ>չերմիք, տեփուր>թեփիր, փեթակ>փեթեք, մոզիկ>մոզաք, թոռն>թորուն, մոծիլ/մձիլ>մուջուր, կորնգան>քորունգա, կոպիտ>քուբաթ, գուռն>քուրնա:

Երկվանկ բառերում առկա ա բաց հտնալեզվային ձայնավորները փափկանալով փոխվում են հտնալեզվային է-երի, երբ բառը թուրքերենում վերջանում է շնչեղ ֆ-ով: Օրինակ՝ մարագ>մերեք, մարդակ>մերթեք, դարակ>թերեք, կափանք>քեփենք:

(Շնչեղ ֆ-երին փափուկ ձայնավորներ նախորդելու կամ հաջորդելու օրինաչափությունը կա նաև օսմաներենում):

Նույնպես բառերում առկա ա ձայնավորները պահպանվում են. օրինակ՝ առաստաղ>արասթաք, ապարահ>աբարա, ավանակ>ավանաք:

Փոխառյալ բառերի հնչյունափոխական և տառադարձական օրինաչափությունները, իհարկե, չեն սպառվում այսքանով: Սակայն, վերևի բացահայտումներն իսկ կարող են օժանդակ միջոց ծառայել, թե ինչ-

պիսի օրինաչափություններով են փոխ առնվում հայերեն բառերը՝ թուրքերենում: Շահեկանությունից զուրկ չէ իմանալ, թե բոլոր թուրքական ծագումով բառերը (կան քիչ թվով բացառություններ) խստորեն ենթարկվում են ձայնավորների ներդաշնակության օրենքին: Հետևաբար, մեր բառացուցակում նշած մոտ երեսուն բառ, որոնք չեն ենթարկվում այդ օրենքին, լեզվաբանական այլ ազդակների կողքին, կարող են ևս օժանդակ հիմք ծառայել դրանց հայերենից փոխառյալ լինելու մասին:

* * *

Այսպիսով, կարելի է եզրակացնել, որ՝

ա) որքան խոր ու բազմազան է եղել նվաճված հայ ժողովրդի մշակութի ազդեցությունը թուրքական մշակութի տարբեր բնագավառներում,

բ) ներկայումս, հայերենից թուրքերենում փոխառյալ գրական բառերը կրկնապատիկ անգամ ավելի են հայերենում թուրքերենից փոխառյալ բառերի քանակից: (Պրանք օսմանյան ժամանակաշրջանի ռազմաքաղաքական և վարչատնտեսական 40-ի մոտ տերմիններ են, որոնք օգտագործվում են սոսկ հայ պատմագիտական գրականության մեջ):

Х. П. АМИРЯН

АРМЯНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Резюме

Вопрос об армянских заимствованиях в современном турецком языке до сих пор не являлся предметом серьезных исследований языковедов.

Армянские заимствования в турецком языке, собранные из современных турецких печатных изданий, достигают 223, из них 111 нашли отражение еще в «Словаре армянского языка» академика Гр. Ачаряна. Исследование показало, что число армянских заимствований возрастает: некоторые из них, ранее употреблявшиеся лишь в разговорном турецком языке Анатолии, в настоящее время постепенно проникают в турецкие словари и чаще употребляются в художественной литературе. В статье кратко уяснены некоторые закономерности чередования букв и звуков заимствованных слов.

- 1 Հ. Անադյան, Հայոց լեզվի պատմություն, II մաս, Երևան, 1951:
- 2 Գ. Ն. Երեմյան, Քուրքերի ծագումը, Երևան, 1975:
- 3 Baykara Barbaros, Nefret Köprüsü, İst., 1974.
- 4 Cem Güney Eflatun, Bir varmış, bir yokmuş, İst., 1963.
- 5 Kemal Demıray, Temel Dil Bilgisi, İst., 1975.
- 6 K. Dursun, Tarık, Denizın Kanı, İst., 1973.
- 7 Elıçın Emin Türk (çeviren), Dünya Mızahından Seçmeler, İst. 1972.
- 8 Erdinc Fahri, Memleketimi anlatıyorum. İst.
- 9 Erendoz Kasnak, Dünya Mızahından 3000 Fıkra, II cilt, II baskı, İst., 1976.
- 10 Vecihe Hatipoğlu, Türkçenin Ekleri, Ank., 1974.
- 11 Suat Hisarcı, Dede Korkut Kitapları, II baskı, İst., 1966.
- 12 Kemal Yaşar, Demirciler Çarşısı Cınayeti, İst., 1974.
- 13 Köprücü M. Fuat, Edebiyat Araştırmaları, Ank., 1966.
- 14 Aziz Nesin, Zübük, Sofiya, 1963.
- 15 Aziz Nesin, Mahallenin Kısmeti, İst., 1957.
- 16 Pıfat Otyam, Gide-Gide, 1/2/3 İst., 1972.
- 17 Ömer Polat, Mahmud ile Hazel, İst., 1973.
- 18 Ömer Polat, Saragöl, İst., 1974.
- 19 Ömer Polat, Dilan, İst., 1976.
- 20 Kemal Tahır, Devlet Ana, Ank., 1969.
- 21 Umur Dünvısı, Sofiya, 1965.
- 22 Yaver Sobri Atoman, Barlar, İst. 1979.
- 23 Zübeyr Hamit Koşan, PULUR, Ank., 1977.
- 24 A. H. Кононов, Грамматика турецкого языка, М., 1941.

Հոդվածներ և պարբերականներ

- 25 Գ. Ք. Զանովյան, Հայաստանի լեզվի հին անատոլիական ծագման վարկածը, «Պատմա-բանասիրական հանդես», № 1, Երևան, 1976, էջ 108:
- 26 Խ. Ամիրյան, Հայերենից փոխառյալ բառեր ժամանակակից Քուրքերենում, «Լրարեր հասարակական գիտությունների», № 4, Երևան, 1980, էջ 81—87:
- 27 Ազգագրություն-բանահյուսություն, № 1, «Գամիրք», 1970, էջ 97:
- 28 All Dayı, haftalık gazete, İst, 1950.
- 29 Bilimsel Bildiriler, Türk Dil Kurumu yayınları, sayı: 270, Ank., 1968.
- 30 Türk Dili, aylık dergi, Ank.
- 31 Türk Folklor Araştırmaları, aylık dergi, Ank.

Բառարաններ

- 32 Հ. Անադյան, Հայերեն զավառական բառարան, «Հմիխյան ազգագրական ժողովածու», հ. Ք., 1913:
- 33 Հ. Անադյան, Հայերեն արժատական բառարան, 8 հատորով, Երևան, 1971—1979.
- 34 Pars Tuglacı, Okyanus Ansiklopedik Sözlük, 11 basım. İst, 1978.
- 35 Türkçe Sözlük, Türk Dil Kurumu Yayınları, sayı: 403, Ank., 1979.
- 36 Derleme Sözlüğü, Türk Dil Kurumu yayınları, sayı: 211, Ank. 1963.

Կրճատումներ

Ank. Ankara.

İst. İstanbul

Ն. ծ. ք. «Okyanus Ansiklopedik Sözlük»-ում ցույց է տրված, որ հայկական ծագում ունեցող բառ է:

ՄԵՆՉԳՐԱԿԱՆ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆ
МОНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

С. В. ГЕГАМЯН

НАЦИОНАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ ТУРЦИИ В
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ СТРАНЫ (1945—1950 гг.)

Исследование социально-экономической истории Турции свидетельствует, что зарождение и развитие турецкой национальной буржуазии шло своеобразным путем. В течение длительного периода в экономике страны ключевые позиции занимала инациональная буржуазия (греческая, армянская, еврейская и славянская), которая, однако, была лишена политической власти. Лишь со второй половины XIX в. начинается формирование и развитие собственно турецкой буржуазии, особенно оживившейся после победы национальной войны 1919—1922 гг. В это время анатолийской буржуазии, еще экономически слабой и не имевшей достаточного опыта предпринимательской деятельности, приходилось сотрудничать с представителями инациональной буржуазии, пользуясь их связями и финансовыми возможностями. В дальнейшем, к 1940-м годам, значительно укрепив свои экономические позиции, буржуазия взяла под контроль весь внутренний рынок страны. Идя навстречу стремлениям турецкой буржуазии, правящие круги страны добились вытеснения остатков инациональной буржуазии из экономической жизни страны.

В середине 40-х годов назрел кризис однопартийной системы власти. Резко обострились противоречия между разными классами турецкого общества, в том числе—между слоями национальной буржуазии. Обострению политической ситуации внутри страны способствовало растущее влияние демократических преобразований в ряде соседних и сопредельных стран, проведенных после второй мировой войны. В создавшейся ситуации правящие круги Турции приступили к поискам выхода из внутривнутриполитического кризиса. Именно поэтому вся вторая половина 40-х годов отличалась ис-

ключительной активностью как всей буржуазии, так и ее различных слоев, отстаивавших свои узкоклассовые интересы.

Целью работы является освещение факторов, приведших к росту влияния турецкой национальной буржуазии в экономической и социально-политической жизни страны, выявление особенностей ее взаимодействия и противоречий с другими социальными слоями, в частности с рабочим классом, крестьянством и др. Прослежен процесс укрепления экономических и политических позиций национальной, прежде всего торговой, буржуазии. Обращено внимание на то обстоятельство, что крупная торгово-промышленная буржуазия Турции, выступая от имени всего частного сектора, все активнее выдвигала откровенно националистические, шовинистические лозунги. В работе отмечается выраженная непоследовательность взглядов и установок национальной буржуазии в отношении принципов сотрудничества с Западом.

Научный анализ данной проблемы, как нам кажется, поможет лучшему, углубленному пониманию основных направлений турецкой внешней политики исследуемого периода.

ГЛАВА I

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ ТУРЦИИ

1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Экономическое развитие Турции в конце 40-х—начале 50-х гг. проходило под воздействием чрезвычайных правительственных мероприятий, проведенных в годы второй мировой войны, когда правительство стремилось перевести хозяйство страны на военные рельсы. Например, численность турецкой армии в эти годы была доведена до одного миллиона человек¹. Естественно, что эта и другие подобные меры способствовали разбуханию военного бюджета. Для содержания миллионной армии Турция с 1939—1947 гг. истратила свыше 3 млрд. лир². Так, согласно подсчетам П. П. Моисеева, за годы второй мировой войны прямые военные расходы Турции составляли примерно 2409 млн. турецких лир, а общие военные расходы, включая военную помощь Англии, Франции, Германии и США,—4 млрд. лир³. По данным турецкого автора Ф. Окта⁴, в 1939/40 финансовом году⁵ прямые военные расходы составляли примерно 164 млн. лир, а в 1943/44—543 млн., т. е. соответственно возросли примерно в 3,3 раза.

Перевод экономики на военные рельсы отрицательно сказывался на и без того трудной экономической конъюнктуре Турции. В деревне не хватало рабочих рук, годовое производство зерна уменьшилось с 7700 до 6974 тыс. тонн. По мнению И. Сертель, приводящей эти данные, положение особенно ухудшилось и потому, что Турция, которой не хватало зерна даже для себя, экспортировала пшеницу в Германию. Цены на хлеб повышались, была введена карточная система. В стране царил дороговизна. Об этом свидетельствует индекс оптовых цен, который в 1938—1946 гг. поднялся со 100 до 427,3⁶, т. е. более чем в четыре раза.

Сложная система мер, призванных ужесточить в условиях военной обстановки государственное вмешательство и одновременно поощрить частное предпринимательство, наиболее полно отражена в законе о национальной защите⁷, который был принят 18 января 1940 г. и вступил в силу через месяц. Закон предоставил правительству еще более широкие, по сравнению с довоенным периодом, полномочия вмешиваться в экономическую жизнь страны. Оно получило даже право устанавливать сорт и объем производимой промышленными и добывающими предприятиями продукции. Закон предусматривал передачу государству тех частных предприятий, которые не в силах обеспечить установленную норму производства. Безусловно, национализация некоторых предприятий была вызвана прежде всего причинами военного характера. С другой стороны, национализация этих малорентабельных предприятий полностью отвечала интересам самих предпринимателей, которые, освобождаясь от убыточного производства, получали в виде компенсации денежные средства для более выгодных капиталовложений. В числе этих предприятий и средств транспорта находились некоторые угольные шахты Зонгулдак-Эреглийского бассейна, цементные заводы в Эскишехире и Зейтинбурну (Бадыркей), маслобойные заводы, мукомольные фабрики в Сирте и Эскишехире, кожевенный завод в Стамбуле, трамвайное и водное хозяйство Измира, пароходное общество «Ширкети-Хайрие» и др.⁸ Примечательно, что годовые убытки шахт угольного бассейна за 1939—1940 гг. соответственно составляли 470 тыс. лир и 835 тыс. лир⁹. Турецкое государство выплатило хозяевам шахт крупную компенсацию в размере 11 млн. лир¹⁰, а «Ширкети-Хайрие» получила 2,5 млн. лир¹¹.

В области сельского хозяйства правительство, согласно закону, получило право устанавливать сорта посевных культур в определенном районе, а необрабатываемые земли, если их размеры превышали 500 га, брать в свои руки, оплатив их цену владельцу. Государственные организации получили также право закупать у производителей продовольственную продукцию по установленным твердым ценам и продавать на внутреннем рынке. Однако эта мера дала обратные результаты. Как отмечает в своей книге Т. Тимур¹²,

поскольку правительство насильно покупало пшеницу у земледельца по значительно более дешевым ценам, чем на рынке, земледельцы стали скрывать ее, чтобы потом заниматься спекуляцией. Н. Нанди обращает внимание на то, что государство, покупая хлопок у нищего крестьянина по твердым низким ценам и обрабатывая его затем на своих предприятиях, готовую ткань продавало уже по высоким ценам. Примеру государства следовали частные предприниматели, которые сами выращивали хлопок или покупали его у крестьян также по государственным ценам. Хлопок они обрабатывали на своих предприятиях и готовую ткань продавали народу по тем же государственным высоким ценам¹³. Это один из примеров того, как, казалось бы, жесткие этатистские меры оборачиваются дополнительной выгодой для частного предпринимательства, способствуют его дальнейшему обогащению, накоплению капитала.

Правительство могло также принудительно купить неиспользуемое машинное оборудование, но с условием не наносить урон предпринимателям, у которых оно сделало покупку. Это оборудование передавалось другим фирмам—тем, кто испытывал в нем нужду. Правительство могло обязать торговых посредников импортировать необходимые стране материалы и держало под контролем эти фирмы. Они обязаны были, в случае необходимости, накапливать запасы таких материалов. Власти обеспечивали импортеров необходимой валютой и кредитом, а если такое накопление запасов приносило ущерб торговцам, то он возмещался государством. Нет сомнения, что и такое «принуждение» могло стать методом обогащения импортеров.

Государство имело преимущественное право закупки изделий у частных предпринимателей, при этом к нормальной стоимости начислялась определенная процентная прибыль. В тех случаях, когда устанавливались сорт и объем производства, законом также признавалось право предпринимателей на получение прибыли. Правительство обеспечивало предприятие необходимым кредитом. Оно обязывалось также возмещать производителю ущерб при снижении внутренних цен на продукты и товары, экспорт которых был запрещен¹⁴.

Совершенно очевидно, таким образом, что никакой пункт закона о национальной защите не шел вразрез с коренными интересами частных предпринимателей. Что же касается излишней регламентации производственной и сбытовой деятельности предпринимателей, которая их раздражала, то правительство шло на постепенное смягчение своего контроля, в частности, над ценами. Так, в 1942 г. правительство Ш. Сараджоглу разрешило продавать пшеницу и некоторые продукты по свободным ценам. Такое решение приветствовали прежде всего те помещики, кулаки и торговцы, которые накопили запас продовольствия,—они могли продавать

эти продукты по высоким ценам. Цена на оливковое масло в тот период с 85 курушей повысилась до 350 курушей. Были спекулянты, которые сумели накопить запасы до 16 тыс. тонн оливкового масла, скупая его по цене 85 курушей. Затем, продав это масло по 350 курушей, они стали миллионерами¹⁵.

Промышленность страны развивалась слабыми темпами: в 1939—1945 гг. годовой прирост промышленного производства составил в среднем всего лишь 2,5 %¹⁶. В основном развивалась промышленность, имеющая военно-стратегическое значение. Если производство тканей до войны составляло 43 млн. метров, то в 1945 г. оно достигло 80 млн. метров¹⁷. Добыча лигнита до войны в среднем была 450 тыс. тонн, в 1945 г. добывалось уже свыше 700 тыс. тонн, а в 1950 г.—1,2 млн. тонн. Дальнейшее развитие получила добыча хромовой руды, которая в 1952 г. достигла свыше 800 тыс. тонн—против 148 тыс. тонн в 1945 г.¹⁸

В связи с ростом строительных работ, в годы войны Сумер-банком был сооружен в Сивасе цементный завод с годовой мощностью 100 тыс. тонн¹⁹. Это был первый цементный завод, построенный государством. Турецкие власти занимались и строительством железных дорог. За 1944—1951 гг. были построены линии Диярбакыр—Курталан; Тавшанлы—Тунчбилек, Тунчбилек—Курукавак, Кепрюагзы—Мараш, Эрзурум—Хорасан общей протяженностью 312 км²⁰. Вся сеть железных дорог Турции в 1942/1943 гг. составляла 7414 км²¹.

В годы второй мировой войны частный сектор неохотно шел на выделение капиталовложений в промышленность, несмотря на то, что условия военного времени, а именно, нехватка товаров, высокие цены и т. д., были, казалось бы, благоприятными для расширения многих отраслей промышленности. Одной из причин такого отношения частного капитала к промышленным капиталовложениям было то обстоятельство, что торговля в это время обеспечивала намного больше выгоды, нежели промышленное строительство. Кроме того, многие частные предприниматели считали риском в условиях, когда мировая война бушевала у границ Турции, вкладывать капиталы в промышленность. Имело значение и то обстоятельство, что для промышленного строительства необходимо было оборудование и сырье, которое в условиях войны импортировать частному сектору было намного труднее, чем государственному. В особенно неблагоприятном положении находились мелкие промышленники, так как именно они испытывали наибольшую нехватку сырья и других материалов, именно они из-за снижения покупательной способности населения, как правило, терпели убытки.

В более или менее удовлетворительном положении находились государственный сектор и частные ценовые²² предприятия. Об этом свидетельствует тот факт, что если в 1939 г. государственные

предприятия выпускали 27,7 % всей промышленной продукции страны, частные ценовые фабрики—34,3 %, то в 1945 г. их доля составила соответственно 24,1 и 43,1²². В 1950 г. государственный сектор выпускал 28,1 % всей продукции, а ценовая частная промышленность—44,3 %²⁴. При этом нужно иметь в виду, что государственные заводы и фабрики составляли по числу лишь 0,1 % всех предприятий обрабатывающей промышленности²⁵.

Если проанализировать данные за 1939—1950 гг., то видно, что в этот период частное фабрично-заводское производство, несмотря на отмеченные трудности, постепенно укрепляет свои позиции. Государственная же промышленность несколько ослабила свои позиции в 1945 г., но уже в 1950 г. намечается ее рост.

Одним из главных источников капиталистического накопления в Турции, используемого затем в государственных капиталовложениях, являлись налоги, которые имели преобладающую долю в доходах государственного бюджета. Как отмечал Е. Ф. Лудшувейт, подавляющая часть косвенных и прямых налогов (около 70 %) приходилась на налоги с трудящихся и лишь около 20 %—на прибыли, получаемые помещиками, купцами и предпринимателями, хотя на их долю приходилось более половины национального дохода. Весьма скромное место в доходной части бюджета занимала и прибыль от государственных предприятий²⁶. По подсчетам П. П. Моисеева, трудовое крестьянство только в порядке прямого налогообложения уплатило в 1943—1944 гг. около 1100 млн. лир²⁷.

Доля прямого налогообложения в Турции была низка. Если сопоставить данные за 1936, 1946 и 1951 гг., то выясняется, что доля прямых, косвенных и чрезвычайных налогов в 1936 г. соответственно составляла 21, 52 и 27 %; в 1946 г.—25, 40 и 35 %; в 1951 г.—26, 58 и 16 %²⁸. Как показывают цифры, за указанные годы доля косвенного налогообложения превышала долю и прямых, и чрезвычайных налогов.

Главную роль в прямом налогообложении Турции играл подоходный налог, доля которого год за годом увеличивалась. Так, если размеры поступлений в виде подоходного налога среди налоговых доходов в 1936 г. составляли 20,6 млн. лир, то в 1941 г. и 1946 г. они соответственно возросли до 52,5 и 149 млн. лир²⁹. Косвенные налоги взимались путем повышения цен на товары широкого потребления, включались в цены на коммунальные, транспортные и целый ряд других услуг, непосредственно затрагивая интересы малоимущих слоев турецкого общества. Турецкие власти, пользуясь военной конъюнктурой, постоянно взвинчивали цены на товары широкого потребления. В косвенных налогах значительную роль играли таможенные пошлины, доля которых за эти годы также увеличилась. Так, в 1951 г. таможенные поступления составляли 159,8 млн. лир, против 34,8 млн. лир в 1939 г.³⁰ Налоговая полити-

ка в Турции полностью была подчинена интересам имущих классов и направлена против трудящихся масс. Львиная доля налоговых поступлений использовалась для военных целей.

В изучаемые годы основным источником экономического влияния большей части турецкой буржуазии являлась торговля. В руках частного предпринимательства, за небольшими исключениями, была вся внутренняя оптовая и розничная торговля. По турецким статистическим данным, в 1950 г. в населенных пунктах с числом жителей более 2 тыс. существовало 12 тыс. предприятий оптовой торговли, где было занято примерно 39,2 тыс. человек, из которых 12,7 тыс. составляли владельцы и совладельцы, а наемный персонал—около 26,5 тыс. человек³¹. Из этих данных следует, что на одно торговое оптовое предприятие приходится по 3 человека. По этим же данным в стране существовало около 73,6 тыс. предприятий розничной торговли, где было занято около 111,5 тыс. человек, из которых владельцы и члены семьи, принимающие участие в торговле, составляли 90,8 тыс. человек, а число наемных лиц—20,6 тыс. В розничной торговле на одно предприятие приходилось примерно 1—2 человека.

Значительная часть торговцев в Турции была занята в розничной торговле. Однако среди них число крупных торговцев было невелико. В основном это были мелкие торговцы, располагавшие небольшими бакалейными лавками или магазинами. Как правило, они редко прибегали к помощи наемного труда, ограничиваясь использованием труда членов своей семьи.

Некоторая часть турецкой торговой буржуазии была занята в посреднической или во внешней торговле страны. Годы второй мировой войны оказались особенно удачными для развития экспорта. Продавая товары, в основном стратегического назначения, Германии, Турция одновременно поддерживала тесные торговые контакты с США и Англией, которые, стремясь ослабить экономические связи Турции с Германией, подчас покупали турецкие товары по повышенным ценам. Значительно активизировала Турция после войны свои торговые отношения с США. Ее экспорт в США в 1939 г. составил 18,3, в 1945 г.—96, в 1951 г.—187 млн. лир. Турция поддерживала также тесные торговые контакты с Англией. Если в 1939 г. экспорт Турции в Англию составил 7,3; в 1945 г.—32,6, то в 1951 г.—73,3 млн. лир³².

Благоприятная торговая конъюнктура для экспорта товаров способствовала тому, что Турция имела активное сальдо во внешнеторговом обороте, могла накапливать запасы золота и валюты. Как показывают турецкие статистические данные, в 1940 г. экспорт Турции превысил импорт на 23,6; в 1941 г.—25,4; в 1942 г.—5,4; в 1943 г.—11,4; в 1944 г.—17; в 1945 г.—26,8 %³³. При этом, разуме-

ется, следует учитывать и застой в условиях военного времени в импорте в страну промышленного сырья и оборудования. Турция экспортировала в основном сельскохозяйственное и минеральное сырье, а импортировала промышленные товары. Так, в 1950 г. в экспорте страны хлопок составил 26,6 %, табак—23,2 %, фрукты и орехи—19,2 %, хромит и другое минеральное сырье—4,5 %. В этом же году в импорте страны машины и оборудование составили 23,1 %, черные металлы и изделия из них—12,2 %, нефть и смазочные масла—7,4 %, легковые и грузовые автомобили и вагоны—5,5 % и т. д.³⁴ Экспорт и импорт всегда являлись доходными сферами торговли в Турции: прибыль здесь в 25 % и больше являлась обычным явлением³⁵.

Не менее прибыльными являлись подрядные работы. В отличие от промышленника, который рискует при капиталовложениях, не всегда заранее зная, по какой цене сможет продавать свою продукцию, подрядчик знает примерный доход от своего дела. И если в течение года цены на некоторые используемые материалы повышаются, то это учитывается и оговаривается. Так, выступив в роли подрядчиков крупные дельцы Хайдар Эмре и Вехби Коч за 6 млн. лир обязались построить один из участков железнодорожной линии Элязыг-Ван. Когда началась вторая мировая война и товары резко подорожали, государство, уступая требованиям подрядчиков, пересмотрело подрядные соглашения с учетом изменений в ценах. В результате вышеуказанная стоимость сделки была повышена до 15—18 млн. лир³⁶.

Начиная работы, не каждый турецкий подрядчик мог располагать большим капиталом; лишь получив большие авансы от государства, он мог приобрести все необходимое. Часто уже после подписания контракта государственные организации-заказчики сами предоставляли подрядчику необходимые для выполнения подряда средства. В конце строительства подрядчик получал прибыль, которая иногда превышала сумму вложенного капитала. Нередко два-три подрядчика объединялись для выполнения крупного подряда.

Широкий размах в Турции получила в эти годы торговля земельными участками, отводимыми под постройки. Чрезмерно высокие цены вовлекали многих предпринимателей в спекуляцию землей, другой недвижимостью. В крупных городах по сравнению с 1930 г. цены на такие земли повысились в 2 тысячи раз, а по сравнению с 1950 г.—в 100 и 200 раз³⁷.

Одним из распространенных источников обогащения в Турции являлось ростовщичество, укоренившееся в деревне. Как правило, ростовщики давали в долг не только деньги, но и все необходимое для обработки земли. Крестьянство испытывало острую нехватку в сельскохозяйственном кредите, сконцентрированном в руках ага

и помещиков. Крестьяне вынуждены были прибегать к «помощи» ростовщиков, поскольку, банки, кроме Сельскохозяйственного, давали кредит только по рекомендациям торговцев. Естественно, что не всем крестьянам удавалось получить кредит по этим каналам. О недостаточности банковского сельскохозяйственного кредита говорит такой пример. В Сёке (вилайет Айдын) для выращивания хлопка необходимый суммарный кредит исчислялся в сумме 50 млн. лир, однако общая сумма кредитов, выданных банком в Сёке, составляла лишь 10 млн. лир. При таком состоянии сельскохозяйственного кредита крестьянам Сёка не оставалось другого выхода, как прибегать к ростовщическому кредиту. Ростовщики, пользуясь тяжелым финансовым положением крестьян, давали такой кредит под высокие проценты. Например, в Эгейском районе размер ростовщического процента достигал 200 % годовых³⁸.

К. Маркс подчеркивал двойственный характер ростовщического капитала, считая его не только показателем сохранения докапиталистических форм эксплуатации, но и «мощным рычагом для образования предпосылок промышленного капитала»³⁹.

В указанные годы некоторое оживление наблюдалось в предпринимательской деятельности промышленников. Несомненно, что частная промышленность в первые послевоенные годы могла развиваться в значительной степени благодаря накоплению и концентрации торгового капитала за годы войны и последующему его переливу в промышленность. По данным турецкого экономиста Н. Серина, 43 % деловых людей Турции в 50-е годы, до своей предпринимательской деятельности в промышленности занимались торговлей, а 19,4 % — были землевладельцами⁴⁰. При этом четыре пятых из этих бывших торговцев до своей деятельности в сфере промышленности занимались оптовой торговлей, а одна пятая была занята в розничной торговле и импортных операциях. Землевладельцы же, являясь второй по значению группой, из которых формировались промышленники-предприниматели, владели землями, площадь которых исчислялась сотнями га.

Турецкое частное предпринимательство было представлено в 40—50-х гг. и участием в банковских операциях. Государственные и частные банки занимались, как правило, не только предоставлением кредита промышленности, транспорту, сельскому хозяйству и другим отраслям, а также лицам, нуждающимся в кредитах, но и сами вкладывали капитал в промышленность, торговлю и т. д. Например, один из частных банков Турции, Акбанк, был создан в 1948 г. с капиталом в 5,7 млн. лир. Из числа его 83 учредителей основное место занимали аданские торговцы, промышленники и помещики, несколько адвокатов, врачей. Наиболее крупными акционерами были такие семьи аданских и кайсерийских крупных торговцев и промышленников, как семьи Хас, Сабанджы, Сапмаз,

Озгюр, Босна, Текин, владевшие или построившие в 50-х годах крупные текстильные комбинаты в Адане и Тарсусе⁴¹. В указанные годы стало намечаться укрепление позиций национального частного банковского капитала на общем фоне увеличения числа банков и отделений в стране. Например, число банков и их отделений в 1948 г. достигало 32, против 11 в 1924 г.⁴² Крупными государственными банками страны являлись Сумербанк, Этибанк, Сельскохозяйственный банк, Вилайетский банк и др. Одним из первых частных национальных банков Турции был Строительный и кредитный банк, который был основан в 1944 г. с капиталом в 1 млн. лир⁴³. Основателем Строительного и кредитного банка был крупный банкир Кязым Ташкент. Еще в 1929 г. он пытался основать сахарный завод, затем, имея специальность инженера, занимал ответственные посты на государственных предприятиях. В 1944 г. К. Ташкент стал генеральным директором государственного общества сахарных заводов Турции (Тюркие шекер Фабрикалары А. Ш.), но затем оставил этот пост и перешел в частный сектор. В этом же году им было основано страховое общество Доган⁴⁴.

Самым крупным частным национальным банком в Турции считается Деловой банк, хотя часть его акций принадлежит государству. Сумма активов банка в 1948 г. составляла 11,6 % активов всех банков, действовавших в Турции, или 46 % активов частных банков⁴⁵. Год за годом доходы этого банка росли: если в 1944 г. Деловой банк получил прибыль в размере 1,6 млн. лир, то в 1949 г.—уже 3,5 млн. лир⁴⁶.

В 1950 г. в Стамбуле был учрежден Банк промышленного развития Турции. Членами управления банка стали влиятельные деловые люди страны: бывший генеральный директор Делового банка Меджит Дуруиз, член правления Строительного и кредитного банка Атыф Куюджак, Нури Догделен, Хаккы Авундук, Джабир Селек, Супхи Аргун и В. Коч⁴⁷. Банк должен был открывать долгосрочные (10 лет) и среднесрочные (5 лет) кредиты только для частного сектора—с целью финансирования строительства новых предприятий или модернизации существующих⁴⁸. Акционерами Банка промышленного развития Турции выступили 24 банка, акционерные компании и частные лица, а также иностранные банки: Османский, Салоникский, «Банка Коммерциале Италияне», «Банка ди Рома», Голландский банк, которым принадлежали акции на сумму 3,2 млн. лир, или четверть всех акций банка⁴⁹.

Деятельность частных банков в Турции особенно оживилась с начала 50-х годов, после прихода к власти Демократической партии. В этот период не только основывались новые банки—действующие стали расширять сеть своих отделений и агентств. Так, например, открыли свои отделения и агентства Акбанк—в 42, Гаран

тийный—в 1, Кредитный—в 5, Турецкий торговый—в 11, Деловой—в 22, Строительный и кредитный—в 64 городах и т. д.⁵⁰

Некоторая часть турецких предпринимателей вкладывала капитал в сельское хозяйство, на приобретение недвижимого имущества—земельных участков, домов и т. д. В результате в деревне образовался новый слой землевладельцев, действовавших и в городе, и в деревне. Их интересы совпадали с интересами помещиков, включавшихся в капиталистическое предпринимательство в деревне. К сожалению, турецкая статистика не содержит сведений, показывающих масштабы перелива торгово-ростовщического капитала в сельское хозяйство, что и обуславливает необходимость использования косвенных фактов. Одним из таких фактов можно считать рост кулацких хозяйств в деревне. По приблизительным подсчетам А. Д. Новичева, в 1939 г. в Турции насчитывалось 290 тыс. кулацких хозяйств, а в 1950—1952 гг. их число увеличилось до 328 тыс.⁵¹ По всей вероятности, в росте кулацких хозяйств определенную роль сыграл и переход торгово-ростовщического капитала в сельское хозяйство. Например, после того, как в районе Текирдаг стали строить винокуренный завод, торговцы стали срочно скупать крестьянские земли, доводя свои земельные участки до 40—50 га⁵².

Более отчетливо в турецкой деревне наблюдался обратный процесс, т. е. помещики стали часть своих капиталов вкладывать в промышленность, участвовать в торгово-банковых операциях, заниматься подрядными работами и т. д. Так, крупный помещик, депутат из Эскишехира Эмин Сазак принимал участие также в подрядных работах и, накопив достаточный капитал, построил в Самсуне лесопильный завод⁵³. Другой пример такого рода свидетельствует о том, что крупные собственники плантаций сахарной свеклы приняли участие в финансировании строительства сахарных заводов⁵⁴. Данные одного обследования также показали, что крупные землевладельцы обеспечили 19,4 % средств, использованных в 50-х годах на капиталовложения в сфере промышленной деятельности⁵⁵. В результате расширения предпринимательской деятельности торговый капитал стал действовать как торгово-промышленный, торгово-ростовщический, торгово-банковский капитал и т. д.

Таким образом, в годы второй мировой войны и в первые послевоенные годы национальная буржуазия страны постепенно укрепляла, хотя и медленными темпами, свои экономические позиции, в немалой степени используя накопленный в годы войны значительный капитал, а турецкое правительство всемерно способствовало ее развитию.

2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЕКТОРОМ. ИНОНАЦИОНАЛЬНЫМ И ИНОСТРАННЫМ КАПИТАЛОМ

Правящие круги Турции после установления республиканского строя, особенно с 30-х годов, стали уделять особое внимание созданию и развитию государственного сектора. Как правило, в развивающихся странах он играет в целом прогрессивную роль. Здесь важно уяснить, какими классами создается и управляется госсектор и какие цели преследует. Создавая в Турции государственный сектор, правящие круги вовсе не имели в виду развитие страны по некапиталистическому пути. Они были намерены лишь поставить госсектор на службу национальной буржуазии, насколько не заботясь об интересах трудящихся. Однако создание госсектора способствовало росту внутреннего рынка, развитию национальной экономики и ослаблению позиций иностранного предпринимательства. Принятые в сфере государственного сектора мероприятия были направлены на создание и развитие важных для страны отраслей промышленности, требовавших больших капиталовложений.

Государственный сектор с первых же дней существования новой власти имел тесные связи с частным капиталом. По мере возможности он снабжал частные предприятия сырьем, электроэнергией, изделиями своего производства и т. д. Национальная буржуазия лишь своими собственными средствами не в состоянии была вывести страну из тяжелого экономического положения. Поэтому она признавала необходимость государственного вмешательства, которое не ущемляло бы коренных интересов частного сектора. Слабость национальной буржуазии страны состояла не только в том, что она не располагала необходимыми капиталами по финансированию строительства крупных проектов. Она не располагала также необходимыми техническими знаниями и навыками для управления крупными предприятиями. Госсектор уже в 30-е годы являлся опорой многих экономических преобразований в стране. Вынужденные прибегнуть к политике госкапитализма, правящие круги Турции все же основой экономического развития считали частное предпринимательство.

Развитие страны в 30—40-е годы показало, что Турция, благодаря этатизму и ограничению иностранных капиталовложений, смогла добиться определенного экономического прогресса, построить крупные современные предприятия, что было бы не под силу частным предпринимателям. Однако, кроме успехов, выявились и серьезные экономические трудности, которые в первые послевоенные годы дали о себе знать. Часть деловых людей связывала причины их с тем, что экономика страны находится под контролем

государства и отсутствию условия для приложения частного капитала⁵⁵. Все отчетливее звучали требования ограничить экономическую деятельность государства, создать более благоприятные условия для частных капиталовложений, передать предприятия, находящиеся в руках государства, частным лицам. Выдвигались предложения четко определить сферы государственного предпринимательства. С точки зрения этих кругов этатизм обеспечил экономическую независимость, основал национальную экономику, поддержал развитие местной индустрии и этим завершил свою историческую миссию. Он уже препятствует, таким образом, развитию экономики⁵⁷. В качестве одного из аргументов приводился пример с национализацией шахт угольного бассейна Зонгулдак, в результате которой население страны, до этого не испытывавшее никаких трудностей с углем, оказалось в тяжелом положении⁵⁸.

Противники этатизма считали, что государственные предприятия не могут рационально работать по следующим причинам: 1. Эти предприятия лишены коммерческих устремлений, ими руководят чиновники, которые избавлены от необходимости стремиться к прибыли, избегать убытков. 2. Руководители государственных предприятий не могут избавиться от бюрократического мышления. Их права ограничены в принятии необходимых решений. 3. Государственные предприятия лишены реформирующего влияния конкуренции. Они находятся в преимущественном положении по сравнению с частными предприятиями: освобождены от налогов, имеют большую материальную и моральную поддержку властей, опираются на государственный бюджет⁵⁹.

Выступая в печати, один из деловых людей Турции (в недавнем прошлом—крупный руководитель в госсекторе) Х. Алисбах предстал перед экономическими кругами как серьезный критик политики этатизма, защитник интересов частного предпринимательства. Он утверждал, что вмешательство государства в дела предпринимателей не должно выходить за рамки необходимости, выступал за разработку такого промышленного плана, который мог бы определить взаимные отношения между государством и частным предпринимательством. Он требовал от государства поддержки в обеспечении частного сектора внешними кредитами и валютой, установления равноправных отношений между частными и государственными предприятиями, предоставления частным фирмам промышленного кредита⁶⁰.

22—27 ноября 1948 г. в Стамбуле состоялся промышленный конгресс. На конгрессе были созданы три комиссии (по этатизму, внешней торговле и налоговой реформе), в которых обсуждались и предложения частного сектора⁶¹. В частности, в комиссии по этатизму выдвигались требования о том, что государство должно посвятить себя таким сферам деятельности, как образование, разви-

тне транспорта, оборонная промышленность, почта и другие отрасли общего значения. Предприниматели требовали, чтобы государство обеспечило им необходимые возможности для успешной деятельности, а частное предпринимательство имело бы равные с государственными предприятиями права. Выдвигалось требование и о том, что государство должно действовать только в таких областях, где частное предпринимательство невыгодно.

В области внешней торговли были предложены меры по поощрению экспорта. Все препятствия по экспорту должны быть устранены, и государство, взаимодействуя с купцами, обязано ограничить импорт.

Комиссия по налоговой реформе рекомендовала пересмотреть налоговую систему и, исходя из новых нужд страны, отменить налог, который был установлен на продукты сельского хозяйства.

На конгрессе утверждалось, что при управлении экономическими делами государство должно играть просветительскую и, по необходимости, организаторскую роль, однако оно ни в коем случае не должно выступать против предпринимателей как регулирующая сила и как конкурент⁶².

Вместе с тем работа промышленного конгресса показала, что отдельные группировки национальной буржуазии выступали за ограничение, а не за ликвидацию этатизма. Особенно были заинтересованы в сохранении этой политики наименее влиятельные представители частного сектора. Так, Юсуф Салим Атасагун признавал, что этатизм обеспечил национальной экономике большие успехи, например, в производстве чая и сахара. И если государство откажется от своих экономических мероприятий, то частное предпринимательство еще не в силах будет урегулировать экономическую жизнь страны²³. Другой выступивший на конгрессе сторонник этатизма—Ш. Сюрея Айдемир—считал, в частности, что государство не препятствует развитию частного предпринимательства и в течение 25 лет оно сделало гораздо больше, чем в течение 600 лет сделали частные компании⁶⁴.

События послевоенного периода, свидетельствовали о том, что проблема этатизма становится важным моментом в спорах между различными слоями национальной буржуазии о дальнейшем экономическом развитии страны.

Одной из особенностей национальной буржуазии Турции того периода было то, что она крепла не в производстве, а в посреднических операциях. Буржуазия была посредником в торговле между государством и иностранной фирмой, между производителем и потребителем, действовала в качестве агента, комиссионера, представителя иностранных фирм-импортеров и т. д. Этими операциями занимались и такие крупные фирмы, как фирмы В. Коча, М. Кавала, Бурли и др. Например, М. Кавала получил право поставлять

в 1946—1947 гг. большую партию вагонов и вагоноцистерн для Управления железных дорог, «Оффиса нефти» и других организаций общей суммой 28 млн. лир⁶⁵. В годы второй мировой войны В. Коч вместе с другими посредниками-импортерами получил право ввозить в Турцию грузовики для нужд государственного сектора. При этом признавалось право этих фирм продавать импортируемые грузовики государственным организациям по очень высоким ценам. В. Коч выступал также как агент Карабюкского комбината, закупал кокс и продавал его этому комбинату⁶⁶.

Механизм этих сделок был несложен. Если какой-либо государственной экономической организации необходимо было купить за границей оборудование, она привлекала частную агентскую фирму. Последняя (если на торгах именно она предложила лучшие условия от имени иностранной фирмы) и проводила все операции по ввозу оборудования для соответствующих государственных организаций. Агентской фирме оплачивались стоимость сделки плюс комиссионные. Тот же принцип существовал и при строительстве государством железных и шоссейных дорог, гидроэлектростанций и других объектов.

Следует отметить, что различия в условиях деятельности между частным капиталом и госсектором Турции определялись и тем, что предприятия частных компаний, даже крупные, уступали государственным по численности рабочей силы, технической оснащенности, качеству производимых изделий и т. п. Государственный сектор имел более широкие возможности найти необходимые средства для капиталовложений, чем частные предприниматели. Естественно, последние использовали все каналы, чтобы добиться равных прав с госсектором.

Изменилось и положение инонациональной буржуазии. До сороковых годов она в определенной мере могла противостоять турецкой национальной буржуазии, постепенно набиравшей силу.

Однако вторая мировая война создала исключительно благоприятные условия для окончательного вытеснения или поглощения инонациональной буржуазии из экономики страны. В условиях войны давление извне также не было бы в состоянии противостоять чрезвычайным мерам турецких властей, предпринятым в отношении собственности инонациональной буржуазии. В результате, 11 ноября 1942 г. был принят закон о налоге на имущество⁶⁷, согласно которому налогоплательщик подвергались крупные землевладельцы, владельцы домов и земельных участков, торговцы, комиссионеры, маклеры и т. п. Налогоплательщики были обязаны выплатить этот налог в течение 15 суток. В противном случае они могли быть направлены в любой район страны на принудительные работы. Цели этого чрезвычайного закона ясны: взыскать дополнительный источник для покрытия разбухающих военных расхо-

дов, раз и навсегда покончить с конкуренцией инонациональной буржуазии, вытеснить ее из экономики и тем самым обеспечить еще более широкие возможности для своего развития.

Еще до обсуждения закона в меджлисе в некоторых кругах страны стало известно, что правительство подготавливает законопроект, направленный против инонациональной буржуазии. Примечательна беседа двух журналистов—Н. Садака⁶⁸ из газеты «Акшам» и Х. Т. Уса из газеты «Вакит». Когда Н. Садак выразил свою озабоченность по поводу того, что обложение буржуазии налогом отрицательно скажется на ее развитии, Х. Т. Ус пояснил, что, как он осведомлен из достоверных источников, этот закон будет направлен против национальных меньшинств, а что касается турецких предпринимателей, то их интересы будут защищены⁶⁹.

Очевидна националистическая окраска этого закона. Неоднократные демагогические высказывания представителей властей о том, что члены турецкого общества равны перед законом, вновь на проверку оказались фальшивыми. О дискриминационной политике турецких властей свидетельствует и содержание соответствующей инструкции по налогообложению, согласно которой налогоплательщики разделялись на группы мусульман и немусульман⁷⁰. Затем были выделены еще две группы, куда вошли дёнме (еврей-мусульмане) и иностранцы. Для всех групп устанавливались различные размеры налогообложения. Английский автор Б. Льюис пишет, что дёнме должны были платить в два раза больше, чем мусульмане, а немусульмане—в десять и более раз⁷¹.

В условиях произвола турецких властей торговец-турок должен был платить 4,74 % своего годового дохода, грек—150 %, еврей—179 %, армянин—232 %, т. е. греки, по сравнению с турками, платили больше в 31 раз, еврей—в 36, а армяне—в 47 раз⁷².

Различные любители легкой наживы, спекулянты, нечистые на руку должностные лица стремились воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы приумножить свои богатства. Наблюдались случаи злоупотреблений со стороны чиновников, ответственных за проведение в жизнь закона. Например, один из членов налоговой комиссии понизил налог на представителя инонациональной буржуазии, а впоследствии стал его компаньоном. Были мусульмане, которые входили в сделки с представителями инонациональной буржуазии, выдавали себя за компаньонов и добивались сокращения размера налога. Такими делами занимался, например, Захит-бей, тесть премьер-министра Ш. Сараджоглу⁷³. И компании Вехби Қоча «удалось» снизить налоговую сумму—с миллиона до 600 тыс. лир⁷⁴. Самый высокий налог заплатила фирма «Барзылай и Бенджамен». Эти два торговца стали богачами после того, как оставили службу в «Обществе электричества» и стали заниматься транспортировкой угля. По данным Ф. Окте, эта фирма заплатила

около 1,7 млн. лир. Среди дёнке, заплативших налог в сумме миллион лир, находились также братья Безмен, братья Бурла и др.⁷⁵.

Таким образом применение налога на имущество нанесло чувствительный удар по позициям инациональной буржуазии: значительная часть ее обанкротилась, другая—покинула Турцию. Однако некоторые предприниматели сумели восстановить и даже укрепить свои позиции. Закон о налоге на имущество действовал в стране до марта 1944 г., после чего был отменен⁷⁶. Пытаясь привлечь буржуазию нацменьшинств на свою сторону, лидеры оппозиционной Демократической партии выступили в роли критиков налога на имущество. Один из основателей ДП Джелал Баяр заявил, что закон плохо подготовлен, неудачно проводится и его партия решительно против всяких подобных законов⁷⁷. Демократическая партия долгое время использовала закон о налоге на имущество в политической борьбе против Народно-республиканской партии⁷⁸.

Можно утверждать, что применение закона на имущество стало в рассматриваемый период одним из важнейших «способов» накопления капитала в руках национальной буржуазии. Следует отметить также, что турецкая буржуазия не в первый раз прибегает к административным мерам в борьбе с инациональной буржуазией. Можно даже утверждать, что это является одной из особенностей развития турецкой национальной буржуазии.

Что же касается иностранного капитала, то национальная буржуазия Турции вела против него двойственную политику. С одной стороны, она была заинтересована в ослаблении его позиций в экономике во имя укрепления собственных, с другой—нехватка финансовых средств заставляла прибегать к помощи иностранного капитала. Национальная буржуазия в борьбе с иностранным капиталом, опираясь на политическую силу и власть, использовала в качестве влиятельного средства госсектор и путем национализации, налогообложения, таможенными пошлинами и т. п. всячески оберегала и защищала свои интересы.

После объявления республики турецкие власти вели политику постепенной ликвидации влияния иностранного капитала и до 1944 г., как подчеркивают турецкие авторы, никаких существенных поступлений извне не было⁷⁹. Однако после второй мировой войны национальная буржуазия Турции стала проявлять интерес к расширению связей с империалистическими монополиями, особенно с США. Стремление национальной буржуазии сотрудничать с деловыми кругами Америки совпало с желанием империалистических кругов этой страны, которые уже давно хотели поставить Турцию под свой контроль, милитаризовать страну и превратить ее в военный плацдарм против СССР и национально-освободительных дви-

жений в этом регионе. Одним из актов сближения двух государств стало соглашение по «докрине Трумэна», заключенное между ними в июле 1947 г. Договор положил начало проникновению американского империализма в страну. В результате подписания этого договора Турция получила от США военную помощь в сумме 100 млн. долларов⁸⁰.

Вслед за этим договором, в июле 1948 г. между двумя государствами было заключено соглашение по «плану Маршалла» об экономическом сотрудничестве. Турецкие власти надеялись на помощь в сумме 615 млн. долл., однако США не пошли на столь щедрое финансирование. Турция смогла получить за 1949—1950 гг. лишь 180 млн. долларов⁸¹.

Следует отметить, что США не стремились развивать турецкую промышленность, им выгодно было иметь Турцию в качестве сельскохозяйственной страны. Такая политика мотивировалась тем, что Европа вышла из войны разрушенной и испытывала нужду в продовольствии и сырье. Поэтому включение Турции в «план Маршалла» было обусловлено тем, что она должна была стать продовольственной и сырьевой базой Европы. Что же касается промышленных изделий, то Турция может их ввозить из Европы⁸².

Фактически Турция должна была превратиться в продовольственную и сырьевую базу Запада. Страну все чаще стали посещать иностранные специалисты, которые затем давали рекомендации своим властям относительно турецкой экономики. Например, американский специалист М. В. Торнбург в своем отчете рекомендовал положить конец политике этатизма в Турции, ликвидировать Карабюкский металлургический комбинат, не строить заводов и фабрик, считая, что все, в чем нуждается страна, она получит от США⁸³. Торнбург был даже против предоставления турецкому правительству кредитов на приобретение судов, поскольку это якобы противоречит интересам местных и иностранных предпринимателей. По мнению заокеанского специалиста, самое лучшее, что могло сделать турецкое правительство,—это принять закон, признающий равные права за иностранным и местным капиталом. Кроме того, Торнбург рекомендовал открыть отделения американских страховых обществ и банков, а турецкому правительству использовать услуги специалистов, выбранных американскими консультационными фирмами и т. д.⁸⁴

После второй мировой войны Турцию посетила также комиссия Международного банка реконструкции и развития, которая в итоге своей миссии подготовила отчет. Комиссия рекомендовала министру сельского хозяйства всемерно содействовать росту сельскохозяйственного производства, а также обратить внимание на подготовку соответствующих кадров, в том числе за границей. Ин-

тересы индустриального развития страны, по мнению комиссии, требовали обратить внимание руководителей Турции на следующие важнейшие сферы: агропромышленные группы, производство несложных механизмов, инструментов, строительных материалов, минеральных веществ, деревообработку, керамическое и гончарное производство, столярное дело и т. п.⁸⁵ Эта комиссия, как и прочие, посещавшие Турцию, считала, что стране не нужно иметь тяжелой промышленности. Исходя из интересов частного предпринимательства, она рекомендовала правительству: более четко устанавливать сферы государственного вмешательства в промышленность, горное дело, торговлю; обеспечивать равные права государственному и частному секторам; устранить ограничения на иностранные частные капиталовложения и создавать благоприятные условия для их развития.

Нужно отметить, что все иностранные комиссии, посетившие Турцию, отражая интересы частного местного и иностранного капитала, стремились ликвидировать этатизм и обеспечить широкие возможности для укрепления и развития частного капитала. Кстати, даже президенты США Г. Трумэн и Д. Эйзенхауэр, выражая интересы деловых кругов Америки, стремились внушить турецкому правительству, что одним из условий получения Турцией американской «помощи» является предоставление иностранному капиталу свободы действий⁸⁶.

Турецкие власти пошли на серьезные уступки, приняв в мае 1947 г. решение о поощрении иностранного частного капитала в стране. Этим решением впервые за республиканский период правительство поощряло поступление иностранного капитала, причем разрешалось ввозить в страну капитал и в виде валюты. Иностранный капитал получил право делать вложения в те сферы промышленности, сельского хозяйства, общественных работ, которые будут считаться полезными для развития страны. В марте 1950 г. турецким меджлисом был принят первый закон (№ 5567) о поощрении иностранного капитала и частных капиталовложений⁸⁷.

Однако эти поощрительные меры турецкого правительства пока полностью не удовлетворяли представителей иностранного частного капитала, поскольку ограничивали вывоз прибылей и вложенного капитала.

В годы второй мировой войны иностранные капиталовложения в Турцию были скромными. Например, частные американские вложения составили в 1950 г. всего 33 млн. долларов⁸⁸.

В эти годы в стране уже существовали сотни турецких фирм, выполнявших роль торговых агентов иностранных фирм—американских, английских, швейцарских и др. Постепенное проникновение иностранного капитала в страну началось именно через эту агентуру. Еще в разгар второй мировой войны некоторые деловые

люди Турции предчувствовали, что Германия в войне потерпит поражение. Среди них был и Вехби Коч, являвшийся торговым агентом некоторых иностранных фирм. Стремясь опередить своих конкурентов, Коч отправил в США своего представителя, которому удалось установить связь с американскими компаниями, а затем получить представительство таких крупных фирм, как «Дженерал электрик», «Ю. С. Раббер», «Оливер», «Барроуз», «Иорк». Сразу же после окончания второй мировой войны В. Коч сам отправился в Америку, где встретился с деловыми людьми США. После встречи с руководителями фирмы «Дженерал электрик» было решено создать первое американо-турецкое смешанное общество («Дженерал электрик ТАШ»), которое приступило к постройке электролампового завода недалеко от Стамбула⁸⁹. 60 % акций «Дженерал электрик ТАШ» принадлежало американской фирме «Дженерал электрик», 25 % — Деловому банку и 15 % — В. Кочу⁹⁰. В 1950 г. строительство завода было закончено. В том же году была основана смешанная компания «Юнилевер иш тюрк л-д Ш», в которой 80 % капитала принадлежало англо-голландскому тресту «Юнилевер» и 20 % — Деловому банку. Компания построила крупный завод по производству растительного масла и маргарина⁹¹.

Американские деловые люди использовали в своих интересах даже своих дипломатов в Турции. Например, посол США в Турции Мак Джей в те годы открыто говорил о том, что он является не послом американского народа и правительства, а представителем американских деловых людей⁹². Находясь в Турции, Мак Джей многое сделал для американских нефтяных фирм: по возвращении в США, за исключительные заслуги, он был назначен на новый, более высокий пост с жалованьем, в 15—20 раз превышающим должностной оклад послов⁹³. После второй мировой войны американский капитал стал все шире проникать в горнодобывающую промышленность Турции. В 1947 г. между турецкими геологоразведочным институтом и американской фирмой «Дрилинг энд эксплотейшн компани» было заключено соглашение на разведку нефти и угля в Турции. Фактически в руки американского капитала было передано не только руководство этим институтом, но и монопольное право на разведку естественных богатств страны. Подобное право имела также американская компания «Юнайтед джеофизикал компани». А в ноябре 1947 г. Этибанк, заключив соглашение с одной американской фирмой, предоставил ей право провести ряд мер по повышению эффективности добычи свинца, железа, серы и других полезных ископаемых в районах Болкардага, Кебана, Кечибурлу и Гюмюшлю⁹⁴.

В те годы значительно увеличились американские частные инвестиции. В 1950 г. их общая сумма в Турции составляла 16 млн.

долларов⁹⁵. Официальная статистика свидетельствует, что после принятия плана Маршалла и закона Трумэна и введения турецкими властями упомянутых поощрительных законов резко увеличился ввоз в страну американских товаров. Так, импорт Турции из США в 1939 г. составлял около 11,7 млн. лир, в 1945 г.—22,2 млн., в 1951 г.—уже 135,4 млн. лир.

После поражения Германии во второй мировой войне ее позиции в турецкой экономике были сильно подорваны. Однако уже через два—три года наметилось значительное оживление в торговых отношениях, и вскоре экспорт Германии в Турцию опередил ввоз из США. Так, если в 1939 г. импорт Турции из фашистской Германии составлял около 60,1 млн. лир, то вывоз из Западной Германии уже в 1951 г. достиг 256,7 млн. лир и превысил импорт из США на 121,3 млн. лир⁹⁶. В апреле 1948 г. был заключен первый торговый договор между Турцией и французской оккупационной зоной Западной Германии⁹⁷. Турцию все чаще стали посещать представители западногерманского капитала. В числе прибывших в 1951 г. были директор Торговой палаты Мюллер, торговый советник бывшего немецкого посольства Шенке, бывший директор германского банка Вейдеман и др. Один за другим в Турции стали открываться филиалы западногерманских банков. «Рейниш Вестфалише», «Норддойче» и «Зюддойче» открыли в Стамбуле общий филиал. Их примеру последовали «Дрезденер банк», «Гамбургер кредит», «Рейн—Майн», «Рейн-Рур» и «Банк фюр хандель унд индустри»⁹⁸.

После США и Западной Германии в импорте Турции важную роль играли Англия и Франция. Например, если импорт Турции из Англии в 1945 г. составлял около 29,4 млн. лир, то в 1951 г. он достиг 130,3 млн. Ввоз из Франции с 1,2 млн. лир в 1945 г. достиг около 62,6 млн. в 1951 г.⁹⁹

Таким образом, турецкая национальная буржуазия, разбогатев в годы второй мировой войны, стала активно поощрять ввоз иностранного капитала, резко увеличила закупки товаров в странах Запада и все более придерживалась политики либерализации внешнеторговых связей с империалистическими государствами, в первую очередь—с Соединенными Штатами. В этой либерализации экономических связей Турции значительную роль сыграли также западные державы, которые, со своей стороны, хотели превратить Турцию в зависимую от них страну, использовать ее материальные и людские ресурсы в своих интересах. На наш взгляд, полностью применима к турецкой крупной буржуазии того периода характеристика, данная ведущими советскими востоковедами: «...Местный развитый капитал, связанный с империализмом и феодализмом (или с иными способами докапиталистической эксплуатации) и одновременно стиснутый ими, эволюционирует качественно отлич-

но от западного капитала в соответствующую историческую эпоху. По сравнению с последним развитие первого идет уродливо и односторонне»¹⁰⁰.

ГЛАВА II

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ.

1. ПРОБЛЕМА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Низкий уровень промышленного развития Турции принуждал национальную буржуазию страны серьезно задуматься над разрешением экономических проблем. Она выступала за индустриализацию страны, поскольку хорошо понимала: чтобы вывести страну из экономической отсталости, нужны конкретные меры. Капиталистические страны, как правило, начинают индустриализацию с отраслей легкой промышленности. Это объясняется, во-первых, тем, что капитал в легкой промышленности быстрее оборачивается, обеспечивая за короткое время большие прибыли; во-вторых, для развития легкой промышленности не требуется больших капиталовложений. И лишь после того, как с помощью легкой промышленности накоплен значительный капитал, начинается второй этап, т. е. этап развития тяжелой индустрии.

Турецкий экономист Халюк Джиллов, говоря о важности проведения политики индустриализации, отмечает, что, во-первых, благодаря индустриализации часть потребностей в промышленной продукции покрывается за счет внутреннего производства и, таким образом, экономится валюта, а увеличение экспорта дает еще один важный источник доходов. Во-вторых, более высокая по сравнению с сельским хозяйством производительность в промышленности позволяет увеличить национальное производство и тем самым уровень доходов. В-третьих, индустриализация придает устойчивость национальному доходу, который во многом определяется сельскохозяйственными доходами, зависящими от природных условий¹.

Турецкие власти для индустриализации страны могли использовать такие важные источники накопления, как налоги, прибыли предприятий госсектора, земельную ренту и т. п., однако значительная часть этих доходов была использована для военных целей.

Правящие круги Турции еще в 30-е годы стремились разработать планы развития экономики. Как известно, первый пятилетний план Турции охватывал 1934—1938 гг. и преследовал цель развития промышленности, в основном легкой. Вскоре после первого

пятилетнего плана был разработан второй, однако мировая война помешала его проведению в жизнь. Заявления турецких властей свидетельствовали о том, что они не собирались тормозить развитие экономики в годы войны. Как следует из выступления премьер-министра Ш. Сараджоглу от 5 августа 1942 г., правительство намерено было использовать все свои возможности для развития пищевой, текстильной, кожевенной и военной промышленности, не прибегая к помощи иностранных государств². Два года спустя правительство отдало распоряжение о подготовке плана развития экономики на послевоенный период. Для осуществления этой цели была создана специальная комиссия по планированию, которой руководили министры финансов, экономики, торговли и сельского хозяйства—Нуруллах Сюмер, Фуад Сирмен, Джедьял Сирен и Шевкет Хатипоглу³. После года работы, в мае 1945 г., комиссией был подготовлен специальный доклад, отражавший основные принципы плана развития. План индустриализации предусматривал перевод сельского хозяйства на более прогрессивный путь развития, что обеспечило бы в свою очередь промышленность страны необходимым сырьем⁴.

Одной из важнейших задач, стоящих перед национальной буржуазией, являлась финансовая проблема—ведь для проведения индустриализации требовались значительные капитальные накопления. В июне 1946 г. в законодательном порядке было признано целесообразным выпустить для развития экономики внутренний заем на сумму 150 млн. лир. Министерством финансов были распространены в стране облигации на 130 млн. лир⁵.

Однако вскоре турецкая национальная буржуазия убедилась, что только своими внутренними силами она не в состоянии осуществить намеченный план. Финансовые затруднения объяснялись не только отсталостью страны, но и тем, что деловые люди предпочитали вкладывать капитал не в промышленность, а в торговлю. Часть же предпринимателей вообще переводила свои капиталы в иностранные банки.

Х. Джиллов считает, что с 1930-х годов основными факторами, сдерживавшими индустриализацию страны, являлись: недостаток средств; отсутствие организаций, обеспечивающих долгосрочные кредиты; узость внутреннего рынка; низкий уровень производительности труда; дороговизна транспорта; высокая стоимость электроэнергии и т. д.⁶.

Правительство, стремясь обойти препятствия, стоящие на пути индустриализации, готово было прибегнуть к иностранным кредитам. Это нашло свое отражение в программе Народно-республиканской партии, утвержденной в 1947 г. Так, отмечались необходимость развития и поощрения индустриализации (ст. 60), важность развития в стране пищевой, текстильной, горнодобывающей

промышленности, энергетики (ст. 61) с использованием иностранного капитала⁷.

Министр финансов в правительстве Р. Пекера Халит Назми Кешмир, говоря об усилиях по созданию плана экономического развития страны, отметил, что для финансирования подобной программы Турция, несомненно, испытывает нужду во внешнем долгосрочном кредите⁸.

Однако западные страны, исходя из собственных интересов, не собирались предоставлять Турции необходимые кредиты с низкими годовыми процентами. Они не были заинтересованы в развитии турецкой тяжелой промышленности, так как видели Турцию всего лишь в качестве импортера. Турецкие власти вынуждены были пойти на уступки и приступили к подготовке нового плана развития, но уже без отраслей тяжелой индустрии. Правительство Р. Пекера в начале 1947 г. предложило подготовку плана главному советнику министерства экономики Кемалю Сулейману Ванеру. В состав комиссии входили известные экономисты, значительную часть которых составляли члены турецкого экономического общества⁹. Для получения кредитов Турция обратилась также к международным организациям, в том числе и к Банку реконструкции и развития. В то же время в поисках внешних средств правительство стремилось привлечь в страну иностранный частный капитал¹⁰.

Судя по всему, национальная буржуазия большие надежды связывала с планом Маршалла, намереваясь существенную часть помощи получать от США. Однако впоследствии Соединенные Штаты отказались предоставить кредит, мотивируя свое решение тем, что у Турции достаточные запасы валюты и золота¹¹. Подобное решение вынудило турецкие власти связать перспективы экономического развития страны с реальными возможностями национального капитала.

5 ноября 1947 г. работы над планом развития были завершены. План содержал следующие разделы: сельское хозяйство; транспорт; крупные водно-энергетические сооружения; энергетика; металлургия; производство цемента; горнодобывающая промышленность; обрабатывающая промышленность. Для осуществления намеченных целей предусматривались финансовые вложения в сумму 3,7 млрд. лир.

По этому плану на развитие легких отраслей обрабатывающей промышленности предназначалось всего лишь 14,1 % всех капиталовложений¹². Предусматривалось строительство текстильных фабрик в Бақыркёе, Адане, комбината ситца в Измире, фабрики швейных ниток в Эрегли, двух хлопкоочистительных фабрик в Эгейском районе и пяти фабрик в Чукурове, двух фабрик по обработке конопляного волокна и сахарного завода в Адане¹³.

План развития страны предполагалось осуществить в 1948—1952 гг. Ведущее место, как было показано выше, было уделено сельскому хозяйству, в частности развитию технических культур. Было намечено увеличить, например, производство хлопка с 60 до 90 тыс. тонн; производство конопли с 15 до 52 тыс. т, приобрести 3700 новых тракторов¹⁴. Предусматривалось соорудить железные дороги протяженностью 1600 км с капиталовложением 1,65 млрд. лир, а также израсходовать 266 млн. лир на строительство шоссе-сехинных дорог и мостов¹⁵.

В остальных разделах плана были намечены следующие изменения: в энергетике производство каменного угля с 2444 тыс. т в 1946 г. довести до 4300 тыс. т в 1952 г., в добывающей промышленности планировалось довести добычу хрома в 1952 г. до 155 тыс. т, против 89 тыс. т в 1946 г., а добычу меди—до 24,7 тыс. т в 1952 г. против 10 тыс. т в 1946 г. и т. д. Капиталовложения в металлургию были весьма скромными¹⁶.

Правительство менялись, а проблемы развития экономики так и оставались нерешенными. В своих официальных программах власти выдавали себя за приверженцев осуществления плана развития, при этом не теряли надежд получить от западных стран кредиты. Так, премьер-министр Хасан Сака в правительственной программе от 8 июня 1948 г. отметил, что для осуществления плана развития экономики он намеревается использовать не только внутренние финансовые возможности, но и иностранные кредиты. Касаясь вопроса иностранных кредитов, премьер-министр отметил, что в этом деле предпринимаются ответственные меры и что скоро будут достигнуты положительные результаты¹⁷. Однако обещания Хасан Сака остались невыполненными. Пришедшее ему на смену правительство Шемседдина Гюналтая 16 января 1949 г. в своей программе относительно плана развития заявило, что сельское хозяйство страны должно развиваться ускоренными темпами, что обеспечит национальную индустрию необходимыми материалами, укрепит валютные источники и станет основой экономического развития. Ш. Гюналтай отметил, что правительство из собственных финансовых возможностей намерено планомерно оснащать шахты современной техникой, добиться их рационального действия и тем самым растущее производство каменного угля использовать в качестве источника валюты. При этом новый премьер-министр американскую «помощь» считал главной поддержкой в делах развития и увеличения производственной продукции страны¹⁸.

Однако, как показали дальнейшие события, надежды турецких властей получить американские кредиты пока не сбывались—осуществление плана развития за 1948—1952 гг. осталось на бумаге. США не предоставили кредитов для развития турецкой национальной промышленности, государственного сектора. Они всячески

стремились создавать препятствия на пути этого развития, принуждая турецкое правительство обеспечить свободную деятельность иностранного частного капитала.

Помимо вышеуказанных факторов, отрицательно действовавших на турецкую экономику, определенную роль по-видимому, сыграла и неустойчивость политической жизни страны. Только за 1946—1950 гг. друг друга сменили пять правительств¹⁹.

Необходимо подчеркнуть, что государственное вмешательство в хозяйственную жизнь носило сугубо прагматический характер, было вынужденным и во многом объяснялось нежеланием, а чаще неспособностью частного капитала обеспечить экономический подъем страны.

Несмотря на политику турецкого правительства, государственные предприятия, как показывает статистика, были более крупными, чем частные. Так, если в те годы на одно государственное предприятие приходилось в среднем 739 человек, то на частное—38²⁰. В так называемой «крупной» частной промышленности, т. е. попросту ценовой, доля наемного труда не превышала 60 %, в значительной степени еще сохранялся труд членов семей. В 1950 г. в обрабатывающей промышленности, например, в частном секторе насчитывалось свыше 82 тыс. «ценовых» предприятий с 259,5 тыс. работниками²¹. Среди них 154,7 тыс. человек составляли наемные рабочие, а 104,8 тыс. в качестве членов семей работали без жалования.

Как известно, еще в 30-х годах в Турции были учреждены две самые крупные, по турецким масштабам, государственные экономические организации—Сумербанк и Этибанк, в руки которых перешли основные государственные предприятия. Размеры их капиталовложений в промышленность могут дать представление об участии государства в развитии промышленности страны. Так, в 1940—1945 гг. государство по линии Сумербанка и Этибанка ежегодно инвестировало в промышленность 10,8 млн. лир. Это свидетельствует о том, что в годы войны оно уменьшило капиталовложения в промышленность, поскольку в довоенный период среднегодовые капиталовложения этих банков составляли 15 млн. лир²².

Турецкие предприниматели после второй мировой войны увеличили свои вклады в промышленность. Так, доля капиталовложений частного сектора в промышленность достигла к 1949 г. 600 млн. лир²³. Постепенно увеличивалось число государственных и частных фирм. В 1950 г. в обрабатывающей промышленности действовало 2515 частных и 103 государственных фирм²⁴. В целом следует считать, что меры, принятые турецкими властями с целью индустриализации страны, оказались недостаточными и не дали положительных результатов. Если и имелись некоторые сдвиги, то они были весьма скромными и относились к послевоенным 1945—1950 гг.,

когда общий индекс промышленного производства вырос на 22,6 %, т. е. средний годовой прирост составил около 4 %²⁵.

К аналогичному мнению приходит и В. П. Смирнов. Он отмечает, что в годы второй мировой войны и в первые послевоенные годы существенных структурных изменений не произошло, поскольку по стоимости произведенной продукции первое и второе места занимали пищевая и текстильная промышленность, дающие 60,8 % всей промышленной продукции Турции, стоимость же продукции, произведенной металлургической, машиностроительной и металлообрабатывающей промышленностью—лишь 9,1 %²⁶.

Национальная буржуазия Турции так и не смогла найти конкретные пути по разрешению такого важного вопроса, как индустриализация страны. Местная промышленность по-прежнему лишь частично удовлетворяла потребности страны, а многие важные промышленные товары Турция вынуждена была импортировать.

2. АГРАРНЫЙ ВОПРОС

Сельское хозяйство Турции—основная отрасль экономики страны. Подавляющая часть самодеятельного населения занята в этой отрасли. В 1940 г. на нее приходилось 62,4 %; в 1945 г.—65,6; в 1950 г.—61,7 %²⁷. Доля сельского хозяйства в национальном доходе в 1938 г. составляла 55,6 %, в 1948 г.—53,2, в 1950 г.—50,0 %²⁸. Сельское хозяйство играет важную роль также во внешней торговле. В 1939 г. 88,2 % экспорта составили сельскохозяйственные продукты, а в 1950 г. даже 93,0 %²⁹. Но все же сельское хозяйство было и остается отсталой отраслью экономики. Оно велось на крайне слабой технической основе. Обработка земли осуществлялась почти исключительно примитивными ручными орудиями—деревянной сохой, простейшим железным плугом с использованием живой тягловой силы. Число используемых в сельском хозяйстве тракторов было незначительно: в 1944 г., например, их насчитывалось всего 956 штук³⁰.

Долгие годы в Турции шел процесс обезземеливания крестьянства, особенно ускорившийся в годы второй мировой войны. Наряду с этим происходила концентрация земель в руках помещиков и ростовщиков. Так, например, помещичьи семьи, владевшие земельным участком более 500 денюмов³¹ и составлявшие 1,5 % землевладельцев, держали в своих руках одну четвертую часть всех обрабатываемых земель страны. В то же время семьи, имеющие до 75 денюмов, составляли 75,5 %, т. е. три четверти всех землевладельцев, владели лишь 29,4 % обрабатываемых земель³².

Землевладельцы постепенно расширяли размеры своих владений за счет крестьянских, государственных и общинных земель.

Однако, захватывая земли, они часто не вели хозяйства. Как правило, помещики использовали свою землю для выжимания из крестьян арендной платы. В условиях отсталой экономики, наличия феодальных пережитков, обеспечивающих полуфеодалную эксплуатацию крестьянства, сдача земли в аренду мелкими участками являлась наиболее выгодным методом получения землевладельцами огромных доходов. Издольщина издавна являлась самой распространенной формой ведения хозяйства.

В турецких деревнях значительное влияние имели ростовщики. Они безудержно эксплуатировали крестьянское хозяйство, нуждавшееся в кредите и одновременно являлись торговцами, часто посредниками закупочно-сбытовых фирм. Турецкий крестьянин притеснялся и как продавец сельскохозяйственной продукции и как покупатель промышленных товаров. Используя огромную разницу между ценами на местном сельском и городском рынках, они зарабатывали большие суммы.

Несмотря на то, что в Турции перед войной насчитывалось около полумиллиона безземельных крестьянских семей и 773 тыс. малоземельных хозяйств, турецкое правительство долгое время игнорировало аграрный вопрос в стране³³ и не принимало по нему серьезных решений.

Проведение аграрной реформы власти пытались подменить второстепенными мерами. Так, в декабре 1937 г. И. Иненю заявил о намерении правительства «создать сельскохозяйственные объединения (комбинаты), которые будут планомерно оснащаться новыми орудиями, сельскохозяйственной техникой и средствами орошения. И. Иненю вынужден был признать, что в Турции «безземельных крестьян больше, чем можно было это представить»³⁴.

Необходимость какого-то решения аграрного вопроса стала очевидной в 40-х годах, ввиду угрозы снижения сельскохозяйственного производства и активизации крестьянских выступлений. В одном из своих заявлений министр сельского хозяйства Ш. Хатипоглу специально говорил о крупных помещиках, которые жили в городах и не обрабатывали свои земли, а также о тех землевладельцах, которые не занимались земледелием, не стремились вкладывать свои капиталы в землю, обеспечивая свои частные интересы через издольщину. Он отметил при этом: «Мы не согласны с тем, чтобы земли остались без капиталов и техники и чтобы они использовались только благодаря труду издольщиков. В нашей стране помещики будут иметь свои права на землю только тогда, когда они будут должным образом обрабатывать свои земли и вкладывать капиталы в землю; с другой стороны, если кто-либо захочет заниматься земледелием, он сможет стать землевладельцем»³⁵.

Подобные высказывания и связанные с ним практические шаги властей, несомненно, отражали стремление турецкой националь-

ной буржуазии, преимущественно торговой, создать благоприятные условия для развития капиталистического производства и увеличения товарности сельского хозяйства, развития внутреннего и внешнего товарооборота. Однако те представители господствующих классов, которые были связаны с помещичьим землевладением, всячески препятствовали такого рода мерам. Национальная буржуазия хорошо понимала, что создание самостоятельной экономики невозможно без упразднения технико-экономической отсталости, без коренных аграрных преобразований в деревне. Необходимость капиталистических преобразований в сельскохозяйственном производстве страны, повышения товарности вытекала, во-первых, из того, что оно являлось источником существования основной массы населения. Во-вторых, эта важность определялась и той ролью, которую играла сельскохозяйственная продукция во внешней торговле страны. Ведь экспорт для Турции всегда являлся важным источником валютных поступлений. В-третьих, преобразования в сельском хозяйстве определялись также растущей ролью сельского хозяйства, как поставщика сырья для турецкой промышленности.

Но если, с одной стороны, национальная буржуазия была заинтересована в решении аграрного вопроса, ликвидации феодальных и полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве, сковывающих развитие производительных сил в городе и деревне, служащих основой общей социально-экономической отсталости страны, то, с другой стороны, буржуазия была связана и с землей, вкладывала капиталы в приобретение земли и искала поддержки феодальной верхушки в борьбе против крестьян. В свою очередь, крупные помещики часть своих накоплений стремились вкладывать в торговлю, подряды, в промышленность и т. п. В крупных городах находились фабрики, гостиницы, торговые агентства, рестораны, склады, хозяевами которых были землевладельцы³⁶.

Таким образом, интересы помещиков и буржуазии часто совпадали. Поэтому турецкая буржуазия не желала осуществления радикальных мер в сельском хозяйстве, надеясь удовлетворить интересы крестьянства второстепенными мерами. Буржуазия таким образом в известной мере сохраняла помещичий класс в качестве своего союзника против крестьянских масс.

Буржуазные аграрные реформы, как известно, осуществляют-ся и за счет разорения крестьянства, и за счет ликвидации помещичьего класса. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Останется помещичья земельная собственность за помещиками или перейдет к крестьянам? Если останется за помещиками,—останутся отработки и кабала. Останется нужда и постоянные голодовки миллионов крестьян. Муки медленного вымирания от голода—вот что озна-

чает для крестьян сохранение помещичьей земельной собственности»³⁷.

В Турции аграрную реформу проводили имущие классы и, естественно, они не шли на такие преобразования, которые не отвечали их интересам. Поэтому решался этот вопрос за счет крестьянства.

Закон о земельной реформе Турции 1945 г. был принят меджлисом 11 июня 1945 г.³⁸ Закон содержал 66 статей и 8 частей. Первая статья провозглашала цели закона: передать малоземельным и безземельным крестьянам и лицам, желающим заниматься сельским хозяйством такое количество земли, которое хватило бы лишь для того, чтобы прокормить крестьянина и его семью. В статье намечалось также обеспечить крестьян необходимыми средствами производства, основным и оборотным капиталом. Основной капитал предусматривалось предоставить сроком на 25 лет, с 5 % годовых, что предназначалось для создания и развития хозяйств, а для оборотного капитала предусматривались кредиты сроком на три года для обеспечения годового производства. Кредиты на оборотный капитал компенсировались годовым урожаем (ст. 47). Чтобы обеспечивать земледельцев капиталом, при Сельскохозяйственном банке был основан специальный фонд, дающий право открывать кредиты с 5 % годовых.

Закон обязывал земледельцев обрабатывать свои земли, не обработанные в течение трех лет участки подлежали отчуждению и передаче безземельным и малоземельным крестьянам. Эта статья не распространялась на земли, которые находятся под паром, под забьёю или хозяева которых несут военную службу и т. п. (ст. 7, 14).

Анализ статей этого закона показывает, что государственные или принадлежащие частным лицам хозяйства могут остаться неприкосновенными, если они обрабатываются должным образом, несмотря на то, что размеры земель этих хозяйств превышают 5 тыс. денюмов. Следовательно, крупные помещичьи землевладения могли остаться вне отчуждений.

В числе неотчужденных земель входили и сады. Это означало, как справедливо пишет Б. М. Данциг, что подавляющая часть помещичьих и крупных кулацких хозяйств не подлежала отчуждению³⁹.

Правящие круги Турции были заинтересованы не в отчуждении помещичьих земель, а лишь стремились заставить помещиков превратить свое полуфеодалное хозяйство в капиталистическое. Такой подход к решению вопроса очевиден из статьи 33, устанавливавшей пятилетний срок для определения отчуждаемых земельных участков. Таким образом, эта статья предоставила возможность тем помещикам, которые вели свое хозяйство на полуфеодальной основе, приобрести необходимые средства, стать поме-

щиком-капиталистом и тем самым избежать отчуждения своих земель. Даже при отчуждении помещичьих земель помещики получали денежную компенсацию, размер которой определяла земельная комиссия (ст. 21—23)—факт, свидетельствующий о том, что закон не противоречил интересам помещиков.

При оценке характера аграрной реформы особое место занимает вопрос, как крестьянин получает землю—выкупает или берет ее без выкупа. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Крестьянам только тогда принесет сколько-нибудь серьезную пользу аграрное преобразование, если они получают землю без выкупа»⁴⁰. Исходя из ленинского определения, можно констатировать, что аграрная реформа 1945 г. не принесла сколько-нибудь серьезной пользы. Турецкие крестьяне за полученную землю должны были платить установленный министерствами финансов и сельского хозяйства выкуп. Крестьяне должны были погасить свои долги в течение 20 лет равными долями (ст. 42, 46).

Согласно закону, земли площадью до 500 денюмов считались мелкими хозяйствами, до 5 тыс. денюмов—средними и свыше 5 тыс. денюмов—крупными (ст. 5). Это говорит о стремлении законодателей защищать интересы кулацких хозяйств, владевших участками до 500 денюмов земли, приравнять их к лицам, имевшим 1—2 денюма, которые считались мелкими собственниками.

Наиболее примечательной была 17-я статья закона, направленная против издольной системы. По этой статье земли, обрабатываемые безземельными и малоземельными издольщиками, арендаторами и сельскохозяйственными рабочими (исключая временных), подлежат отчуждению для передачи вышеуказанным лицам. За землевладельцами оставалось право выбирать лучшие земельные участки, в три раза превышающие норму распределения в данном районе, не менее 5 га. 17-я статья,—отмечает П. П. Моисев,—была в основном направлена против главного феодального пережитка турецкой деревни—издольщины, ограничивая возможности помещика полуфеодалного типа эксплуатировать крестьян старыми методами⁴¹.

Видные представители властей, отражая интересы национальной буржуазии, стремились ограничить издольщину. Так, в одном из своих выступлений министр сельского хозяйства Ш. Р. Хатипоглу признавал, что издольная система не оправдывает себя. Она сковывает экономическое развитие страны, так как крестьянин-арендатор не заинтересован в хорошей работе, во внедрении техники, орошения, поскольку он не уверен, что завтра эти земли помещик не отдаст другим в аренду. А с другой стороны, помещик всегда доволен работой арендатора, так как, все, что остается в его руках от чужого труда, помещик считает выгодой⁴².

Несмотря на то, что земельный закон лишь в какой-то степени затрагивал интересы помещиков, они стали вести активную борьбу против реализации закона, особенно 17-й статьи. В 1947 г. на очередном съезде Народно-республиканская партия (НРП) вынесла решение о запрещении отчуждения помещичьих землевладений⁴³. В этом вопросе очень ярко проявились противоречия между буржуазией и помещичьей прослойкой правящих классов Турции. Проявились также и способы смягчения этих противоречий—взаимные уступки. смягчение формулировок, изменения отдельных, наиболее радикальных положений закона о земельной реформе.

Как отмечает политический деятель Турции Хилми Уран, противники НРП использовали аграрную реформу как оружие против НРП. Они вели активную агитацию среди землевладельцев, в результате чего землевладельцы выступили против НРП⁴⁴. В числе помещиков, недовольных аграрной политикой правительства, находились Дж. Орал, Аднан Мендерес, Эмин Сазак и др., которые впоследствии составили костяк Демократической партии. Так, например, Дж. Орал, который в июне 1948 г. был министром сельского хозяйства, выступая против аграрной реформы, утверждал, что при осуществлении аграрных преобразований не следует увлекаться «крайними идеями», которые принесут якобы ущерб сельскому хозяйству и социальной жизни⁴⁵. Под «крайними идеями» он имел в виду отчуждение земель.—сама мысль об этом казалась ему крамольной. Другой крупный помещик Эмин Сазак считал, что если правительство пойдет на передачу земель крестьянам, это повлечет за собой тяжелые последствия, крестьяне будут требовать новых уступок⁴⁶.

Такой точки зрения придерживался и Аднан Мендерес.

В результате активных действий помещиков правительство Турции 27 марта 1950 г. внесло существенные изменения в закон в пользу помещиков. Была отменена упомянутая выше 17-я статья. А ст. 16-я устанавливала необходимость начать наделы с государственных, вакуфных, неиспользуемых муниципальных земель, с земель свыше 5 тыс. денюмов и после этого—с земель от 2—5 тыс. денюмов, если указанные земли будут недостаточны для наделов. И если по закону 1945 г. министерство сельского хозяйства имело право определять отчуждаемые участки (ст. 18), то после изменения закона 27 марта 1950 г. это право передавалось помещикам. Значительно была увеличена сумма компенсации за отчужденные помещичьи земли⁴⁷.

Эти изменения красноречиво говорят о том, что даже куций закон 1945 г. сильно встревожил помещиков-землевладельцев, и они выступили против аграрных преобразований.

Аграрный закон 1945 г. не дал каких-либо положительных результатов турецкой деревне. В период 1945—1950 гг. в 633 деревнях

32289 крестьянским семействам было передано примерно 149716 га земли. А между тем в Турции тогда насчитывалось 40 тыс. деревень с 2,5 млн. сельских семей. Из этих семей 128 690 были безземельные, а 872830—малоземельные⁴⁸.

Помещичьи землевладения фактически не были тронуты. По-прежнему подавляющее большинство составляли мелкие хозяйства, а горстка помещиков сосредоточила в своих руках большинство земель. По турецким данным, в 1952 г. в стране крупные землевладельцы, владевшие свыше 300 денюмов и составлявшие лишь 3 % землевладельцев, распоряжались землями, которые составляли 32,5 % всех обрабатываемых земель. А лица, владевшие землями от 1 до 150 денюмов и составлявшие 90,7 % землевладельцев, располагали землями, которые составляли только 50,3 % всех обрабатываемых земель⁴⁹.

Попытка правящих кругов Турции провести аграрные преобразования в стране закончилась неудачей. Один из активных сторонников аграрного закона, министр сельского хозяйства Ш. Р. Хатипоглу подал в отставку; через некоторое время его сменил крупный помещик, противник аграрного закона Дж. Орал. Этот факт еще раз свидетельствует о том, что национальная буржуазия не была достаточно сильна и помещичий класс имел прочные устои в турецком обществе. После вступления Дж. Орала на пост министра сельского хозяйства стало совершенно очевидно, как будет осуществляться аграрный закон.

Реформа 1945 г. не разрешила аграрную проблему в Турции, поскольку, во-первых, эту реформу провели имущие классы; во-вторых, крестьяне получили земли, в основном не из отчужденных помещичьих земель, а из бесхозных государственных земель; в-третьих, за отчуждение помещики получили щедрую компенсацию от правительства, а турецкие крестьяне, в свою очередь, получили земли не бесплатно, а с выкупом, т. е. становились должниками государства; в-четвертых, средние и крупные помещичьи земли оставались неприкосновенными, если они обрабатывались «должным образом», т. е. капиталистически, и т. д.

Естественно, что даже те крестьяне, которые получали земли, не могли без машин, инвентаря, скота, кредитов и других необходимых средств, вести свое хозяйство. Как показывают факты, потребности землевладельцев в сортовых семенах в 1948 г. были удовлетворены лишь на 17 %, а что касается наличия у земледельцев скота, то 22 % из 2322 тыс. земледельческих семей совсем не имели тяглового скота⁵⁰. Другой важной проблемой, стоящей перед турецким крестьянином, являлось приобретение сельскохозяйственных кредитов. Этими операциями в Турции занимались Сельскохозяйственный банк и кредитные кооперативы. Однако

Сельскохозяйственный банк выдавал крестьянам только краткосрочные кредиты для приобретения семян, удобрений и т. д. А турецкие крестьяне особенно нуждались в долгосрочных кредитах, что позволило бы им увеличивать сельскохозяйственное производство. Как показывают данные, размеры кредитов Сельскохозяйственного банка постепенно увеличивались. Так, если сельскохозяйственный кредит в 1940 г. составлял лишь 50 млн. лир, в 1948 г. — 235, то в 1953 г. — 1212 млн. лир⁵¹. Следует отметить, что львиную долю этих кредитов получали помещики и кулаки. Эти кредиты не только использовались помещиками для расширения своего хозяйства, но и превращались в ростовщический капитал. Будучи не в состоянии обрабатывать свои земли, крестьяне часто вынуждены были продавать земли, и в силу этого в турецкой деревне происходило расслоение крестьянства на кулачество, мелкого товаропроизводителя и сельскохозяйственного пролетариата. А турецкая буржуазия рассчитывала на поддержку кулацкого слоя.

Аграрная проблема Турции в целом оставалась нерешенной. Но развитие капитализма в сельском хозяйстве ускорилося. Согласно турецким статистическим данным, наблюдался рост площадей под зерновыми культурами. Если в 1934—1938 гг. они составляли 6,3 млн. га, то в 1950 г. — 8,2 млн. га. Между тем, если получаемый урожай зерновых культур в 1934—1938 гг. составлял 6,8 млн. тонн, то в 1950 г. — 7,8 млн. тонн⁵². Несомненно, что рост посевных площадей зерновых культур и их урожайность в значительной степени определялись тем, что многие помещики применяли капиталистические методы ведения хозяйства. Например, в 1948 г. число тракторов, используемых в сельском хозяйстве страны, увеличилось до двух тыс. штук, против 956 в 1944 г. Импорт же сельскохозяйственных машин в 1947 г. вырос с 8 до 41 млн. лир⁵³. Тем не менее феодальные пережитки, сковывали рост производительных сил в турецкой деревне. Например, всеобщая сельскохозяйственная перепись 1950 г. показала, что из 2,3 млн. крестьянских семей примерно четверть работает на земле в качестве арендаторов или издольщиков⁵⁴.

Таким образом, аграрный вопрос в Турции решался в союзе национальной буржуазии с помещиками на основе взаимных уступок, в результате чего оставались нечрикосновенными социальные отношения и сущность политической власти в стране.

3. НАЦИОНАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС

Развитие капиталистических отношений в Турции привело к росту численности рабочего класса страны. Основными источниками его формирования являлись обездоленные крестьяне, ремеслен-

ники, а также выходцы из рабочих семей. Низкий уровень развития промышленности Турции определял малочисленность пролетариата. Текстильные, швейные, табачные и пищевые предприятия составляли основу промышленности страны.

Рабочий класс Турции—один из угнетенных, бесправных классов страны. Через долгие годы проволок турецкие власти были вынуждены еще в июне 1936 г. внести в меджлис законопроект о труде (№ 3008), об антирабочем характере которого говорят многие положения этого закона⁵⁵. Так, закон о труде запрещал рабочим создавать свои организации, совместно действовать, пользоваться правом на забастовку. Закон косвенно признавал право работодателей увольнять рабочих с работы⁵⁶. Формально говорилось о восьмичасовом рабочем дне. Следует также добавить, что закон о труде распространялся только на рабочих крупных предприятий, т. е. за рамками закона оказалась большая армия транспортных, сельскохозяйственных рабочих, рабочих ремесленных мастерских и т. д.

Вслед за этим в 1938 г. меджлисом был принят закон об обществах. Этим законом запрещалось организовывать общества, основывавшиеся на семейных, общинных, национальных, классовых и т. п. принципах. Чтобы основать общество, необходимо было получить разрешение от правительства. Как отмечает турецкий автор Аныл Чечен, «после принятия этого закона права по созданию организаций рабочего класса полностью были ограничены»⁵⁷.

Положение рабочего класса еще больше ухудшилось в годы второй мировой войны. «Положение рабочего класса и трудящегося крестьянства,—пишет Р. П. Кондакян,—усугублялось и тем, что законы военного времени и военное положение, объявленное в шести вилайетах, строго запрещали организацию индивидуального или коллективного протеста против гнета помещиков и буржуазии»⁵⁸. По подсчетам Ю. Н. Розалиева, средняя заработная сумма турецких рабочих колебалась в пределах 60—100 лир в месяц⁵⁹. Мизерность заработной платы по сравнению с дороговизной обусловила низкий жизненный уровень турецкого рабочего.

Национальная буржуазия широко использовала выгодную для себя военную конъюнктуру для обогащения. 18 января 1940 г. был принят закон о национальной защите, что еще более ухудшило и без того тяжелое положение рабочего класса: трудовой день был удлинен на 3 часа, день отдыха был отменен, запрещались прогулы и т. д.⁶⁰ Как отмечает Сертель, в силу этого закона трудовой день составлял 11—12 часов, официально разрешалось использовать в рудниках труд женщин и детей⁶¹. В шахтах Чайдемир рабочий день длился до 16 часов, а на ряде предприятий—до 18 часов⁶². Характерно, что при обсуждении рабочего вопроса в меджлисе никто из

депутатов не выступил в защиту рабочих, а один из них даже воскликнул: «Только на три часа?»⁶³.

Экономическая политика, проводимая турецкими властями в годы второй мировой войны, приводила к ухудшению социального положения трудящихся. Об этом говорит и тот факт, что они не имели средств снимать квартиры, и поэтому широко прибегали к строительству «генджеконду», т. е. в одну ночь строили из случайно добываемых строительных материалов домики и селились в них. «Генджеконду» представляли собой труппы, лишенные элементарных удобств для нормальной жизни. Особенно трудно было там жить зимой—без отопления, электричества, питьевой воды и т. д. В 1950 г. в Турции было примерно 15—20 тыс. «генджеконду»⁶⁴.

Естественно, бедственное положение рабочего класса принуждало его вести борьбу за свои права. И турецкие власти вынуждены были под влиянием растущего рабочего движения в июне 1945 г. учредить министерство труда,—для рассмотрения вопросов рынка труда, выполнения посреднических функций в трудовых спорах между рабочими и работодателями, применения форм социального страхования и т. п.

После второй мировой войны реакционный, антидемократический «закон об обществах» подвергся изменениям, были отменены запрет на организацию обществ и необходимость получения разрешения от властей на организацию обществ⁶⁵. В период подготовки этих мер лидер НРП и президент страны Исмет Иненю в своем выступлении от 10 мая 1946 г. отметил, что Народно-республиканская партия изменила свои взгляды относительно организации профсоюзов. «Программа нашей партии,—отметил Исмет Иненю,—запрещает организовывать общества на классовой основе, однако мы намерены отменить эту статью. Наша программа не признает классовую борьбу, и мы ищем согласия между классовыми интересами. Мы не должны препятствовать тем, кто хочет создавать общества и партии на классовом принципе, но будем запрещать деятельность тех обществ и партий, которыми руководят за пределами нашей страны»⁶⁶. Таким образом, создание профсоюзов провозглашалось свободным; фактически же они должны были находиться под строгим контролем властей, которые имели право закрывать профсоюзы и запрещать их деятельность, прежде всего тех, которые преследовали прогрессивные цели и имели связи с международными демократическими организациями.

К классовому миру призывал рабочих и министр труда Сади Ирмак, который в одном своем выступлении отметил, что «огромное число патриотов—рабочих выражают стремление сотрудничать с государством и обратились к министерству труда с просьбой руководить ими»⁶⁷. Власти стремились сразу же взять рабочее движение под свой контроль. С этой целью правительство Турции

приняло 20 февраля 1947 г. «Закон о профсоюзах и профсоюзных объединениях рабочих и работодателей», который, хотя и признавал право рабочих организовать профсоюзы, но одновременно устанавливал, что, поскольку профсоюзы являются национальными организациями, они не имеют права действовать вопреки якобы национальным интересам. Профсоюзы по-прежнему не должны были иметь право на забастовку и заниматься политикой. Закон признавал в то же время право создания синдикатов работодателей. «Закон,—пишет Р. П. Корниенко,—преследовал явную цель—превратить рабочие союзы в филиалы националистических организаций турецкой буржуазии, контролируемые правительственными органами»⁶⁸.

В условиях, когда правительство активно вмешивалось во внутренние дела профсоюзов, рабочие не спешили вступать в союзы, опасаясь преследований. Любые действия прогрессивных профсоюзов могли считаться противоречащими национальным интересам, власти имели право сразу арестовывать лидеров профсоюзов, а профсоюз—закрывать. Например, за 1946 год по обвинению в распространении коммунистической пропаганды было арестовано более 400 человек⁶⁹.

Чтобы ускорить процесс формирования подконтрольных турецкому правительству профсоюзов, правительством было создано профсоюзное бюро, финансируемое правительством. Организованное в Стамбуле объединение профсоюзов, которое призвано было руководить всеми профсоюзами Турции, также находилось под контролем властей. Например, в июле 1947 г.—январе 1948 г. оно получило от министерства труда 3 тыс. лир. Помимо этого, министерство труда с марта 1947 г. по ноябрь 1949 г. профсоюзам, находившимся под его влиянием, и рабочим спортивных клубов «подарило» 19600 лир⁷⁰. С целью привлечения рабочих подконтрольные правительству профсоюзы стали оказывать рабочим материальную помощь в кредит. Однако, как отмечает Аныл Чечен, предпринимаемые властями меры не дали желаемых результатов, так как жизненные условия рабочих оставались тяжелыми, а социальная помощь была недостаточна⁷¹.

Национальная буржуазия Турции лавировала, прибегала ко всяким уловкам, чтобы лишить рабочее движение прогрессивного руководства. Путем предоставления доходных, престижных должностей и оказания финансовой поддержки лидерам профсоюзов, рабочей аристократии она стремилась поставить профсоюзы под свой контроль. Алпаслан Ышыклы писал, что в упомянутые годы «профсоюзы из-за финансовых затруднений и неопытности кадров в основном находились под влиянием правительства»⁷².

С февраля 1947 г. до конца 1948 г. в Турции действовали 73

профсоюза, с 52 тыс. членами, а в 1950 г. число профсоюзов достигло 88 с 78 тыс. членами⁷³.

В 40-е годы в Турции шла упорная борьба профсоюзов за право организации забастовок. Между двумя крупными турецкими буржуазными партиями НРП и ДП шла борьба за привлечение на свою сторону профсоюзов. С этой целью обе партии пытались иметь своих сторонников в руководстве профсоюзных организаций подкупали профсоюзных лидеров деньгами и обещаниями высоких постов⁷⁴. Из выступления представителей национальной буржуазии и компетентных государственных деятелей явствовало, что они не намерены были предоставить рабочим права на забастовки, а требовавших его называли коммунистами. Министр труда в правительстве Сараджоглу Сади Ирмак по этому поводу писал, что «использование забастовок в качестве политических возбуждающих средств даст возможность иностранным державам вмешиваться в трудовые дела страны»⁷⁵. Другой министр труда Решед Шемседдин Сирер, при премьер-министре Гюналтае также был против предоставления рабочим прав на забастовки, демагогически заявляя, что забастовки наносят ущерб самим рабочим⁷⁶. По словам советника министра труда Фуада Эрджияша, те, кто требует права на забастовку, не являются турками. А другой политический деятель, доктор Фахри Куртулуш, выступая в меджлисе, заявил, что забастовка является оружием коммунистической партии, и что в Турции нет никакого социального слоя, который требовал бы права на забастовку⁷⁷.

Ряд профсоюзов, находясь под влиянием властей, выступали против предоставления рабочим права на забастовку. Эти профсоюзы в январе 1950 г. на своем собрании заявили, что они не требуют права на забастовку⁷⁸. Несомненно, что это было сделано по диктовке правительства. Представители рабочих государственных предприятий были избраны и направлены на конференцию в Анкару по распоряжению и при финансовой поддержке министра труда Р. Ш. Сирера. Выступая в Анкаре от имени всего турецкого трудящегося народа, эти «делегаты» высказались против предоставления права на забастовку. Затем они были приглашены на обед, где присутствовали лидеры и «активисты» этих профсоюзов, руководящие деятели НРП, депутаты меджлиса и т. д.⁷⁹

Другие профсоюзы Турции резко осудили подобные махинации властей. Министру труда Сиреру была отправлена телеграмма следующего содержания: «В нашем конгрессе 20 января 1950 г. мы отделились от профсоюза текстильщиков и организовали Свободный профсоюз рабочих текстильной промышленности города Стамбула. Ваше заявление в меджлисе о том, что турецкий рабочий не требует забастовок, не является мнением ни рабочих, ни профсоюзов. Профсоюз текстильных рабочих не является вырази-

телем взглядов всех турецких рабочих. В качестве Свободного профсоюза рабочих текстильной промышленности мы требуем признать право на забастовку»⁸⁰. Однако турецкие власти не только проигнорировали требование рабочих, но и передали дело этого профсоюза в суд за то, что он якобы занимался политикой⁸¹.

С требованием о предоставлении рабочим права на забастовку выступили на своем чрезвычайном конгрессе также члены профсоюза рабочих текстильной промышленности района Чукуровы, с центром в г. Адана. Председатель конгресса Ш. Эренджан отправил министру труда телеграмму, где были изложены взгляды участников конгресса по этому вопросу⁸².

Чтобы заручиться на парламентских выборах поддержкой рабочих, недавно созданная ДП заигрывала с ними, делала демагогические заявления в отношении прав рабочих. Лидер ДП Дж. Бояр, выступая в 1946 г. в Измире, подчеркнул, что «благополучие рабочих будет обеспечено лишь с помощью профсоюзов»⁸³. А когда в 1947 г. в меджлисе праводились дискуссии по случаю принятия закона о профсоюзах, все выступавшие из оппозиционной ДП защищали право рабочих создавать свои профсоюзы и иметь право на забастовку. Один из основателей ДП Фуад Кёпрюлю заявил: «...Если не будет принято право рабочих на забастовку, то не будет достигнута цель создания профсоюзов и свободы в Турции на демократической основе»⁸⁴. Демократы признавали право рабочих создавать профсоюзы и иметь право на забастовки, с оговоркой, что они не преследуют политических целей⁸⁵. Кемал Сюлкер подчеркивает, что некоторая часть рабочих перешла на сторону ДП и стала поддерживать ее за то, что она выступала за право на забастовку⁸⁶.

Многие прогрессивные деятели страны, правильно оценив лицемерные действия ДП, разъясняли рабочим ложную суть ее поведения и стремились убедить рабочих, что им ничего хорошего нельзя ждать ни от НРП, ни от ДП.

Вопреки усилиям эксплуататорских классов и властей, стачечное движение в Турции в первые послевоенные годы росло. Так, за 1945—1946 гг. бастовали табачники и грузчики Стамбула, железнодорожники на юге, портовые рабочие в Измире, рабочие Зонгулдакского угольного бассейна. Они требовали повысить заработную плату, сократить рабочий день, отменить штрафы, улучшить бытовые условия⁸⁷.

Тем не менее, рабочее движение в Турции в 40-х годах было еще слабо и отдельные выступления турецких рабочих не нашли широкого резонанса. В этом сказалась распыленность рабочего класса Турции по мелким предприятиям, что оказывало отрицательное воздействие на процесс формирования и сплочения рабочего класса страны.

Проведение национальной буржуазией Турции политики открытых дверей в отношении иностранного капитала затрагивало в первую очередь интересы рабочих. В результате ее западногерманские, английские и особенно американские монополии стали наводнять турецкий рынок своими товарами. Многие турецкие предприниматели, не имевшие возможности противостоять засилью иностранного капитала, обанкротились, а тысячи рабочих были брошены на произвол судьбы.

О растущем числе обанкротившихся предпринимателей говорит тот факт, что только за 1949 г. было закрыто свыше 100 предприятий⁸⁸. В 1950 г. в Бурсе было закрыто 25 текстильных фабрик, в Измире—более 25 предприятий, закрывались десятки фабрик в Стамбуле и в других городах страны⁸⁹. Вследствие этого резко повысилось число безработных. Например, если в 1946 г. их насчитывалось 25 тыс. человек, то в 1950 г.—более чем 54 тыс. человек⁹⁰.

Национальную буржуазию Турции отнюдь не интересовали жизненные условия рабочего класса. В погоне за прибылями она постепенно увеличивала рабочий день, усиливала эксплуатацию трудящихся масс, заставляла работать на предприятиях, оснащенных старой техникой, что было причиной многочисленных несчастных случаев.

Между тем правительственные чиновники неоднократно заявляли о своих намерениях улучшить жизненные условия рабочих. Но все их обещания оставались невыполненными. В своей правительственной программе от 12 августа 1946 г. премьер-министр страны Реджеп Пекер отметил, что правительство намерено обеспечить рабочие центры медицинскими учреждениями⁹¹. Однако в 1950 г. на всю Турцию приходилось всего 200 больниц и поликлиник, ежегодно только от туберкулеза умирало 40—50 тыс. человек⁹².

Текучесть кадров приняла угрожающие размеры. Исследования, проводившиеся на одном из предприятий, имевшем в 1943 г. 402 рабочих, показали, что из общего числа рабочих только 116 человек работали 30 дней. По мнению Куртхана Фишеку, причиной этого явления были болезни и недостаточное питание⁹³. В такой текучести был заинтересован и предприниматель—она избавляла его от необходимости выделять средства на страхование, уменьшала опасность профсоюзной деятельности на предприятии.

Система страхования в Турции также не отвечала интересам трудящихся масс. Как отмечает Ю. Н. Розалиев, «страхование по несчастным случаям на производстве и профессиональным заболеваниям, а также по старости и материнству крайне недостаточно для улучшения положения трудящихся. В результате чего десятки тысяч искалеченных рабочих были брошены на произвол судьбы, сотни и тысячи семей рабочих, погибших на капиталистических предприятиях, обречены на голод и нищету»⁹⁴.

Как выше было сказано, турецкие правящие круги запрещали любые выступления трудящихся за свои элементарные права. С целью разрешения конфликтов, возникавших между рабочими и работодателями, властями были учреждены арбитражные суды. В случае, если местные и вилайетские арбитражные суды были не в состоянии разрешить спор, то дело слушалось Высшей арбитражной комиссией. Однако на всех стадиях судебного разбирательства, как пишет Ю. Н. Розалиев, участвуют лица, которые защищают только интересы буржуазии, а рабочие и их представители даже не допускаются к слушанию дела. Все определяют правительственные чиновники, которые выносят решения, как правило, в пользу капиталистов⁹⁵. Так, например, в октябре 1947 г. возник крупный конфликт в Адане между рабочими и владельцами текстильной фабрики, где большинство рабочих получали 20—30 лир в месяц. Рабочие требовали повысить зарплату на 80 %, но владельцы фабрики согласились на 40 %, и Высшая арбитражная комиссия удовлетворила желание работодателей. Так же поступила эта комиссия в ноябре 1948 г. с рабочими борацитовых рудников в Султанчайыре (Балыкесирский вилайет), где рабочие требовали повысить зарплату на 30—40 %, но получили прибавку всего в размере 2 %⁹⁶.

После второй мировой войны рабочий класс страны стал активнее выступать за свои права. Но преобладание мелких предприятий с небольшим числом рабочих мешало им организоваться. Развитию рабочего движения в свою очередь препятствовали низкий уровень грамотности рабочих, а также наличие значительного отряда сезонных рабочих. Как отмечал Б. Г. Гафуров, «опутанность афро-азиатского пролетариата традиционными связями (религиозными, земляческими, регионалистскими), его молодость и незрелость, преобладание в его составе нефабричных групп и временно занятых, текучесть кадров—все это мешает рабочему классу в развивающихся странах Востока осознать свое положение и свои собственные интересы»⁹⁷. Эта характеристика полностью относится и к рабочему классу Турции изучаемого периода.

Национальная буржуазия Турции не намерена была заниматься разрешением рабочего вопроса, а наоборот, исходя из своих узкоклассовых интересов, еще более усилила эксплуатацию рабочих. Пользуясь неграмотностью и полуграмотностью части рабочих, буржуазия пыталась отвлечь их внимание от борьбы за свои права пропагандой шовинизма, национализма, ловко используя в этих целях и религию. Даже закон о труде 1936 г., который обещал рабочим весьма скромные права, фактически не действовал. Об этом свидетельствует тот факт, что после второй мировой войны тысячи турецких рабочих в своих выступлениях выдвигают и такие требования, обязательность выполнения которых предусматривалась вышеуказанным законом.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

1. РОЛЬ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗИИ В ЖИЗНИ ТУРЦИИ

В одну из влиятельных группировок в Турции превратилась в 40-е годы бюрократическая буржуазия. Процесс ее формирования значительно ускорился после национально-освободительного движения, после национализации правительством иностранных предприятий. В результате в государственном аппарате все чаще стали появляться руководители и специалисты промышленных предприятий, банков, транспорта и т. д. Этот аппарат значительно расширился с созданием крупных государственных экономических организаций (ГЭО). Правительство, осуществляя политику госкапитализма, национализировало ряд частных предприятий, управление ими также перешло в руки государственных директоров и служащих. Так, число служащих, содержание которых финансировалось из «генерального» и «присоединенного» бюджетов, в 1938 г. составляло 88,5 тыс., в 1941 г.—86,6 тыс. и в 1946 г.—151,7 тыс. человек¹, т. е. менее чем за 10 лет число служащих увеличилось по сравнению с 1938 г. почти в два раза.

По другим статистическим данным число всех служащих Турции, т. е. тех, которые финансировались не только из «генерального» и «присоединенного» бюджетов, но и муниципального, местного бюджетов и бюджета государственных экономических организаций, составляло 222,2 тыс. человек².

Разумеется, к бюрократической буржуазии не следует причислять всех государственных служащих. Для того, чтобы бюрократия стала еще и буржуазной, справедливо отмечает Н. А. Симония, необходимо наличие, по крайней мере, двух важных условий: во-первых, возможности систематического и широкого злоупотребления своим положением в госаппарате и, во-вторых, материализации плодов этих злоупотреблений не только в сфере личного потребления, но и в форме частной предпринимательской деятельности³.

Поэтому в состав бюрократической буржуазии Турции, на наш взгляд, входят в основном высшие служащие, профессиональные политики, директора, главные инженеры государственных предприятий, депутаты Великого национального собрания Турции и т. д. В условиях эксплуататорского общества большая часть высших и средних государственных служащих злоупотребляет своим служебным положением, вовлекается в коррупцию, взяточничество, расхищение государственных средств в целях самообогащения. В. И. Ленин подчеркивает, что чиновничество, бюрократия—это

особый слой лиц, специализировавшихся на управлении и поставленных в привилегированное положение перед народом⁴. С другой стороны, рост государственного аппарата в Турции отрицательно сказался на жизненном уровне служащих. В 40-х годах в условиях дороговизны, спекуляций и нехватки товаров заработка мелких служащих были такими мизерными, что в этом признался даже премьер-министр страны Шюкрю Сараджоглу в своей правительственной программе от 15 марта 1943 г. Он обещал служащим, получающим зарплату более 140 лир, дарить один комплект костюмной ткани, а тем, кто получал меньше, было обещано по две пары костюмной ткани⁵. Для этой подачи в 1944 финансовом году в качестве добавления к бюджету были сделаны дополнительные ассигнования в размере 15 млн. лир⁶.

Что касается высших слоев служащих, то они получали высокую зарплату и имели возможность вести обеспеченную жизнь. Ежемесячный оклад депутата меджлиса в 1948 г., без налоговых удержаний, составлял 1150 лир. Вместе с тем депутат ежегодно получал 3 тыс. лир на дорожные расходы. Премьер-министр и председатель меджлиса, помимо депутатского оклада и дорожных расходов, ежемесячно получали 772 лиры без налоговых удержаний, а министры—450 лир⁷. Если сравнить ежемесячные доходы премьер-министра, председателя меджлиса и министров со средней заработной платой рабочих и мелких служащих (ее размер в эти годы колебался в пределах 50—100 лир), то выясняется, что оклад первых превышал заработную плату рабочих примерно в 20—35 раз. Этот пример—одно из свидетельств глубокого социального неравенства между верхушкой и низшими слоями турецких служащих, связанными более с трудовыми массами.

Следует добавить, что при назначении на служебные посты в Турции значительную роль играют знакомства, состоятельность, родственные и партийные связи. О роли партийных связей говорит, например, такой факт: после выборов 1950 г. из правлений государственных компаний было выведено 743 республиканца и на их «хорошо оплачиваемые должности» были назначены члены Демократической партии⁸.

Американский социолог А. Т. З. Мэтьюз в 1954 г. провел в Турции исследование среди студентов. Мэтьюзом были отобраны две группы. Первая включала 92 служащих в возрасте до 34 лет, которые в течение 5—15 лет находились на государственной службе и которые в данный момент проходили учебу в Институте по подготовке административных кадров Турции и Среднего Востока. Вторая группа была составлена из 240 студентов факультета политических наук и 50 студентов юридического факультета Анкарского университета. Результаты анкетирования показали, что в обеих группах 31—34 % отцов студентов и молодых специалистов были

государственными служащими, а 13—14 % — заняты в торговле⁹.

Эти итоги свидетельствуют, что родственные и классовые связи, богатство играют важную роль при назначении на служебные посты. Такая практика приводила к тому, что на ответственных государственных постах, на предприятиях нередко оказывались люди некомпетентные, слабо представляющие свои обязанности, мало интересовавшиеся перспективами развития своих предприятий, их проблемами.

Результаты обследований Метьюза показали также, что в Турции самыми престижными должностями являлись: губернатор, депутат, инженер, доктор, генерал, судья, дипломат, профессор, крупный предприниматель, генеральный директор¹⁰. Высокая престижность, например, генерала, объясняется тем, что значительная часть отставного офицерства вообще получала высокооплачиваемые должности, занимала высокие посты в государственном аппарате и в промышленности. В этом убеждаешься, знакомясь с карьерой военной верхушки Турции. Так, Думлу Нафиз учился в военной школе, стал военнослужащим, а затем — председателем муниципалитета Эрзурума. Эрем Али Рыза, окончив военную академию, получил пост генерального директора государственных железных дорог, Гюрели Реджаи стал губернатором Балыкеси́ра, Караджан Шарафетдин — генеральным директором Управления почты, телеграфа и телефона (П. Т. Т.), Селер Фаик — председателем вилайетского управления Кайсери и т. д.¹¹ Все указанные военнослужащие стали депутатами меджлиса 8-го созыва. По нашим подсчетам, число военных среди депутатов турецкого меджлиса данного созыва составляло 12,6 %¹².

Одним из основных условий получения высоких должностей являлось высшее образование. Например, состав турецкого меджлиса 8-го созыва показывает, что депутаты, имевшие высшее образование, составляли 71,7 % всех депутатов, а служащие — 78 %¹³. Высшее образование турецкие служащие получали на факультетах права и экономики Стамбульского университета, в высших торговых школах Стамбула и Измира, на факультетах политических наук и юридическом Анкарского университета и др. Отметим, что в 1946—1947 гг. среди турецких служащих высшее образование имели лишь 9,1 % служащих¹⁴.

Верхушка турецкой бюрократии, отделенная от низших слоев глубокой социальной пропастью, хотя и не занималась предпринимательской деятельностью, однако входила в элиту общества. В ней были представлены также гражданские служащие и военные.

Государственные служащие, контролируя распределение подрядов, лицензий, государственных займов и т. д. имели широкие возможности злоупотреблять своим служебным положением, брать взятки от частных предпринимателей. Турецкий автор К. Боратав,

например, пишет, что в Турции, как правило, в начале любой деловой операции подрядчики давали взятки банкам, высокопоставленным техническим и административным служащим¹⁵.

Крупные предприниматели, распространяя свое влияние на государственный аппарат, используя знакомства, контакты с высокопоставленными служащими, подчас имели возможность переманивать последних в частный сектор, предлагая им высокооплачиваемые должности. Эти лица, как правило, имели экономическое и техническое образование, накапливали в течение многих лет работы в государственно-экономических организациях значительный трудовой опыт и навыки¹⁶. Например, высокопоставленный служащий, специалист госаппарата Исмаил Хюльки Алисбах, перешедший в частный сектор, и по образованию, и по практической работе был типичный специалист высшей квалификации, карьера которого протекала в самый разгар этатистских мероприятий. Начав в 20-е годы со специалиста по финансовым расчетам, он достиг в 40-е высших ступеней государственно-хозяйственного аппарата, был директором ГЭО сначала Сумербанка, а затем Иллербанка. В конце 40-х годов Х. Алисбах оставил государственный сектор и в качестве менеджера связал свою судьбу с деятельностью мультимиллионера Вехби Коча¹⁷.

Говоря о причинах взяточничества, коррупции и т. п., надо отметить, что они не кроются лишь в низких зарплатах мелких служащих. Благодаря своим высоким постам, этими махинациями в основном могли заниматься наиболее обеспеченные слои служащих. Примером может служить деятельность Атыфа Инана, депутата НРП от Измира, министра торговли Турции при правительстве Реджепа Пекера¹⁸. 7 сентября 1946 г. правительство Турции произвело девальвацию турецкой лиры, в результате чего курс доллара повысился от 100 до 280 курушей. А. Инан использовал возникшую ситуацию в своих корыстных целях, заблаговременно уведомив о предстоящей девальвации близких ему торговцев. В результате некоторые импортные товары исчезли с рынка, после же объявления нового курса лиры торговцы стали продавать заранее закупленные ими товары уже по более высоким ценам. Эта спекуляция дала им возможность получить огромные прибыли. Как отмечает Исмаил Джем, «в некоторых местах эти товары обеспечили прибыль в размере 180 %»¹⁹. Другой турецкий автор отмечает, что благодаря мероприятиям, осуществленным 7 сентября, некоторые члены НРП (правящей партии) сразу же стали миллионерами²⁰.

Подобных источников обогащения в системе управления хозяйственной деятельностью было много. Тот же министр Атыф Инан разбогател при списании на государственных складах испорченной пшеницы. Злоупотребляя своим служебным положением,

министр на каждую тонну гнилой пшеницы списывал 9 тонн годной. Перед очевидцами сбрасывалась в море гнилая пшеница, а остальное списанное количество пшеницы А. Инан продавал турецким экспортерам пшеницы²¹. При расследовании в 1948 г. махинаций А. Инана выяснилось, что в ней замешаны и некоторые другие министры. Примечательно, что в результате парламентского расследования дела Атыфа Инана меджлис в конце концов признал его невиновным²².

Злоупотреблениями занимался губернатор Стамбула Л. Кырдар. Он разрешил повысить цену на мясо на 160—180 курушей, получив затем взятку в 20 тыс. лир от поставщиков мяса. Он же отменил твердую цену на уголь, получив от торговцев угля взятку в размере 50 тыс. лир. Тот же Кырдар в период взимания налога на имущество дал муниципалитету указание скупить за 7 млн. лир земельные участки налогоплательщиков в Мачке (один из районов Стамбула), рыночная стоимость которых составляла 950 тыс. лир. Несомненно, такая разница ему обеспечила большие выгоды. В Куручешме Л. Кырдар приобрел у налогоплательщика земельный участок за 20 тыс. лир. Половину этого участка он затем продал муниципалитету за 100 тыс. лир²³. Л. Кырдар впоследствии стал министром здравоохранения в правительстве Аднана Мендереса²⁴.

В годы второй мировой войны в Турции значительно обогатилась та часть государственных служащих, которые занимали высокие посты в учреждениях, контролировавших экспортные и импортные операции страны. В эти годы министерство торговли, контролируя цены вывозимых товаров, изымало ввозную пошлину в размере 10 %. Импорт же контролировался союзами импортеров. Торговец должен был получить разрешение на сделку от этих союзов. Это, как отмечает И. Сертель, давало возможность государственным служащим, которые контролировали экспортно-импортные операции, брать взятки и создавать привилегированные условия для некоторых торговцев. Такими злоупотреблениями, подчеркивает И. Сертель, в основном занимались лица, связанные с правящей НРП и стоявшие близко к президенту страны Исмету Иненю²⁵. Многие высокопоставленные чиновники государственного аппарата нажили миллионные состояния или стали владельцами обширных поместий: министр финансов, Ф. Агралы, депутат меджлиса С. Омер, председатель меджлиса Абд. Ренда²⁶.

Турецкие государственные служащие, после оставления службы, как правило, не стремились вкладывать накопленные путем разных махинаций крупные средства в промышленность, а приобретали на них земельные участки, строили и продавали затем дома, покупали акции действующих предприятий, занимались торговыми операциями и т. д. «Легче осуществляется процесс пе-

перерождения капиталистов-бюрократов в торгово-посредническую буржуазию,—писал Б. Г. Гафуров,—нежели предпринимательскую»²⁷. Эта оценка полностью применима и к турецким капиталистам-бюрократам.

Турецкая бюрократия стремилась скрывать источники таких доходов. Зачастую они переводили свои капиталы в зарубежные банки. Например, как отмечает Е. Ф. Лудшувейт, различные высокопоставленные турки, нажившие баснословные капиталы на спекулятивных операциях, хищениях в государственном хозяйстве, взяточничестве и т. д., размещают свои «сбережения» в заграничных банках, главным образом американских и швейцарских. Такого рода вложения в 1947 г. возросли до 58 млн. долларов против 1 млн. долларов в 1939 г., турецкие капиталисты перевели из швейцарских банков в банки США 154 млн. долларов; таким образом, сумма сбережений составляла более 200 млн. долларов²⁸. Газета «Джумхуриет» 2 февраля 1948 г. писала, что сумма капиталов турецких граждан в иностранных банках составляла от 150 до 250 млн. долларов.

Таким образом, значительная часть средств была переведена в зарубежные банки, что отрицательно сказалось на состоянии финансовой системы страны. Некоторая часть накопленного бюрократией капитала вкладывалась в предпринимательское дело, способствовало развитию капиталистических отношений в Турции, формированию и дальнейшему развитию национальной буржуазии.—«Бюрократическая буржуазия,—пишет К. Н. Брутенц,—это едва ли не самый паразитический социальный слой, соединяющий в себе пороки, уходящие корнями в феодальные, капиталистические и колониальные отношения: алчность и жажду обогащения, но без предпринимательской жилки и склонность к показной роскоши, раболепие и властолюбие, безудержную социальную демагогию и склонность к политическому насилию, жонглирование националистическими лозунгами и готовность пойти на сделку с империализмом, авторитарность и антидемократизм и т. д.»²⁹. Эта оценка относится к освободившимся странам 70-х годов, однако совершенно справедлива и для турецкой бюрократической буржуазии 40-х годов; поскольку многое из того, что происходило тогда в Турции, имеет свои аналоги в некоторых странах, ставших недавно на путь политической самостоятельности.

2. НАЦИОНАЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ И ГОРОДСКИЕ СРЕДНИЕ СЛОИ

Городская мелкая буржуазия Турции—одна из самых многочисленных социальных групп страны. В ее состав входят ремесленники и другие мелкие товаропроизводители, торговцы, в основ-

ном лавочники, владельцы небольших заведений сферы обслуживания и т. д. Вместе с некоторыми другими категориями горожан (служащие, государственные чиновники и т. д.) они представляют средние слои населения.

Весьма трудно точно определить границы мелкой буржуазии. К. Маркс отмечает, что «если средства производства и жизненные средства являются собственностью непосредственного производителя, то они не являются капиталом»³⁰. Следовательно, в полном смысле слова к средним слоям, или мелкой буржуазии, нельзя отнести те зажиточные слои, которые в своем производстве используют наемный труд рабочих. «Мелкокапиталистический уклад,— подчеркивает А. И. Левковский,—начинается с того рубежа, на котором прибавочная стоимость становится основным источником дохода собственника заведения»³¹.

Городская мелкая буржуазия, или средние слои городов, Турции по своему составу и материальному положению неоднородны. Их можно разделить на три группы. Первые две, действуя в сфере обращения и услуг, в промышленности и т. д., редко прибегали к помощи наемных рабочих и довольствовались весьма скромными доходами. К третьей группе относятся владельцы мелких промышленных заведений, разных предприятий в сфере обслуживания, в торговле и других отраслях. Как правило, они используют наемный труд—до двух-трех рабочих и тем самым прижимают к низшим слоям национальной буржуазии.

Относительно мелкого производителя К. Маркс писал: «Его прибыль состоит: 1) из процентов на его небольшой капитал; 2) из его заработной платы; 3) из той части прибавочного времени, в течение которого обладание капиталом дает ему возможность работать не на других, а на самого себя,—той части, которая не выражена уже в проценте. А если он держит рабочих, то сюда входит и их прибавочное время»³². При всей емкости и простоте понятия «мелкая буржуазия», или городские средние слои, главное заключается в том, что они являются мелкими собственниками, не эксплуатирующими чужой труд или применяют его в столь незначительной степени, что это не освобождает их от необходимости работать самим³³.

По турецким статистическим данным, в 1950 г. в населенных пунктах страны с числом жителей свыше 2 тыс. человек, в обрабатывающей промышленности насчитывалось 72,2 тыс. мелких «предприятий», в которых было занято около 187 тыс. человек³⁴, т. е. на одно такое «предприятие» приходилось примерно от одного до трех человек. Турецкий экономист Халюк Джиллов отмечает, что в материальном положении таких мелких производителей и рабочих не было большой разницы, так как во многих случаях заработная плата фабричного рабочего была выше, чем владельца

мелкого производства³⁵. В. И. Ленин в отношении мелкого капитала писал, что «величина этого капитала определяет форму личного участия хозяина в предприятии: является ли он и сам рабочим, если его капитал еще мелок, или отказывается от личного труда и специализируется на коммерческо-предпринимательских функциях»³⁶.

В населенных пунктах с числом жителей от 501 до 2 тыс. человек, согласно этой же переписи, в мелкой промышленности насчитывалось свыше 17 тыс. рабочих мест, в которых было занято более 38 тыс. человек, из коих примерно 21 тыс. человек являлись рабочими, а 18 тыс.—владельцами и членами их семей³⁷.

Согласно данным турецкого экономиста Эльдема Ведата, во время второй мировой войны в мелком производстве работало более 380 тыс. человек³⁸. А по другим сведениям, «общее число мелких товаропроизводителей и рабочих-надомников в 1950 г. составляло около 200 тыс. человек»³⁹.

Определить точное число мелких производителей в промышленности Турции трудно из-за отсутствия необходимых данных.

В 40-х годах мелкая промышленность еще занимала значительное положение в стране. Так, в 1939 г. стоимость мелкотоварной продукции производства составляла 40 % всей промышленной продукции страны, в 1945 г.—32,8 %⁴⁰, а в 1950 г.—27,6 %⁴¹. Несмотря на снижение доли мелкого производства, оно сохранило значительное место в турецкой экономике. Например, в металлообрабатывающей промышленности на мелких предприятиях было занято 80 % всех рабочих отрасли, в машиностроительной—83, в кожевенной—88, в мебельной—92 % и т. д.⁴² Ремесленные мастерские были распространены по всей Турции. В городах западной Анатолии, в Стамбуле имелись пошивочные, деревообрабатывающие, ткацкие мастерские; в Бурсе—шелкоткацкие; в вилайетах Испарта, Бурдур, Кютахья и Ушак было распространено ковроделие, в Денизли—производство хлопчатобумажных тканей, в Измире—мебели, в вилайетах Ушак, Кютахья, Болу и др.—производство кожи, керамики, гончарное дело и т. д. В центральной Анатолии были распространены мастерские по ковроткачеству, камнеобработке, производству шерсти; в южной и юго-восточной Анатолии, в городах Газиантеп, Адана, Диярбакыр, Мардын и Элязыг—изготавливались ткани, серебряные изделия и т. д.; в восточной части Анатолии—производство тканей, сырья и т. д., в северной—производство тканей, мебели и т. д. В восточной Фракии преобладало производство молочных продуктов, сыра, вин, и т. д.⁴³

Мелких производителей обеспечивало сырьем сельское хозяйство. Наряду с городскими средними слоями Турции мы видим солидный слой мелкой буржуазии и в деревнях. Помимо крестьянства в ней представлены: столяры, гончары, сапожники, парик-

махеры, ткачи, портные, мелкие торговцы и т. п. По данным турецкого экономиста О. Туна, в Стамбуле к 1950 г. насчитывалось 150 тыс. ремесленников, в руках которых были сосредоточены такие отрасли промышленности, как кожевенная, обувная, пищевая и т. д.⁴⁴

Значительную часть мелкой буржуазии составляли торговцы и лавочники. По промышленной переписи 1950 г. в розничной торговле Турции имелось около 91 тыс. точек, где владельцы и компаньоны составляли примерно 95 тыс., работающие по найму и не по найму соответственно—21,3 и 16 тыс. человек⁴⁵. Как следует из этих данных, на одно такое рабочее место розничной торговли приходилось менее двух человек. Владельцев и совладельцев этих рабочих мест также надо отнести к числу мелкой буржуазии. Таким образом, согласно данным промышленной переписи Турции 1950 года, учтенная численность мелкой буржуазии во внутренней торговле Турции составляла примерно 95 тыс. человек. В обслуживающем секторе Турции преобладали мелкие пошивочные, сапожные мастерские, парикмахерские, предприятия общественного питания и т. д. Согласно этой же переписи в обслуживающем секторе насчитывалось почти 50 тыс. рабочих мест, где было занято более 121 тыс. человек, из коих 53 тыс. человек составляли владельцы и компаньоны, 34,2 тыс.—работающие по найму и 34,2 тыс. работающие не по найму⁴⁶. Следовательно, если аналогичным способом к числу мелкой буржуазии отнести владельцев и компаньонов этих предприятий, получится, что учтенная численность мелкой буржуазии, занятой в обслуживающем секторе, составляла в 1950 г. примерно 53 тыс. человек. Приведенные данные свидетельствуют о том, что на такое одно предприятие приходится примерно от двух до трех человек. Следовательно, владельцы этих рабочих мест редко прибегали к помощи наемных рабочих.

Таким образом, определенно можно сказать, что городская мелкая буржуазия, или городские средние слои, в рассматриваемый период играла значительную роль в экономике и в социальной жизни Турции. Это было обусловлено, во-первых, тем, что средняя и крупная промышленность не была настолько развита, чтобы полностью удовлетворить все потребности населения, особенно в условиях продолжавшейся в стране дороговизны. Во-вторых, мелкую буржуазию меньше беспокоила проблема значительных капиталов, расходы электроэнергии или транспортных перевозок и т. д.

Национальная буржуазия Турции, исходя из своих интересов, поддерживала меры правительства, поощрявшего деятельность мелкой буржуазии. Например, мелкие предприятия в Турции освобождались от налога на торговые сделки. Этот налог распространялся на тех, кто использовал рабочую силу более пяти человек

и двигатель мощностью в 2 л. с. Предприятия, использовавшие труд десяти человек и более, облагались налогом социального обеспечения в размере от 13—15 % заработной платы наемных рабочих. Этот закон также не касался мелких предприятий⁴⁷. Кроме того, принятый 8 июня 1936 г. закон о труде, который поставил перед крупными предпринимателями ряд обязанностей, не распространялся на мелкие предприятия с числом рабочих менее четырех человек⁴⁸.

Как видно, политика национальной буржуазии в отношении мелкой буржуазии носила двоякий характер. Если, с одной стороны, она в некотором смысле способствовала развитию мелкой буржуазии, с другой — принуждала мелких производителей не расширять производство, угрожая им дополнительным налогом-обложением.

В 1943 г. мелкой буржуазии разрешалось создавать палаты предпринимателей, подобно промышленным и торговым палатам, которые должны были подчиняться и выполнять указания министерства торговли. А в 1949 г. законом «Об обществах и союзах мелких предпринимателей» последние были разделены на три группы: 1) работающие в одиночку ремесленники (оседлые и бродячие); 2) владельцы ремесленных мастерских и мелких промышленных предприятий, имеющие механический двигатель и использующие труд не более трех рабочих или не имеющие механического двигателя и использующие труд не более восьми рабочих; 3) владельцы мелких предприятий по обслуживанию населения (предприятия общественного питания, сапожные и пошивочные мастерские, парикмахерские и некоторые другие) независимо от числа рабочих (подмастерьев). Создававшиеся общества должны были удовлетворять их «профессиональные, экономические и социальные потребности»⁴⁹. Это свидетельствует о том, что национальная буржуазия Турции в какой-то мере была заинтересована в сохранении и развитии городских средних слоев, обслуживающих производство и обмен.

Еще в 1938 г. в Турции был учрежден Народный банк, с помощью которого буржуазия намерена была удовлетворять потребности мелких производителей в кредитах и держать под своим контролем их деятельность. Однако, как указывает Н. Г. Киреев, в изучаемый нами период его помощь мелким производителям была мизерной и случайной⁵⁰.

Огромное значение для существования и развития мелкой буржуазии имело вытеснение инонациональной буржуазии с внутреннего рынка страны. Выше было отмечено, что правительство национальной буржуазии и либеральных помещиков Турции в ноябре 1942 г. опубликовало закон о налоге на имущество, который был направлен не только против крупной и средней ино-

национальной буржуазии, но и против мелкой. В результате тысячи ремесленников, мелких торговцев и производителей натурецкого происхождения были вытеснены из экономики страны, тем самым открывались благоприятные условия для развития местных турецких средних слоев.

Обычно отношения между крупной и мелкой буржуазией обостряются только тогда, когда национальная буржуазия выступает конкурентом мелкой буржуазии. Городские средние слои не были в состоянии конкурировать с местным крупным и иностранным капиталом. Вот почему мелкая буржуазия была заинтересована в усилении экономической роли государства, расширении госсектора, ограничении крупного частного капитала. Однако она поддерживала рост государственного сектора и вмешательство государства в экономику страны лишь в той мере, в какой оно не затрагивало ее интересы.

Правящие круги Турции, не будучи в силах разрешить проблеме трудоустройства и ликвидировать безработицу, вынуждены были активно поддерживать деятельность мелкой буржуазии. В этом отношении интересы мелкой буржуазии и турецких властей частично совпадали.

Отдельные группы городских средних слоев сумели стать на путь капиталистического предпринимательства, внедрили в производство современную технику, что привело к разорению значительной части представителей ручного производства. Тем самым производители были втянуты в процесс, о котором писал В. И. Ленин: «Рост техники в буржуазном обществе ведет к экспроприации мелких и отсталых хозяйств»⁵¹.

Например, мелкое ткацкое хлопчатобумажное производство в городе Сениркенте в 1941—1947 гг. развивалось быстрыми темпами, одновременно был сокращен импорт текстильных товаров. После 1947 г. из-за конкуренции местных крупных и иностранных предприятий выработка тканей ручным способом была резко сокращена. Так, если в 1947 г. ручных станков было 1585, то в 1952 г. — всего 200 единиц⁵². Из-за импорта искусственного шелка тысячи шелководов разорились. Если в 1948 г. шелководством занимались 79470 семей, то в 1952 г. их число сократилось до 73053 семей⁵³. В 1950 г. лишь в трех городах Турции — Мараше, Бурдуре и Антебе — разорилось 16 тыс. кустарей-ткачей⁵⁴.

Надо отметить, что не всегда интересы мелкой и национальной буржуазии противоречат друг другу, порой они взаимодействуют. В этом случае происходит процесс подчинения традиционного мелкого производства капиталистическому. Например, как отмечает Ю. Н. Розалиев, «ковровое производство Ушака — фактически придаток фабричной промышленности Стамбула, откуда

в этот город поступает основное количество необходимого сырья, красок и вспомогательных материалов. Ручное ткачество Денизли длительное время осуществлялось на базе привозимой из Назилли и Измира пряжи»⁵⁵.

С целью объединения предприятий некоторых отраслей еще в 30-х годах власти стали создавать в различных районах страны кооперативы мелких производителей, рассчитывая путем обеспечения сырьем и улучшения условий сбыта продукции поставить их под государственный контроль.

И если, по некоторым данным, в Турции в 1939 г. существовало 10 таких кооперативов с числом пайщиков 11,5 тыс. человек, то в 1947 г. их было уже 166 с 53,3 тыс. пайщиков⁵⁶.

Однако принятые турецкими властями меры только в некоторой степени помогли мелким товаропроизводителям поддерживать производство, процесс их разорения продолжался быстрыми темпами. «Лишь ничтожно малый процент мелкой буржуазии,— пишет Г. Ф. Ким,— вливается в национальную буржуазию»⁵⁷. Именно к этим людям относится следующее высказывание В. И. Ленина: «Мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»⁵⁸. Например, такие известные деловые люди Турции, как Вехби Коч, Хаджи Омер, Сабанджы, Нежат Эджзаджыбашы и ряд других лиц в начале своей деловой карьеры являлись представителями мелкой буржуазии.

Из-за нехватки у мелкого производителя капитала и кредитов, в организации ручного мелкого производства Турции в 40-е годы значительную роль играли купцы и ростовщики. Здесь особенно ярко выступают связи мелкого производства и торгового капитала. Представители последнего ссужали ремесленников, мелких производителей кредитом, скупали готовые изделия по дешевым ценам, а за предоставленное сырье брали высокие цены. Ю. Н. Розалиев, говоря о появлении купцов-скупщиков, которые постепенно захватывали в свои руки весь сбыт мелких товаропроизводителей, пишет: «Последние попадают в зависимость от купцов: сначала они «иногда» берут в кредит пряжу (но свободны продавать свою продукцию на рынке); потом они уже выполняют заказ, а сырье (пряжу) берут у купца постоянно, однако сохраняют возможность сбывать товар самостоятельно; наконец, они уже оказываются обязанными брать у купца пряжу и отдавать ему свою продукцию»⁵⁹. В результате торговый и ростовщический капитал превращаются в промышленный капитал. Таким образом, и мелкое производство создает широкие возможности для развития торгового и ростовщического капитала, что и рождает капитализм и буржуазию.

Как известно, с 1946 г. в политической жизни Турции начинается новый этап—перехода от однопартийной системы к многопартийной. Основные буржуазные партии Турции—Народно-республиканская, Демократическая и Национальная—понимали важную роль и социальную силу мелкобуржуазного слоя, стремились привлечь этот многочисленный отряд непролетарских масс трудящихся на свою сторону, при этом не уступали друг другу в различных демагогических заявлениях. Все эти партии выступали, как правило, в роли «защитников» мелких производителей, обещая предоставить им широкие возможности развития. Например, в своей партийной программе Народно-республиканская партия именovala ремесленников и мелких производителей одним из основных элементов экономической структуры турецкого общества⁶⁰. Демократическая партия, со своей стороны, обещала, что в случае ее прихода к власти она будет покровительствовать мелким производителям⁶¹. Национальная же партия в своей программе констатировала, что она покровительствует мелким производителям и особенно поощряет использование ручных станков⁶².

Особенно стремилась заигрывать с городскими средними слоями Демократическая партия: на предстоящих парламентских выборах она рассчитывала получить их поддержку. «Существенная роль мелкой буржуазии в классовой и политической борьбе афразиазиатских стран,—писал Б. Г. Гафуров,—обуславливается не только тем, что мелкобуржуазные элементы составляют значительную часть в политических партиях, в государственном аппарате, профсоюзных организациях, но и тем, что мелкобуржуазная масса в целом образует в развивающихся государствах ту социальную базу, без поддержки которой не может обойтись ни один правящий режим. Это же обстоятельство объясняет и мелкобуржуазную направленность, мелкобуржуазные тенденции в деятельности тех или иных национальных правительств»⁶³.

Таким образом, можно отметить, что городские средние слои Турции в 40-х годах играли заметную роль в экономической и особенно в социально-политической жизни страны. Национальная буржуазия страны поддерживала рост и развитие мелкой буржуазии, однако эта поддержка была противоречива и недостаточна. Городская мелкая буржуазия нуждалась в кредитах, она была не в состоянии конкурировать с крупным национальным и иностранным предпринимательством. Финансовые затруднения принуждали ремесленников, мелких производителей прибегать к помощи ростовщического, торгового капитала. В результате многие представители городских средних слоев разорялись и превращались в наемных рабочих, и лишь часть их сумела выйти в ряды капиталистов.

3. УКРЕПЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ И РОСТ ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

Как уже было отмечено, военная конъюнктура создала благоприятные условия для оживления и роста торгового капитала. Нехватка товаров, рост цен, спекуляция и т. д. отвечали его интересам. О высоких прибылях, получаемых турецкими торговцами в годы второй мировой войны, свидетельствует бюллетень Стамбульской торгово-промышленной палаты. По его данным торговцы в эти годы получали прибыль от 300 до 500 и даже до 1000 %⁶⁴.

Турецкое законодательство способствовало росту торгового капитала. Так, в марте 1944 г. был принят закон «Об упорядочении торговли и борьбе со спекуляцией», в котором признавалось право промышленников и торговцев получать прибыли в размере 10—20 % от себестоимости товара. В результате, «когда товар доходил до покупателя, его цена «на законном основании» увеличивалась не менее чем на 50 %»⁶⁵.

Турецкая статистика скрывает размеры обогащения буржуазии в период второй мировой войны, поэтому приходится обращаться к косвенным данным. Историк Х. Баюр, выступая в меджлисе в 1945 г., отмечал, что в Турции 30—40 тыс. лиц нажились на войне. Некоторые из них, как отмечает он, еще не миллионеры, однако владеют капиталом не менее 100 тыс. лир каждый⁶⁶. Свидетельством обогащения буржуазии можно считать также увеличение банковских вложений частных лиц. По турецким данным, частные вклады в 1948 г., по сравнению с 1938 г., выросли примерно в четыре раза, с 227 до 813 млн. лир⁶⁷. При этом не учитываются те вклады, которые вложены турецкой буржуазией в иностранные банки. Свидетельством роста банковских операций можно считать рост числа самих банков и отделений, которые в 1948 г. достигли 32, против 19 в 1924 г.⁶⁸

Определенным показателем достаточного влияния турецкой торговой буржуазии в различных районах страны в эти годы может служить состав муниципальных советов. Так, из 25 членов муниципального совета в Афьон-Карахисаре 9 были торговцами, в Кыршехире из 24 членов—21 торговец, в Чорухе из 13 членов—7 торговцев, в Диярбакыре из 28 членов—12 торговцев, в Коджаели из 26 членов—11 торговцы, в Сейхане из 35 членов—12 торговцев, в Стамбуле из 68 членов—12 торговцев⁶⁹.

В 1947 г. было основано общество стамбульских торговцев, целью которого были оживление экономической жизни и защита интересов торговцев.

В рассматриваемый период в Турции все более активную роль стали играть акционерные общества. Сам факт развития акционерных обществ говорит о том, что капиталистические отношения

в Турции достигли известного уровня, поскольку акционерные общества, как правило, возникают на стадии крупного капиталистического производства. Если в 1943 г. в Турции насчитывалось всего 421 акционерное общество с общей суммой установленного капитала 244,9 млн. лир, то в 1950 г. в стране действовало уже 782 акционерных общества с суммой установленного капитала 874,7 млн. лир⁷⁰.

О росте влияния крупной торговой буржуазии говорит и деятельность торговых палат в стране. Они должны были способствовать развитию торговли; собирать и обрабатывать торговую информацию; представлять необходимые данные в официальные инстанции по вопросам, относящимся к данному району; готовить статистические материалы; следить за рыночными ценами основных товаров; утверждать торговые документы; выступать перед министерствами и местными властями с предложениями и заявлениями по торгово-промышленным вопросам; разрешать деловые конфликты по вопросам торговли; открывать в своем районе выставки, ярмарки, склады, кредитные учреждения⁷¹. Торговыми палатами, как правило, руководили крупные торговцы, подчас миллионеры. Например, руководство палатами Стамбула, Измира, Анкары находилось в руках таких влиятельных деловых людей Турции, как Караманджи, Филибейли, В. Коч и др.

Торговые палаты существовали в Турции еще с 1870-х годов, на началах добровольного членства. Однако в 1925 г. турецкие власти отменили существующий принцип их деятельности и обязали всех коммерсантов, имевших капитал свыше 5 тыс. лир, стать членами вновь создаваемых торговых палат, контролируемых министерством торговли⁷². Естественно, что торговцы не мирились с ограничением своих прав, выступали против вмешательства государства в их дела и за создание свободных от государственного контроля торговых палат. В. Коч, который с 1928 г. по 1951 г. руководил торговой палатой Анкары, пишет, что торговые палаты Анкары, Стамбула и Измира периодически организовывали совещания с последующим представлением их итогов и требований правительству⁷³.

Определенное представление о росте влияния крупного торгового капитала и усиления его позиций дают сведения о деятельности некоторых крупных предпринимателей и фирм. Так коммерсант и промышленник Омер Сабанджы в начале своей предпринимательской деятельности занимался торговлей хлопком, а с 1938 г. — переработкой хлопка и текстильным производством. Он основал ряд крупных промышленных предприятий, в том числе хлопкоочистительный комбинат в Адане (1938 г.), акционерные общества «Тюрк небаты яглар фабрикасы» А. Ш. (1939 г.) и «Торослар» Т. А. Ш. (1942—1943 гг.). После второй мировой вой-

ны Сабанджы основал Акбанк (1947 г.), создал в Анкаре строительное общество «Музаффар Будаг Ш.» и т. д. Впоследствии его компании были объединены в «Хаджи Омер—Холдинг»⁷⁴. Другой крупный предприниматель Нежат Эджзаджыбашы, получив образование в Германии и США, вернулся в конце 30-х годов в Турцию с дипломом доктора медицины. Он основал несколько лабораторий по изготовлению медикаментов. Как отмечает Ю. Н. Розалиев, медикаменты в условиях военного времени сбывались по баснословно высоким ценам. Это позволило в 1941—1943 гг. расширить сферу предпринимательской деятельности, построить керамический завод, ряд новых фармацевтических предприятий, и вскоре Нежат Эджзаджыбашы стал одним из самых богатых людей в стране⁷⁵. Мультимиллионер Вехби Коч начинал свою деловую карьеру в торговой лавке отца, затем занимался продажей резиновых галош, подошвенной кожи, обуви, железного лома, вкладывал накапливаемые капиталы в подрядные работы, а спустя некоторое время, в 1938 г., организовал торговое акционерное общество «Коч тиджарет Т. А. Ш.» с капиталом в 30 тыс. лир⁷⁶. После второй мировой войны В. Коч стал тесно сотрудничать с американскими фирмами, вкладывая капитал и в промышленность. Другой крупный предприниматель Узеир Авундук родился в семье торговца. Во время первой мировой войны он основал в Стамбуле компанию «Авундук-заде бирадерлер», которая торговала текстильными товарами, установила связи с компаниями Англии и Италии. Авундук избирался председателем торговой палаты Стамбула, членом правления Банка национального кредита и компании «Сейри-Сефайн Ш.». В 1930 г. фирма перебазировалась в Анкару и стала представительницей многих иностранных фирм. После прихода к власти Демократической партии он стал председателем торгово-промышленной палаты Анкары⁷⁷.

Одной из старых торговых фирм в Турции является фирма «Бурла бирадерлер», принадлежащая семье Бурла. По происхождению Бурла—евреи, принявшие мусульманство, т. е. дёнме. О масштабах торговопромышленной деятельности семьи Бурла мало сведений, однако тот факт, что их фирма находилась в числе обложенных налогом на имущество на миллион лир, косвенно свидетельствует о состоянии этой фирмы. Несмотря на тяжелый ущерб, нанесенный налогом на имущество, фирма Бурла и после второй мировой войны была крупнейшей в стране, занимаясь в основном импортом и вкладывая капиталы в промышленность.

В 1948 г. была создана фирма «Транстюрк», занимавшаяся импортом и экспортом. Основателями фирмы стали Тахсин Пияле, Ф. Сурен и Н. Бараз. Тахсин Пияле был главой макаронной фирмы страны «Макташ»⁷⁸.

Рост крупного торгового капитала особенно ускорился в начале 1950-х годов. Как свидетельствуют турецкие данные за 1950—1953 гг., в стране в эти годы была создана 101 торговая организация с капиталом в 136 млн. лир. В эти же годы значительно увеличилось число акционерных обществ. Было основано 152 акционерных общества с капиталом 365 млн. лир. Кроме этого, было создано 430 лимитедных обществ с капиталом более 63 млн. лир, занимавшихся торговыми операциями⁷⁹.

Таким образом, во время второй мировой войны, и особенно в послевоенный период, шел процесс концентрации крупного капитала.

Первые же послевоенные годы характеризовались заметным оживлением дискуссий в различных политических и экономических кругах правящего класса страны о направлениях экономической политики властей, о путях развития государственного и частного секторов. В этих спорах все отчетливее просматривалось усиление позиций крупной турецкой буржуазии, особенно торговой, ее стремление приступить к очередному пересмотру политики этатизма применительно к новой ситуации, сложившейся в эти годы как в самой Турции, так и на международной арене.

Имея уже немалые средства, накопив с помощью государственного сектора знания, технический и управленческий опыт, национальная буржуазия, возглавляемая теперь преимущественно крупной буржуазией, поставила перед собой задачу овладеть теми отраслями хозяйства, которые были в руках государственного сектора и которые благодаря значительному развитию внутреннего рынка становились прибыльными.

Борьба мнений о судьбах государственного капитализма нашла свое отражение и в выступлениях и политической деятельности представителей правящих кругов страны. Одним из таких представителей был Джеял Баяр, занимавший с 1932 по 1937 гг. пост министра экономики Турции, а в 1937—1939 гг. — премьер-министра. Баяр никогда не был ярым этатистом, однако в 30-е годы он, понимая жизненную необходимость экономических преобразований на базе госсектора, не стремился к ограничению экономической деятельности государства, как, впрочем, и частного сектора.

Теперь же Дж. Баяр заявил о несогласии с этатистской политикой НРП. В 1945 г. он выходит из партии и предпринимает шаги к созданию оппозиционной Демократической партии (ДП).

Демократическая партия была срганизована 7 января 1946 г. Джеялем Баяром, Аднаном Мендересом, Фуадом Кёпрюлю и Рефиком Коралтаном, которые были исключены из правящей НРП. В состав партии вошли крупные банкиры, торговцы, промышленники, помещики. «Руководство Демократической партии,—пишет

Иылдыз Сертель,—более всего находилось в руках таких крупных помещиков, как Аднан Мендерес, Джавид Орал. Крупные помещики, которые, проживая в городе, вкладывали накопленные в сельском хозяйстве капиталы в торговлю и промышленность, составляли влиятельное крыло ДП. В южной и восточной Анатолии ага, владеющие 30—40 деревнями, полностью взяли в свои руки местные организации ДП. Крупные торговцы и промышленники также находились в первых рядах Демократической партии. В руководство ДП входили также руководители банков, верхушка государственных служащих, связанных с крупными предпринимателями»⁸⁰.

В 1946 г., когда ДП уже была создана и начала действовать, Дж. Баяр, выражая интересы крупной турецкой буржуазии, заявил, например, что «впредь государство должно поставить частный капитал в равное положение с государственным. Государственный капитал должен вкладываться в такие сферы, как транспорт, оборонная промышленность, почта и т. п., а также там, где для частного предпринимательства не обеспечиваются прибыли. Некоторые государственные предприятия должны продаваться частным лицам»⁸¹.

По мнению Баяра, государство не должно непосредственно вмешиваться во все области экономики путем вложения капитала, создания предприятий, не должно конкурировать с частными фирмами. Функция государства—сделать «гармоничным» и «упорядочить действия экономических сил». Баяр подчеркивал, что он не против этатизма в целом, он против крайностей этатизма в форме государственного капитала. По его мнению, самой плохой формой этатизма является накопление капитала путем тяжелых налогов—это понижает жизненный и культурный уровень, порождает результаты, противоречащие социальной цели этатизма⁸². Из-за ошибочной экономической политики государства, считал Баяр, миллионные средства остаются в банках, не вкладываются в предпринимательские сферы⁸³.

Дж. Баяр призывал турецкие власти поступать так, как поступал в свое время Фридрих Великий, который строил фабрики и передавал их в руки частных лиц⁸⁴. По мнению Баяра, эта система, сыгравшая огромную роль в индустриализации Германии, может дать аналогичные результаты и в Турции.

Эти высказывания в духе «либерального этатизма», появившиеся после войны, следует объяснить не только тем, что национальная буржуазия, разбогатевшая в годы войны, хотела освободиться от контроля государства. Страна, особенно интеллигенция Турции, требовала буржуазных свобод, деловые круги же стремились использовать эти требования в своих интересах—как свободу частного предпринимательства в области экономики. Как ви-

дим, демократические лозунги объединили в это время многих, хотя смысл вкладывался различный. Это во многом объясняет, почему в то время в ДП вошли некоторые представители левых кругов.

Следует отметить, что сами власти в годы войны давали немало поводов обвинять их в бюрократизме в области экономики. Наиболее ярким примером такой чрезмерной регламентации хозяйственной деятельности частного сектора был вышеуказанный закон о национальной защите. Один из идеологов частного предпринимательства, в прошлом государственный чиновник, Ахмед Хамди Башар утверждал: «Свободу не следует понимать только в политическом смысле. Задача состоит в том, чтобы быстро развить страну, обеспечить в обществе экономическую свободу личности. НРП не смогла согласовать этатизм со свободой, этатизм все же доминировал. Задачей ДП должны быть реорганизация этатизма, доставшегося нам от Высокой Порты, создание государства, которое явилось бы достоянием народа; партия должна стать средством, способным сблизить государство с нацией»⁸⁵.

А. Х. Башар призвал прекратить вмешательство государства в экономику. Он считал, что руководство национальной экономикой следует передать особому органу, который не был бы зависим от правительства, а стоял выше него. Такой орган смог бы, по его мнению, препятствовать любой партии и любому правительству вмешиваться в экономическую жизнь⁸⁶. Однако сторонники либерального этатизма, хотя и требовали свободы в экономике, вместе с тем понимали, что без государственной помощи частному капиталу развиваться будет трудно. Заявление того же Дж. Баяра свидетельствует, что речь шла об ограниченном, «либеральном» этатизме, а не о полной либерализации экономики. «В сельском хозяйстве и промышленности вместо экономического либерализма нужно применить умеренную систему протекционизма. Лишь такое государство, в руках которого уже накоплены достаточные капиталы и рабочая сила, может вести политику экономического либерализма. Однако в Турции накопление капитала еще ограничено. В связи с этим Турция не примет либеральную экономическую систему»⁸⁷.

Руководители НРП, пытаясь скрыть эксплуататорскую сущность этатизма, приписывали несвойственные ему в условиях господства национальной буржуазии социальные функции. Министр торговли Турции Эсад Текели, говоря, например, о вмешательстве государства в торговлю, утверждал, что эта мера проводится с целью недопущения эксплуатации производителей, поддержки производителей против посредников; она отражает необходимость осуществления высоких экономических интересов страны, защиты прав потребителей⁸⁸. Такую же мысль выражал министр Сади

Ирмак в газете «Улус»: «Основная характерная черта нашего этатизма—это его национальный смысл. Другими словами, мы не можем оставить народные массы на произвол судьбы, оставаться безразличными к эксплуатации. Государство должно обеспечивать равновесие между имущими и неимущими»⁸⁹.

Однако представители национальной буржуазии Турции были не в силах скрывать под прикрытием «всенародной» НРП эксплуататорскую сущность госкапитализма в Турции. Вскрывая эту суть, В. И. Ленин писал: «В капиталистическом государстве государственный капитализм означает, что он признается государством и контролируется им на пользу буржуазии против пролетариата»⁹⁰. Эта ленинская характеристика целиком относится и к турецкому государственному капитализму.

Таким образом, крупная буржуазия хотела сохранить этатизм и использовать его в своих интересах. Требования крупного торгово-промышленного капитала были отражены в программе ДП, принятой 7 января 1946 г. и получившей свой окончательный вид на первом конгрессе партии в 1947 г.⁹¹.

Своей целью партия считала осуществление «в полном смысле слова демократии» в Турецкой республике (ст. 1). В экономической области, касаясь вопроса об этатизме, программа гласила: «Мы понимаем этатизм, как функции государства или непосредственно заниматься экономической деятельностью, или как упорядочение, поощрение и помощь, обеспечивающие быстрее развитие частного предпринимательства и капитала, с тем, чтобы как можно скорее восполнить пробел, с давних пор существовавший в области экономики; расширение же объема деловой активности поднимет жизненный уровень и благосостояние граждан. Упорядочение государством деятельности частного предпринимательства и капитала вызвано необходимостью согласовывать частные интересы с общими и защищать их. Наш этатизм—путь, обусловленный нашими экономическими условиями и нуждами» (ст. 17).

В 43-й статье говорилось: «Деятельность частного предпринимательства и капитала является основой экономической жизни. Следовательно, нужно обеспечивать условия и новые сферы деятельности для свободного и безопасного действия частного предпринимательства и капитала». Отражая интересы крупной и средней буржуазии, программа требовала, с целью ограничения вмешательства государства в экономические дела страны, наметить даже некий план действий в этом направлении: «В целях стабильной и безопасной деятельности частного предпринимательства и капитала необходимо решительно определить границы экономической деятельности государства. Для этого считаем необходимым заранее определить долгосрочным общим планом те дела, выполнение которых государство берет на себя, а также—глав-

ные направления политики государства в области экономики, таможен, монополий и валюты» (ст. 44).

Статья 45 определяла сферу деятельности государства таким образом: «Государство непосредственно должно действовать: а) в сферах, в которых частное предпринимательство и частный капитал не могут действовать или из-за нехватки капиталов, или если за короткое время невозможно получать прибыли, однако если эти сферы нужны для экономического развития и укрепления обороны страны, особенно в сферах тяжелой промышленности, в строительстве и эксплуатации крупных электростанций, железных дорог, портов, ирригационных сооружений и крупных транспортных средств; б) в строительстве крупных горнорудных предприятий и лесных хозяйств, нахождение которых в руках государства более выгодно с точки зрения постоянных выгод; в) необходимо, чтобы государственные и частные предприятия находились в равных условиях».

Программа требовала также передать ряд государственных предприятий в руки частных предпринимателей: «Те предприятия, которые созданы государством, но в частных руках могли бы работать рентабельнее, должны быть переданы частным предпринимателям на выгодных условиях» (ст. 48).

Касаясь условий торговли, программа требовала: «На рынках должна быть обеспечена безопасность и стабильность. Если нет крайней необходимости, не следует вмешиваться в рыночные отношения. Самая важная обязанность государства в этой области—препятствовать упразднению или ограничению конкуренции» (ст. 53).

Несомненно, правящая тогда НРП учитывала требования различных слоев крупной буржуазии, представители которых были и ее членами (как, например, Вехби Коч). НРП вынуждена была внести значительные изменения в свою платформу, что нашло отражение в новой программе партии⁹², принятой на 7-м съезде партии, состоявшемся в период с 17 ноября по 6 декабря 1947 г.

«Наш этатизм,—говорилось в программе НРП,—возник с целью быстрее развивать нашу экономику в качестве единого целого, довести жизненные условия нашей нации до уровня, отвечающего потребностям сегодняшнего мира, и превзойти их.

Считается необходимым, оснащая каждую отрасль национальной экономики передовой техникой..., увеличивать производительность труда и обеспечивать действия национального капитала в пригодных для него сферах экономики страны» (ст. 7).

Статья 8 устанавливала, в каких сферах экономики должно действовать государство: «Государство с целью обеспечения общественных нужд должно заниматься такими делами, как строительство крупных горнорудных предприятий и крупных энергетических

ческих станций, тяжелая промышленность, общественные работы, транспорт...».

В новой программе определялись и сферы действия частного предпринимательства: «Наша партия считает, что в различных экономических сферах, не упомянутых в 8-й статье, может заниматься частное предпринимательство, а государство должно поощрять, поддерживать его, оказывать необходимую помощь.

В статье 10 специально подчеркивалось, что «частные и государственные предприятия должны действовать в равных условиях...».

В новой программе НРП значительное место было уделено сельскому хозяйству. Демагогически подчеркивалось, что «крестьяне и земледельцы—основной элемент нашей нации», поэтому в экономической политике партия будет уделять внимание «повышению производительности сельскохозяйственного производства и социальному развитию крестьян и земледельцев» (ст. 41). В программе содержалось также обещание наделять землями безземельных и малоземельных крестьян, оснащать их сельскохозяйственными средствами и удовлетворять их потребности в кредитах, пересмотреть вопросы, касавшиеся гарантий собственности, максимального количества оставляемых за хозяевами земель и стоимости отчужденных (ст. 41—43).

Интересы торговой буржуазии были отражены в ст. 56; «Торговлю считаем необходимым элементом национальной экономики, а свободную конкуренцию—главным условием для развития национальной торговли. Мы должны поощрять торговлю так, чтобы производители и потребители обеспечивали себе выгоду. С этой целью считаем необходимым упорядочить и контролировать торговлю специальными организациями и государством».

Как следует из программ двух крупных партий, в которых была представлена национальная буржуазия Турции, между ними нет принципиальных различий во взглядах. Если и были какие-то различия в их программах, то они касались оценки этатизма. ДП требовала и последовательно добивалась признания более широких прав в развитии частного предпринимательства и иностранного капитала. НРП выглядела более «этатистской», хотя и в ее рядах была крупная буржуазия и помещики.

Разумеется, не следует считать, что крупная буржуазия получила возможность влиять на политику государства лишь с возникновением и укреплением ДП, с принятием новой программы НРП. Требования крупной турецкой буржуазии находили свое отражение и ранее, в программах правительств НРП. Например, в программе правительства Реджепа Пекера (август 1946 г.) говорилось: «Наша экономическая деятельность будет исходить из интересов частных предпринимателей и частного капитала: не сле-

дует проводить грань между частным предпринимательством и государственным сектором. Мы будем... обеспечивать взаимодействие между государственными предприятиями и частным капиталом, препятствовать созданию государственных предприятий в таких областях, где успешно может действовать частное предпринимательство». Правительство Хасана Саки (сентябрь 1947—январь 1949 гг.) в своей правительственной программе заявляло: «Мы обратим внимание на то, чтобы государство не было конкурентом частному предпринимательству». А в программе правительства Ш. Гюналтая (январь 1949 г.), последнего правительства НРП перед приходом к власти ДП, относительно частного капитала говорилось: «Главным принципом правительства должно быть поощрение и облегчение деятельности частного капитала в экономических областях»⁹³.

В начале 1950 г., перед выборами в меджлис девятого созыва, отношения между двумя партиями обострились. Обе партии не скупилась на демагогические обещания, представляя себя «поборниками» демократии и свобод, развития частного и иностранного капитала и т. п. Например, в предвыборном заявлении НРП говорилось: «Мы хотим, чтобы частный капитал и частное предпринимательство постепенно играли все большую роль в развитии нашей экономики: мы будем поощрять новые сферы деятельности для капиталистов и предпринимателей; необходимо дать возможность частному предпринимательству пользоваться и теми кредитами, которыми пользовались только государственные экономические организации; мы должны держать открытыми наши двери для иностранного капитала, который хочет действовать в Турции и который будет действовать согласно международным условиям, принятым цивилизованными странами. Закон, который мы приняли в этом году, подготовил прочную основу для поощрения частного капитала; наша партия придает первостепенное значение тому, что частный капитал и частное предпринимательство должны действовать на равных условиях. Мы намерены пересмотреть существующие условия в этой области, и если будут положения, которые противостоят равенству, мы их упраздним»⁹⁴.

А премьер-министр Ш. Гюналтай, стремясь привлечь на сторону НРП крупных помещиков, испугавшихся земельного закона 1945 г., говорил, что меджлисом подготовлены меры, которые позволят, «сохраняя целостность средних хозяйств, наделять безземельных крестьян землями в достаточном количестве»⁹⁵. Крестьянам же НРП обещала в случае победы на предстоящих выборах ускорить процесс начального обучения в деревнях, обеспечить безземельных и малоземельных крестьян землями, необходимыми сельскохозяйственными орудиями труда, семенами, кредитами и т. д.⁹⁶

В свою очередь представители ДП в своих предвыборных выступлениях выражали взгляды, которые характеризуют их как главных защитников интересов крупного частного капитала. Так, по мнению лидеров партии, экономическая политика государства должна была состоять в том, чтобы она, опираясь на частную собственность, защищала экономические свободы личности, а частное предпринимательство считала основой экономики страны; государство должно заниматься предоставлением коммунальных услуг и делами, которые вне сферы деятельности частного предпринимательства, и т. д.⁹⁷ «Демократы» считали, что «в такой стране, где гарантии для действий национального капитала и частного предпринимательства недостаточны и их возможности развития ограничены, ждать прихода иностранного капитала в страну является иллюзией. А между тем мы сильно нуждаемся в иностранном предпринимательстве, иностранном капитале и передовой технике. Мы намерены обеспечить возможность использовать в больших масштабах иностранное предпринимательство, капитал и иностранную технологию»⁹⁸. «Если власть окажется в наших руках, мы за шесть месяцев превратим страну в рай», — заявляли демократы, и такие заявления, — пишет Н. Нади, — распространялись до самых отдаленных уголков страны и в сознании населения оставляли глубокие следы»⁹⁹. Представители ДП в своих выступлениях выдавали себя за основоположников демократии в Турции, а действия ДП — освободительным движением¹⁰⁰. Лидер ДП Джемал Баяр, выступая в мае 1950 г. в городе Самсуне, заявил: «Мы не обещаем выполнять невозможные дела. Те же, которые обещаем, несомненно, выполним. Турция находится в бедственном экономическом положении... Народ испытывает неслыханные трудности. Мы освободим наш народ из этого бедственного положения. Мы обеспечим страну дорогами, питьевой водой, фабриками. Все это будет делать Демократическая партия»¹⁰¹.

14 мая 1950 г. состоялись выборы в меджлис. Они закончились победой ДП, получившей 54,91% голосов избирателей; НРП получила 41,05% голосов¹⁰². В результате мажоритарной системы ДП обеспечила себе 408 депутатских мест в меджлисе, а НРП — 69¹⁰³.

Таким образом, НРП, созданная основоположником Турецкой республики Кемалем Ататюрком и правившая страной в течение 27 лет, потерпела поражение. Причины поражения НРП и победы ДП различные авторы объясняют по-разному. Но их взгляды едины в том, что НРП почти за 30 лет не смогла разрешить важнейшие социально-экономические, политические задачи, стоящие перед ней, завела страну в тупик. Все основные слои населения были недовольны ее политикой, поэтому неслучайно, что ДП за

столь короткое время своего существования сумела взять верх над правящей партией.

Среди недовольных политикой НРП основное место занимали различные группы национальной буржуазии. Разбогатевшие в годы второй мировой войны, они выступили против этатистских мер правительства, требуя широкого простора для своих действий, ограничения этатизма и поощрения местного частного и иностранного предпринимательства. Были среди недовольных и те группы национальной буржуазии, которые вплоть до 1942 г. пользовались льготами «Закона о поощрении промышленности», а затем были лишены их. Среди недовольных были и предприниматели, связанные с местным рынком и иностранным капиталом. Первые требовали ограничить импорт, чтобы иметь возможность реализовать свои товары быстро и выгодно на местном рынке; в противовес этому предприниматели-посредники, связанные с иностранным капиталом, требовали увеличить импорт и т. д.

Помещики также были недовольны политикой НРП, поскольку она намеревалась проводить пусть куцую, но все же затрагивающую их интересы аграрную реформу 1945 г. Они резко выступали и против применения этой реформы и против политики НРП вообще.

Крестьянские массы также были обмануты в своих ожиданиях, так как НРП не разрешила аграрную проблему. Тысячи крестьянских семей не располагали землей, а реформа 1945 г. не внесла серьезных изменений в турецкую деревню.

В тяжелом положении находился рабочий класс, который был лишен самых элементарных прав, и поэтому в первое время часть его легко поверила демагогическим обещаниям демократов и поддержала их.

Инонациональная буржуазия испытывала неприязнь и недоверие к НРП в связи с введением в 1942 г. налога на имущество. Следует отметить, что местная буржуазия еще долго помнила этот шаг правительства, направленный против частной собственности, и не доверяла правительству.

Среди недовольных политикой НРП была и городская мелкая буржуазия, кредитные нужды которой не удовлетворялись государством.

В числе недовольных политикой НРП была и значительная часть духовенства. «Не случайно что, после победы ДП в главной мечети Анкары,—пишет польский автор К. Познаньска,—публично вознеслась благодарность аллаху за освобождение Турции от «безбожных» правительств»¹⁰⁴.

Ко всему этому следует добавить, что в стране царили голод, спекуляция, злоупотребления государственных чиновников, репрессии властей и т. д. С учетом всего этого причины провала НРП

никого не удивляли. Самые широкие слои населения были недовольны ее политикой и поэтому отдали голоса за ДП.

Надо оговориться, что не все влиятельные помещики, представители крупной буржуазии перешли на сторону ДП. До поражения НРП на выборах 1950 г. их число в этой партии было значительным. Так, крупный землевладелец Касым Гюлек, депутат из Сейхана, с сентября 1947 г. по июнь 1948 г. занимал пост министра благоустройства, а затем почти полгода—пост министра транспорта в правительстве НРП. Другой землевладелец—Джавид Орал—с июня 1948 г. по май 1950 г. занимал пост министра сельского хозяйства¹⁰⁵. Один из крупных деловых людей страны, мультимиллионер Вехби Коч также находился в рядах НРП, из-за чего в период правления ДП «испытывал трудности во всех своих делах»¹⁰⁶. Определенную роль в том, что не все крупные помещики или представители буржуазии покинули НРП, сыграли родственные связи, знакомства, высокие и доходные посты и т. д. До того, как политика властей не затрагивала их интересы, они оставались верными НРП. Например, в Турции были распространены слухи о том, что Вехби Коч на выборах 1950 г. передал НРП 3 млн. лир.¹⁰⁷ Вряд ли он был в состоянии пожертвовать такую большую сумму денег, однако, принимая во внимание его успешную деятельность в период правления НРП, его теснейшие связи с государственным сектором и т. д., можно предположить, что Коч все же оказал значительную финансовую поддержку этой партии.

Следует отметить, что в победе Демократической партии решающую роль сыграли также голоса крестьянских масс, хотя в программе ДП и не было упоминания о земельной реформе 1945 г. Дело обстояло в том, что крупные помещики имели в этот период значительное влияние на крестьян и заставляли их голосовать за кандидатов демократов.

НРП, будучи не в силах вывести страну из тяжелого положения, с целью разрядки внутренней взрывоопасной обстановки, допустила создание в стране Демократической и ряда других партий. Этот шаг свидетельствовал также о том, что турецкая буржуазия, особенно крупная, настолько окрепла, что уже нуждалась в собственной партии, способной защищать ее интересы. И крупная буржуазия морально и материально поддержала ДП. Согласно турецким данным, крупные торговцы оказали финансовую поддержку этой партии. Так, например, только измирские торговцы передали ДП в качестве помощи 100 тыс. лир¹⁰⁸.

Несомненно, в победе Демократической партии свою роль сыграли США, которым была больше по душе ее партийная программа, обещающая ограничить государственное вмешательство

и дать широкий простор для развития местного и иностранного частного капитала.

Переход власти к ДП А. М. Шамсутдинов считает банкротством внешней и внутренней политики НРП. Он отмечает, что «Демократическая партия при помощи широкой демагогии, шантажа и обмана масс, при поддержке американских империалистов захватила государственную власть в свои руки»¹⁰⁹.

Однако переход власти к ДП не привел к улучшению положения широких масс Турции. Победа ее лишь означала, что турецкая буржуазия переместила власть из одной руки в другую. «Многopартийная демократия,—пишет Т. Атаёв,—насаждавшаяся в Турции, была не более чем игрой, которая велась в интересах буржуазии»¹¹⁰. К. Маркс, говоря о таких явлениях, писал, что «олигархия увековечивает себя не только при помощи постоянного сохранения власти в одних руках, но также и тем, что она попеременно выпускает власть из одной руки, чтобы подхватить ее тут же другой»¹¹¹. В. И. Ленин, в свою очередь, говоря о двухпартийной системе США, отмечал, что правящие круги этой страны «обманывали народ, отвлекали его от насущных интересов посредством эффективных и бессодержательных дуэлей двух буржуазных партий»¹¹².

Турецкая действительность подтверждает жизненность высказываний классиков марксизма. Испугавшись народного недовольства и с целью сохранить власть в своих руках, буржуазия страны добилась создания многopартийной системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Победа национальной войны в Турции передала власть в руки турецкой буржуазии, в тот период экономически и политически еще слабой. Такова была особенность развития капиталистических отношений на Востоке, и в том числе в Турции, в отличие от европейских стран, где национальная буржуазия в период захвата власти, как правило, имела прочные экономические, а иногда и политические позиции.

Окончательное формирование и дальнейшее развитие национальной буржуазии Турции, естественно, было результатом развития социально-экономических условий. Академик Е. Жуков правильно указывает, что «...ход общественного развития определяют общие закономерности, проявляясь через конкретный исторический процесс в отдельных странах, через «особенное», которое, однако, не играет главной роли»¹. В специальном исследовании о формировании буржуазии Османской империи О. Г. Инджикян отмечает, что «развитие капиталистических отношений, образование слоя буржуазии из землевладельцев-помещиков, связанных с

рынком, расслоение крестьянства, выделение кулачества, обезземеливание крестьян и другие явления нужно считать результатом главным образом внутренних процессов и особенностей, которыми и было обусловлено состояние сельского хозяйства страны»².

Наиболее значительной и влиятельной частью национальной буржуазии Турции являлась в 40-е годы торговая буржуазия. Однако разбогатевшие в годы второй мировой войны крупные торговцы стали вкладывать капиталы и в промышленность, что привело к некоторому росту промышленной буржуазии. Наряду с этим наблюдалось и иное. Крупные торговцы скупали земельные участки, вкладывали капиталы в сельское хозяйство, подрядные работы, банковские операции. В свою очередь, крупные землевладельцы занимались торговлей или вкладывали капиталы в промышленность. В результате растущего взаимодействия имущих классов быстрее стали развиваться капиталистические отношения, ускорился процесс концентрации капитала. Численно вырос класс буржуазии, который в 1950 г. составлял (включая небольшое число крупных эксплуататоров помещичьего типа) примерно 400 тыс. человек (3,6% экономически активного населения)³.

Одной из особенностей развития капиталистических отношений в Турции является тот факт, что до второй мировой войны национальная буржуазия страны имела определенные связи с инонациональной (греческой, армянской и еврейской) буржуазией. С целью предоставления более широкого поля деятельности национальной буржуазии турецкие власти продолжали политику вытеснения инонациональной буржуазии из экономики страны.

При сравнении процесса развития капиталистических отношений в Турции с экономически развитыми странами бросается в глаза и другая его особенность. В этих странах, как правило, промышленное развитие прошло три этапа эволюции—мелкого товаропроизводства, мануфактуры и крупного предпринимательства. В Турции же преобладающая часть крупных предпринимателей формировалась из среды феодалов-землевладельцев и коммерсантов, накопивших солидные капиталы и вложивших их в промышленность.

Национальная буржуазия, имея до 40-х годов серьезное влияние на политическую жизнь, была еще слаба в экономике. Она не могла осуществлять широкие капиталовложения, создавать крупные предприятия, ограничивать действие иностранного капитала, поэтому была заинтересована в государственном вмешательстве в экономику, в укреплении позиций государственного сектора—до того предела, пока это не затрагивало ее узкоклассовые интересы.

В отношении иностранного капитала национальная буржуазия вела двоякую политику. До второй мировой войны, не будучи в силах конкурировать с иностранным капиталом, она выступа-

ла против его широкого привлечения. Но после войны, став значительно сильнее политически, турецкая буржуазия потребовала смягчить ограничения в отношении иностранного капитала. Были установлены равные условия для действия местного и иностранного капиталов. Лояльное отношение властей привело к некоторому притоку иностранного капитала в страну, в первую очередь американского, в результате чего усилилась экономическая и политическая зависимость Турции от США. Об аналогичном явлении упоминает В. И. Ленин: «...когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами»⁴.

Неразрывно связаны с национальной буржуазией Турции верхние слои городской мелкой буржуазии, которые в рассматриваемый период играли значительную роль в экономике и, в частности, удовлетворении спроса внутреннего рынка. Но в условиях быстрого развития капиталистических отношений городская мелкая буржуазия не была в состоянии выдержать конкуренцию ни местного крупного, ни иностранного капитала, вследствие чего процесс ее разорения был ускорен. Это вело к обострению противоречий городской буржуазии с национальной—первая все больше была заинтересована в государственном вмешательстве в экономику.

Постепенное укрепление позиций госсектора сопровождалось увеличением числа государственных служащих. Часть их, злоупотребляя своим должностным положением, использовала привилегии государственной власти для самообогащения. Взятки, коррупция и различные махинации обеспечивали приток денег.

Накопленные турецкой бюрократией суммы вкладывались в предпринимательское дело, переводились в иностранные банки. Таким образом, в развитии капиталистических отношений и накоплении капитала в Турции определенную роль играл также бюрократический капитал.

Национальная буржуазия была заинтересована в экономическом развитии, преодолении феодальных пережитков и индустриализации страны. Однако в деле промышленного развития страны она не проводила последовательной политики. Испытывая давление в первую очередь американского монополистического капитала, она проводила курс на такое индустриальное развитие страны, при котором предпочтение отдавалось развитию отраслей легкой промышленности и сельского хозяйства. Осуществление даже этого курса в значительной степени было поставлено в зависимость от иностранных кредитов.

В 40-е годы не произошло серьезных изменений и в положении рабочего класса Турции. Буржуазия не приняла никаких мер для введения рабочего законодательства, отвечающего интересам

рабочего класса. Закон о труде 1936 г. так и остался на бумаге, не предоставив рабочим никаких прав, в том числе и права на забастовку. Единственно, в чем была заинтересована турецкая буржуазия—это поставить рабочее движение и их профсоюзы под свой полный контроль.

Одной из главных проблем, беспокоящих национальную буржуазию, была аграрная проблема, жизненно важная для такой сельскохозяйственной страны, как Турция. Значительную долю составляли безземельные и малоземельные крестьяне. Быстрыми темпами шел процесс обезземеливания крестьянских масс, и тысячи тружеников села, потеряв земельные участки, пополняли ряды безработных. После второй мировой войны правительство национальной буржуазии было вынуждено пойти на определенные аграрные преобразования в деревне. Однако аграрный закон 1945 г. не дал положительных результатов, поскольку национальная буржуазия, будучи сама связана с землевладением и с помещичьим классом, не шла на серьезные преобразования, которые могли ущемить интересы крупных землевладельцев. Турецкие власти ограничились предоставлением безземельным и малоземельным крестьянам земли за счет бесхозных и малопригодных земельных фондов. Даже против этого половинчатого закона выступали недовольные аграрной политикой властей крупные землевладельцы. В результате некоторые важные пункты закона, затрагивающие интересы землевладельцев, были впоследствии отменены. «Всякая реформа,—указывал В. И. Ленин,—лишь постольку и является реформой (а не реакционной и не консервативной мерой), что она означает известный шаг, «этап» к лучшему. Но всякая реформа в капиталистическом обществе имеет двойственный характер. Реформа есть уступка, которую делают правящие классы, чтоб задержать, ослабить или затушить революционную борьбу, чтобы раздробить силу и энергию революционных классов, затемнить их сознание и т. д.»⁶. Так произошло и в Турции.

После второй мировой войны крупная турецкая буржуазия стала настойчиво выступать против последовательных этатистских мер правительства, требуя более широкого поля деятельности для частного предпринимательства и возможности привлечения в страну иностранного капитала. Эти стремления крупной турецкой буржуазии нашли свое отражение в партийных документах ДП, полностью отвечающих интересам крупной буржуазии.

В результате проводимой верхами политики, в 1945—1950 гг. Турция оказалась в тяжелом экономическом положении. Промышленность страны развивалась слабыми темпами, не удовлетворявшими потребности населения. В стране царили голод, дороговизна, спекуляция. Обострение социально-экономических про-

тиворечий привело к затяжным формам кризиса правительственных верхов. Широкие слои населения были недовольны политикой правящих кругов Турции. Этим и воспользовалась ДП, которая, выдавая себя защитницей демократических прав народа, критиковала внутреннюю и внешнюю политику правящей НРП. Демagogические обещания ДП нашли широкий отклик среди населения страны, что и обеспечило ей победу на выборах в меджлис 1950 г. После прихода к власти Демократической партии национальная буржуазия стала активно влиять на экономическую жизнь страны, играя решающую роль во внутренней и внешней политике республиканской Турции.

Ս. Վ. ԳԵՂԱՄՅԱՆ

**ԹՈՒՐԻԱՅԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԲՈՒՐՇՈՒԱԶԻԱՆ ԵՐԿՐԻ
ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ԵՎ ՍՈՑԻԱԼ-ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԿՅԱՆՔՈՒՄ
(1945—1950 թթ.)**

Ա. մ փ ռ փ ու մ

Թուրքիայում ազգային պատերազմի հաղթանակից հետո (1919—1922 թթ.) իշխանությունն անցավ ազգային բուրժուազիայի ձեռքը: Ի տարբերություն եվրոպական երկրների, որտեղ իշխանության գլուխ անցնելու ժամանակ ազգային բուրժուազիան հիմնականում ուներ ամուր տնտեսական և երբեմն էլ քաղաքական հիմքեր, Թուրքիայի ազգային բուրժուազիան իշխանության գլուխ գալու պահին թե՛ տնտեսապես և թե՛ քաղաքականապես դեռևս թույլ էր, որը պայմանավորված էր երկրի ներքին սոցիալ-տնտեսական զարգացման օրինաչափություններով:

Թեև Թուրքիան անմիջական մասնակցություն չէր ունեցել երկրորդ համաշխարհային պատերազմին, սակայն այն լուրջ հետևանքներ էր թողել նրա տնտեսության վրա: Երկրի կառավարող շրջանների առջև ծառացել էին սոցիալ-տնտեսական բնույթի խրթին խնդիրներ, որոնց լուծման փորձերը ուղեկցվում էին դասակարգային հակամարտությունների սրմամբ: Այսպիսի պայմաններում մեծ աշխուժություն էր ցուցաբերում Թուրքական հասարակության հիմնական դասերից մեկը՝ ազգային բուրժուազիան:

Թուրքիայի տնտեսության զարգացման թույլ մակարդակը ստիպում էր ազգային բուրժուազիային լրջորեն խորհել երկրի ինդուստրացման

հարցերի շուրջը: Այդ նպատակով կարելի էր օգտագործել կապիտալի կուտակման այնպիսի կարևոր աղբյուրներ, ինչպիսիք էին հարկերը, պետական սեկտորի ձեռնարկություններից ստացվող եկամուտը, հողային ունեւորան և այլն: Սակայն թուրքական բուրժուազիան զրկված էր այդ աղբյուրները երկրի ինդուստրացմանը ծառայեցնելու հնարավորություններից: Այդ եկամուտների զգալի մասը տրամադրվում էր ռազմական նպատակների, իսկ արդյունաբերության մեջ ներդրվում էր միայն շնչին մասը: Բացի այդ, տնտեսության զարգացման պլանների մշակման գործում առաջնությունը տրվում էր մասնավոր սեկտորի զարգացմանը, մեծ հույսեր էր կապվում արտասահմանյան վարկերի հետ, և հիմնական ուշադրությունը հատկացվում էր գյուղատնտեսության զարգացմանը: Տնտեսական այդպիսի քաղաքականության հետևանքով տեղական արդյունաբերությունը միայն մասամբ էր կարողանում բավարարել երկրի ներքին պահանջները:

Երկրի տնտեսության հիմնական բնագավառը՝ գյուղատնտեսությունը մնացել էր զարգացման ցածր մակարդակի վրա: Թուրք գյուղացիության հողագրկման ընթացքը մեծ շահեր էր ընդունել, որին զուգահեռ տեղի էր ունենում հողի կենտրոնացումը կալվածատերերի, կուլակների ձեռքում, աճում էր խոշոր հողատիրության տեսակարար կշիռը: Թեև ազգային բուրժուազիան երկրի տնտեսության զարգացումը անհնար էր համարում առանց տեխնիկա-տնտեսական հետամնացության հաղթահարման, առանց գյուղի արմատական ագրարային վերափոխումների, սակայն կապված լինելով ֆեոդալական վերնախավի հետ, շահերի ընդհանրություն ունենալով առևտրի, արդյունաբերության մեջ կապիտալ ներդրումներ կատարող խոշոր կալվածատերերի հետ, երբեք գյուղում խոր, արմատական բարեփոխումներ անցկացնելու նպատակներ չունեին և չէր կարող ունենալ: Նա ձգտում էր գյուղացիության պահանջները բավարարել երկրորդական բնույթի միջոցառումներով: Ահա թե ինչու 1945 թ. ագրարային բարեփոխումը էական փոփոխություններ չմտցրեց Թուրքիայում:

Արդյունաբերության զարգացման ցածր մակարդակի պատճառով երկրի արդյունաբերական պրոլետարիատը բազմամարդ չէր, բանվորական շարժումը երկար ժամանակ չունեին առաջադեմ արհմիութենական ղեկավարություն: Շահութաբեր պաշտոններ տրամադրելու, ֆինանսական օգնություն ցույց տալու միջոցով բուրժուազիան սիրաշահում, իր կողմն էր գրավում արհմիութենական գործիչներին և ձգտում էր արհմիությունները ծառայեցնել իր շահերին: Անգամ 1936 թ. ընդունված

աշխատանքային օրենքը, որը շատ համեստ իրավունքներ էր խոստանում բանվորներին, փաստորեն մնացել էր թղթի վրա:

40-ական թթ. երկրի բուրժուազիայի ազդեցիկ խմբավորումներից մեկը բյուրոկրատական բուրժուազիան էր: Վերջինիս կուտակած կապիտալի մի մասը ներդրվում էր արդյունաբերության մեջ կամ ձեռնարկատիրական զանազան ոլորտներում, որը նպաստում էր երկրում կապիտալիստական հարաբերությունների հետագա զարգացմանը:

Կապիտալիստական մրցակցության պայմաններում մանր բուրժուազիայի մեծ մասը քայքայվում, վերածվում էր վարձու բանվորների և միայն մի շնչին մասին էր հաջողվում անցնել կապիտալիստների շարքը: Պատերազմի տարիներին հարստացած թուրքական խոշոր բուրժուազիան սկսեց համառորեն հանդես գալ կառավարության վարած պետական կապիտալիզմի քաղաքականության դեմ, է՛լ ավելի լայն հնարավորություններ պահանջել մասնավոր կապիտալի զարգացման համար:

1946 թ. հունվարին հիմնադրվեց Դեմոկրատական կուսակցությունը, որն իր ծրագրերում հիմնականում արտահայտելով խոշոր բուրժուազիայի ու կալվածատերերի շահերը, խոստանում էր սահմանափակել պետության միջամտությունը երկրի տնտեսական կյանքին և լայն հնարավորություններ ապահովել մասնավոր խոշոր կապիտալի զարգացման համար: Այս իրադրության մեջ իշխանության համար անզիջում պայքար ծավալվեց կառավարող Ժողովրդա-հանրապետական և նորաստեղծ Դեմոկրատական կուսակցության միջև:

1950 թ. մայիսի 14-ի ընտրություններում հաղթանակ տարավ և իշխանության գլուխ անցավ Դեմոկրատական կուսակցությունը: Ժողովրդա-հանրապետական կուսակցությունը կառավարման 27 տարիների ընթացքում չկարողանալով լուծել իր առջև ծառացած սոցիալ-տնտեսական ու քաղաքական կարևոր խնդիրները, երկիրը կանգնեցրել էր փակուղու առջև՝ առաջ բերելով ժողովրդի դժգոհությունը: Այս իսկ պատճառով, Դեմոկրատական կուսակցությունը կարողացավ հեշտությամբ հաղթանակ տանել կառավարող Ժողովրդա-հանրապետական կուսակցության նկատմամբ:

Իշխանության անցումը Դեմոկրատական կուսակցությանը ղգալի փոփոխություններ չբերեց Թուրքիայի ժողովրդական զանգվածների կյանքում: Այդ կուսակցության հաղթանակով թուրքական բուրժուազիան ըստ էության իշխանությունը իր մի ձեռքից փոխադրեց մյուսը: Նա հասավ իշխանությունը իր ձեռքում պահելու բուրժուական երկրներում բազմիցս փորձված, ճկուն բազմակուսակցական համակարգի հաստատման:

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

- 1 Ulus. 18. III. 1943.
- 2 Аюпян Г. Турция в тисках империалистической реакции.—Большевик, 1948, № 7, с. 48.
- 3 Моисеев П. П. Финансы Турции и положение трудящихся в годы второй мировой войны.—Ученые записки Института востоковедения АН СССР, 1959, вып. 17, с. 184.
- 4 Ökte F. Varlık vergisi factası, İstanbul, 1953, s. 23.
- 5 В рассматриваемый период финансовый год в Турции начинался 1 июня, а с 1946 г.—1 января.
- 6 Sertel Y. Türkiye'de İlerici akımlar ve kalkınma davamız. İstanbul, 1969, 59—60.
- 7 Моисеев П. П. Закон о национальной защите 1940 г. в Турции.—Ученые записки Института востоковедения АН СССР, 1956, т. 14, с. 222—246:
Timur T. Türk devrimi ve sonrası. 1919—1946. Ankara, 1971, s. 228—237.
- 8 Кондакян Р. П. Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны. Ереван, 1978, с. 83.
- 9 Моисеев П. П. Закон о национальной защите 1940 г. в Турции, с. 237.
- 10 Там же.
- 11 Кондакян Р. П. Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны, с. 84.
- 12 Timur T. Türk devrimi ve sonrası, s. 236.
- 13 Nadir N. Perde aralığından. İstanbul, 1965, s. 109.
- 14 Timur T. Türk devrimi ve sonrası, s. 236.
- 15 Aydemir Ş. S. İkinci adam, c. 2. İstanbul, 1975, s. 225.
- 16 Sertel Y. Türkiye'de İlerici akımlar ve kalkınma davamız, s. 61.
- 17 İstatistik yılığı, c. 17. Ankara, 1949, s. 217.
- 18 İstatistik yılığı, c. 21. Ankara, 1953, s. 279.
- 19 Türkiye 1923—1973 ansiklopedisi, c. 1—4. İstanbul, 1974, s. 474.
- 20 Там же.
- 21 İstatistik yılığı, c. 14. Ankara, 1944, s. 353.
- 22 Имеются в виду фабрики, насчитывающие 10 и более наемных рабочих и именуемые турецкой статистикой «крупными».
- 23 Vedat E. Le revenu national de la Turquie.—Revue de la Faculté des sciences économiques de l'Université d'Istanbul, 1948, № 1—2, p. 90—91.
- 24 İstatistik yılığı, c. 21, s. 284.
- 25 İstatistik yılığı 1964—65. Ankara, 1965, s. 448.
- 26 Лудшувейт Е. Ф. Турция (экономико-географический очерк), М., 1955, с. 74.
- 27 Моисеев П. П. Рост налогов в Турции в годы второй мировой войны.—Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР, 1956, вып. 19, с. 55.

- 28 *Demirkan U.* Cumhuriyetin ilk elli yılında vergisel yapımız. Ankara, 1973, s. 133.
- 29 Там же, с. 48—49, 58.
- 30 Türkiye 1923—1973 ansiklopedisi, s. 679.
- 31 İstatistik yılığı, с. 21, s. 287.
- 32 Türkiye 1923—1973 ansiklopedisi, s. 104, 130, 799.
- 33 Подсчитано по данным: İstatistik yılığı 1964—65, s. 267.
- 34 *Лудшувейт Е. Ф.* Турция, с. 396—397.
- 35 Karma ekonomisi. İstanbul, 1967, s. 19.
- 36 *Коç V.* Hayat hikâyesi. İstanbul, 1974, s. 53.
- 37 *Авicioğlu D.* Türkiye'nin düzenli (dün-bugün-yarın), с. 1—2. İstanbul, 1976, s. 738.
- 38 Там же, с. 681.
- 39 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 25, ч. 2, с. 160.
- 40 *Serin N.* Türkiye'nin sanayileşmesi. Ankara, 1963, s. 231.
- 41 *Киреев Н. Г.* Развитие капитализма в Турции. К критике теории «смешанной экономики». М., 1982, с. 243.
- 42 Ulus, 14. III. 1950.
- 43 *Розалиев Ю. Н.* Особенности развития капитализма в Турции (1923—1960 гг.). М., 1962, с. 204.
- 44 *Nebloğlu O.* Türkiye'de kim kimdir. İstanbul, 1961—63, s. 597.
- 45 *Розалиев Ю. Н.* Особенности развития капитализма в Турции, с. 194.
- 46 Там же, с. 201.
- 47 *Коç V.* Hayat hikâyesi, s. 108.
- 48 Cumhuriyet, 17. III. 1950.
- 49 *Розалиев Ю. Н.* Особенности развития капитализма в Турции, с. 278.
- 50 Kalkınan Türkiye. Ankara, 1954, s. 15.
- 51 *Новичев А. Д.* Крестьянство Турции в новейшее время. М., 1959, с. 168, 245.
- 52 *Моисеев П. П.* Аграрный строй современной Турции. М., 1970, с. 76.
- 53 *Коç V.* Hayat hikâyesi, s. 54.
- 54 *Моисеев П. П.* Аграрный строй современной Турции, с. 84.
- 55 Там же.
- 56 Cumhuriyet, 27.VI.1946.
- 57 Türkiye İktisat Mecmuası, 1948, № XII, с. 39.
- 58 Cumhuriyet, 27. VII. 1948.
- 59 İktisadî yürüyüş, 1948, № 213—216, s. 33.
- 60 Там же, с. 2.
- 61 *Karpat K.* Türk demokrasi tarihi, s. 253—254.
- 62 Ulus, 3. XII. 1948.
- 63 İktisadî yürüyüş, 31.XII.1948, № 213—216, s. 25.
- 64 Там же.
- 65 *Киреев Н. Г.* Национальный и иностранный капитал во внешней торговле Турции. М., 1968, с. 75.
- 66 *Коç V.* Hayat hikâyesi, s. 58, 64.

- 67 Полное описание и применение этого закона дано в книге: *Ökte F. Varlık vergisi factası. İstanbul, 1953.*
- 68 Н. Садак впоследствии (с 10.IX. 1947 по 22.V. 1950 г.) возглавлял министерство иностранных дел Турции.
- 69 *Sertel S. Roman gibi (Anıtlar) 1919—1950. Sofya, 1969 s. 232.*
- 70 *Ökte F. Varlık vergisi factası, s. 86—87.*
- 71 *Lewis B. The emergence of modern Turkey. London, 1962, p. 292.*
- 72 *Гасратян М. А. О политике турецких правящих кругов в национальном вопросе.—Проблемы современной Турции. М., 1963, с. 138.*
- 73 *Ökte F. Varlık vergisi factası, s. 96, 185.*
- 74 *Koç V. Hayat hikâyem, s. 69.*
- 75 *Ökte F. Varlık vergisi factası, s. 183—184.*
- 76 *T. C. Resmî gazete, 17.III.1944.*
- 77 *Cumhuriyet, 21.X.1946.*
- 78 *Giritlioğlu F. Türk siyasi tarihinde CHP'sinin mevkî, c. 2, Ankara, 1965, s. 366.*
- 79 *Köksal B. A., İlkın A. R. Türkiyede iktisadî politikanın gelişimi (1923—1973). İstanbul, 1973, s. 135.*
- 80 *Hershlag Z. Y. Turkey, the challenge of growth. Leiden, Brill, 1968, p. 150.*
- 81 *Avcıoğlu D. Türkiyenin düzeni, s. 557.*
- 82 Там же.
- 83 *Thornburg M. W. Türkiyenin bugünkü ekonomik durumunun tenkidî. Ankara, 1950. s. 94, 137.*
- 84 Там же, с. 122, 96.
- 85 *Түркия экономисі. Milletlerarası İmar ve Kalkınma bankasının Түркия hükümetіle bilіştirak finanse ettiđi heyetin raporu. Ankara, 1951, s. 86, 127.*
- 86 Там же, с. 188, 269, 455.
- 87 *Köksal B. A., İlkın A. R. Türkiyede iktisadî politikanın gelişimi. s. 136.*
- 88 *Новейшая история Турции. М., 1968, с. 247.*
- 89 *Koç V. Hayat hikâyem, s. 73, 74, 76*
- 90 *Karma ekonomisi, s. 25.*
- 91 *Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 277.*
- 92 *Üstün N. Türkiyedeki Amerika. İstanbul, 1969, s. 55.*
- 93 *Устюн Н. Америка и американцы в Турции. М., 1971, с. 20.*
- 94 *Смирнов В. П. Турция. Экономика и внешняя торговля. М., 1956, с. 16.*
- 95 Там же, с. 5.
- 96 *Түркия 1923—1973 ansiklopedisi, s. 104, 130.*
- 97 *Кондакян Р. П. Вторжение западногерманских монополий в Турцию. Ереван, 1963, с. 36 (на арм. яз.).*
- 98 Там же, с. 39, 65—66.
- 99 *Түркия 1923—1973 ansiklopedisi, s. 638, 799.*
- 100 *Зарубежный Восток и современность, т. I. М., 1980, с. 151.*

- 1 Джиллов Х. З. Экономика Турции. М., 1971, с. 159.
- 2 Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları. İstanbul, 1968, s. 250.
- 3 Aydemir Ş. S. İkinci adam. c. 2, İstanbul, 1975, s. 398.
- 4 Tekeli I., İlkin S. Savaş sonrası ortamında 1947 Türkiye İktisadî kalkınma planı. Ankara, 1974, s. 2.
- 5 Mirza S. Sermaye piyasası. Türkiyede durumu ve muhtemel gelişmesi. İstanbul. 1965, s. 72.
- 6 Джиллов Х. З. Экономика Турции, с. 161, 164, 166.
- 7 Tunaya T. Z. Türkiyede siyasî partiler (1859—1952). İstanbul, 1952, s. 590.
- 8 Tayanç T. Sanayileşme sürecinde 50 yıl. Ankara, 1973, s. 116.
- 9 Tekeli I., İlkin S. Savaş sonrası ortamında 1947 Türkiye İktisadî kalkınma planı, s. 7.
- 10 Там же, с. 9.
- 11 Там же, с. 11.
- 12 Там же, с. 22.
- 13 Там же, с. 21, 22.
- 14 Там же, с. 19.
- 15 Там же, с. 20.
- 16 Там же, с. 20, 21.
- 17 Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 331
- 18 Там же, с. 340—341.
- 19 15.III. 1943 г. — 12.VIII. 1946 —Ш. Сараджоглу; 12.VIII. 1946 г. —9.IX. 1947— Р. Пекер.; 10.IX. 1947 г. —8.VI. 1948 —Х. Сака; 8.VI. 1948 г. —15.I. 1949— Х. Сака; 16.I. 1949 г. —22.V. 1950 —Ш. Гюналтай. См. Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 263, 281, 313, 325, 335.
- 20 Serin N. Türkiye'nin sanayileşmesi. Ankara, 1963, s. 164.
- 21 İstatistik yılığı 1964—65. Ankara, 1965, s. 448.
- 22 Алибеков И. В. Государственный капитализм в Турции. М., 1966, с. 124
- 23 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции (1923—1960 гг.). М., 1962, с. 191—192.
- 24 Türkiyede işçi ücretleri ve enflasyon, № 5. Ankara, 1975, s. 41.
- 25 Новейшая история Турции. М., 1968, с. 244.
- 26 Смирнов В. П. Турция. Экономика и внешняя торговля. М., 1956, с. 9.
- 27 1955 genel nüfus sayımı. Ankara, 1956, s. 16.
- 28 İktisat fakültesi mecmuası. Ankara, 1960, с. 20, № 1—4, s. 118.
- 29 Türkiyede toplumsal ve ekonomik gelişmenin 50 yılı. Ankara, 1973, s. 316.
- 30 Tarım İstatistik özeti 1944—1965. Ankara, 1966, s. 5.
- 31 I га равен 10 денюмам.
- 32 Aydemir Ş. S. İkinci adam, с. 2, s. 344.
- 33 Arık K. F. Mukayeseli toprak reformu, с. 2. Ankara, 1962, s. 101.
- 34 Aydemir Ş. S. İkinci adam, с. 2, s. 324, 325.

- 35 Devlet yıllığı, 1944—1945, Ankara, s. 250.
- 36 *Türk I. Türk toplumunda sosyal sınıflar*. İstanbul, 1970, s. 112.
- 37 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 135.
- 38 Подробно об этом законе см. Т. С. Resmi gazete, 15.VI. 1945; Arık. K. F. Mukayeseli toprak reformu, с. 2. Ankara, 1962; Моисеев П. П. Аграрные отношения в современной Турции. М., 1960; Крестьянство Турции в новейшее время. М., 1959.
- 39 Данциг Б. М. Турция. М., 1949, с. 151.
- 40 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 155.
- 41 Моисеев П. П. Аграрный строй современной Турции, с. 125.
- 42 Cumhuriyet, 12.XI.1976.
- 43 Данциг Б. М. Турция, с. 152.
- 44 Urgan H. Hâtıralarım. Ankara, 1959, s. 442.
- 45 Cumhuriyet, 11. XI. 1976.
- 46 Там же.
- 47 Новичев А. Д. Крестьянство Турции в новейшее время, с. 214.
- 48 Окан Х. Развитие на капитализма в Турция. София, 1961, с. 73 (на болг. яз.).
- 49 Arık K. F. Mukayeseli toprak reformu, с. 2. s. 101.
- 50 Джиллов Х. З. Экономика Турции. М., 1971, с. 111—112.
- 51 Avcıoğlu D. Türkiye'nin düzenli (dün-bugün-yarın) с. 1—2, İstanbul, 1976, s. 620.
- 52 İstatistik yıllığı, с. 21. Ankara, 1953, s. 218.
- 53 Price M. Ph. A history of Turkey from Empire to Republik. London 1961, p. 175.
- 54 Джиллов Х. З. Экономика Турции, с. 97.
- 55 На рус. яз. о законе см.: Корниенко Р. П. Рабочее движение в Турции, 1918—1963. М., 1965, с. 93.
- 56 Çeçen A. Türkiye'de sendikacılık. Ankara, 1973, s. 16.
- 57 Там же, с. 17.
- 58 Кондакян Р. П. Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны, с. 122.
- 59 Розалиев Ю. Н. Очерки положения промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны. М., 1956, с. 90.
- 60 Timur T. Türk devrimi ve sonrası. 1919—1946. Ankara, 1971, s. 229
- 61 Sertel Y. Türkiye'de ilerici akımlar ve kalkınma davamız, s. 60.
- 62 Акопян Г. Турция в тисках империалистической реакции.—Большевик, 1948, № 7, с. 51.
- 63 Timur T. Türk devrimi ve sonrası, s. 233.
- 64 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 298.
- 65 Çeçen A. Türkiye'de sendikacılık, s. 18.
- 66 İşıkılı A. Toplu iş sözleşmeleri ve Türkiye ekonomisi içindeki yeri. Ankara 1967, s. 74.
- 67 Там же, с. 75.
- 68 Корниенко Р. П. Рабочее движение в Турции, 1918—1963, с. 110.

- 69 *Şişmanof D.* Türkiye'de işçi ve sosyalist hareketi. Sofya, 1965, s. 115.
- 70 *Sülker K.* 100 soruda Türkiye'de işçi hareketleri. İstanbul, 1973, s. 61.
- 71 *Çeçen A.* Türkiye'de sendikacılık, s. 25.
- 72 *İşıklı A.* Toplu iş sözleşmeleri ve Türkiye ekonomisi içindeki yeri, s. 77.
- 73 İktisadi kalkınmanın sosyal meseleleri. İstanbul, 1964, s. 364.
- 74 *Şişmanof D.* Türkiye'de işçi ve sosyalist hareketi, s. 113.
- 75 *Sülker K.* 100 soruda Türkiye'de işçi hareketleri, s. 174.
- 76 Там же.
- 77 Там же, с. 176.
- 78 Там же.
- 79 Там же.
- 80 *Sülker K.* Türkiye'de sendikacılık. İstanbul, 1955, s. 103.
- 81 *İşıklı A.* Toplu iş sözleşmeleri ve Türkiye ekonomisi içindeki yeri, s. 77.
- 82 *Sülker K.* 100 soruda Türkiye'de işçi hareketleri, s. 61.
- 83 *İşıklı A.* Toplu iş sözleşmeleri ve Türkiye ekonomisi içindeki yeri, s. 76.
- 84 Там же.
- 85 *Sülker K.* Türkiye'de sendikacılık, s. 36.
- 86 Там же, с. 38.
- 87 *Новичев А. Д.* Положение и борьба рабочего класса Турции после второй мировой войны.—Ученые записки ЛГУ, сер. востоковед. наук, 1954, вып. 4, № 179, с. 108.
- 88 Там же, с. 101.
- 89 *Саркисов Е. К.* Положение трудящихся масс в современной Турции. Ереван, 1955, с. 78.
- 90 İstatistik yılığı, с. 20. Ankara, 1952, s. 229.
- 91 *Öztürk K.* Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 307.
- 92 *Новичев А. Д.* Положение и борьба рабочего класса Турции после второй мировой войны, с. 106—107.
- 93 *Fişek K.* Türkiye'de kapitalizmin gelişmesi ve işçi sınıfı. Ankara, 1969, s. 79.
- 94 *Розалиев Ю. Н.* Очерки положения промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны, с. 165.
- 95 Там же, с. 170.
- 96 *Новичев А. Д.* Положение и борьба рабочего класса Турции после второй мировой войны, с. 109—110.
- 97 *Гафуров Б. Г.* Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения. М., 1976, с. 104.

Глава III

- 1 Küçük İstatistik yılığı, № 290. Ankara, 1948, s. 500.
- 2 *Demiray T.* Türkiye yılığı 1948. İstanbul, 1948, s. 112.
- 3 Народы Азии и Африки, 1979, № 5, с. 201.
- 4 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 455.
- 5 *Öztürk K.* Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları. İstanbul, 1968, s. 267.
- 6 *Timur T.* Türk devrimi ve sonrası. 1919—1946. Ankara, 1971, s. 271.
- 7 *Demiray T.* Türkiye yılığı 1948, s. 24.

- 8 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции (1923—1960 гг.). М., 1962, с. 234.
- 9 Matthews A. T. Z. Yetişen türk idareciler. Ankara, 1955, s. 14, 15.
- 10 Там же, с. 21.
- 11 Demiray T. Türkiye yıllığı 1947. İstanbul, s. 37, 39, 41, 42, 46.
- 12 Там же, с. 52.
- 13 Там же.
- 14 Подсчитано по данным: Demiray T. Türkiye yıllığı 1947, s. 83.
- 15 Borataw K. 100 soruda gelir dağılımı. İstanbul, 1969, s. 179.
- 16 Avcioğlu D. Türkiye'nin düzeni (dün-bugün-yarın), с. 2. İstanbul, 1976, s. 817.
- 17 Nebioğlu O. Türkiye'de kim kimdir. İstanbul, 1961—1962, s. 50—51.
- 18 Правительство Р. Пекера управляло страной с 12.VIII. 1946 до 9.IX. 1947. См. Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 281.
- 19 Cem I. Türkiye'de geri kalmışlığın tarihi. İstanbul, 1973, s. 391.
- 20 Erer T. Türkiye'de parti kavgaları. İstanbul, 1963, s. 168.
- 21 Там же, с. 233.
- 22 Там же.
- 23 Л. Кырдар в годы войны совершил политические преступления. См.: Мармара, 9.X. 1960. (на арм. яз.).
- 24 Koçu R. E. Dârülaceze (1895—1974). İstanbul, 1974, s. 186.
- 25 Sertel Y. Türkiye'de ilerici akımlar ve kalkınma davamız. İstanbul, 1969, s. 56.
- 26 Кондакян Р. П. Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны, с. 112.
- 27 Гафуров Б. Г. Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения. М., 1976, с. 62.
- 28 Лудшувейт Е. Ф. Турция, экономико-географический очерк. М., 1955, с. 195—196.
- 29 Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979, с. 74.
- 30 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 776.
- 31 Левковский А. И. Социальная структура развивающихся стран (проблема многоукладного, переходного общества). М., 1978, с. 96.
- 32 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 531—532.
- 33 Зарубежный Восток и современность, т. I, М., 1980, с. 311.
- 34 İstatistik yıllığı, с. 21. Ankara, 1953, s. 283.
- 35 Джиллов Х. З. Экономика Турции, М., 1971, с. 170.
- 36 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 355.
- 37 Данилов В. И. Средние слои в политической жизни современной Турции. М., 1968, с. 7.
- 38 Розалиев Ю. Н. Низшие формы капитализма в промышленности Турции.— Турецкий сборник. История, экономика, литература, язык. М., 1958, с. 88.
- 39 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 78.
- 40 Vedat E. Le revenu national de la Turquie.—Revue de la Faculté des sciences économiques de l'Université d'Istanbul, 1948, № 1—2, p. 90—91.
- 41 İstatistik yıllığı, с. 21, s. 284.

- 42 Джиллов Х. З. Экономика Турции, с. 168.
- 43 Türkiye ansiklopedisi. с. 5. Ankara. 1957, s. 65—66.
- 44 Данилов В. И. Средние слои в политической жизни современной Турции, с. 8, 11.
- 45 Там же, с. 8.
- 46 Там же.
- 47 Türkiye ekonomisi. Milletlerarası İmar ve kalkınma bankasının Türkiye hükümetle bilâştırak finanse ettiği heyetin raporu. Ankara, 1951, s. 243—244.
- 48 Джиллов Х. З. Экономика Турции, с. 169.
- 49 Данилов В. И. Средние слои в политической жизни современной Турции, с. 152.
- 50 Киреев Н. Г. Некоторые тенденции развития мелкого производства в обрабатывающей промышленности Турции, в сб.: Мелкое производство города в Азии и Африке. М., 1974, с. 158.
- 51 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 498.
- 52 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 80.
- 53 Смирнов В. П. Турция. Экономика и внешняя торговля. М., 1956, с. 39.
- 54 Там же, с. 94.
- 55 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 90.
- 56 Там же, с. 76.
- 57 Ким Г. Ф. От национального освобождения к социальному. Социально-политические аспекты современных национально-освободительных революций. М., 1982, с. 66.
- 58 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.
- 59 Розалиев Ю. Н. Низшие формы капитализма в промышленности Турции, с. 98.
- 60 Tuna T. Z. Türkiye'de siyasî partiler (1859—1952), İstanbul, 1952, s. 591.
- 61 Там же, с. 668.
- 62 Там же, с. 731.
- 63 Гафуров Б. Г. Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения, с. 113.
- 64 Моисеев П. П. Финансы Турции и положение трудящихся в годы второй мировой войны.—Ученые записки Института востоковедения АН СССР, 1953, вып. 17, с. 198.
- 65 Розалиев Ю. Н. Экономическая история Турецкой республики. М., 1980, с. 164.
- 66 Karpat K. Türk demokrasi tarihi. İstanbul, 1968, s. 85.
- 67 Там же.
- 68 Ulus, 14.III.1950.
- 69 Подсчитано по данным: Demiray T. Türkiye yıllığı 1948, s. 82—110.
- 70 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 192.
- 71 Киреев Н. Г. Национальный и иностранный капитал во внешней торговле Турции. М., 1968, с. 63.
- 72 Türkiye ekonomisi, s. 185.
- 73 Koç V. Hayat hikâyesi. İstanbul, 1974, s. 108.
- 74 Neblöglü O. Türkiye'de kim kimdir, s. 526.
- 75 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 213.

- 76 Koç V. Hayat hikâyesi, s. 63.
- 77 Розалиев Ю. Н. Особенности развития капитализма в Турции, с. 227.
- 78 Киреев Н. Г. Национальный и иностранный капитал во внешней торговле Турции, с. 93.
- 79 Kalkınan Türkiye. Ankara, 1954, s. 5. 213.
- 80 Sertel Y. Türkiye'de ilerici akımlar ve kalkınma davamız, s. 65—66.
- 81 Там же, с. 66.
- 82 Vatan, 7.IV.1947.
- 83 Sertel Y. Türkiye'de ilerici akımlar ve kalkınma davamız, s. 67.
- 84 Cumhuriyet, 12.I.1948.
- 85 Başar A. H. Demokrasî buhranları. İstanbul, 1956, s. 11.
- 86 Başar A. H. Yaşadığımızın devrin içyüzü. Ankara, 1960, s. 44.
- 87 Sertel Y. Türkiye'de ilerici akımlar ve kalkınma davamız, s. 70.
- 88 Ulus, 28.VIII.1948.
- 89 Ulus, 26.XI.1948.
- 90 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 48.
- 91 Tunaya T. Z. Türkiye'de siyasî partiler, s. 662—673.
- 92 Там же, с. 585—592.
- 93 Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 294, 319, 341.
- 94 Avcioğlu D. Türkiye'nin düzeni, s. 525.
- 95 Там же, с. 524.
- 96 Giritlioğlu F. Türk siyasî tarihinde CHP'nin mevkî, c. 1. Ankara, 1965, s. 240—241.
- 97 Avcioğlu D. Türkiye'nin düzeni, s. 525.
- 98 Там же.
- 99 Nadir N. Perde aralığından. İstanbul, 1965, s. 249—250.
- 100 Aydemir Ş. S. İkinci adam, с. 2. İstanbul, 1975, 483.
- 101 Там же, с. 487.
- 102 Там же, с. 492.
- 103 Aydemir Ş. S. İhtilâlın mantığı. İstanbul, 1976, s. 166.
- 104 Познаньска К. Старая и новая Турция. М., 1974, с. 65.
- 105 Öztürk K. Türkiye Cumhuriyeti hükümetleri ve programları, s. 313, 325 335.
- 106 Koç V. Hayat hikâyesi, s. 137.
- 107 Там же.
- 108 Avcioğlu D. Türkiye'nin düzeni, s. 531.
- 109 Шамсутдинов А. М. Турецкая республика (Краткий очерк истории 1923—1961). М., 1962, с. 60.
- 110 Атаев Т. США, НАТО и Турция. М., 1973, с. 199.
- 111 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. II, с. 372.
- 112 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 193.

З а к л ю ч е н и е

- 1 Коммунист, 1. I. 1971.
- 2 Инджикян О. Г. Буржуазия Османской империи. Ереван, 1977, с. 83.
- 3 Народы Азии и Африки, 1982, № 4, с. 97.
- 4 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 10.
- 5 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 107.

ՀԱՅ ԹՈՒՐԿԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԻՑ

ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНСКОЙ ТУРКОЛОГИИ

Е. К. САРКИСЯН

ИЗ ИСТОРИИ ТУРКОЛОГИИ В СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ*

После установления советской власти в Армении такие известные ученые, как академики Я. Манандян, И. Орбели, Г. Ачарян, Г. Капанцян, профессор Лео (Аракел Бабаханян) своими капитальными трудами внесли весомый вклад в отечественное востоковедение, в том числе и в туркологию.

До 50-х годов в Армении не было туркологического центра. Лишь в 1954 г. в Институте истории АН республики была создана группа востоковедения. В 1958 г. на базе ее был организован самостоятельный сектор востоковедения, реорганизованный в 1971 г. в Институт востоковедения АН Армянской ССР. При этом отдел Турции, созданный в секторе востоковедения, был значительно расширен и стал ведущим в институте.

Источниковедческой базой для туркологов Советской Армении являются ценнейшие рукописи Матенадарана, многочисленные труды армянских историографов, путешественников, торговцев, в которых содержится богатый фактический материал о странах Востока, в том числе и об Османской империи. Ценный источник представляет собой и богатейшая армянская периодика—газеты и журналы, издававшиеся в Константинополе и Западной Армении, на территории России, в зарубежных армянских общинах. Многочисленные комплекты этой периодики, собранные в книгохранилищах республики, содержат богатую информацию об Османской империи и о республиканской Турции.

Туркологи Советской Армении занимаются разработкой таких проблем, как внутренняя и внешняя политика Османской империи и республиканской Турции, положение нетурецких народов в Османской империи и их национально-освободительная борьба,

* Историю армянской туркологии до советского периода см.: «Страны и народы Ближнего и Среднего Востока, X, Турция», Ереван, 1979, с. 217—329.

положение национальных меньшинств в республиканской Турции, аграрный вопрос и аграрные отношения в Османской империи, экспансионистская политика младотурецкого правительства в отношении Закавказья, политика Османского правительства в Западной Армении, особенности формирования буржуазии в Османской империи, изучение турецкой историографии, издание на армянском языке турецких источников об армянах Турции и Закавказья и др.

По этим проблемам армянские туркологи опубликовали в 50—70-х годах ряд ценных монографий, а также несколько сборников и множество статей в научной периодике. Работы наших туркологов вышли в свет на английском, немецком и армянском языках в США, ГДР и Ливане. Они также нашли положительную оценку в прогрессивной армянской периодической печати за рубежом.

В своих исследованиях по истории Западной Армении специалисты из Ереванского государственного университета, Института истории АН Армянской ССР, Матенадарана освещают также отдельные вопросы истории Османской империи, поскольку история Западной Армении тесно переплетена с историей Турции. Авторы этих работ не являются туркологами, однако мы считаем целесообразным вкратце остановиться на результатах их исследований.

В работах проф. Лео, Б. Боряна, акад. Ашота Иоаннисяна уделено много места Западной Армении и, естественно, затронуты также отдельные проблемы истории Османской империи. Профессор Лео в своих монографиях и в многотомной «Истории Армении»¹ освещает нашествие сельджуков и тюркско-огузских племен из Средней Азии в Малую Азию, образование сельджукского государства, возникновение Османского бейлика, позднее—Османской империи. Лео подробно говорит об административном устройстве Османской империи, об аграрных отношениях, о налоговой системе, о райя и девширме. Специальную главу он посвящает турецко-иранским войнам XVI—XVII вв., приведшим к разделу Закавказья между двумя военно-феодальными деспотическими монархиями. Османское владычество привело к еще большему усилению позиций курдов в Армении. А это, подчеркивает Лео, означало укрепление курдских крепостнических правопорядков в Армении. Значит, вместе с османским господством армянский народ должен был выносить и курдские крепостные отношения². Многие страницы трудов Лео посвящены бесправному положению западных армян, политике великих держав в восточном и армянском вопросах, революционной идеологии западных армян, позиции армянских политических партий и организаций в младотурецком движении. Много места уделяет Лео и положению Османской империи накануне и в годы первой мировой войны, геноциду ар-

мян в 1915—1916 гг. Лео касается также национальной войны Турции в 1918—1922 гг. Он особо останавливается на политике кемалистов в отношении Западной и Восточной Армении, ничем не отличавшейся от политики султана Абдул-Хамида и младотурок.

В своей двухтомной монографии «Армения, международная дипломатия и СССР» (ч. I, М.—Л., 1928; ч. II, М.—Л., 1929) Б. А. Борьян на основе архивных документов и большого фактического материала освещает важнейшие для истории армянского народа вопросы: политику турецких султанов по отношению к армянам, национально-освободительное движение и политику великих держав, Зейтунское восстание 1862 г. и политику Наполеона III, конференцию послов великих держав в 1876 г. в Константинополе по восточному вопросу, итоги Берлинского конгресса 1878 г. и др. Специальную главу Борьян посвятил погромам 1894—1896 гг. и политике великих держав в армянском вопросе. Говорится в книге и о младотурецкой революции, о методах и средствах младотурок при «разрешении» армянского вопроса. Автор останавливается и на доктринах младотурецкой партии «Единение и прогресс» и политике панисламизма и пантюркизма, приведших к краху Османской империи в первой мировой войне. Изложение первой части монографии Борьян доводит до 1919 г. Не на все перечисленные выше вопросы автор дал правильные ответы. Так, он без всякого основания утверждает, будто бы в Турции среди армян до русско-турецкой войны 1877—1878 гг. не было национально-сепаратистского движения (ч. I, стр. 51—52). Он фактически отрицал невыносимое, унижительное положение подпавших под военно-феодальное деспотическое иго Османской империи христианских народов. Однако приведенные Борьяном документы о тяжелом, бесправном положении армян Западной Армении опровергают его же точку зрения.

Академик А. Иоаннисян в своем капитальном двухтомном труде, посвященном Налбандяну, и его времени⁶, на широком историческом фоне исследовал многие проблемы Восточной и Западной Армении. Проблемы Западной Армении рассмотрены в тесной связи с проблемами Османской империи. Туркологи, занимающиеся историей социально-экономического и политического положения Османской империи, найдут в монографии А. Иоаннисяна весьма ценный материал. Много места автор уделит освещению той роли, которую сыграли армяне в экономической, политической и культурной жизни Османской империи. Анализируя танзиматские реформы, А. Иоаннисян, в частности, отмечает, что в области аграрных отношений эти реформы привели к упразднению военной системы землевладения, но не затронули основ феодализма. Основные задачи реформы заключались не в ликвидации фео-

дальной земельной собственности как таковой, а в разгроме ленников-сипаги, выросших в значительную силу и угрожавших существованию центрального правительства. Реформы охватили всю страну, однако в некоторых провинциях старые ленные землевладельцы, покупавшие у государственных чиновников земли, превратились в феодальных собственников. В целом же реформа не коснулась феодальной земельной собственности.

Говоря о налоговой системе в Османской империи, А. Иоаннисян отмечает, что существенную роль в упадке экономики играли многочисленные налоги и подати, часто произвольно установленные государством, турецкими ага, курдскими беками, а также ограбление крестьян и тяжелая барщина. Одну из основных причин отставания Османской империи автор видит в проникновении в Турцию европейского капитала. «Турецкая местная торговля и промышленность,—пишет А. Иоаннисян,—в начале XIX в. находилась в относительно стабильном положении, однако в середине века, в связи с господством европейского капитала, начинается период упадка»⁷.

Одной из основных проблем, изучаемых армянскими туркологами и историками, была и остается проблема национально-освободительной борьбы нетурецких народов, подпавших под османское феодально-деспотическое иго. И дореволюционные армянские историки, и советские ученые обращали пристальное внимание на освободительную борьбу западных армян, принявшую во второй половине XIX в. общенациональный характер. Этой проблеме посвящено, в частности, исследование академика АН Армянской ССР М. Г. Нерсисяна «Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма 1850—1870 гг.», Ереван, 1955 (на арм. яз.)⁸. На основе архивных и других материалов автор с позиций марксистско-ленинской историографии освещает экономическое положение Западной Армении в 1850—1870-х гг., национально-освободительную борьбу армянских народных масс против султанского владычества. В исследовании показаны невыносимо тяжелое положение народов, находившихся под кровавым турецким игом, их политическое и экономическое бесправие, неисслезанные страдания, перенесенные ими, а также проводимая султанским правительством политика физического уничтожения нетурецких народов. Автор приводит убедительные факты значительного усиления социально-экономического гнета. Это опровергает утверждения англо-американских и турецких историков о том, что танзиматские реформы—хатт-и шериф 1839 г. и хатт-и хумаюн 1856 г. якобы улучшили положение нетурецких народов Османской империи. Подробно останавливаясь на восстаниях в Зейтуне и Ване в 1862 г., в Муше в 1863 г. и в Чарсанджаке в 1865 г., исследователь подчеркивает, что национально-освободи-

тельное движение западных армян было вызвано социально-экономическим и политическим гнетом, а не подстрекательством извне, что эта борьба явилась следствием политики правящих кругов Османской империи. Автор обстоятельно анализирует позицию великих держав в отношении освободительной борьбы народов; находившихся под турецким игом. Каждая из великих держав пыталась усилить свои позиции в Османской империи и поэтому отстаивала пресловутую позицию *status quo*, которая, по словам Маркса и Энгельса, «для христианских подданных Высокой Порты может означать только увековечивание их преследований со стороны Турции»⁹. В монографии М. Г. Нерсисяна четко выявлена русская ориентация национально-освободительного движения западных армян.

Национально-освободительное движение в Западной Армении в 70—80-х гг. XIX в. подробно исследуется Р. П. Оганесяном¹⁰. В объемистой монографии академика АН Армянской ССР Ц. П. Агаяна «Из истории освободительной борьбы армянского народа», Ереван, 1976 (на арм. яз.) подробно говорится о русско-турецкой войне 1877—1878 гг., об армянском вопросе, о дипломатии великих держав, о самоотверженной борьбе армян Сасуна, о героической деятельности национального героя Андраника Озаниана и др.

Освободительной борьбе армян в средние века посвящено исследование А. С. Анасяна «Освободительные движения в Западной Армении в XVII в.», Ереван, 1961 (на арм. яз.)¹¹. Автор, опираясь на материалы армянских и иноязычных источников, подробно разбирает ряд вопросов, связанных с историей Западной Армении в указанный период, а также дипломатические связи западных стран с Османской империей. Анасян отмечает, что все политические, экономические и социальные условия, породившие освободительные устремления западных армян, связаны с турецким игом. Автор красной нитью проводит мысль о том, что западные армяне, не мирясь с чужеземным господством, вели героическую борьбу за свое освобождение. Это опровергает утверждение турецких фальсификаторов истории, будто до второй половины XIX в. армяне были преданы Турции, а для национально-освободительного движения не было никакой почвы, ибо армяне в Турции якобы имели широкие права и пользовались многими привилегиями. Приведенные Анасяном факты показывают крайнюю отсталость Османской империи, ее реакционный военно-феодальный политический строй, тормозивший экономическое и культурное развитие входивших в нее народов. Подробно говоря о Кандийской войне (1645—1669) между Османской империей и Венецианской республикой, автор подчеркивает, что война явилась крупнейшим политическим событием своего времени и имела международное значение в самом широком смысле этого слова. В

этой войне турки стремились достичь превосходства в бассейне Средиземного моря и Европе в целом, что, естественно, тревожило ряд европейских государств. «По всей Европе,—пишет автор,—говорили о новом крестовом походе на Восток, что волновало и возбуждало изнывавшие под турецким игом народы, и без того стремившиеся к освобождению» (стр. 335).

В монографии обстоятельно излагается проект совместного армяно-греческого восстания, который основывался на двух факторах: внутреннем—восстании армян и греков и внешнем—совместном походе европейских стран. Вооруженное восстание и поход европейских государств рассматривались как объединенное, единое движение, которое должно было разгромить Османскую империю и восстановить на ее руинах Византию. «Одна из характерных особенностей армяно-греческого проекта состояла в том, что надежды на победу освободительного движения в Армении и Греции связывались с походами западных стран при участии России. О необходимости участия России в походе против Турции говорил на парижских переговорах с Людовиком XIV делегат армян—Шахмурад, указавший, что они стремятся «привести в движение и москвитян» (стр. 337).

В гораздо меньшей степени изучена средневековая история Османской империи. Этот пробел отчасти восполняют работы проф. М. К. Зуляляна: «Движение джалалиев и положение армянского народа в Османской империи, XVI—XVII вв.», Ереван, 1966 (на арм. яз.); «Армения в первой половине XVI в.», М., 1971; «Западная Армения» в XVII—XVIII вв., Ереван, 1980, (на арм. яз.)¹². В последней монографии ученый обстоятельно и подробно осветил вопросы, поднятые им уже в первых двух работах. В своих исследованиях Зулялян использовал средневековые османские первоисточники, труды турецких историков, памятные записи армянских рукописей, работы армянских и европейских авторов XVI—XVIII вв., сочинения европейских путешественников и др. Особый интерес представляет оценка движения джалалиев в Османской империи. Оно рассматривается на основе социально-экономической и политической истории Турции конца XVI и начала XVII вв. Зулялян анализирует внутреннее положение Османской империи, разбирает главные предпосылки восстания джалалиев, социальный состав движения и задачи восставших и приходит к заключению, что движение джалалиев можно разделить на три этапа, на каждом из которых оно имело специфические черты, выражало интересы различных социальных слоев, в первую очередь интересы мелких феодалов.

Движение джалалиев, подчеркивает Зулялян, было на всех своих этапах результатом острых социальных противоречий. Основными участниками движения фактически были крестьяне,

разоренные тяжелыми налогами, поборами и всяческими притеснениями. Ссылаясь на первоисточники, автор показывает, что многие крестьяне уже в 60—70-х гг. XVI в. превратились в деклассированные элементы. Объединившись в банды, они стали оружием в руках феодалов, стремившихся защитить свои права от посягательств султанского правительства. Эти банды приносили неслыханные бедствия населению, особенно христианскому.

Заслуживает внимания общий вывод Зулаляна о специфике движения джалалиев, значительно отличавшегося от крестьянских восстаний в других странах. Почти всегда во главе восстания стояли мелкие феодалы, находившиеся на военной службе у султана и боровшиеся в основном за восстановление своих феодальных прав и владений. Следовательно, им были чужды интересы основных участников движения—крестьян, которых они использовали для своих узкоклассовых целей. Говоря о причинах поражения джалалиев, автор отмечает: «Они были предопределены самой сущностью восстания. Различный социальный состав участников и, следовательно, различные цели, преследуемые ими, должны были неизбежно привести к непримиримым внутренним противоречиям и в конечном счете к гибели движения» (стр. 257).

Большой интерес представляет последний раздел монографии Зулаляна, посвященный социально-экономическим проблемам Османской империи, в том числе и Западной Армении, XVI—XVIII вв. Опираясь на данные первоисточников, автор показывает важную роль армян в экономической жизни империи. Несмотря на препятствия, чинимые турецкими властями, армянские купцы добились значительных успехов и в развитии внутренней и внешней торговли.

Автор касается и таких вопросов, как аграрные отношения, формы землевладения и землепользования, положение крестьян и т. д., правильно, на наш взгляд, отмечая, что феодал в Османской империи, в отличие от западноевропейских феодалов, не имел правовой власти над крестьянином, потому что не был «владельцем земли», которая находилась у него во временном пользовании. Автор подробно анализирует причины, приведшие к разложению военнопленной системы и упадку Османской империи. Вопреки существующему в туркологической литературе мнению, согласно которому упадок Османской империи связан был с внешними факторами, Зулалян объясняет его внутренними процессами. «Главная причина падения империи,—пишет он,—это существенные изменения, происшедшие в ее военно-феодальной системе, начавшиеся еще в первой половине XVI в.». Заслуга автора заключается в том, что он на широком историческом фоне представил социально-экономическую и политическую историю Западной Армении XVI—XVIII вв.

Хронологическим продолжением истории Западной Армении можно считать монографию проф. Г. М. Казаряна «Социально-экономическое положение западных армян в 1800—1870 гг.», Ереван, 1967 (на арм. яз.)¹³, основные положения которой автор в 1979 г. издал на русском языке — «Армянское общественно-политическое движение в 50—60-х гг. XIX в. и Россия»¹⁴. Исследованные в монографии вопросы можно разделить на три группы: а) социально-экономическое положение западных армян в первой половине XIX в. и последствия танзиматских реформ; б) национально-освободительное движение армянского народа в 40—60-х гг. XIX в.; в) борьба различных общественно-политических течений армянской интеллигенции.

Г. Казарян рассматривает историю западных армян на широком фоне, связывая ее с важнейшими событиями, происходившими в Османской империи, с армяно-турецкими и армяно-курдскими отношениями. Представляют интерес разделы книги, посвященные аграрным отношениям, формам землевладения и землепользования. Автор отмечает, что существовавшие в Османской империи, в том числе в Западной Армении и Киликии, различные формы землевладения объясняются различием исторических условий и путей социально-исторического развития в многонациональной империи, где преобладали феодальный способ производства, феодальная форма землевладения и феодальная эксплуатация крестьян. В работе говорится и о налоговой политике турецких султанов. Налоги, их размеры и форма взимания свидетельствуют о тяжелом положении завоеванных турками христианских народов. В книге освещена также история уничтожения курдских деревень. Автор правильно отмечает, что их безраздельное господство в Западной Армении и постоянные межфеодальные и межплеменные усобицы подрывали ее экономику, опустошали целые районы. Затрагивая вопрос о крепостничестве, Казарян не указывает четко, существовало ли оно в Османской империи и Западной Армении. По этому вопросу нет единого мнения, и автору следовало бы определить свою точку зрения.

Одной из сложных и малоизученных проблем Османской империи и Западной Армении была и остается проблема аграрных отношений. Ее разработке посвящена монография проф. Е. К. Саркисяна «Аграрная политика Османского правительства во второй половине XIX в.», Ереван, 1957¹⁵, в которой показано, что хотя султанские власти и осуществили кое-какие реформы, связанные с общими реформами танзимата, однако они не внесли и не могли внести сколько-нибудь значительных перемен в жизнь деревни. ибо эти реформы имели своей целью укрепление феодальных порядков в империи и упрочение султанской власти. Анализируется налоговая политика властей, особенно в отношении подвластных

Турции христианских народов, в том числе и западных армян, описана налоговая система Османской империи, виды налогов и податей—как феодально-помещичьих, так и государственных. В книге подчеркивается, что массовое обезземеливание армянских крестьян во второй половине XIX в. и в начале XX в. было связано с аграрной политикой султанского правительства, которое пыталось, разоряя армян, усилить мусульманское население Западной Армении и добивалось в конечном счете изгнания армян с их родины. В своей антиармянской политике султанские власти использовали реакционных курдских беев, а также постоянно прибегали к излюбленному методу—разжиганию национальной вражды между населением восточных окраин империи (армянами, курдами, черкесами, турками).

Аграрному вопросу посвящена и монография проф. А. С. Амбаряна «Аграрные отношения в Западной Армении (1856—1914)», Ереван, 1965, (на арм. яз.)¹⁶. В работе исследуются аграрная политика турецкого правительства, социальные слои в Западной Армении, категории крестьян, феодальные налоги и рента, государственные налоги и подати, состояние промышленности и сельского хозяйства, расширение помещичьего землевладения, превращение крестьян в полукрепостных и крепостных, аграрные отношения в Западной Армении после младотурецкого переворота и др.

В другой своей монографии—«Национальная и земельная политика младотурок и освободительное движение в Западной Армении 1908—1914», Ереван, 1979 (на арм. яз.)¹⁷ А. Амбарян анализирует национальную и земельную политику младотурок в Западной Армении, положение крестьян, национально-освободительную борьбу западных армян против кровавого султанского ига.

Политика правящих кругов Османской империи в отношении нетурецких народов исследуется в монографии Е. К. Саркисяна «Политика османского правительства в Западной Армении и державы в последней четверти XIX и начале XX вв.», Ереван, 1972¹⁸. В книге показана сущность административной, экономической и национальной политики Османского правительства в Западной Армении, вскрыты причины национально-освободительной борьбы западных армян как прямого следствия национального и социального гнета. В монографии вскрыта также сущность политики великих держав, использовавших борьбу угнетенных народов, в том числе и армянского, в своих корыстных целях. Обстоятельно освещена позиция России в армянском вопросе, показаны характерные особенности борьбы нетурецких народов Османской империи в первом десятилетии XX в., которые заключались в том, что эта борьба слилась с общим, усиливавшимся под влиянием первой

русской революции, антиабсолютистским движением. Усиление национально-освободительной борьбы народов Османской империи диктовало буржуазно-национальным партиям и организациям турок, армян, македонцев необходимость поисков общих усилий в борьбе против абдугамидовского режима. Этим и были вызваны конгрессы османских оппозиционных партий и организаций, состоявшиеся в 1902 и 1907 гг. в Париже. В принятой вторым парижским конгрессом «Декларации османских оппозиционных партий» говорилось: «Сегодня совместные выступления христиан и мусульман во многих местах показывают, что народы Турции устали от мучений и нищеты, поняли, что султан ведет их к пропасти».

В монографии дана оценка политике турецкой буржуазно-помещичьей партии «Единение и прогресс». Воспользовавшись освободительной борьбой народов империи и встав в 1909 г. у кормила власти, она отказалась от обещаний, данных накануне младотурецкого военного переворота. В работе критикуется антинародная, шовинистическая политика младотурок, подчеркивается, что пантюркизм становился новой формой безудержного турецкого шовинизма, одним из главных идеологических орудий ассимиляторской и экспансионистской политики младотурок.

Подвергнуты критике те турецкие историки и государственные деятели, в работах которых грубо фальсифицирована история многих событий, связанных с государственной политикой Османской империи в завоеванных странах. Разоблачены коварные происки великих держав, стремившихся использовать в своих интересах борьбу угнетенных народов Османской империи.

В числе других сложных проблем туркологии—изучение процесса формирования и развития буржуазии в Османской империи. Этой проблеме посвящена монография О. Г. Инджикяна «Буржуазия Османской империи» (Ереван, 1977)¹⁹, где даны общая картина социально-экономического развития Османской империи и конкретные условия формирования различных национальных групп буржуазии, освещена роль этих отрядов буржуазии в экономической жизни страны. По словам академика Н. Тодорова, необходимо «привлечь внимание специалистов к этой ценной работе, в которой можно найти и достаточно материала для раздумий и обсуждений» («Etudes Balkaniques», № 3, 1977). В ней показан затяжной и болезненный характер развития капиталистических отношений в империи, которое происходило преимущественно под воздействием внутренних факторов, а влияние внешнего рынка, вопреки утверждению ряда авторов, имело ограниченное значение. В монографии прослеживаются пути развития собственно турецкой национальной буржуазии и характеризуются ее специфические черты, ее тесная связь с феодальной земельной

собственностью и «феодалное» происхождение многих ее представителей.

Анализируя генезис и развитие капитализма в Османской империи, автор выделяет четыре основных этапа. Первый из них—это период генезиса капитализма в недрах еще сугубо феодального общества, проходивший без непосредственного участия турецких и других мусульманских элементов. На втором этапе, в эпоху танзимата, начинается формирование турецкой и укрепление позиций инонациональной буржуазии. На третьем этапе, начавшемся в 80-х годах XIX в. и продолжавшемся до младотурецкой революции, турецкая буржуазия благодаря укреплению своего экономического положения с помощью политических мер османского правительства добилась усиления своих позиций и несколько оттеснила инонациональную буржуазию. На четвертом этапе, в десятилетие господства младотурок, инонациональная буржуазия вначале укрепила свои позиции, в то время как турецкая буржуазия компенсировала свою экономическую слабость усилением влияния в сфере политики. В дальнейшем турецкая буржуазия, используя государственную власть, осуществила преступную политику геноцида в отношении армян и других христианских народов и вытеснила, а затем и устранила своего соперника—инонациональную буржуазию, в лице греческой и армянской. В результате многие наиболее активные и деятельные капиталистические элементы были физически уничтожены либо изолированы.

Исследование О. Г. Инджикяна дает ответ на сложный вопрос о социальном и экономическом развитии Османской империи во второй половине XIX в. и в начале XX в.

Армянские советские историки серьезно изучают дипломатическую историю восточного и армянского вопросов. Последние обстоятельно освещаются в двух книгах проф. Дж. С. Киракосяна—«Буржуазная дипломатия в Армении. 70-е годы XIX в., Ереван, 1978 (на арм. яз.)²⁰; Ереван, 1981 (на рус. яз.)²¹ и «Буржуазная дипломатия и Армения. 80-е годы XIX в.», Ереван, 1980 (на арм. яз.)²².

В первой работе представлены назревание восточного кризиса, связанные с Западной Арменией проблемы, русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Сан-Стефанский мир, дипломатическое соперничество в период от Сан-Стефанского мира до Берлинского конгресса, Берлинский конгресс и другие вопросы. В монографии исследуются история армянского вопроса, ставшего с 70-х годов прошлого столетия объектом международной дипломатии, позиция великих держав и политика правящих кругов Турции в отношении армян. В книге показаны последовательная борьба за русскую ориентацию, переговоры западноармянских деятелей

в России об освобождении Западной Армении от султанского ига.

Вторая книга Дж. Киракосяна является органическим продолжением первой. В ней освещены экспансия западных держав в Османской империи, место армянского вопроса в дипломатической борьбе и идеология освободительного движения западных армян, резкое ухудшение положения в Турции в период политики «зулума» и др. Значительное место уделено разоблачению происков и ухищрений дипломатии великих держав в отношении Западной Армении.

Разоблачению политики великих держав в армянском вопросе посвящен объемистый сборник «Армения в документах международной дипломатии и советской внешней политики», Ереван, 1972 (на арм. яз.)²³, составленный Дж. С. Киракосяном и Р. Г. Саакяном под ред. Дж. Киракосяна.

В центре внимания армянских советских туркологов находились также вопросы турецкой экспансии в Россию и Закавказье. Этой проблеме посвящена монография Е. К. Саркисяна «Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны», Ереван, 1962²⁴; Ереван, 1964 (на арм. яз.). В ней исследуется внутреннее положение Османской империи накануне первой мировой войны, деятельность младотурецкой агентуры в Закавказье, вступление Османской империи в войну, Кавказский фронт в 1914—1917 гг., внутреннее положение империи в годы войны и ее агрессия в Закавказье в 1918 г., борьба закавказских народов с младотурецкими захватчиками, сущность агрессивной войны кемалистов на Кавказе и др. Отмечается, в частности, что несмотря на полуколониальное положение Османской империи, сама она была своеобразной колониальной державой, жестоко угнетавшей подпавшие под ее иго народы. Несмотря на зависимость от империалистических стран, она проводила самостоятельную политику, ловко лавируя между ними. Пользуясь империалистическими противоречиями, она стремилась к захвату Кавказа и населенных мусульманами районов Российской империи. Правительство младотурок, официально провозгласившее пантюркизм государственной политикой, стремилось осуществить свои пантюркистские планы и вовлекло Турцию в мировую войну.

Этот вывод противопоставляется нашедшему место в литературе мнению о том, будто бы Германия, вопреки желанию Турции, принудила ее участвовать в войне на стороне германо-австрийского блока. На деле же младотурецкие правители, заключившие 2 августа 1914 г. тайный договор с Германией, направленный против России, руководствовались собственными агрессивными планами.

Освещая вопрос о германской военной миссии Лимана фон

Сандерса, автор приходит к заключению, что отправку германской военной миссии следует объяснить прежде всего политикой младотурок, которые полагали, что, опираясь на германский империализм, они легче добьются осуществления своих экспансионистских планов.

Автор, впервые показывая истоки политики геноцида, подчеркивает, что физическое истребление армян в 1915—1916 гг. было следствием не фанатизма мусульман, а плана, выработанного младотурецкой кликой еще накануне первой мировой войны и непосредственно связанного с ее захватническими пантюркистскими устремлениями в отношении Кавказа, Поволжья, Крыма, Средней Азии. По мнению младотурецких захватчиков, главной помехой в достижении этой агрессивной цели являлся армянский народ, «вклинившийся» в мусульманский мир, мешавший «объединению» с Османской империей мусульманского населения Закавказья и других районов России. По расчетам младотурецких вожakov, истребление армянского населения Западной Армении и Киликии должно было устранить удобный предлог для вмешательства держав Антанты во внутренние дела Турции.

В исследовании подвергаются критике младотурецкие государственные деятели и турецкие историки, которые в своих мемуарах и «научных» трудах фальсифицируют известные исторические события, пытаются скрыть от мировой общественности обстоятельства геноцида западных армян. В монографии также выявлены причины поражения Османской империи в войне. Ее крах рассматривается как прогрессивное явление для балканских и арабских народов, окончательно освободившихся от феодально-деспотического, ассимиляторского турецкого гнета. Именно в связи с уничтожением турецкого господства возникли благоприятные условия для создания суверенных арабских государств.

Внешнеполитическим отношениям Османской империи с соседними государствами посвящена монография проф. В. А. Байбуртяна «Турецко-иранские отношения. 1900—1914», Ереван, 1974 (на арм. яз.) Исследователь вскрывает агрессивную сущность внешней политики младотурецкой клики в годы, предшествовавшие мировой войне. Автор показывает, что, несмотря на полуколониальное положение Османской империи, она совместно с империалистическими державами стремилась принять участие в разделе Ирана и порабощении его народа, и прослеживает основные моменты военно-политической и дипломатической деятельности турецкой реакции в отношении Иранского Азербайджана, Курдистана и Закавказья, выявляет формы и методы проникновения Турции в Иран. В. Байбуртян показывает, что иранская революция была разгромлена не только совместными усилиями империалистической Англии и царской России и внутренней иран-

ской реакции, но и в результате осуществления турецкими правящими кругами военной интервенции—обстоятельство, которое игнорировалось как советской, так и зарубежной историографией. Другой важной задачей исследования стало освещение освободительного движения иранских народов против турецких захватчиков.

К периоду кануна первой мировой войны относится и монография А. С. Аветяна «Германский империализм на Ближнем Востоке», М., 1966 г. На основе преимущественно немецких источников автор показывает, как лихорадочно готовился германский империализм к схватке за передел мира. Одним из важных театров будущих военных сражений против Англии и России Германия считала Ближний Восток. В работе анализируется деятельность миссии Лимана фон Сандерса в Турции, борьба великих держав за господствующие позиции в Османской империи, рассматриваются различные аспекты ближневосточной политики кайзеровской Германии накануне войны.

В монографии проф. Дж. С. Киракосяна «Западная Армения в годы первой мировой войны», Ереван, 1965 (на арм. яз.)²⁵; Ереван, 1971 (на рус. яз.), показано бесправное положение нетурецких народов Османской империи, внешнеполитическое поражение Турции, подъем национально-освободительного движения, позиция армянских партий в условиях младотурецкого режима, политику отуречивания, как средство спасения Османской империи от краха. Освещаются балканский кризис 1912—1913 гг., обострение восточного вопроса, реформы в Западной Армении, экспансия германского империализма в Османской империи, германо-турецкий военный союз, вступление Турции в войну и др. Подробно останавливаясь на истории геноцида западных армян 1915 г., Дж. Киракосян разоблачает попытку турецких погромщиков, которые пытались скрыть от мировой общественности свою преступную программу. В исследовании особо отмечено соучастие мирового империализма в преступлениях турецких погромщиков.

Большим вкладом в раскрытие подлинной картины трагедии западных армян явилось издание сборника документов и материалов «Геноцид армян в Османской империи», составленного М. Г. Нерсисяном и Р. Г. Саакяном под редакцией проф. М. Г. Нерсисяна, (Ереван, 1966; второе, дополненное издание—Ереван, 1982 г.). Сборник состоит из двух разделов—«Резня армян при султанах Абдул-Гамиде (1876—1908 гг.) и «Массовое уничтожение армян младотурками (1909—1918 гг.)». Приведенные в сборнике достоверные документы и материалы из разноязычных источников, правдиво изображают страшную картину истребления армян в Османской империи в конце XIX—начале XX вв. и, в частности, в годы первой мировой войны, когда в результате кровавых зло-

деяний младотурецких погромщиков погибло полтора миллиона армян и была опустошена вся Западная Армения.

Положение западных армян освещается в работах²⁶ А. М. Мнацаканяна, В. А. Парсамяна, А. А. Есаяна, М. В. Арзуманяна, А. М. Погосяна, А. О. Арутюняна, С. М. Акопяна, А. Г. Туршяна, С. Степаняна, Х. А. Бадаляна и др.

Туркологи Советской Армении изучали влияние Октябрьской революции на национальную войну Турции и установление советско-турецких дипломатических отношений. Этим вопросам посвящена, в частности, работа Е. К. Саркисяна «Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная борьба в Турции. 1918—1921», Ереван, 1958²⁷, в которой опровергается мнение о том, что началом национальной войны в Турции следует считать 19 мая 1919 года, т. е. день приезда Мустафы Кемаля в Анатолию, в Самсун. В книге показывается, что после Октябрьской революции, задолго до начала деятельности Мустафы Кемаля, разгорелась борьба народных масс против стран Антанты и местного феодального гнета. Изменившаяся после Октябрьской революции международная обстановка имела особое значение для Турции. В работе вскрывается буржуазно-националистическая сущность кемалистов и их агрессивная политика в отношении Закавказья. В ней критикуются туркофильские концепции ряда ученых, идеализирующих кемалистское движение и самого Кемаля.

В монографиях²⁸ академиков АН Армянской ССР Г. Б. Гарибджаняна, Г. А. Галояна и профессоров М. В. Арзуманяна и Л. А. Хуршудяна анализируются декрет правительства Советской России «О Турецкой Армении», кемалистская агрессия в Закавказье, турецко-армянская война осенью 1920 г. и Александропольский договор, советско-турецкие переговоры летом 1920 г. и в феврале-марте 1921 г., московский договор от 16 марта 1921 г. и др.

Наши исследователи разрабатывали также вопросы внешней политики кемалистской Турции. Этому вопросу посвящена монография Р. Г. Саакяна «Турецко-французские отношения и Киликия в 1919—1921 гг.», Ереван, 1970, (на арм. яз.²⁹, резюме на рус. и фр. яз). Автор раскрывает подлинную суть политики французских империалистов в отношении киликийских армян и политики кемалистов в начале национальной войны, рассматривает программы по армянскому вопросу, принятые на Эрзерумском и Сивасском конгрессах в июле-сентябре 1919 г. Показывая соперничество между Францией и Англией в турецком вопросе, Р. Саакян подчеркивает, что французская дипломатия предприняла ряд шагов с тем, чтобы проводить здесь самостоятельную линию. Уже в конце 1919 г. была сделана первая попытка втайне от Англии до-

говориться с кемалистами. Именно с этой целью ездил в Сивас верховный комиссар в Сирии и Киликии Ф. Жорж-Пико, ведший в качестве представителя французского правительства переговоры с Мустафой Кемалем. Пико и Кемаль составили проект соглашения, по которому Франция обязывалась вернуть Киликию Турции и гарантировала неделимость последней. «Миссия Жоржа-Пико,—заключает автор монографии,—явилась первым шагом на пути франко-кемалистского дипломатического зондажа, приведшего к заключению в 1921 г. Анкарского договора».

В книге детально разбирается Анкарский договор, раскрывается политика французских правящих кругов и кемалистского правительства в Киликии, анализируются причины, побудившие кемалистов начать национальную войну не на западном фронте—против греков, а в Киликии—против французов. Проанализировав национальный состав населения Киликии, автор вскрывает шовинистическую, погромную политику кемалистов, в результате которой в Мараше, Хаджине, Урфе, Айнтабе, Зейтуне было убито более 20 тысяч армян. Попытки отдельных туркологов умолчать об этих событиях или представить их в виде эпизода национально-освободительной борьбы лишены каких бы то ни было оснований. Разбой в Киликии выявил преимущество национальной политики младотурок и кемалистов, показал, что последние в новых условиях продолжают линию своих предшественников.

Большое внимание уделяется вопросам турецкой историографии.

Разоблачению турецких фальсификаторов истории был посвящен доклад акад. М. Г. Нерсисяна, прочитанный на объединенной сессии Академии наук СССР и Академий наук закавказских республик по общественным наукам в Баку в апреле 1954 г.³⁰ Турецкие фальсификаторы, отмечал М. Г. Нерсисян, уделяют немало времени вопросам этногенеза народов Закавказья. Особую активность проявляют бывший премьер-министр, профессор истории Шемседдин Гюналтай, бывший председатель партии Миллет проф. Хикмет Байюр, один из идеологов пантюркизма Зеки Велиди Тоган и др. В своих исторических «исследованиях» они объявляют турками все народы Кавказа. Хикмет Байюр в многотомном труде «История турецкой революции» пишет, что армянский народ принадлежит к «турецкой расе...», армяне, подобно альпийцам Европы, составляют одну из ветвей турецкой расы». Турецкие фальсификаторы объявляют турками все древнейшие народы Ближнего Востока и Закавказья. М. Г. Нерсисян отметил на сессии, что Шемседдин Гюналтай в работе «Ближний Восток» утверждает, будто хетты, субары, урартийцы и мидяне были турецкими племенами. Этим сногсшибательным «открытием» Гю-

налтай и его коллеги предрешают и вопрос этногенеза закавказских народов, ибо если хетты, субары, урартийцы и мидийцы, эти действительные предки народов Закавказья, являются турецкими племенами, то, следовательно, и грузинский, армянский и другие народы Закавказья также являются турецкими. М. Г. Нерсисян привел выдержку из газеты «Ван сеси», издаваемой в городе Ване, гласящую, что урартское государство было якобы турецким, а урарты были истинными турками. Далее докладчик разоблачил турецких фальсификаторов, заявляющих, будто турки создали китайскую, египетскую, древнегреческую, древнеперсидскую, европейскую и другие культуры. Почти все древние народы, согласно «Тариху», являются турецкими. В докладе М. Г. Нерсисяна говорилось и об идеализации турецкими фальсификаторами кровавого султанского господства над покоренными народами, якобы принесшего им «мир, счастье, и свободу».

Этой же проблеме посвящены и другие работы. В книге Е. К. Саркисяна и Р. Г. Саакяна «Фальсификация истории армянского народа нового времени в турецкой историографии», Ереван, 1963 (на арм. яз.³¹; в 1965 г. издана на английском языке в США)³² на основе критического анализа работ турецких авторов, опубликованных в Турции, а также в США, Англии, Франции и ФРГ, разоблачена тенденциозность турецких авторов в освещении истории армянского народа, подвергнуто критике пантюркистское направление в турецкой историографии, оправдывающее политику угнетения и порабощения народов. В работе показано, что буржуазная турецкая историография руководствуется махрово-шовинистической, пантюркистской концепцией, разработанной основателями «Общества турецкой истории» (Türk tarih kurumu). Реакционные турецкие историки в духе тюркизма (Türkçülük) издали множество работ, фальсифицирующих не только историю Турции, но и всемирную историю. В интерпретации турецких историков Шемсетдина Гюналтая, Хикмета Байюра, Узунчарчыла, Энвера Зия Карала, Зия Кара Мурсала, Сюгала Энвера, Данишменда Исмаила Гами, Эмина Октая, Эсада Ураса и др. история Турции начинается не в XII в., как это было в действительности, а с незапамятных времен. Делается это для того, чтобы показать, будто турецкий народ—древнейший народ в мире, будто с него и начинается мировая цивилизация. С точки зрения турецких ученых, история всех известных тюрко-татарских народов должна войти в турецкую историю как составная ее часть. Фальсифицируя многовековую историю армянского народа и его борьбы с турецкими угнетателями, реакционные турецкие историки утверждают, что армяне якобы никогда не имели своей страны и государственности, а сведения о геноциде имеют мифический характер.

В работе разоблачается сфабрикованная турецкими историками статистика, показывающая численность армян в армянских вилайетах, и лживые утверждения, будто, начиная со времен султана Мехмеда II Завоевателя, армяне жили в Турции в наилучших социально-экономических условиях, имели широкие права, пользовались многими привилегиями и были преданы турецкому правительству. Цель этой фальсификации — показать, что до второй половины XIX в. армяне не боролись за свое освобождение, а следовательно, не было и армянского вопроса. Турецкие фальсификаторы отрицают резню 90-х гг. XIX в., унесшую жизнь 300 тысяч армян, и геноцид 1915—1916 гг., приведший к тому, что в Западной Армении не осталось ксренного населения.

В книге Р. Г. Саакяна «Антинаучное освещение истории советско-турецких отношений в современной турецкой историографии», Ереван, 1964 (на арм. яз.) анализируются работы турецких историков, политических, государственных и военных деятелей, показано, что основные вопросы советско-турецких отношений освещаются в современной турецкой историографии тенденциозно, с антинаучных позиций. Турецкие фальсификаторы утверждают, будто в 1920—1922 гг. Советская Россия больше, чем Турция, нуждалась в установлении дружественных отношений, умаляют значение материальной и моральной помощи, которую оказывал советский народ Турции в критические дни ее национальной войны, затушевывают разницу между политикой царизма и политикой Советского государства.

В книге М. К. Зулаляна «Вопросы древней и средневековой истории Армении в освещении современной турецкой историографии» (Ереван, 1970 г.)³³ подвергаются критическому анализу извращения и фальсификация истории армянского народа. Вопросы арменоведения, пишет автор, занимают современных турецких историков преимущественно в одном аспекте — они игнорируют исторические факты и представляют их в кривом зеркале пантюркизма. Эсат Урас, Ф. Кырзыоглу, З. Тоган, С. Кочаш и др. стремятся приписать туркам особую роль в мировой истории. Особые усилия они прилагают, чтобы фальсифицировать историю народов, некогда находившихся под владычеством Османской империи, — румын, болгар, греков, арабов и др. Искажая общеизвестные исторические факты, турецкие историки утверждают, будто «каждая нация проявляла желание приписать себе эту землю — Восточную Анатолию. Армяне также претендуют считаться аборигенами большей части Восточной Анатолии, чтобы получить право на политическую историю и культуру этой страны, а при случае и право заявлять, что ими были основаны царства и что они длительное время являлись господствующим элементом в местностях, называемых Арменией». Зулалян приводит следующую выдержку

из книги Кырзыоглу: «Этот мой труд является ответом на ту политическую пропаганду, которую ведет с 1945 г. большевистская Россия. Целью этой пропаганды было отнять у нас Карс и Ардаган». «Книга,—продолжает Кырзыоглу,—направлена против тех армянских и грузинских ученых, которые настаивают на каких-то своих «исторических правах» в отношении этого края». Цель турецкого фальсификатора-пантюркиста—доказать, будто турки—aborигены Малой Азии и проживали здесь со времен палеолита. С помощью большого фактического материала М. К. Зулалян раскрывает полную несостоятельность «научных» утверждений реакционных турецких историков, следующих в фарватере пантюркистской идеологии.

В научно-исследовательских планах армянских туркологов определенное место занимает проблема национальных меньшинств в Турции. Назовем в этой связи монографию С. С. Аванесова «Положение национальных меньшинств в Турции», Ереван, 1963 г. Современные турецкие историки не пишут о положении национальных меньшинств в своей стране, совершенно очевидно стремясь предать забвению этот вопрос. В работе проанализирована политика правящих кругов Турции в отношении национальных меньшинств с 1920 г. до свержения реакционной клики Баяра-Мендереса. Исследуется курдская проблема, подробно описывается положение армянского населения и погром греков и армян в Стамбуле 6—7 сентября 1955 г.

В работе Е. К. Саркисяна «Положение трудящихся масс в современной Турции», Ереван, 1955 г.³⁴, показано положение трудящихся после прихода к власти кемалистов, дана оценка национальной войны 1919—1923 гг., раскрыта политика кемалистского правительства в курдском вопросе, освещено обнищание трудящихся масс в связи с усилением экспансии американского империализма в Турции после второй мировой войны и их борьба за свои права, проанализированы сущность этатизма, состояние промышленности, сельского хозяйства, финансов, торговли.

Проблемам внешнеэкономических связей Турции посвящена работа Р. П. Кондакчяна «Вторжение западногерманских монополий в Турцию», Ереван, 1963 (на арм. яз.)³⁵. Автор рассматривает торговые, экономические и технические связи ФРГ и Турции, идеологическую экспансию западногерманских реваншистов в Турции, роль иностранного капитала в экономике Турции, выявляет отрицательные последствия экспансии западногерманских монополий для торговли, экономики и финансов.

Определенное место в исследованиях наших туркологов занимают вопросы внутренней политики Турции. В работах Р. П. Кондакчяна «Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны», Ереван, 1978³⁶, «Внутренняя политика Турции в

1950—1960 гг.²⁷, на основе большого фактического материала, извлеченного из документов, монографий турецких и иностранных авторов и турецкой периодики, освещается экономическая политика турецких правящих классов, милитаризация формально «нейтральной» Турции и ее пагубные последствия на внутреннюю жизнь страны в годы войны, а также политика турецкого правительства в отношении национальных меньшинств. Поворот от носительской демократии к махровой реакции в годы войны автор показывает на примерах внутренней политики правящих кругов. Автор анализирует пропаганду идеологии пантюркизма и пантюркистское движение, идеологическое проникновение фашистской Германии в Турцию, пантюркистскую деятельность мусульманской белоэмиграции, приводит материалы о государственно-капиталистических мероприятиях в годы войны, указывает причины «этактизации» ряда промышленных предприятий, освещает особенности развития государственного капитализма в тесном взаимодействии с частным предпринимательством.

В другой работе Р. П. Кондакчян обращается к внутренней политике правительства Демократической партии и отмечает, что причиной краха этой партии была ее антинародная и антинациональная внутренняя и внешняя политика, превратившая Турцию в военнополитический плацдарм американского империализма на Ближнем Востоке. Этот процесс сопровождался перерождением части турецкой национальной буржуазии в реакционную силу, препятствовавшую прогрессивному развитию Турции.

Перу Р. П. Кондакчяна принадлежит также монография «Турция: внутренняя политика и ислам» (Ереван, 1983), в которой освещены место и роль ислама и мусульманского духовенства в общественно-политическом устройстве Османской империи, положение христианских национальных меньшинств, политика зарождавшейся националистической турецкой буржуазии в вопросах ислама и духовенства в период национальной войны против держав Антанты, а также после провозглашения республики.

Исследованы причины усиления влияния идеологии ислама и позиций духовенства во внутривнутриполитической жизни страны в послевоенные годы, злоупотребление влиянием последних в качестве средства политики религиозного антикоммунизма и в межпартийной борьбе.

В монографии рассмотрены также активизация деятельности различных орденов и сект, разжигание религиозного фанатизма.

Отдельно рассмотрен вопрос шиизма и шиитов в Турции, обострение религиозно-национальных противоречий между суннитами и шиитами.

Работа написана на богатейшем фактическом материале, с использованием специальной литературы на армянском, русском

и западноевропейских языках и турецкой печати. Она охватывает период до прихода к власти военно-политического руководства Турции в сентябре 1980 г.

Внешнеполитическим вопросам посвящена монография Р. С. Корхмазян «Турецко-германские отношения в годы второй мировой войны» (Ереван, 1977)³⁸, в которой освещены турецко-германские отношения в 1941—1943 гг. и в этой связи проанализированы захватнические планы Турции в отношении Кавказа, Крыма, пантюркистская пропаганда в Турции, противоречия в захватнических планах Турции и Германии на Кавказе, лавирование Турции между странами «оси» и союзниками по антигитлеровской коалиции. Автор устанавливает, что, вынашивая свои антисоветские планы, турецкое правительство всячески стремилось содействовать заключению сепаратного мира между западными державами и фашистской Германией и в зависимости от ситуации склонялось к сближению то с одной, то с другой страной, преследуя свои собственные цели.

Туркологи Советской Армении исследуют и другие проблемы. В монографии Р. С. Даниелян—Просвещение в Турции в 1923—1960 гг., Ереван, 1971 г. на основе турецких, западноевропейских и армянских источников рассмотрено состояние просвещения в республиканской Турции в связи с общественно-политическим развитием страны, показана классовая, антинародная сущность политики турецкой буржуазии в области просвещения и преемственность в ее проведении у сменявших друг друга буржуазно-помещичьих правительств.

Особое внимание армянские туркологи уделяют изучению турецких источников. Изданы «Турецкие источники об Армении, армянах и других народах Закавказья» в четырех томах³⁹, составленных крупным туркологом А. Х. Сафрастяном. В эти сборники включены материалы, извлеченные ученым из трудов турецких хронистов, летописцев султанского двора, путешественников, историков XVI—первого десятилетия XX вв. Приведенные в сборниках источники содержат ценный материал, разоблачающий пантюркистскую фальсификацию истории Турции и Армении в работах современных турецких исследователей. В отличие от последних, которые не признают исторической Армении, средневековые турецкие историки и в их числе Кятиб Челеби, Джебдет-паша и др. употребляют названия Великая Армения (Büyük Armenya) и Малая Армения (Küçük Armenya). Автор XVIII в. Джебдет-паша писал: «До начала XIII в. Армения состояла из Великой Армении и Малой Армении. Сельджукские султаны захватывают Армению, уничтожают правителей и превращают их в раба. Позже Армению завоевывает Османское государство».

Приведенные средневековыми турецкими летописцами факты

опровергают ложные утверждения современных турецких историков, будто в Османской империи немусульмане всегда были «равноправны» с мусульманами и «пользовались полной свободой». Несостоятельность этих утверждений опровергает летописец XVIII в. Васыф, который в работе «Тарихи-Васыф» писал: «Проживающие в Стамбуле армяне, греки и евреи своей одеждой нарушали порядок». В связи с этим армянскому и греческому патриархам, а также главе еврейского духовенства сообщили падишахский ферман «о приведении в порядок одежды» и предупредили, что «нарушители будут строго наказаны». А Джевдет-паша, касаясь в своем многотомном труде событий 1818 г. в Ване и Диарбекире, приводит характерные факты, показывающие грязные, корыстные цели высокопоставленных должностных лиц в отношении коренного населения Западной Армении. Так, начальник крепости Вана Дервиш-паша подстрекал курдские племена разграбить местность Буланик в районе Муша; мутасарыф Муша, подстрекавший курдов разграбить волость Адильджеваз Ванского вилайета, был одним из тех, о ком Джевдет говорит: «Должностные лица превращают в развалины падишахскую страну».

В этих фактах, отмечает А. Х. Сафрастян, кроется начало тех провокаций против армянского народа, которые в XIX в. были возведены в ранг государственной политики, имевшей целью использовать курдов в «разрешении» армянского вопроса.

Для наших туркологов и историков Западной Армении важным источником являются «Османские законы в Западной Армении (свод законов XVI—XVII вв.)». Перевод, предисловие и комментарии А. Х. Сафрастяна и М. К. Зулаляна (Ереван, 1964, на арм. яз.). Среди этих законов есть два документа, относящихся к истории Азербайджана и Грузии. Приводимые в сборнике документы четко обрисовывают формы землевладений в армянских вилайетах, турецкую налоговую систему и содержат факты прикрепления крестьян к земле.

Важным источником по истории Армении являются труды известного турецкого географа и историка XVII в. Кятиба Челаби. Двум из них—«Джихан-нума» и «Фезлеке»—посвящена работа А. А. Папазяна, изданная в 1973 г. в Ереване на русском языке⁴⁰. Из обширного творческого наследия Кятиба Челеби данные об Армении содержатся главным образом именно в них. Более половины книги занимает перевод соответствующих глав «Джихан-нума» и «Фезлеке» с комментариями. Текст памятника введен предисловием, содержащим подробный анализ и историю изучения. Историческую ценность представляют сведения о ходе военных действий, о политике османов в восточных землях Малой Азии и об отношении турок к народам, населявшим эти земли.

Отдел туркологии Института востоковедения АН Армянской

СССР издал два турецких сборника из серии «Страны и народы Ближнего и Среднего Востока» (т. V в 1970 г., т. X—в 1979 г.). Помещенные в сборниках статьи посвящены актуальным вопросам новой и новейшей истории Османской империи и республиканской Турции, а также проблемам экономики и языкознания. Отличительной особенностью туркологических сборников является актуальность исследованных проблем. Немало места уделено выявлению основных направлений идеологии и политики национализма в Турции. Значительное место уделено важным проблемам истории Западной Армении. В сборниках нашла отражение и историографическая тематика, в частности «Очерки армянской туркологии». Рассмотрены вопросы национально-освободительного движения курдского народа, а также армяно-курдских отношений.

Ереванский госуниверситет совместно с институтом востоковедения АН Армении издали в 1982 г. сборник научных трудов «Вопросы востоковедения» (вып. 1—2).

Туркологические кадры республики сосредоточены в основном в Институте востоковедения АН республики и на факультете востоковедения Ереванского госуниверситета. По своей научной подготовке они в состоянии и в дальнейшем вести плодотворную исследовательскую работу на высоком научном уровне, отвечающем современным требованиям востоковедческой науки.

Таким образом, советские армянские туркологи и специалисты по истории Западной Армении опубликовали монографические исследования по важнейшим, актуальным проблемам истории Турции. Содержащиеся ценные данные по истории Османской империи и республиканской Турции становятся достоянием туркологов нашей страны.

Ե. Ղ. ՍԱՐԴՍՅԱՆ

ՍՈՎԵՏԱՀԱՅ ԹՈՒՐԲՍԿԻՏՈՒԹՅԱՆ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԻՑ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հայ Թուրքագիտությունը նոր թափ է ստանում Հայաստանում սովետական կարգերի հաղթանակից հետո. նախ՝ Երևանի նորաստեղծ պետական համալսարանում, այնուհետև՝ Հայաստանի գիտությունների ակադեմիայի պատմության ինստիտուտում, իսկ 1958 թ. հետո ԳԱ Արևելագիտության սեկտորում: Թուրքագիտության զարգացման համար նոր խթան հանդիսացավ 1971 թ. արևելագիտության սեկտորի բազայի

վրա ստեղծված Արևելագիտության ինստիտուտը՝ իր կարևոր թուրքագիտության բաժնով:

Սովետահայ թուրքագետների հրատարակած աշխատությունները նվիրված են ինչպես Օսմանյան կայսրության միջնադարի և նոր շրջանի պատմության, այնպես էլ հանրապետական թուրքիայի կարևոր խնդիրների լուսարանմանը: Հոգվածում թվարկված աշխատությունները ցույց են տալիս, որ սովետահայ թուրքագետների ուսումնասիրության տեսադաշտում են հատկապես այն պրոբլեմները, որոնք հետազոտության շնորհիվ արժանացել Սովետական Միության թուրքագիտական մյուս կենտրոնների կողմից: Մեր թուրքագետների կողմից առաջ քաշված մի շարք տեսակետներ ընդունելություն են գտել ՍՍՀՄ ԳԱ Արևելագիտության ինստիտուտի հրատարակած աշխատություններում:

Սովետահայ թուրքագետների ուսումնասիրություններում մի շարք բարդ և խճճված հարցեր, հակառակ թուրքագիտական գրականության մեջ տեղ գտած չհիմնավորված տեսակետների, ստացել են նոր, գիտականորեն ճիշտ լուսարանում: Հատուկ ուշադրություն է դարձվում թուրքական պատմագրության հարցերին, պատմագրություն, որը կեղծում ու նենգափոխում է ինչպես համաշխարհային պատմությունը, այնպես էլ թուրք-ուսական, հայ-թուրքական, սովետա-թուրքական հարաբերությունների պատմությունը: Հայ թուրքագետների պլաններում առանձնակի տեղ են գրավում թուրքական սկզբնաղբյուրները գիտական շրջանառության մեջ դնելը: Հրատարակվել են «Թուրքական աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին» մատենաշարի 4 հատորներ: Հրապարակի վրա է նաև օսմանյան օրենքների ժողովածուն, որտեղ մեկնաբանվում են Արևմտյան Հայաստանում կիրառվող օրենքները և տիրող սոցիալ-տնտեսական ու քաղաքական հարաբերությունները:

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Лео, Из прошлого, Тифлис, 1925 (на арм. яз.); его же, Идеология революции турецких армян, т. I, Париж, 1934; т. II, 1935 (на арм. яз.); его же, История Армении, т. III, кн. I, Ереван, 1969 (на арм. яз.).
- 2 Лео, т. III, с. 176.
- 3 Б. А. Борьян, Армения, международная дипломатия и СССР, ч. I, М.-Л., 1928, с. 363.
- 4 Там же, с. 365.
- 5 Там же, с. 428—429.
- 6 А. Г. Иоаннисян, Налбандян и его время, т. I, Ереван, 1955; т. II, 1956 (на арм. яз.).

- 7 Там же, т. I, с. 356.
- 8 См. рец.: *Е. К. Саркисян, В. Меликсетян*, Труд по истории национально-освободительной борьбы армянского народа.—«Вопросы истории», 1955, № 11; «Партизкан кянк», журн. ЦК КП Армении, 1955, № 10 (на арм. яз.).
- 9 *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. IX, с. 393.
- 10 *Р. П. Оганесян*, Национально-освободительное движение западных армян и Каринская организация «Паштпан Айреняц», Ереван, 1965 (на арм. яз.).
- 11 См. рец.: *А. Ноаннисян, А. С. Анасян*, Освободительные движения в Западной Армении в XVII в.—«Историко-филологический журнал». (ИФЖ), 1963, № 1 (на арм. яз.).
- 12 См. рец.: *Е. К. Саркисян*, Весомый труд.—«Гракан терт», 23. VII—81, (на арм. яз.); *В. Мартиросян и А. Утуджян, М. К. Зуляян*, Западная Армения в XVI—XVII вв.—«Вестник обществ. наук» АН АрмССР, № 7, 1981 (на арм. яз.); *А. Асмарян*, Ценная монография.—«Гркерн ашхар», 15.V.1981, (на арм. яз.); *В. А. Парсамян*, Ценная работа.—«Айреники дзайн», 25.IV.1981 г.).
- 13 См. рец.: *Е. К. Саркисян*, Монография о Западной Армении.—«Вестник архивов Армении», 1968, № 1; *Варданян*, Ценное исследование.—газ. «Советакан Айастан», 17.XI.1967 (на арм. яз.); *Дж. Киракосян*, Ценное исследование.—«Советакан граканутюн», № 4, 1968 (на арм. яз.).
- 14 См. рец.: *Е. К. Саркисян*, Серьезная, весомая работа.—«Гракан терт», 3.VII.1981, (на арм. яз.).
- 15 См. рец.: *А. Казарян*, Ценная монография.—«Ленинян угиов», теорет. и полит. журн. ЦК КП Армении, № 6, 1959 (на арм. яз.).
- 16 См. рец.: *Е. К. Саркисян, А. С. Амбарян*, Аграрные отношения в Западной Армении.—ИФЖ, № 3, 1965 (на арм. яз.).
- 17 *Р. П. Кондакчян*, Новое исследование о Западной Армении.—«Вестник архивов Армении», № 2, 1981 (на арм. яз.).
- 18 См. рец.: *L. Sandanova Е. К. Саркисян*, Политика османского правительства в Западной Армении и державы..., — „Etudes balkaniques“, № 1, 1974, Akademie Bulgare de science; *Дж. Киракосян*, Удачные публикации.—«Ленинян угиов», № 6, 1979; *Р. Погосян*, Новая ценная монография.—«Голос родины», 23.V.1973 (на арм. яз.); *В. Парсамян*, Новый вклад в советское востоковедение.—«Мир книг», 15.6.1973; *Г. Б. Гарибджанян*, Ценные работы по Западной Армении (журн. «Советакан граканутюн», № 4, 1974).
- 19 *В. А. Байбуртян, О. Г. Инджикян*, Буржуазия Османской империи, Ереван, 1977.—«Известия обществ. наук» АН АрмССР, № 6, 1977 (на арм. яз.); *Н. Симонян, Р. Кондакчян*, Народы Азии и Африки, № 2, 1978; *Р. С. Корхмазян, О. Г. Инджикян*, Буржуазия Османской империи, Ереван, 1977.—ИФЖ. № 2, 1979; *Н. Тодоров*, Библиографические заметки.—«Etudes balkaniques», № 3, 1977; *Р. Кондакчян, О. Г. Инджикян*, Буржуазия Османской империи. «Советакан Айастан, 5, VIII, 1977 (на арм. яз.).
- 20 См. рец.: *Р. Кондакчян*, Ценная монография.—газ. «Коммунист», 13.VII—1979; *Ш. Татуриян*, Ценная работа.—«Айреники дзайн», 21.II.1979); *В. Байбуртян, Дж. Киракосян*, Буржуазная дипломатия и Армения.—«Известия обществ. наук» АН АрмССР, № 2, 1979.

21. В. Геворкян, Д. Киракосян, Буржуазия дипломатия и Армения.—«Народы Азии и Африки», № 4, 1981.
- 22 Р. Кондакян, Фундаментальное исследование.—газ. «Коммунист», 23.VIII—1980; С. Ханзадян, Уроки истории.—«График терт», 27.VI, 1981.
- 23 М. Г. Геворкян, Армения в документах и международной дипломатии и советской внешней политики.—«Новая и новейшая история», № 1, 1974.
- 24 См. рец.: Г. Б. Гарибджанян, Ценное научное исследование.—«Известия обществ. наук» АН АрмССР, № 3, 1963; Дж. Киракосян, Важное исследование («Ленинյан угиов», № 2, 1963; Н. Гегамян (М. Г. Нерсисян), Е. К. Саркисян, Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны.—ИФЖ, № 2, 1963; О. Г. Инджикян, Главное достоинство—научность.—газ. «Коммунист», 23.3.1963; С. Вартамян, Ценная монография.—газ. «Советакан Врстан», 21.5.1963; В. Меликсетян, Книга разоблачает.—газ. «Советакан Айастан», 9.4.1963; эта же рец. перепечатана в газ. «Арадж», Бейрут, 2.VI.1933.
- 25 См. рец.: Е. К. Саркисян, Ценное исследование.—«Известия обществ. наук» АН АрмССР, № 7, 1965; В. Казанчян Историческая судьба западных армян в свете новых научных исследований.—«Вестник архивов Армении», 1965, № 2; эта же книга вышла на русском языке в 1971 г. См. рец.: Р. Г. Саакян, А. Арутюнов.—«Народы Азии и Африки», № 2, 1975.
- 26 А. Н. Мнацаканян, Трагедия армянского народа в оценке русской и мировой общественной мысли, Ереван, 1965 (на арм. яз.); В. А. Парсамян, История армянского народа (1901—1917), Ереван, 1967 (на арм. яз.); А. А. Есаян, «Армянский вопрос» и международная дипломатия, Ереван, 1965 (на арм. яз.); М. В. Арзуманян, Армения в 1914—1917, Ереван, 1969 (на арм. яз.); его же, От бедствия к возрождению, Ереван, 1973, (на арм. яз.); А. М. Погосян, История Зейтуна, 1409—1921, Ереван, 1969 (на арм. яз.); А. О. Арутюнян, Кавказский фронт, 1914—1917 гг., Ереван, 1971; С. М. Акопян, Западная Армения в планах империалистических держав, Ереван, 1967; А. Г. Туришян, Героическое сражение под Сардарапато, Ереван, 1969 (на арм. яз.); С. Степанян, Армения в политике империалистической Германии, Ереван, 1975; Х. А. Бадалян, Турецко-германская экспансия в Закавказье, 1914—1918, Ереван, 1980; его же, Из истории иностранной интервенции в Армении в 1918 г. (документы и материалы), Ереван, 1979.
- 27 См. рец.: Р. Саакян, Интересное исследование.—газ. «Коммунист», 14.5.1958.
- 28 Г. Б. Гарибджанян, Ленин в Закавказье, т. III (1917—1924), Ереван, 1975 (на арм. яз.); Г. А. Галоян, Борьба за советскую власть в Армении, М., 1957; его же, Социалистическая революция в Закавказье в освещении буржуазной историографии, М. 1960; М. В. Арзуманян, От бедствия к возрождению, Ереван, 1973, (на арм. яз.); Л. А. Хуришудян, Советская Россия и армянский вопрос, Ереван, 1977 (на арм. яз.).
- 29 См. рец.: Дж. Киракосян, Фактами истории.—«Ленинյан угиов», № 10, 1971; Р. Кондакян.—«Айреники дзайн», 25.5. 1971.
- 30 М. Г. Нерсисян, Фальсификация истории народов Закавказья в современной

американо-английской и турецкой реакционной историографии.—«Труды объедин. научн. сессии по обществ. наукам, Баку, 1957.

- 31 См. рец.: *С. Багдасарян*, Ценная работа.—«Известия обществ. наук» АН АрмССР, № 7, 1963 (на арм. яз.); *его же*, Турецкие историки восхваляют пантюркизм.—«Гракан терт», 12.VII.1963 (на арм. яз.); *В. Меликсетян*, Фальсификаторы истории.—«Ереван», 13. VII.1963, (на арм. яз.); *Г. Тертерян*, Когда турки фальсифицируют историю.—«Ярадж гракан» Бейрут, IX.1963 (на арм. яз.); Фальсификация новой истории армянского народа в турецкой историографии—ред. статья «Зартонк», Бейрут, 6.10.1933, (на арм. яз.); *Ваник*, Турецкие фальсификаторы истории армянского народа.—«Арабат», 11.X.1963, Бейрут (на арм. яз.); См. также: газ. Ашхар, Париж, № 165, 166, 1963, (на арм. яз.).
E. K. Sarkisian, R. G. Sahokian, Vital Issues in Modern Armenian History, Watertown, 1965. См. рец. *Ives Ternon*, Les Arméniens, Histoire d'un genocide, Paris, 1977, p. 222.
- 33 См. рец.: газ. «Севан» Буэнос-Айрес, 18.IX.1964.
- 34 См. рец.: *В. Авакян*, Книга о положении трудящихся масс в Турции.—«Гракан терт», 16.IX.1955; *Р. Кондакчян*, Положение трудящихся масс в современной Турции.—газ. «Коммунист», 28.8.1955.
- 35 См. рец.: *А. С. Авакян*,—«Народы Азии и Африки», № 3, 1964.
- 36 См. рец.: *Ю. Н. Розалиев, Р. Кондакчян*, Внутренняя политика Турции в годы второй мировой войны.—«Народы Азии и Африки», № 5, 1979; *М. Ованнисян*, рец. на кн. Кондакчяна.—«Вестник ЕГУ», № 3, 1978; *Дж. Киракосян*, Удачные публикации.—«Ленинские уголки», № 6, 1979.
- 37 См. «Страны и народы Ближнего Востока», т. V, Ереван, 1970, с. 5—140, (на рус. яз.).
- 38 См. рец.: *Дж. Киракосян*, Научные публикации.—«Ленинские уголки», № 6, 1979.
- 39 «Турецкие источники об Армении, армянах и других народах Закавказья: Ереван, т. I, 1961; т. II, 1964; т. III, 1967; т. IV, 1972. Приведенные в четырех томах тексты переведены с турецких оригиналов А. Х. Сафрастяном—с предисловием, комментариями, терминологическим словарем. Часть переводов четвертого тома сделал Г. О. Сантурджян.
- 40 См. рец.: *Г. Г. Аласания, А. А. Палпзян*, «Джихан-нума» и «Фезлеке» Кятиба Челеби как источник по истории Армении («Известия» АН ГССР, сер. истории, археологии, этнографии и искусства. Тбилиси, № 3, 1975); *Р. Кондакчян*, «Джихан-нума» и «Фезлеке» Кятиба Челеби как источник по истории Армении XVII в.—«Айреники дзайн», 13.3.1975.

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

Հոդվածներ

Ի. Գ. Սահակյան — Ֆրանսիան և Թուրքիան Հոլանդում (գիվանագիտական պատմության շուրջ)	5
Ի. Ս. Դանիելյան — Կրոնի տեղը Թուրքիայի կառավարող շրջանների քաղաքականությունում լուսավորության բնագավառում (1923—1965 թթ.)	24
Մ. Տ. Բադալյան — Թանգիմայան բարեփոխությունների լուսարանումը Թուրքական պատմագրության մեջ	39

Հաղորդումներ

Հ. Հ. Կալստյան — Արևմտյան Հայաստանի բնակչության ազգային կազմը ըստ Վիտայի թիվների վիճակագրության	53
Ա. Հ. Փափազյան — Թուրքական պետական ու քաղաքական գործիչները արևմտահայության մասին	80
Մ. Թուղլայան (Ստամբուլ) — Հայկական տպագրությունը Օսմանյան կայսրությունում և հայերու նպաստը Թուրքական տպագրական արվեստին	98
Հերման Գոլց (ԿԴՀ), Հ. Ս. Կորխմազյան — Դոկտոր Իոհաննես Լեփսիուս: Կյանքի էջերից	116
Խ. Պ. Ամիրյան — Հայերենից փոխառյալ բառերը Թուրքերենում	143

Մենագրական ուսումնասիրություններ

Ս. Վ. Գեղամյան — Թուրքիայի ազգային բուրժուազիան երկրի տնտեսական և սոցիալ-քաղաքական կյանքում (1945—1950 թթ.)	165
---	-----

Հայ բուրգադիտության պատմությունից

Ե. Ղ. Սարգսյան — Սովետահայ Թուրքագիտության պատմությունից	248
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Р. Г. Саакян—Франция и Турция в Лозанне (к дипломатической истории)	5
Р. С. Даниелян—Место религии в политике правящих кругов Турции в области просвещения (1923—1965 гг.)	24
М. Т. Боджоян—Реформы танзимата в освещении турецкой историографии	39

Сообщения

А. А. Галстян—Национальный состав населения Западной Армении по статистике В. Кинэ	59
А. А. Папазян—Турецкие государственные и политические деятели о западных армянах	
М. Тугладжян (Стамбул)—Армянское книгопечатание в Османской империи и вклад армян в развитие турецкой печати	98
Герман Гольц (ГДР), Р. С. Кормазян—Доктор Иоганнес Лепсиус. Страницы жизни	116
Х. П. Амирян—Армянские заимствования в современном турецком языке	143

Монографическое исследование

С. В. Гегамян—Национальная буржуазия Турции в экономической и социально-политической жизни страны (1945—1950 гг.)	165
---	-----

Из истории армянской туркологии

Е. К. Саркисян—Из истории туркологии в Советской Армении.	248
---	-----

ՄԵՐՁԱՎՈՐ ԵՎ ՄԻՋԻՆ ԱՐԵՎԵԼՔԻ ԵՐԿՐՆԵՐ ՈՒ ԺՈՂՈՎՈՒՐԴՆԵՐ

XII, ԹՈՒՐՔԻԱ

Հրատ. խմբագիրներ Ռ. Ա. ԲԱՂԴԱՍԱՐՅԱՆ, Ա. Հ. ԳԵՎՈՐԳՅԱՆ
Գեղ. խմբագիր Գ. Ն. ԳՈՐԾԱԿԱՅԱՆ
Տեխ. խմբագիր Հ. Մ. ՄԱՆՈՒՉԱՐՅԱՆ
Սրբագրիչներ Ա. Ա. ՄՈՎՍԻՍՅԱՆ, Է. Գ. ՎԱՍԻԼՅԱՆ

ИБ № 766

Հանձնված է շարվածքի 25.06.1984թ.: Ստորագրված է տպագր. 22.04.1985թ.: ՎՅ 05190
Զափը 60×84 1/0 Թուղթ № 1: Տառատեսակ «Գրքի ուժորական» բարձր տպագրություն:
Պայմ. 16.05 մամ., տպագր. 17,25 մամուլ: Ներկ. մամուլ 16,05: Հրատ.-հաշվարկ 17,16
մամուլ: Տպաքանակ 2000: Հրատ. № 6197: Պատվեր № 524: Գինը 2 ռ. 95 կոպ.:

ՀՍՍՀ ԳԱ հրատարակչություն, 375019, Երևան, Մարշալ Բաղրամյան պող. 24 գ.
Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24г.

ՀՍՍՀ ԳԱ հրատարակչության տպարան, 378310, ք. Էջմիածին,

Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эчмиадзин.

ՆԿԱՏՎԱԾ ՎՐԻՊԱԿ

114-րդ լշի ներքնից 18-րդ տողը կարգաւ որպէս առաջին տող:

